БОРИС ГОДУНОВ

Вячеслав Козляков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…И мальчики кровавые в глазах…» Большинству из нас царь Борис Федорович Годунов (1552–1605) и ныне представляется таким, каким изобразил его в своей бессмертной трагедии А. С. Пушкин. Впервые в русской истории достигший высшей власти не в силу происхождения, не по праву принадлежности к правящей династии, но благодаря своему уму, способностям и умению управлять страной, Годунов много сделал для блага Отечества — но в памяти поколений все равно остался жестоким убийцей несчастного царевича Дмитрия, последнего отпрыска династии Рюриковичей. Тень невинно убиенного царевича преследовала его всю жизнь и в конечном итоге стала причиной краха всех его начинаний и гибели его собственной семьи. Но был ли он причастен к тем преступлениям, в которых его обвиняют? Чего больше было в его царствовании — гения или злодейства? И насколько уживаются эти качества в одном человеке? Обо всем этом, а также об истории России на рубеже XVI–XVII веков, в самый канун Великой Смуты, едва не погубившей Российское государство, рассуждает в своей новой книге известный историк, постоянный автор серии «Жизнь замечательных людей» Вячеслав Николаевич Козляков.

- В. Н. Козляков
  - Предисловие
  - Часть первая
    - Глава 1
      - «Вчерашний раб…»
      - Годуновы и опричнина
      - Любимец Грозного царя
    - Глава 2
      - Собирание власти
      - Строитель земного царства
      - Учреждение патриаршества
    - Глава 3
      -
      - Немецкий поход
      - Угличская драма
      - Победа над крымцами
    - Глава 4
      -
      - Дела посольские
      - Спор о крепостном праве

        - Разряд и Казна
    - Часть вторая
        - Глава 5
            -
            - Собор 1598 года
            - Серпуховский поход
            - Замысел о царстве
        - Глава 6
            -
            - Дело Романовых
            - «Меженина»
            - Налоги и продажи
        - Глава 7
            -
            - Нарушенный мир
            - Кавказский «соблазн»
            - Последние годы царя Бориса
    - Эпилог
    - Основные даты жизни и деятельности Бориса Федоровича Годунова
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198

- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242

- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286

- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330

- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374

- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418

- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462

- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506

- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550

- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594

- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638

- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682

- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704
- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726

- 727
- 728
- 729
- 730
- 731
- 732
- 733
- 734
- 735
- 736
- 737
- 738
- 739
- 740
- 741
- 742
- 743
- 744

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15

В. Н. Козляков
Борис Годунов. Трагедия о добром царе

Предисловие

Борис Годунов — живой герой русской истории. На протяжении нескольких столетий драма одного из рядовых смертных, достигшего царского трона, продолжает вызывать непреходящий интерес. Как у современников, так и у потомков Годунов не вызывает сочувствия; скорее наоборот, все с осуждением говорят о властолюбии царя Бориса. Кто же не знает, что Борис Годунов убил несчастного царевича Дмитрия, последнего отпрыска династии Рюриковичей! Но справедливо ли такое однозначное восприятие годуновской истории? Не торопимся ли мы, не слишком ли доверяем слухам и досужим разговорам, которые всегда сопровождают властей предержащих? На нас влияют гениальные трактовки А. С. Пушкина и М. П. Мусоргского, через которые мы раньше всего знакомимся с этой старой исторической драмой. «Мальчики кровавые в глазах» всегда будут убедительнее любого источниковедческого анализа Следственного дела о смерти царевича Дмитрия. Но всегда ли те, кто осуждает Бориса Годунова, задумываются о справедливости своих упреков? Погружаясь в эпоху, предшествовавшую Смутному времени, историки неизбежно сталкиваются с очевидным величием дел, связанных с именем этого правителя: начало освоения Сибири, учреждение патриаршества, успешное отражение войска крымского хана, подходившего к Москве в 1591 году, строительство городов, монастырей и храмов и даже бросок на Кавказ. Огромное разнообразие событий годуновского правления плохо согласуется с прямолинейными обвинениями в убийствах и казнях. Хотя никуда не деться и от другого — потрясения Смуты все-таки стали следствием деяний сначала Ивана Грозного, а потом и его продолжателя — Бориса Годунова.

Современники, даже те, кто прямо осуждал «рабоцаря», как дьяк Иван Тимофеев — автор «Временника», вынуждены были сохранять беспристрастие и упоминать о заслугах Годунова. Вчитываясь в иной рассказ о царствовании Бориса Федоровича, можно подумать, что он написан льстецом Годунова, а вовсе не его обвинителем: «В начале своей жизни он во всем был добродетелен. Во-первых, он делал добрые дела прежде всего для Бога, а не для людей: усердный ревнитель о всяком благочестии, он был прилежным охранителем старинных церковных порядков; был щедрым помощником нуждающимся, кротко и внимательно выслушивал всевозможные просьбы народа о всяких вещах; он был приятен в своих ответах всем, жалующимся на обидящих, и быстро мстил за обидимых и вдов; он много заботился об

управлении страной, имел бескорыстную любовь к правосудию, нелицемерно искоренял всякую неправду, даже чрез меру заботился о постройке в городах разных зданий для наполнения царства и снабжения их приличными украшениями… он был крепким защитником тех, кого обижали сильные, вообще об утверждении всей земли он заботился без меры, пока не был захвачен властолюбием»[1].

Простая идея «порчи» в связи с постоянным стремлением к власти царя Бориса вполне удовлетворяла тех, кто жил во времена Смуты. Но для нас такого объяснения недостаточно. Более того, значение Годунова в русской истории остается недооцененным! Царь Борис Федорович не случайно взошел на трон; сначала он был выбран и возвышен самим Иваном Грозным, затем выстоял в многолетней придворной борьбе с первыми аристократами Московского царства и родственниками Ивана IV — князьями Мстиславскими, Воротынскими, Шуйскими, боярами Романовыми. При этом Борис Годунов сумел от «грозы» предшествующего царствования обратиться к устроению «земли» и порядка в ней. Как ему удалось не растратиться в придворных интригах, а стать еще и созидателем? «Несомненно, страшная школа Грозного, которую прошел Годунов, положила на него неизгладимый печальный отпечаток», — писал Василий Осипович Ключевский[2]. Однако никто еще не выяснил, в какой мере Годунов — лучший ученик школы Ивана Грозного — следовал по стопам своего учителя, а где и по какой причине он изменил конструкцию предшествующего царствования, благодаря которой только и попал в верхи правящей элиты. Каким царем был Борис Годунов для своих подданных — добрым или злым, казнящим или милующим? Не пожалели ли подданные Московского царства, что в итоге поддались на призыв самозваного царевича Дмитрия и нарушили клятвы верности годуновской династии?

Историки слишком долго довольствовались тем, что говорили о Борисе Годунове современные летописи. Между тем шанса оправдаться ни Годунову, ни его преемникам предоставлено не было. Со смертью царя Бориса Федоровича начался стремительный упадок рода Годуновых. По приказу Лжедмитрия I были убиты вдова царица Мария Григорьевна и сын царевич Федор Борисович. Свергнув самозванца, новый царь Василий Шуйский первым делом своего царствования посчитал перенесение мощей царевича Дмитрия и его прославление как святого. Бориса Годунова прямо называли убийцей царевича, вопреки тому, что некогда утверждал сам Василий Шуйский, возглавлявший следственную комиссию в Угличе в 1591 году. Выбор в 1613 году на престол одного из Романовых, некогда

ближайших свойственников и друзей, а потом заклятых врагов Годуновых, довершил начатое ранее ниспровержение царя Бориса. Романовы тоже выводили родословие своей власти от Ивана Грозного и его сына царя Федора Ивановича. Их исторический спор с Годуновым продолжился даже после избрания на трон Михаила Романова. В первые десятилетия XVII века сформировались устойчивые представления о временах, предшествующих Смуте. В сказаниях и летописцах Годунова обвиняли во всех реальных или вымышленных грехах, и тем сильнее, чем меньше могли упомянуть о грехах других правителей — Романовых. Словом, царь Борис — персонифицированное зло Смуты. Но при этом нельзя забывать, что ее основные события начались как раз после его смерти. То, в чем больше всего подозревают Бориса Годунова, — тайное или явное преследование и убийство своих врагов, — увы, не было (и не могло быть) исключительным свойством его натуры. Прежде чем обвинять, надо хотя бы вспомнить, что произошло с Годуновыми после устранения их от власти.

В самых первых официальных трактовках Смутного времени в «Утвержденной грамоте» об избрании царя Михаила Федоровича в 1613 году о царствовании Бориса Годунова отзывались с большим пиететом: «…и правяше скифетр великого Росийскаго царствия семь лет во всем благочестиво и бодроопасно»[3]. В тот момент важнее было подчеркнуть, что Романовы и Годуновы вместе оказались у трона после смерти Ивана Грозного. Даже призыв молодого Михаила Романова на царство, как известно, происходил в Костромском Ипатьевском монастыре, многими узами связанном с Годуновыми, где в родовой усыпальнице покоились их «отеческие гробы». Тем самым утверждалась определенная преемственность царствования Михаила Федоровича с правлением прежних царей, Федора Ивановича и Бориса Федоровича. Но прекраснодушное представление об общем прошлом Романовых и Годуновых (именно в таком порядке) существовало недолго. Вряд ли с подобной картиной мог согласиться царский отец — патриарх Филарет, сменивший некогда по воле Бориса Годунова свой богатый боярский кафтан на монашеский клобук. Даже не отзвуки, а раскаты старых обид станут хорошо заметны с возвращением патриарха из польско-литовского плена. В 1620-е годы, когда будет составляться «Новый летописец» (возможно, при участии патриарха Филарета), с памятью о покойном правителе перестанут церемониться, припомнят все рассказы, слухи и небылицы о Годунове. И главный из них — об умысле Бориса Годунова на убийство царевича Дмитрия: «В них же во владомых бысть болярин Борис,

рекомый Федорович Годунов, ненавидяще братию свою боляр, бояре ж ево не любяху, что многие люди погубих напрасно; и вложи диявол ему в мысль извести праведного своего государя царевича Дмитрея, и помышляша себе: „Аще изведу царьский корень, и буду сам властелин на Руси“»[4].

Патриарх Филарет имел прямое отношение к прославлению «убиенного» святого царевича Дмитрия. Именно он когда-то перенес его мощи из Углича в Москву[5]. В Житии царевича Дмитрия, вошедшем в Четьи минеи редакции Германа Тулупова 1630 года, Борис Годунов снова был обвинен в преступлении. Хотя вначале автор Жития вынужден был признать, что Годунов был «многомыслен и разумен зело», а царь Федор «возложи на него все государство правити и строити». «Той же Борис начат всеми владети и во всем волю творити», но этого ему якобы оказалось мало; вскоре ослепленный желанием «величества и славы» боярин решается на то, чтобы подослать убийц к царевичу Дмитрию и «искоренить царский корень»[6]. То, о чем писалось в житиях, со временем становилось канонической нормой в восприятии событий. Не удивительно, что известный книжник Симон Азарьин в 1650-х годах пометил в своем месяцеслове о памяти царевича Дмитрия 15 мая, как о само собой разумеющемся: «убиен бысть повелением Бориса Годунова»[7]. За более чем полвека события времен правления Бориса Годунова ушли в историю, и только гробница царевича Дмитрия в Архангельском соборе была постоянным напоминанием о прежних политических страстях, злодеях и жертвах времен Смуты. Места Годунову в кремлевской усыпальнице великих князей и царей, напротив, не нашлось, его тело вынесли из Архангельского собора во время восстания московского «мира» 1 июня 1605 года. В конце концов Борис Годунов был погребен «честно», с подобающим почетом, вместе со всей семьей в Троице — Сергиевой лавре. И сделал это не кто иной, как царь Василий Шуйский, начинавший с тяжких обвинений в адрес Годунова. Но, видимо, и ему пришлось считаться с опасностью десакрализации царской власти. С начала XVII века эта приметная усыпальница, рядом с лаврским Успенским собором, остается немым укором тем, кто торопится обвинить Бориса Годунова во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, взывая если не к его оправданию, то хотя бы к пониманию старой трагедии о «добром царе», который стремился на словах и в делах к благу подданных.

В XVIII веке — веке дворцовых тайн — в истории царя Бориса Годунова увидели много поучительного. Первый русский историк Василий Никитич Татищев воспроизвел в своем труде апологетическую повесть «о честнем житии» царя Федора

Ивановича, написанную патриархом Иовом. Естественно, что в ней о Годунове говорилось только как о «преизрядном правителе»[8]. То, что казалось легким, когда изложение историка заменяла современная летопись или документ, превратилось в непростую задачу на другом этапе развития исторической науки. Столкнувшись с противоречивыми известиями о царе Борисе Федоровиче, придворный историограф Герард Фридрих Миллер в «Опыте новейшей истории о России» вынужден был осторожничать в характеристике Годунова, «из боязни выговоров и взысканий от начальства»[9]. А «острых» тем, которые могла затронуть старая история о царе Борисе, было много: судьба малолетних претендентов на русский трон, самозванство и подлинность мощей царевича Дмитрия в Архангельском соборе, участие представителей сословий в царском избрании и делах государства. К последнему обстоятельству у современников «Уложенной комиссии» 1767 года интерес был особый. Они, естественно, искали прецедент в политической мысли Московского царства и нашли его. В 1774 году в «Трудах вольного российского собрания» была впервые опубликована «Утвержденная грамота» об избрании на царство Бориса Годунова. Некоторое время спустя ее публикацию повторил и Николай Иванович Новиков в своей знаменитой «Древней Российской Вивлиофике»[10]. Таким образом стал доступен один из основных документов эпохи Бориса Годунова, который, по мысли патриарха Иова и других составителей грамоты в 1598 году, должен был на века обосновать утверждение новой династии.

Критический настрой современников в отношении деяний Бориса Годунова все-таки продолжал влиять на историков больше, чем «Утвержденная грамота», обосновывавшая спорное право смертного взойти на опустевший престол Рюриковичей. В эпоху Просвещения казалось естественным делать выводы о человеческой природе, противопоставлять прошлое и современность, извлекать уроки из истории. Уже в первой полноценной истории Смуты, написанной князем Михаилом Михайловичем Щербатовым, все обвинительные акценты были беспощадно обозначены. Особенно претил автору «Истории Российской», некогда еще и заметному участнику действий «Уложенной комиссии», фальшивый дух избрания Бориса Годунова на царство: «…и тако происки и вопли наименее просвещенных решили судьбу государства»[11]. Он называет выборы царя «игралищем» и не верит в искренность ни Бориса Годунова, ни его сестры «Великой монахини» (Щербатов как будто намеренно использует созвучие этого никогда не

существовавшего сана Ирины Годуновой с титулом «Великой монархини», принадлежавшим Екатерине II). У Щербатова также не было веры ни «сановникам», ни «усердию народа»: «а обыкновенно, где принуждение и страх, тут, дабы сокрыть и самое свое отвращение, люди силятся излишне являть знаки»[12]. Когда М. М. Щербатов доходит до рассказа о преследовании Борисом Годуновым «вельмож», то слышны нотки обиды родовитого человека, заново переживавшего старые времена. Возможно, он даже адресует императрице завуалированные опасные намеки на смерть Иоанна Антоновича и Петра III: «Однако при всем том, что царь Борис ни делал, дабы знатные роды в совершенную к себе покорность привести, воспоминание пролитые крови царевича Димитрия, сумнение о смерти царя Феодора Иоанновича, происки, учиненные для его избрания, и гонение Романовым, питали их огорчение и неудовольствие». М. М. Щербатов ярко резюмирует верный на все времена девиз аристократического фрондера: «Они были верны Отечеству и Государю, но ненавидели похитителя». Продолжая обвинять Бориса Годунова, историк пишет: «Гонением и нещастиями других спокойствие не приобретается, но удобно и врагов своих благодеяниями к себе преклонить. Сие кажется основанное на естестве сердца человеческого правило неизвестно было царю Борису; или подозрения толико дух его терзали, что затушали в нем всю мудрость, правосудие и предвидение»[13]. Подробно рассказав о временах правления Бориса Годунова и появлении самозваного царевича Дмитрия, Щербатов заключает: «Не было никакого преступления, которого бы он не готов был соделать для достижения своих намерений». Впрочем, было и многое, за что, по мнению историка, можно все-таки назвать Бориса Годунова «мудрым государем», несмотря на его «преступления». Успехи в «содержании мира с окружными народами», внимание к «военному чину», «правосудию», укрепление границ, сохранение и приумножение казны, развитие торговли, вспомоществование бедным во время голода. Однако итог неутешителен для Бориса Годунова, не заслужившего, в отличие от Петра Великого, высшего признания: «Мог бы сей назваться великой Государь и отец отечества, если бы не хищность, не разврат, не убийства и преступления его до престола довели»[14].

С таким портретом Бориса Годунова не согласился другой историограф — Николай Михайлович Карамзин. Он рано заинтересовался историей Бориса Годунова, посвятив ей яркие строки в своих «Исторических воспоминаниях, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре», опубликованных в журнале «Вестник Европы» в 1802 году. Стоя

над могилами семьи Годуновых, он размышлял о преходящем значении власти и дел правителя, которому уже тогда посвятил отдельный очерк, чтобы опровергнуть «несправедливость наших летописцев». Н. М. Карамзин сделал акцент на том, как умело управлял царь Борис Годунов страной, показав неслучайный характер благоприятного отзыва о нем самого Петра Великого[15]. Время Бориса Годунова впоследствии подробно было изучено Карамзиным в «Истории государства Российского», и историк внес определенные коррективы в свои ранние взгляды. Из карамзинского труда многие открывали свою историю в XIX веке (а кто-то так и остался на всю жизнь с оценками прошлого, позаимствованными из «Истории государства Российского»). У историографа был простор для написания целой повести о Борисе Годунове, где на весах истории были взвешены все деяния великого царя, но, одновременно, и убийцы царевича Дмитрия. Карамзин тоже вспоминал о титуле «отец отечества», пожалованном Петру в 1721 году по древним римским образцам. Подробно описав начало правления Годунова, историк заключал: «Но время приближалось, когда сей мудрый Властитель, достойно славимый тогда в Европе за свою разумную Политику, любовь к просвещению, ревность быть истинным отцем отечества, — наконец за благонравие в жизни общественной и семейственной, должен был вкусить горький плод беззакония и сделаться одною из удивительных жертв суда Небесного».

Литературный сентиментализм, который прославил Карамзина-литератора, безусловно, присутствует и в его оценках царя Бориса. Под пером историографа Годунов предстает мятущейся фигурой; своими грехами он погубил величие цели и мучается от этого: «Между тем, устраняя будущие мнимые опасности для юного Феодора, робкий губитель трепетал настоящих: волнуемый подозрениями, непрестанно боясь тайных злодеев и равно боясь заслужить народную ненависть мучительством, гнал и миловал». Карамзину удалось найти интересные трактовки человеческого характера Бориса Годунова, хотя их и нельзя ничем проверить, можно только доверять или не доверять его историческому чутью. «Он не был, но бывал тираном», — писал о Борисе Годунове историк. Царь действовал «как искусный политик, но еще более как страстный отец, и своим семейственным счастием доказывая, сколь неизъяснимо слияние добра и зла в сердце человеческом!». Жизнь и дела Годунова показаны у Карамзина более сложно, чем это делалось раньше в исторических трудах. Неизбежное возмездие Годунову за пресловутый грех властолюбия в «Истории государства Российского» по-прежнему присутствует, но каждый раз

историограф если не ищет оправдания царю Борису, то стремится полнее раскрыть его характер, уходя от однозначных трактовок и обвинений. Политика Бориса Годунова, по мнению Карамзина, была «вообще благоразумной, не чуждой властолюбия, но умеренного: более охранительной, нежели стяжательной».

Особенную симпатию Карамзина заслужил Годунов-семьянин. В описании любви к сыну и наследнику царевичу Федору начинают звучать личные мотивы историка, переживавшего драму, связанную с потерей сына. Борис Годунов характеризуется Карамзиным как «ревностный наблюдатель всех уставов церковных и правил благочиния, трезвый, воздержный, трудолюбивый, враг забав суетных и пример в жизни семейственной, супруг, родитель нежный, особенно к милому ненаглядному сыну, которого он любил до слабости, ласкал непрестанно, называл своим велителем, не пускал никуда от себя, воспитывал с отменным старанием…».

Карамзин привнес в описание Бориса еще одну отсылку к современным обстоятельствам, относящимся к исторической эпохе после Отечественной войны 1812 года, когда на русского царя Александра I «смотрела» как на героя вся Россия. Но подобно тому, как Борис Годунов никогда не мог избавиться от подозрений в причастности к смерти царевича Дмитрия, так и Александр I оказался связан с драмой цареубийства, положившего конец царствованию его отца Павла I. «И так не удивительно, что Россия, по сказанию современников, любила своего Венценосца, желая забыть убиение Димитрия или сомневаясь в оном!» Пусть даже мысль Карамзина не простиралась до того, чтобы в чем-то обвинять Александра I, читатели могли увидеть опасные аналогии, задуматься над значением народного мнения. Александр I повторял судьбу Бориса Годунова, хотя современникам Карамзина об этом страшно было не только сказать, но и подумать: «…Венценосец знал свою тайну и не имел утешения верить любви народной; благотворя России, скоро начал удаляться от Россиян».

В постепенном исчезновении любви из сердец подданных царя Бориса, не простивших ему старых преступлений, вырисовывается основная драма Годунова: «Но глас отечества уже не слышался в хвале частной, корыстолюбивой, и молчание народа, служа для Царя явною укоризною, возвестило важную перемену в сердца Россиян: они уже не любили Бориса!» Общий вывод Карамзина однозначен и неутешителен для памяти царя Бориса: «…имя Годунова, одного из разумнейших властителей в мире, в течение столетий было и будет произносимо с омерзением, во славу нравственного неуклонного правосудия».

Сначала Борис Годунов содействовал возвышению «Державы», а потом «более всех содействовал уничижению престола, воссев на нем святоубийцею»[16].

Понятно, почему драма Александра Сергеевича Пушкина «Борис Годунов» показалась современникам похожей на сочинение Николая Михайловича Карамзина. Поэт решал ту же задачу, что и историограф Карамзин, думая о правде характеров исторических героев и их соответствии с обстоятельствами эпохи Смуты. Но Пушкин в своем «Борисе Годунове» оставался свободен в обращении с исторической канвой, черпая картины прошлого из своего воображения, а не выискивая их, вслед за Карамзиным, в летописях и документах. Надо поверить самому Пушкину, писавшему в посвящении памяти Николая Михайловича Карамзина: «…гением его вдохновенный». Годунов все-таки оказался у Пушкина другим, более живым и понятным в своей человеческой драме, чем стоящий на исторических котурнах «венценосец» Карамзина, умевший служить «только идолу властолюбия». Даже язык Пушкина далек от декламаций, нравоучений и морализаторского пафоса Карамзина[17]. Напомню слова из монолога царя Бориса — прекрасный образец пушкинского текста:

Достиг я высшей власти;
Шестой уж год я царствую спокойно.
Но счастья нет моей душе. Не так ли
Мы смолоду влюбляемся и алчем
Утех любви, но только утолим
Сердечный глад мгновенным обладаньем,
Уж, охладев, скучаем и томимся?..
Напрасно мне кудесники сулят
Дни долгие, дни власти безмятежной —
Ни власть, ни жизнь меня не веселят;
Предчувствую небесный гром и горе.
Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить,
Щедротами любовь его снискать —
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых.

Пушкин не обвинитель Годунова; можно даже подумать, что он оправдывает его, но это только на первый взгляд. Рассуждения о деяниях царя вложены в уста самого Бориса Годунова, а тому вполне естественно говорить о своих заслугах и непонимании

черни. Поэту интереснее показать трагический разрыв, возникающий у Бориса Годунова от воспоминаний о мученической смерти царевича Дмитрия. Но Пушкин делает это так, что ни у кого не остается сомнений в вине царя Бориса. Годунов сам разрушил то, что созидал, преступив однажды черту, после которой нет возврата. Становится ясно, что герой этой драмы совершил что-то ужасное, делающее бессмысленным любые добрые дела. Но мы лишь догадываемся об этом, не имея никаких доказательств, кроме очевидных метаний Годунова, живущего с неспокойной совестью:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто… едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою. —
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелося,
Тогда — беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах…
И рад бежать, да некуда… ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Историк Михаил Петрович Погодин впервые услышал чтение пушкинского «Бориса Годунова» 12 сентября 1826 года (сама драма из-за цензурных проволочек была опубликована только в 1830 году). «Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно, — писал он. — До сих пор еще — а этому прошло сорок лет — кровь приходит в движение при одном воспоминании…. Мне показалось, что родной мой и любезный Нестор поднялся из могилы и говорит устами Пимена: мне послышался живой голос древнего русского летописателя»[18]. После этого чтения Погодин неоднократно возвращался ко временам годуновского правления в своих исторических и литературных трудах. С его работ ведет отсчет «оправдательная» линия русской историографии в отношении Бориса Годунова. Он первым (но не последним) не поверил обвинениям пристрастных современников и показал настоящее величие дел царя Бориса. Но Погодин не пытался поучать Пушкина, как это сделал другой историк и литератор, Николай Алексеевич Полевой, откликнувшийся на выход в свет «Бориса Годунова»: «Как мог

Пушкин не понять поэзии той идеи, что история не смеет утвердительно назвать Бориса цареубийцею! Что недостоверно для истории, то достоверно для поэзии»[19].

Пушкину, увы, пришлось столкнуться с непониманием и несправедливыми обвинениями в ученическом следовании Карамзину. При этом поэтически рассказанная им история Годунова и Самозванца начинала повторяться у других сочинителей[20]. Особенно поэта задел плагиат Фаддея Булгарина, очевидно заимствовавшего сцены из пушкинской рукописи, которую он читал как цензор[21]. У М. П. Погодина же было свое собственное отношение к Борису Годунову. Читая статью М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия», опубликованную в журнале «Московский вестник» в 1829 году[22], А. С. Пушкин оставил на полях несколько заметок, красноречиво свидетельствующих о недоверии прямолинейной апологетике в отношении Годунова[23]. Хотя М. П. Погодин и пытался предупредить читателя, что в его работе не будет ничего «положительного», на самом деле он решился поспорить с «громким проклятием двух веков» в адрес Бориса Годунова. Погодин считал, что Борис только «политически» хотел «убить Димитрия в народном мнении». Пушкин же возражал, что именно это свидетельствует о том, что «Дмитрий был опасен Борису», об умысле правителя на жизнь «младенца». Слабыми и неубедительными показались Пушкину и другие способы оправдания Бориса Годунова. Нелепым в глазах поэта выглядело предложение судить бывшего правителя «судом Уголовной палаты», по которому бы он смог оправдаться. Пушкин все-таки больше доверял свидетельствам современных летописцев и записал о неуместном погодинском предложении: «Судит их история, ибо на царей и на мертвых нет иного суда»[24].

Несколько позднее, в 1835 году, М. П. Погодин прошел-таки драматической дорогой Пушкина и написал «истории в лицах» о царе Борисе Федоровиче Годунове и о Димитрии Самозванце. Значимым для восприятия Бориса Годунова оказался и гимназический учебник, написанный М. П. Погодиным. В нем историк стремился предложить «очищенный» от исторических наветов образ правителя Годунова. «Сей знаменитый муж, — писал М. П. Погодин, — обладал великими государственными способностями и четырнадцать лет его управления при Феодоре, равно как и семь его собственного, были счастливейшим временем для России в XVI веке»[25]. У известного историка были последователи, развивавшие апологетическую линию в освещении истории царя Бориса[26]. Даже конкурент М. П. Погодина на поприще писания русской истории и

гимназических учебников, Николай Герасимович Устрялов, отдавал должное Годунову: «Он вполне разумел искусство управлять государством, сделал для России много и еще более готовил ей в будущем»[27].

Наконец, больше всего М. П. Погодин стремился «очистить» облик Годунова от самых тяжелых исторических обвинений в вечном прикреплении крестьян к своим владельцам. Историк отрицательно отвечал на вопрос, сформулированный им в заголовке статьи «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?». По мнению М. П. Погодина (не столь далекому от истины), в закрепощении крестьян на рубеже XVI–XVII веков были виноваты «обстоятельства», никакого закона о прикреплении крестьян к земле, принятого при участии правителя Бориса Годунова, не существовало[28]. Статья М. П. Погодина была ответом исторического публициста, включившегося в обсуждение великой Крестьянской реформы 1861 года. Историк прежде всего использовал удобный повод, чтобы защитить своего любимого исторического героя.

Две линии восприятия Бориса Годунова — обвинительная и оправдательная — часто пересекались друге другом. Дмитрий Петрович Бутурлин, автор первой «Истории Смутного времени в России», вслед за Погодиным, тоже считал эпоху царя Федора Ивановича «счастливейшим» временем для России. Однако Борис Годунов у него все-таки «хитрый и честолюбивый вельможа», по «воле» которого был убит царевич Дмитрий и введено крепостное право[29]. В «Повествовании о России» Николая Сергеевича Арцыбашева разноречивые сведения источников складываются в более чем благоприятный портрет Бориса Годунова, но историк не умолчал и об отрицательных чертах «Правителя»: «Он — одаренный превосходными красотою, умом и весьма сильным красноречием — властвуя, делал много удивительного, и никто из вельмож Российских не мог уподобляться ему ни телесной наружностью, ни рассуждениями; однако был лукав, властолюбив»[30]. Восстанавливая историческую канву событий, связанных со смертью царевича Дмитрия, Н. С. Арцыбашев полностью доверился Угличскому следственному делу, присоединившись к версии о случайной гибели последнего сына Ивана Грозного.

С темой магистерской диссертации «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» вступил в 1849 году на историческое поприще Платон Васильевич Павлов. Он предложил по-новому посмотреть на Годунова как на правителя, в определенный момент решавшего самые насущные задачи. В соответствии с обсуждавшейся тогда концепцией перехода

родового быта в государственный, П. В. Павлов последовательно показывает, как внутренняя и внешняя политика Бориса Годунова привела «к благосостоянию той державы, над которой он властвовал». Все это позволяло сделать итоговый вывод о том, что Годунов «превосходно выполнил свое призвание»[31]. В ряду тех, кто стремился «очистить» облик Годунова, может быть назван и Николай Полозов. Он признавался, что всегда со скорбью смотрел на «полуразрушенную, сиротеющую и как бы отверженную гробницу Годуновых» в Троице-Сергиевом монастыре[32]. Но чувство сострадания, конечно, не может заменить отсутствия исторических аргументов при решении старого вопроса о «вине» Бориса Годунова в убийстве царевича Дмитрия.

Новой вехой в изучении годуновской эпохи стала «История России с древнейших времен» Сергея Михайловича Соловьева. В 7-м и 8-м томах его труда, впервые опубликованных в 1857–1858 годах, Борису Годунову уделено немало страниц. С. М. Соловьев изначально оговаривается, что «считает непозволительным для историка приписывать историческому лицу побуждения именно ненравственные, когда на это нет никаких доказательств»[33]. Следуя своему правилу, Соловьев сомневался во многих обвинениях, адресованных Борису Годунову. Однако ссылаясь на летописи, автор «Истории России» вынужден был говорить, что на пути к власти правитель «пролил много крови неповинной». Соблюдая, насколько возможно, беспристрастность, С. М. Соловьев приводил благоприятный отзыв современника о Борисе Годунове. Но дальше, подробно, с опорой на архивные документы характеризуя «правительственную деятельность» времен царя Федора Иоанновича, историк показал, как «честолюбие» Годунова все больше влияло на дела государства.

Говоря о роковой для династии Рюриковичей гибели царевича Дмитрия, историк определенно оказывается на стороне обвинения, хотя читатель подводится к этой мысли только исподволь. Соловьев считал, что достичь могущества Годунову помогла определенная работа «сосредоточения власти», проведенная «прежними государями». Однако будущее было «страшно» для «достигшего первенства» Бориса: «тем страшнее, чем выше было положение его настоящее. У Феодора не было сына, при котором бы Годунов, как дядя, мог надеяться сохранить прежнее значение…»[34] При этом Борис Годунов не был единственным, кто должен был «бояться за свое будущее». Среди них оказывались те, кто был «обязан выгодами своего положения Годунову», и другие вельможи, по решению которых царевич Дмитрий и его родственники Нагие были отправлены «в изгнание». Следствие по делу о гибели царевича Дмитрия

Соловьев считал «недобросовестным». «Не ясно ли видно, — писал он в «Истории России», — как спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств». Поэтому Соловьев склонен был согласиться с отразившимся в летописях общим указанием на Годунова как виновника смерти царевича: «Собор обвинил Нагих; но в народе винили Бориса, а народ памятлив и любит с событием, особенно его поразившим, соединять и все другие важные события»[35].

Взойдя на трон, Борис Годунов, с точки зрения С. М. Соловьева, оказался недостоин царского венца, был «подозрителен», «мелкодушен» и не ценил силу народного избрания. Ему недоставало «нравственного величия». В начале царствования он еще успел что-то сделать и «был всем любезен», но в итоге пал «вследствие негодования чиноначальников Русской земли». Общая оценка Соловьева неутешительна: «Годунов не мог уподобиться древним царям, не мог явиться царем на престоле и упрочить себя и потомство свое на нем по неуменью нравственно возвыситься в уровень своему высокому положению»[36]. Историк по-новому размышлял о причинах потрясений начала XVII века, думая, что уже в характере Бориса Годунова «заключалась возможность начала Смуты». Однако Соловьев не торопился связывать Смутное время с «запрещением крестьянского выхода, сделанным Годуновым»[37]. Все основные события Смуты произошли позднее и были обусловлены другими обстоятельствами, на которые царь Борис Федорович уже не влиял.

Погодинская линия оправдания Бориса Годунова, от которой отказывался Соловьев, хотя и была основательно поколеблена, но не исчезла вовсе. В опубликованных в журнале «Русская беседа» отзывах Константина Сергеевича Аксакова на 7-й и 8-й тома «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева были справедливо подчеркнуты известные противоречия в подходах историка к годуновской эпохе. Знаменитый упрек публициста-славянофила К. С. Аксакова автору «Истории России» — «не заметил одного: Русского народа» — предопределил критические оценки соловьевского труда. Константин Аксаков писал о том, что Соловьев фактически прошел мимо вопроса о закрепощении крестьян. Рассматривая следствие по делу о гибели царевича Дмитрия, рецензент, напротив, был убежден, что оно сумело разобраться в случившемся: «царевич убился сам». Это уже дальше родилось «убеждение народное» о насильственной смерти царевича Дмитрия, в итоге сокрушившее династию Годунова[38].

Аксаков не соглашается с отзывами Соловьева, даже там, где тот, по своему обыкновению, следует за источниками и пересказывает их: «Мнение почтенного профессора о Борисе носит характер какого-то предубеждения, и, странно, предубеждения тревожного. Он преследует его, как личный враг, ловит его на словах, привязывается к нему на каждом шагу». Константин Аксаков обращает внимание на другое — Борис оказался на вершине власти в совершенно особое время, и оказался достоин задач своего века. Привлекательным, с точки зрения Аксакова, было стремление Бориса Годунова к «общению» с другими державами, хотя, по большей части и не принятое ими. С увлечением Константин Аксаков говорит о движении к «просвещению», намечавшемся в годуновское царствование. Общий вывод Аксакова: «Борис невиновен в злодействе, которое ему приписывают, — и это главное».

Понимая, что одного категоричного утверждения в защиту Годунова недостаточно, Константин Аксаков стремится объяснить, как все-таки случилось, что при всех известных добродетелях «народ» отверг царя Бориса. Упоминая о подозрительности и преследовании Борисом Годуновым своих врагов, Аксаков склонен объяснять их обстоятельствами времени. Сам же царь Борис у него *досужий* государь, то есть способный к делу: «Поставленный на историческом пути, на одном из крутых его поворотов, умный, строгий, деятельный Борис понес на себе все следствия такого положения своего, понес на себе историческое подозрение и историческую клевету — плоды тогдашней преходящей минуты. Сделав добро, какое мог, и желав сделать еще более, чего не успел сделать, Борис пал, сшибленный с ног потоком событий, и увлек за собою все свое прекрасное семейство: и просвещенного, высоконравственного сына, и дочь, и жену»[39].

В представлении К. С. Аксакова получалось, что время управляло Борисом Годуновым, а не он влиял на него. Публицист, увлеченный общей идеей о значении Земли в русской истории, ранее полемизировал с С. М. Соловьевым по поводу земских соборов[40], но о соборе 1598 года почему-то не вспомнил. То, как был организован этот избирательный собор, обвинители царя Бориса Федоровича всегда считали доказательством общего, неискреннего направления годуновской политики. Ярко об этом сказал Иван Дмитриевич Беляев в речи о земских соборах в 1867 году (при праздновании столетнего юбилея екатерининской «Уложенной комиссии»): «Борис Феодорович, избранный в цари наружно подстроенным собором, а отнюдь не голосом всей Русской земли, в продолжение всего своего царствования ни разу

не осмелился обратиться к этому голосу, хотя в наставшие смутные времена, очевидно имел нужду в этом голосе, и с тем погиб, а за ним погибло и все его семейство»[41].

В 1860-е годы происходил явный всплеск интереса к фигуре Бориса Годунова. Конечно, это можно связать с общим историческим ренессансом, когда пали табу на освещение многих тем и появилась возможность открытого обсуждения прежних династических тайн. В такие времена театр обычно опережает исследования историков, не стали исключением фигуры царя Федора Ивановича, его жены царицы Ирины, Бориса Годунова, князей Шуйских. Все они стали персонажами великой исторической трилогии Алексея Константиновича Толстого «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Обладая тонким пониманием русской истории, автор сумел показать совершенно новых, непривычных для публики героев, хотя и с давно знакомыми именами. Годунов в начале трилогии предстает у А. К. Толстого «гениальным честолюбцем»; драматург раскрыл его характер в замечаниях, адресованных постановщикам и актерам: «Честолюбие Годунова столь же неограниченно, как властолюбие Иоанна, но с ним соединено искреннее желание добра, и Годунов добивается власти с твердым намерением воспользоваться ею ко благу земли. Эта любовь к добру не есть, впрочем, идеальная, и Годунов сам себя обманывает, если он думает, что любит добро для добра. Он любит его потому, что светлый и здоровый ум его показывает ему добро как первое условие благоустройства земли, которое одно составляет его страсть, к которому он чувствует такое же призвание, как великий виртуоз к музыке» (Проект постановки на сцену трагедии «Смерть Иоанна Грозного»). Все три пьесы выстроены вокруг действий главного героя — Годунова, объясняя его путь к власти.

Во второй части трилогии царская семья показана в ранее не привлекавших внимания обстоятельствах семейной драмы. Происками князей Шуйских готовится развод царя с Ириной Годуновой («Аринушкой») и устранение от власти ее брата Бориса (правда, вопреки историческим фактам, события эти перенесены в 1591 год, чтобы совместить их по времени со смертью царевича Дмитрия). Слабости и немощи царя Федора Иоанновича преображены силой его действий, соответствовавших нравственному долгу, «веданию сердца человека». Но ему трудно сопротивляться воле того, кому он сам поручил царство. «Я царь или не царь?» — вынужден спрашивать Федор Иоаннович Годунова. Царь Федор стремится помирить враждующих князей Шуйских и Годунова, он обращается к Борису Годунову:

Шурин, даже грустно
Мне слышать это: тот сторонник Шуйских,
А этот твой! Когда ж я доживу,
Что вместе все одной Руси лишь будут
Сторонники?

Борис Годунов показан А. К. Толстым умным, но все-таки расчетливым царедворцем, нарушающим клятвы, стремящимся подчинить своим интересам даже сестру, царицу Ирину Федоровну (конечно, их размолвка домыслена драматургом). В итоге, когда царь Федор Иванович пытается взять на себя управление страной, то не выдерживает тяжести этой ноши и вынужден возвратиться к прежнему порядку. Узнав о гибели князя Ивана Петровича Шуйского и царевича Дмитрия, царь Федор Иванович примиряется с Годуновым, но лишь потому, что Годунову в очередной раз удается вести себя так, чтобы добрый сердцем царь Федор ничего не заподозрил. А. К. Толстой не оставляет сомнений в неискренности решения Бориса Годунова послать князя Василия Шуйского для расследования дела о смерти царевича Дмитрия:

Шурин!
Прости меня! Я грешен пред тобой!
Прости меня — мои смешались мысли —
Я путаюсь — я правду от неправды
Не отличу!

Драма царя Бориса Годунова в последней пьесе, посвященной временам его царствования, оказывается связана со смертью царевича Дмитрия. Это то самое зло, в котором есть прямая вина Годунова. По крайней мере он не препятствовал совершиться угличскому убийству в оправдание принятой на себя миссии укрепления и защиты интересов царства. Автор трилогии очень искусно, со знанием многих исторических подробностей показывает Бориса Годунова как царя милостивого, щедрого, избегающего расправ, любимого подданными. Но его итог не утешителен: царь не выносит тяжести известий о появлении царевича Дмитрия; картина неискренней боярской присяги его сыну царевичу Федору завершает сцены «Царя Бориса», и Годунов умирает. Никакие государственные интересы и «земли русской слава» не отменят содеянного злодейства.

Осенью 1868 года Модест Петрович Мусоргский приступил к работе над либретто своей оперы «Борис Годунов». Он начал ее

сценой избрания Бориса на царство в Новодевичьем монастыре, еще раз напомнив об одном из главных упреков Борису — организатору собственного избрания на Земском соборе. Согнанный приставами люд «рыдал», призывая на трон Годунова, не очень понимая, зачем нужна была эта комедия. И без того одинокие голоса защитников исторического наследства Бориса Годунова, конечно, окончательно поблекли на фоне оперных арий[42]. Сначала великое слово пушкинской трагедии, а потом драматические сцены А. К. Толстого и музыкальные образы М. П. Мусоргского не оставили Годунову возможности оправдаться. Но парадокс в том, что они же подарили Борису Годунову то, к чему он стремился больше всего, — мирскую славу, обессмертив историю царя Бориса так, как сам он не мог бы себе и представить.

Одним из собеседников Мусоргского в период работы над либретто оперы «Борис Годунов» был историк Николай Иванович Костомаров. Его труд об эпохе Смутного времени дополнил новыми штрихами рассказ о последних годах правления царя Бориса. В период борьбы с самозванцем Борис Годунов уже не так деятелен и энергичен, как раньше. Его военные и дипломатические шаги неудачны, Борис сам жил затворником и хотел, чтобы в государстве никто не говорил о Дмитрии. Он учредил крепкие заставы, никого не пропускал из-за границы и верил по-прежнему одним доносам, из-за чего в государстве множились вражда и недоверие друг к другу. По словам историка, «притворяясь спокойным, Борис с каждым днем опускался. Могущество его падало — он видел: русская земля не терпела его, — он знал это и не старался более примириться с нею»[43].

В специально посвященном Годунову биографическом очерке историк, уже не сдерживая себя, говорил о малоприглядном характере одного из правителей Московского царства: «Ничего творческого в его природе не было. Он неспособен был сделаться ни проводником какой бы то ни было идеи, ни вожаком общества по новым путям: эгоистические натуры менее всего годятся для этого. В качестве государственного правителя он не мог быть дальнозорким, понимал только ближайшие обстоятельства и пользоваться ими мог только для ближайших и преимущественно своекорыстных целей. Отсутствие образования суживало еще более круг его воззрений, хотя здравый ум давал ему, однако, возможность понимать пользу знакомства с Западом для целей своей власти. Всему хорошему, на что был бы способен его ум, мешали его узкое себялюбие и чрезвычайная лживость, проникавшая все его существо, отражавшаяся во всех его

поступках. Это последнее качество, впрочем, сделалось знаменательной чертой тогдашних московских людей»[44].

Как и многие другие историки, Костомаров отказывал Годунову в искренности: «Вообще Борис в делах внутреннего строения имел в виду свои личные расчеты и всегда делал то, что могло придать его управлению значение и блеск». При этом присутствует молчаливая фигура «народа», одобрявшего или не одобрявшего деяния правителя, верившего или не верившего ему. Но если московские люди были лживы («сеют рожью, живут ложью», как говорил один современник), то что же тогда ждать от Бориса Годунова, и как можно доверять народному гласу? Не имея прямых аргументов, чтобы обвинить Годунова в убийстве царевича Дмитрия, Костомаров намекает на то, что Борис «облагодетельствовал семейства убийц». Но ведь сведений об этом в источниках нет! Также неясно, откуда историк заключил, что «недоброжелателям» Годунова не дали высказаться на Земском соборе 1598 года. Все это правдоподобно, но не правдиво, чтобы быть доказательным. Вместе с тем взгляд на избирательный *quasi (как бы)* собор разделяли и другие историки права и исследователи соборного представительства[45].

Костомаров видит в каждом шаге Бориса Годунова стремление завоевать себе как можно больше сторонников, превращая его из человека, который, действительно, обладал огромной властью, в некого мелочного искателя, рабски следовавшего мнениям подданных. Став царем, Борис, как признает Н. И. Костомаров, сразу же сделал немало, в видах «расположения к себе народа», и духовенство, и служилые люди были за него. Но тут же значимые деяния Бориса Годунова — освобождение от податей, борьба с пьянством и раздача щедрой милостыни — объявлялись почему-то «мишурой»[46].

Построения Н. И. Костомарова подверглись критике Евгения Белова в большом очерке под названием «Смерть царевича Дмитрия», опубликованном в «Журнале министерства народного просвещения» в 1873 году. Е. А. Белов обратил внимание, что у Костомарова нет «ни одной страницы», посвященной разбору следственного дела. Между тем он не увидел в этом документе ничего такого, что бы свидетельствовало в пользу сознательной подтасовки в интересах Бориса Годунова. Работа Евгения Белова оказалась шире своего названия: разбирая летописные известия о смерти царевича Дмитрия, Белов затрагивает и другие важные вопросы. Пожалуй, впервые так отчетливо в его очерке была обрисована политическая борьба, в которой кроме Годунова участвовали еще и князья Шуйские, а также Романовы. Именно действие боярских партий заставляло Бориса Годунова

предпринимать многие шаги, за которые его потом упрекали. Они распустили слух о вине Годунова в гибели царевича Дмитрия, что и позволило им, прежде всего князю Василию Шуйскому, расчистить себе дорогу к трону[47].

«Разгадать» характер Бориса Годунова стремился и великий русский историк и неофициальный глава «московской» исторической школы Василий Осипович Ключевский. По своему обыкновению, он афористично обозначил в «Курсе русской истории», читавшемся им с 1880-х годов в Московском университете, самые важные вопросы, возникающие при знакомстве с эпохой конца XVI — начала XVII века. Ключевский уходил от прямолинейных оценок Годунова, хотя и не спорил со многими обвинениями, высказанными летописцами. За исключением одного, принципиального для самого историка вопроса — о «вине» Бориса Годунова в закрепощении крестьян. Ключевский показал, что, напротив, «Борис готов был на меру, имевшую упрочить свободу и благосостояние крестьян». Речь шла о подготовке закона, устанавливавшего точную норму повинностей и оброков крестьян по отношению к землевладельцам. Готовя издание своего курса после событий 1905 года (то есть уже не в подцензурных условиях), историк специально оговорил: «это — закон, на который не решалось русское правительство до самого освобождения крепостных крестьян»[48].

Перечисляя другие «вины» Бориса Годунова, историк стремился показать, что многие преступления выглядят слишком надуманными, что Борис Годунов «стал излюбленной жертвой всевозможной политической клеветы». Подходя к вопросу о трагической гибели царевича Дмитрия, Ключевский признавал, что она была выгодна Борису Годунову. Дополняя и уточняя свою мысль в новых изданиях «Курса русской истории», он пишет: «Борис отлично знал по самому себе, что люди, которые ползут к ступенькам престола, не любят и не умеют быть великодушными»[49]. Другими словами, Годунов, чтобы уберечься от мести Нагих, должен был не допустить воцарения Дмитрия. Но, как замечает историк, правителю и не надо было ничего предпринимать самому: «с ведома Бориса» услужливые исполнители его воли нашлись сами собой.

Проведя специальное исследование состава представительства на Земском соборе 1598 года, В. О. Ключевский не принял оценок «тенденциозного рассказа» одной из повестей, которая обвиняла Бориса Годунова в «хитросплетенной агитации» во время избрания на царство. Парадоксально, используя эти оценки «от противного», историк

делает вывод: «Подстроен был ход дела, а не состав собора». То есть необходимость переноса решения вопроса о царском избрании в «народ» подтверждает, по мнению Ключевского, правильность созыва самого собора. «План сторонников Годунова, — писал Ключевский, — состоял не в том, чтобы обеспечить его избрание на царство подтасованным составом собора, а в том, чтобы вынудить правильно составленный собор уступить народному движению»[50].

Общий тон рассказа о Борисе Годунове в «Курсе русской истории» скорее благоприятен. В. О. Ключевский отдает должное его таланту правителя и царя: «Борис и на престоле правил так же умно и осторожно, как прежде, стоя у престола при царе Федоре». Чем же все-таки объяснить такое однозначное неприятие Бориса Годунова современниками, а вслед за ними и историками? «Борис принадлежал к числу тех злосчастных людей, — замечал Ключевский, — которые и привлекали к себе, и отталкивали от себя, — привлекали видимыми качествами ума и таланта, отталкивали незримыми, но чуемыми недостатками сердца и совести. Он умел вызывать удивление и признательность, но никому не внушал доверия; его всегда подозревали в двуличии и коварстве и считали на все способным»[51]. Следовательно, чтобы разобраться в Борисе-правителе, надо понять его психологию, мотивы его действий, учесть, как воспринимали его окружающие и подданные. В. О. Ключевский напрямую связал появление слухов о воскресшем царевиче Дмитрии с закатом Бориса Годунова, «потрясенного успехами самозванца». История самозванца оказалась предвестием страшных потрясений и для всего государства: «Замутились при этих слухах умы у русских людей, и пошла Смута»[52].

Один из основателей «петербургской» школы историков Константин Николаевич Бестужев-Рюмин тоже составил обзор событий после смерти Ивана Грозного[53] и написал подробный биографический очерк о Борисе Годунове. Показав многостороннюю деятельность Годунова внутри страны и во взаимоотношениях с соседними странами, К. Н. Бестужев-Рюмин писал: «Быть может, у Годунова не было гениальности, но без сомнения он был правитель умный, воодушевленный лучшими стремлениями: он вышел из школы Грозного (интересно это совпадение с образными словами Василия Осиповича Ключевского. — *В. К.*), понимал важность внешних сношений, чувствовал потребность в просвещении, не только по примеру Грозного, но и по собственному опыту, чувствовал необходимость не допустить боярского самовластия. В этом-то, в особенности, он встретил причину своей гибели…»[54]

Первая полная история Смутного времени, написанная Сергеем Федоровичем Платоновым, появилась в 1899 году и на долгое время определила восприятие этих событий. Платоновские «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII веках» — классическое исследование, и тем интереснее, что их автор оказался одним из самых последовательных «защитников» Бориса Годунова в русской историографии. Платонов обратил внимание на то, каким контрастом должны были казаться современникам годы правления Годунова со временем предшествующего террора в царствование Ивана Грозного. Старое боярство, считал С. Ф. Платонов, потеряло свое значение, что и позволило выдвинуться «новым людям», которыми были Романовы-Юрьевы, Годуновы и Нагие. Отзывы современников об уме и талантах нового правителя царства, по мнению историка, соответствовали действительности. Борис Годунов шел к власти постепенно, но уверенно, «укрепляя свое преобладание в правительственной среде». Он сумел сделать так, что ни у кого не осталось возможности соперничать с правителем царства. Платонов справедливо пишет о том, что если бы «придворное влияние» Годунова «было следствием только ловкой интриги и угодничества, если бы оно не опиралось на большой правительственный талант, оно не было бы так глубоко и прочно»[55]. На долю Бориса Годунова выпали трудные времена преодоления кризиса, в который вверг страну Иван Грозный. И Годунов оказался достоин такого вызова, успокоив страну и приведя ее ко времени пусть и относительного, но редкого в истории Московского царства благоденствия. «Надобно было умиротворить страну, потрясенную политикой Грозного и экономическим расстройством, восстановить земледельческую культуру в опустевшем центре, устроить служилый люд на их обезлюдевших хозяйствах, облегчить податное бремя для платящей массы, смягчить общественное недовольство и вражду между различными слоями населения. В таком направлении и действует Борис», — говорит историк. Разумеется, С. Ф. Платонов не воспринимает на веру риторику самого Бориса Годунова, хвалившегося, что повсюду «никто большой, ни сильный никакого человека, ни худого сиротки не изобиди». Но уже сама эта декларация не может восприниматься иначе как сильный контраст с «оргиями Грозного». Очень редко, когда «правитель вменяет в честь и заслугу себе гуманность и справедливость»[56].

С. Ф. Платонов не проходил мимо истории царевича Дмитрия, но не придавал ей такого исключительного значения, как это делалось в других исторических трудах об эпохе Смуты. Проведенное им исследование житий и сказаний начала XVII века

убеждало историка в полнейшей тенденциозности современных источников. Он наконец-то произнес то, что молчаливо предпочитали не обсуждать: перенесение мощей царевича Дмитрия в Москву в 1606 году было «не только мирным церковным торжеством», но и «решительным политическим маневром» в пользу князей Шуйских. Платонов проницательно замечал, что когда произошли угличские события 1591 года, они не имели такого значения ни для самого Бориса Годунова, ни для всей страны, «не заметившей» смерти царевича, который не имел законных прав на престол. Такое убеждение продиктовало ему решение уйти от освещения «легенды» об «убийстве» царевича Дмитрия в «Очерках по истории Смуты»[57].

Для С. Ф. Платонова характерно следование принципам «петербургской» школы историков: стремление оставаться на почве фактов и не увлекаться моральными оценками. Поэтому в истории с появлением Самозванца он не стал «немедленно» рубить «таинственный гордиев узел». Историк с нескрываемой иронией писал, что «считает себя не столь счастливым, как те писатели, для которых все ясно в истории ложного Дмитрия». Платонов считал, что появление Самозванца (безусловно, человека московского происхождения) было выгодно партии Романовых, но не более этого. Вина и беда Бориса были в том, что он на своем пути к власти последовательно избавлялся от всех соперников, оставшись в итоге один, при поддержке только своих родственников, Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, среди которых не было заметных и выдающихся лиц (кроме престарелого Дмитрия Ивановича Годунова, занятого уже «устроением» души, а не мирскими делами). Самозванческая интрига смогла осуществиться и похоронить все усилия Бориса Годунова по созданию новой династии из-за того, что он оказался слишком одинок на своей вершине власти: «При недостатке людей с личным весом и влиянием естественно было выйти вперед людям с притязаниями родовыми и кастовыми. Исчезла в лице Бориса сила, умевшая, вслед за Грозным, давить эти притязания, и они немедленно ожили»[58].

Идеи С. Ф. Платонова, безусловно, повлияли на его современников, переставших воспринимать на веру многие обвинения, предъявлявшиеся Борису Годунову. Полный перечень «преступлений» Годунова, составленный автором труда об учреждении патриаршества в России А. Я. Шпаковым (1912), перестал выглядеть однозначным приговором, а вызывал справедливое недоумение, как можно было столетиями доверять исторической клевете: «История Бориса Годунова описана в летописях и различных памятниках, а оттуда и у многих

историков — весьма просто. После смерти Ивана Грозного Борис Годунов сослал царевича Дмитрия и Нагих в Углич, Богдана Бельского подговорил устроить покушение на Феодора Ивановича, потом сослал его в Нижний, а И. Ф. Мстиславского в заточение, где повелел его удушить; призвал жену Магнуса, „короля ливонского“, дочь старицкого князя Владимира Андреевича — Марью Владимировну, чтоб насильно постричь ее в монастырь и убить дочь ее Евдокию. Далее он велел перебить бояр и удушить всех князей Шуйских, оставив почему-то Василия да Дмитрия Ивановичей; затем учредил патриаршество, чтобы на патриаршем престоле сидел „доброхот“ его Иов; убил Дмитрия, подделал извещение об убийстве, подтасовал следствие и постановление собора об этом деле, поджег Москву, призвал Крымского хана, чтобы отвлечь внимание народа от убийства царевича Дмитрия и пожара Москвы; далее он убил племянницу свою Феодосию, подверг опале Андрея Щелкалова, вероломно отплатив ему злом за отеческое к нему отношение, отравил Феодора Ивановича, чуть ли не силой заставил посадить себя на царский трон, подтасовав земский собор и плетьми сбивая народ кричать, что желают именно его на царство; ослепил Симеона Бекбулатовича; после этого *создал* дело о заговоре „Никитичей“, Черкасских и других, чтобы „извести царский корень“, всех их перебил и заточил; наконец убил сестру свою царицу Ирину за то, что она не хотела признать его царем; был ненавистен всем „чиноначальникам земли“ и вообще боярам за то, что грабил, разорял и избивал их, народу — за то, что ввел крепостное право, духовенству — за то, что отменил тарханы и потворствовал чужеземцам, лаская их, приглашая на службу в Россию и предоставляя свободно исповедывать свою религию, московским купцам и черни — за то, что обижал любимых ими Шуйских и Романовых и пр. Затем он отравил жениха своей дочери, не смог вынести самозванца и отравился сам. Вот и всё», — заключает А. Я. Шпаков, ярко показывая абсурд прокурорского отношения к истории царя Бориса[59].

Историкам становилось всё более очевидным, что Годунова судят по приписываемым ему намерениям, а не в связи с фактами или доказательствами его вины. Казалось бы, услышано давнее восклицание Николая Михайловича Карамзина, высказанное в «Исторических воспоминаниях… на пути к Троице»: «Что если мы клевещем на сей пепел, если несправедливо терзаем память человека, веря ложным мнениям, принятым в летопись бессмыслием или враждою?»[60] Однако и тех, кто оставался при своем мнении, устоявшемся за долгое время, тоже было немало. Талантливо и стилистически ярко писал о правлении Бориса

Годунова историк Казимир Валишевский в книге «Смутное время» (1905)[61]. Впрочем, созданный им портрет властолюбца на троне, в каждом шаге стремившегося упрочить свое положение, уже не добавлял ничего нового к привычной исторической картине.

С. Ф. Платонов еще раз обратился к биографии Бориса Годунова в 1920-е годы, поэтому можно проследить развитие взглядов историка на этого незаурядного правителя и политика, высказанных под влиянием пережитой большевистской Смуты 1917 года. В итоге Сергей Федорович Платонов даже ставил задачу «моральной реставрации» облика Бориса, считая ее «прямым долгом исторической науки». Историк писал, продолжая давний спор (а по сути, как оказалось, ставя точку в столкновении мнений по поводу Бориса Годунова в дореволюционной историографии): «Борис умирал, истомленный не борьбою с собственной совестью, на которой не лежало (по мерке того века) никаких особых грехов и преступлений, а борьбою с тяжелейшими условиями его государственной работы. Поставленный во главе правительства в эпоху сложнейшего кризиса, Борис был вынужден мирить непримиримое и соединять несочетаемое. Он умиротворял общество, взволнованное террором Грозного, и в то же время он его крепостил для государственной пользы»[62].

В советской историографии психологические изыскания и реконструкции облика исторических героев, особенно царей, надолго оказались на обочине научного интереса. Официальный глава советских историков Михаил Николаевич Покровский вспоминал о нем прежде всего как об основателе крепостного права, выбранном на царство «помещиками». По мнению Покровского, историческое возмездие настигло царя Бориса в лице «названного Дмитрия», отменившего крепостнические указы прежних лет и начавшего «крестьянскую революцию»[63]. Однако посмертный остракизм и разоблачение «взглядов» настигли самого М. Н. Покровского. Одним из следствий отказа от «идей Покровского» стало переиздание «Очерков по истории Смуты» С. Ф. Платонова в 1937 году. В результате снова появилась возможность сверить новейшие представления историков советской школы с лучшим научным опытом освещения событий рубежа XVI–XVII веков. Показательно, что в самом первом выпуске «Исторических записок», в том же 1937 году, была опубликована статья Константина Васильевича Базилевича об образе Бориса Годунова «в изображении А. С. Пушкина»[64].

И все же на долгие годы история Бориса Годунова стала частью темы «отмены Юрьева дня». Сказалось искажающее вторжение в науку идеологии и навязывания ей исключительно

истории борьбы «классов». Хотя в результате в работах Степана Борисовича Веселовского и особенно Бориса Дмитриевича Грекова старая тема о влиянии Годунова на закрепощение крестьян была рассмотрена всесторонне, почти с исчерпывающей полнотой[65]. Их вывод о превращении временной меры об отмене Юрьева дня в постоянное правило очень хорошо соответствует известным особенностям русской истории. Впоследствии поиски особого указа, которым было введено крепостное право, продолжил Вадим Иванович Корецкий[66]. Однако при всех признанных археографических талантах историку удалось лишь немного уточнить картину закрепощения в новгородской земле и на юге государства в конце XVI века, но не поколебать взгляды о безуказном введении крепостного права. К Борису Годунову как главному крепостнику Корецкий, естественно, относился отрицательно, показывал недальновидность и противоречивость годуновской политики: «Вышедший из опричной „школы“ Ивана IV, он, широко используя демагогию и противопоставляя одних феодалов другим, в значительной мере шел по стопам грозного царя. Однако опричная политика раскола и противопоставления дала трещины уже при Иване IV, а в начале XVII века вообще не могла иметь никаких перспектив на успех»[67].

Имя Бориса Годунова неизбежно упоминалось и при рассмотрении еще одного сюжета — истории гибели царевича Дмитрия. Сопровождавшее эти события выступление угличан, поддержавших Нагих, хорошо вписывалось в общепринятую концепцию классовой борьбы, в соответствии с которой оно считалось восстанием и рассматривалось как проявление социальной розни. Именно от угличской истории 1591 года в итоге был сделан шаг к появлению первой, после полувекового перерыва, биографии Бориса Годунова, написанной Русланом Григорьевичем Скрынниковым в 1978 году. Конечно, советский историографический поворот не прошел бесследно, тем ценнее этот опыт Р. Г. Скрынникова, «возвращавший» из забвения одного из самых ярких героев русской истории. «Кем же в действительности был Борис Годунов? — спрашивал историк. — Какое значение для истории России имела его деятельность?»[68]

Р. Г. Скрынников рассматривал традиционные биографические сюжеты на фоне более общих проблем внутренней и внешней политики Русского государства. Используя научно-популярный жанр, автор «Бориса Годунова» стремился добавить психологизма и яркости в портрет своего героя, то есть сделать то, чего давно не было в советской исторической науке. Книга была встречена с большим интересом, она показала, как

велик был запрос на такого рода издания. Однако Скрынников, хотя и был первопроходцем, все-таки стремился развивать слегка подправленную советскую парадигму освещения событий классовой или «социально-политической борьбы». Кроме того, он выстраивал дистанцию между собой и читателем, не всегда раскрывая источник тех или иных своих наблюдений. Заметна и обличительная тенденция, которой отдал дань Р. Г. Скрынников: «Сыграть зловещую роль крепостника суждено было Борису Годунову…»[69] Подводя итоги событиям годуновского правления, историк писал о «крутом переломе», произошедшем в это время: «В стране утвердилось крепостное право. Законы против Юрьева дня доставили Борису поддержку феодальных землевладельцев. Но против него восстали социальные низы. Падение династии Годуновых послужило прологом к грандиозной крестьянской войне, потрясшей феодальное государство до основания»[70].

В продолжение биографической работы о Борисе Годунове Р. Г. Скрынников опубликовал в 1980 году книгу «Россия накануне „смутного времени“». В этой книге многие проблемы истории 1584–1598 годов получили новое освещение. Среди них политическая борьба наследников власти Ивана Грозного, реформа Государева двора, «внешнеполитические успехи», Земский собор 1598 года. Отдал дань Скрынников и традиционным темам борьбы боярства и дворянства, закрепощения крестьян. Дело о гибели царевича Дмитрия, выражаясь юридическим языком, историк «переквалифицировал» в «дело Нагих». Однако концептуально книга Р. Г. Скрынникова об эпохе Бориса Годунова оставалась прежней, она находится в ряду многих обличений этого правителя.

Работы Р. Г. Скрынникова интересно сопоставить с вышедшей посмертно книгой выдающегося знатока русского Средневековья Александра Александровича Зимина. В 1978 году он закончил книгу «В канун грозных потрясений», посвященную событиям последней четверти XVI века, связанным с возвышением и «упрочением власти» Бориса Годунова. Оба историка придерживались сходных взглядов на то, что именно закрепощение крестьян подготовило крестьянскую войну (книга А. А. Зимина даже имела подзаголовок: «Предпосылки первой крестьянской войны в России»). Но Зимин делал акцент на исследование политической борьбы, Борис Годунов у него всегда находится в центре повествования, поэтому его с полным основанием можно назвать главным героем книги. В результате Зимину удалось создать убедительный и в чем-то даже более доказательный, чем у других историков, образ Бориса Годунова (в книге «В канун грозных потрясений» содержится полемика со

взглядами Р. Г. Скрынникова). Зиминский Борис Годунов — это, действительно, сложный исторический герой, для характеристики которого мало одних темных красок. Историк сумел объяснить величие Годунова: «Успеху правительственных начинаний в большой мере способствовало то, что управление страной находилось в руках дальновидного и волевого государственного деятеля. Лицемерный и жестокий, когда это вызывалось государственной необходимостью, Годунов мог быть также обаятельным и щедрым. Не спеша, но неуклонно шел Борис к полной концентрации власти в своих руках, завершившейся его восшествием на трон. Он отлично разбирался в тех задачах, которые встали перед страной после того, как Иван Грозный оставил ее в состоянии почти полного разорения. Не торопясь с преобразованиями и во многом продолжая традиции конца предшествующего царствования (создававшиеся при его участии), Годунов основное внимание уделял поискам путей оздоровления экономики и укрепления внешнеполитических позиций страны. Много в этом направлении ему удалось достичь еще до того, как он стал государем „всея Руси“»[71].

Труды Р. Г. Скрынникова и А. А. Зимина об эпохе Бориса Годунова продолжили прерванную академическую традицию; их книги, как некогда работы Соловьева и Костомарова в XIX веке, тоже стали вехами историографии своего времени. Подобных попыток всестороннего изучения политики Русского государства в конце XVI — начале XVII века больше не предпринималось. Хотя достижения последних десятилетий существования советской историографии этим не исчерпываются. Благодаря исследованию Виктора Ивановича Буганова, опубликовавшего разрядные книги, стало возможным подробно восстановить служилую и придворную биографию Бориса Годунова[72]. Специальное исследование о Земском соборе 1598 года было создано Светланой Петровной Мордовиной, подробно раскрывшей состав представительства выборных при избрании царя Бориса на трон[73]. Александр Лазаревич Станиславский разыскал и опубликовал новые источники по истории Государева двора: боярские списки и Роспись русского войска 1604 года, позволившие наглядно представить персональный состав не только Боярской думы, но и всего столичного дворянства времен Бориса Годунова[74]. Большой интерес представляют труды Бориса Николаевича Флори о русско-польских отношениях конца XVI — начала XVII века[75]. Не были забыты и традиционный сюжет закрепощения крестьян (В. И. Корецкий), а также история царевича Дмитрия, разные версии которой были подробно освещены Владимиром Борисовичем Кобриным[76].

В новейшей историографии наиболее важен труд Андрея Павловича Павлова, посвященный тщательному исследованию изменений в составе Государева двора 1584–1605 годов в связи с политикой Бориса Годунова. Историк начинал изучение эпохи с историографического анализа трудов о Борисе Годунове, всестороннего анализа Утвержденной грамоты 1598 года[77]. А. П. Павлову удалось окончательно устранить старый миф о том, что Годунов опирался в своих расчетах на дворянство, в ущерб боярству. Напротив, оказалось, что Борис Годунов проводил политику в интересах «служилой аристократии», составлявшей большинство Боярской думы. Их функции во власти были не «парадными», а вполне реальными. «Суть политики Бориса Годунова, — пишет А. П. Павлов, — заключалась не в ограничении традиционных прерогатив Думы, а в привлечении на свою сторону бояр, в консолидации знати вокруг трона»[78]. В недавнее время историком опубликована работа о правящей элите времен Бориса Годунова[79] и написан раздел об эпохе царя Федора и Бориса Годунова в многотомной Кембриджской «Истории России», изданной под редакцией английской исследовательницы Морин Перри[80]. А. П. Павлов сформулировал концепцию политической борьбы после смерти Ивана Грозного, когда бояре боролись не просто за обладание властью, а за выбор дальнейшего политического развития. Борис Годунов отстаивал сформировавшуюся в годы опричнины «самодержавную» модель, а его противники думали о возвращении к «аристократическому» правлению, с симпатией глядя на порядки соседней Речи Посполитой. Борис Годунов, по справедливой оценке исследователя, был «мудрее» своих оппонентов, он стремился выстроить новую иерархию не на опричных началах, а возвращаясь к идеям «тысячной реформы» 1550 года (об этом говорит законодательство о землевладении московского дворянства конца 1580-х годов)[81]. Одновременно были предприняты меры к усилению приказного порядка и воеводского управления на местах. Главной целью внешней политики Бориса Годунова, как пишет Павлов, стало преодоление последствий неудачной Ливонской войны и возвращение престижа Московского государства. Завершая обзор событий правления царя Федора Ивановича и царя Бориса Федоровича, историк призывает помнить, что именно благодаря усилиям Годунова жители Московского государства имели почти двадцатилетний период политической стабильности, частично сопровождавшийся экономическим подъемом. Все это было ярким контрастом с «вакханалией» времен опричнины[82].

В последнее время появляются попытки новой интерпретации

образа Бориса Годунова с помощью реконструкции христианского миропонимания средневековых книжников. Написанная в этом ключе работа Д. И. Антонова, как представляется, не учитывает индивидуального восприятия действительности тем или иным автором повестей и сказаний о Смуте. В итоге получается, что любой писатель начала XVII века заведомо «смиренен» и может судить Бориса Годунова, потому что знает, что соответствует христианским нормам, а клянущийся и кающийся правитель эти нормы нарушает и поэтому «горд». Вряд ли можно судить одного Годунова и не предъявлять тот же счет к авторам летописей и сказаний[83]. Возникают и идеи «реабилитации» православного царя Федора Ивановича, перенесения части заслуг Бориса Годунова на его сестру царицу Ирину Годунову[84]. Но и здесь все дело в чувстве меры. Историки вдохновляются житийным образом царя-молитвенника, а историческая действительность не подчиняется литературному канону.

Похоже, что две самые важные темы в истории России кануна Смуты — «политическая борьба» и «экономическое закрепощение»[85] — останутся источником интереса к Борису Годунову все новых и новых поколений историков. Самый успешный и, одновременно, самый неудачливый русский политик по-прежнему привлекает к себе больше внимания, чем другие его современники. Старая драма не отпускает и спустя несколько столетий. Годунову не дано успокоиться. Подобно тому как при жизни его терзала молва, от царя Бориса и в последующие времена ждут жертвы ненасытному историческому интересу, постепенно смещающемуся от прямолинейных обвинений к пониманию линии великой судьбы известного исторического героя.

Часть первая
Возвышение Годуновых

Глава 1
Царский фаворит

«Вчерашний раб…»

Молва сопровождала Бориса Годунова с рождения и до смерти. Сказанное А. С. Пушкиным про героя далекой хроники Смутного времени: «*вчерашний раб, татарин, зять Малюты*…» — нерукотворный биографический памятник Годунову; подаренный поэтом. Хотя едва ли сам Борис Федорович был бы рад такому «подарку». Тщетно ожидать даже от лучших образцов исторических драм следования портретному сходству. Но любые исторические герои не заслуживают нашего непонимания. Пример «Бориса Годунова» — это гениальная, но одна из возможных интерпретаций, основанных на знании русской истории с ее трагическим разделением народа и власти. Пушкину важно было предъявить свой счет истории: он не мог смириться с уничтожением настоящей аристократии, заменой ее выскочками у трона, насаждавшими раболепие и лесть. Аристократический дух свободы и независимости, который может быть присущ человеку не по одной генеалогии, все же без опоры на славную историю рода оставался для поэта неполноценным. Характеристика Бориса Годунова вложена Пушкиным в уста недруга Годуновых — князя Шуйского, происходившего из рода Рюриковичей. Если не помнить этого, то можно легко принять на веру отзыв о Борисе Годунове, освященный гением поэта. Сергей Федорович Платонов в своем блестящем биографическом очерке писал: «Едва ли прав был, с точки зрения историка, А. С. Пушкин, влагая в уста князя Шуйского (в „Борисе Годунове“) пренебрежительные слова о Борисе… Шуйские, конечно, могли свысока смотреть на Годуновский род, не княжеский и до ласки Грозного не боярский; но никто не мог бы в XVI веке назвать Годунова „вчерашним рабом“ и „татарином“»[86].

В XVI веке действительно существовала четкая иерархия родов, в которой Годуновы уступали не только князьям Шуйским, но и многим другим «честным», как их называли, родам. В Московском царстве соотношение родов не всегда зависело только от происхождения. Учитывались время боярской службы рода московским князьям и особенно родственные связи с ними (пусть даже по женской линии), не говоря уже про возвышение рода по одной милости великого князя или царя. Именно эти обстоятельства вынесли Годуновых «наверх» в эпоху опричнины

Ивана Грозного, позволили им занять место рядом с теми же князьями Шуйскими и боярским родом Романовых. Современники и сам царь Иван Грозный должны были хорошо помнить историю Соломонии Сабуровой (Сабуровы и Годуновы — один род). Неудачливая жена великого князя Василия III так и не смогла родить ему наследника, поэтому была насильственно пострижена в монахини и отправлена в монастырь. Только благодаря следующему браку великого князя с княжной Еленой Глинской появился на свет будущий царь Иван. Дворцовые дела 1520-х годов отозвались спустя полвека. У Ивана Грозного оставалось особое отношение к роду Сабуровых. Представительница старшей линии этого рода была выбрана им в жены царевичу Ивану, а Ирина Годунова, как известно, — в жены царевичу Федору. С другой стороны, Иван Грозный основательно «проредил» своими опалами род Сабуровых. По подсчетам Степана Борисовича Веселовского, около сорока членов рода Сабуровых так или иначе пострадали в опричнину от ссылок, казней, конфискаций. Прежнее значение Сабуровых изменилось, когда возвысились их родственники — Годуновы, происходившие от одного с ними предка — костромского боярина Дмитрия Зерна. Царь Иван, как он это неоднократно делал, сам перекраивал сложившуюся иерархию родов в боярских семьях, отдавая младшим линиям рода предпочтение перед старшими.

Новому времени, наступившему в начале царствования Ивана Грозного, соответствовал официальный «Государев родословец», созданный в 1555/56 году. Родословная книга, состоявшая из сорока трех глав, содержала поколенную роспись всех значимых княжеских и боярских родов. Она навечно утвердила иерархию фамилий русского дворянства, служившего московским великим князьям и первому царю — Ивану Грозному. В ней не могло быть ничего лишнего. «Приписной» род Адашевых, попавший в самый конец родословной книги, исчез из нее, как только кончилось «время» одного из членов Избранной рады — ближнего круга царя Ивана Васильевича. Род Годуновых был записан в «Государеве родословце» вместе со старшими родственниками Сабуровыми, первыми появившимися во дворце. Два этих рода находились на самом почетном месте: они открывали список старомосковских боярских родов в «Государеве родословце», что сразу позволяет оценить настоящее положение Сабуровых и Годуновых в боярской среде. В 14-й главе «Бархатной книги», воспроизводившей текст родословца XVI века, говорилось:

«РОД САБУРОВЫХ и ГОДУНОВЫХ. У Дмитрея у Зерна были 3 сына: Иван, да Констянтин Шея, бездетен, да Дмитрей. А у Ивана Дмитреевича дети: Федор Сабур, Данило Подольской, бездетен,

да Иван Годун…»[87]

Дальнейшая история рода Годуновых шла от Ивана Ивановича Зернова, носившего прозвище Годун, от которого и была образована столь известная в русской истории фамилия (Борис Федорович Годунов приходился ему праправнуком). Обычно прозвища в роду подбирались из одного ряда, но здесь проследить какую-то общность с именем Сабур не удается. Судя по словарным материалам древнерусского языка, собранным еще в XIX веке И. И. Срезневским, прозвище «Годун» можно понять как производное от славянского «годЂ» со значением «угодно, приятно»: возможно, это был «угодный», желанный ребенок, еще один наследник в роду. С. Б. Веселовский считал это прозвище производным от диалектного ярославского слова «годун» — «воспитанник, приемыш», а Н. А. Баскаков видел у прозвища тюркские корни, считая, что оно употреблялось в переносном значении «глупый, безрассудный человек»[88]. Определенно можно сказать лишь о том, что Годуновы, как и их старшие родственники — Сабуровы, наряду с Протасьевичами (Воронцовы), Ратшичами (Пушкины и Бутурлины) и Кобылиными (Колычевы и Романовы), относились к древнейшим боярским родам, служившим в Москве.

О службах первых Годуновых и их прямых предков имеются упоминания в летописях. Дмитрий Зерно был боярином великого московского князя Ивана Даниловича Калиты. По предположению С. Б. Веселовского, специально изучавшего генеалогию боярского рода Зерновых, выезд Дмитрия Зерна на службу к московскому князю из Костромы относился ко времени после 1328 года, когда Иван Калита получил в Орде ярлык, позволявший владеть половиной великого княжения — Костромой и Великим Новгородом[89]. Боярами же были и три сына Дмитрия Зерна: Иван, носивший прозвище Красный, не оставивший потомства Константин Шея и младший Дмитрий (от его сына Андрея Глаза происходили Вельяминовы). Старшая ветвь рода, Сабуровы, удержалась в боярских чинах и в дальнейшем; у младшей, Годуновых, согласно местническим представлениям, было более скромное положение.

Благодаря летописным свидетельствам, можно попытаться заглянуть в историю рода Годуновых даже несколько глубже, чем это позволяют сделать родословные книги. В 1304 году, по сообщению Симеоновской летописи, в Костроме от рук вечников, выступивших против бояр, изменивших московскому великому князю, погиб боярин Александр Зерно. «Того же лета бысть вечье на Костроме на бояр Давида Явидовичя да на Жеребца да на иных. Тогда же и Зерня убили Александра»[90]. Из текста

летописи совершенно неясно, чьим боярином был Александр Зерно, на чьей стороне он выступил и что стало причиной его гибели. И хотя о его родственных связях с Дмитрием Зерном ничего не говорится, все же такое совпадение прозвищ вряд ли было случайным. Скорее всего, прозвище перешло от отца к сыну, и Александр Зерно был отцом Дмитрия, как и считают большинство исследователей. Иначе бы Александр Зерно не был захоронен в родовой усыпальнице Годуновых в Ипатьевском монастыре. Имя Александр встречается в начале поминаний Годуновых в синодиках Ипатьевского монастыря и Успенского собора в Ростове[91].

Но откуда в родословной Бориса Годунова появляется слово «*татарин*»?! Пушкин знал, о чем писал: он имел в виду генеалогическую легенду рода Годуновых, связывающую их происхождение с неким татарским мурзой Четом, принявшим православие с именем Захарий и ставшим основателем и первым ктитором Костромского Ипатьевского монастыря. Именно с Захария начинаются поминания рода Годуновых в синодиках; он тоже был захоронен в Ипатьевском монастыре, и его могилу, как и могилы других предков рода, украшали богатые покрова, «построенные» (как тогда говорили) в XVI веке. На одном из этих покровов читалось имя Захарии.

Легенда о выезде мурзы Чета и основании им Ипатьевского монастыря в 6838 (1330) году присутствует в некоторых редакциях родословцев конца XVI — начала XVII века: «В лето 6838 при государе великом князе Иване Даниловиче и при митрополите Петре Чудотворце прииде из Большии Орды князь, имянем Чет, и крестися на Руси, а во святом крещении имя ему Захария. А у Захарья сын Александр, а у Александра сын Дмитрий Зерно, а у Дмитрия Зернова: Иван, Костянтин Шея да Дмитрий. А у Ивана Дмитриевича у Зернова дети: 1-й Федор Сабур, 2-й Данило Подолской, Иван Годун»[92]. С. Б. Веселовский обратил внимание на стремление составителей родословцев подчеркнуть, что Захарий изначально пользовался покровительством московских митрополитов Петра и Феогноста (хотя митрополит Петр, московский чудотворец, умер до предполагаемого приезда Захария на Русь, еще в 1325 году). Позднее В. Г. Брюсова разыскала еще один список родословных книг XVII века, в котором Захарий отождествляется с неким князем Семеном Чертом: «Род Сабуровых да Годуновых. В лето 6838 (1330) прииде из Орды к великому князю Ивану Даниловичу князь Семен Черт, а во крещении имя ему Захария…» Это явная интерполяция (вставка) в приведенный выше текст из родословной книги, и о ее мотивах можно только догадываться. Современные авторы

исторического очерка об Ипатьевском монастыре И. В. Рогов и С. А. Уткин приняли версию о некогда существовавшем родоначальнике Годуновых князе Семене Черте. Они считают, что «прозвище Черт вряд ли мог носить татарин, пусть даже и крещеный» (что, впрочем, спорно). Убедительнее, по их мнению, выглядит догадка, что Семен Черт принял схиму с именем Захария. Однако в родословной записи говорится именно о крещении, а не принятии схимы. Кроме того, Захарию должны были бы поминать как князя и как схимника, однако по записям синодиков это не прослеживается[93]. Объяснить появление «Семена Черта» в родословной книге можно было бы стремлением кого-то из недругов Годуновых очернить их заменою встреченного «Чет» на неблагозвучное «Черт», однако для этого не надо было изобретать никакого князя Семена. Кроме того, прозвище «Черт», данное от сглаза, могло существовать и во вполне безобидном контексте: ведь дворянские роды Чертовых и Чертковых существовали многие поколения.

Появление Захарии-Чета в родословии Годуновых вызывает много вопросов. Такого выходца из Орды не знают ни летописи, ни официальный «Государев родословец». Если доверять генеалогическим изысканиям XVI века (а известна эта история стала только со времени возвышения Годуновых), то получается, что основатель рода, Захарий, выехал на службу в то же самое время, когда боярином Ивана Калиты становится его внук, Дмитрий Зерно! Еще более запутанным всё становится, когда годуновскую родословную легенду некритически воспроизводят в рассказе о начале Ипатьевского монастыря. Вот как трансформировался рассказ о мурзе Чете-Захарии в подробном путеводителе по монастырю, изданном к торжествам 300-летия дома Романовых в 1913 году: «В стародавние времена, когда русло Волги, по преданию, подходило гораздо ближе к месту, занимаемому ныне монастырем, этот живописный уголок, образуемый слиянием двух рек (так называемая стрелка), как бы невольно манил к себе взор путника по Волге прохладной тенью поросших здесь вековых дубов. Посему место, теперь занимаемое монастырем, было обычным пунктом для остановки плывших по Волге судов. Неудивительно, что здесь в 1330 году раскинул свои шатры татарский мурза Чет, вместе с семейством покинувший тогда раздираемую внутренними смутами Золотую Орду для того, чтобы поступить на службу к великому Московскому князю Ивану Даниловичу Калите (1328–1341), добрая слава о котором достигла и татарских улусов в низовьях Волги. И вот, во время отдохновения мурзы Чета, явилась ему в чудном видении Пресвятая Дева с Предвечным Младенцем на руках и молитвенно

предстоящими Ей св. апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием, еп. Гангрским († в IV веке в Малой Азии). При этом явлении получив исцеление от недуга, мурза, поклонник Аллаха, вместе с любовию к русской земле почувствовал сердечное влечение и к ее вере. По прибытии в Москву обласканный великим князем Иваном Даниловичем Калитой, Чет вскоре принял св. крещение с именем Захарии и дал обет воздвигнуть на месте дивного явления ему Богоматери обитель для иноков. Испросив для сего у великого князя дозволение, а у митрополита Феогноста благословение, он построил здесь деревянный храм во имя Пресв. Живоначальной Троицы и деревянные же настоятельские и братские келлии и обнес все здания дубовою стеною. Таково древнее сказание о начале святой обители»[94].

В рассказе из старого путеводителя немало исторических несуразностей, благополучно воспроизводящихся и сегодня в популярной литературе. Если предположить, что Чет жил во второй половине XIII века (ранее Александра и Дмитрия Зерна), то чем объяснить выезд на Русь одного из татарских правителей, да еще смену им веры? Прецеденты такого рода, кажется, были, в частности, в истории церкви известен выезд Петра, царевича Ордынского, племянника хана Берке, относящийся ко временам Александра Невского и ростовского епископа Кирилла (впоследствии Петр, царевич Ордынский, был причислен к лику святых). Однако и о нем, как и о Захарии, летописи не упоминают. Смысл таких историй, видимо, состоял в провозглашении торжества православия над верою ордынцев, когда те переходили на службу русским князьям (что за вера была у них, источники умалчивают, хотя известно, что в то время ислам еще не стал господствующей религией в Орде). Еще в конце XIV века выезд и крещение трех знатных татар воспринимались, по словам новгородской летописи, как «диво чюдное»[95]. «Мурзу Чета», явившегося на службу Ивану Калите, не могли не заметить, а его почему-то долгое время помнили в своем роду только Сабуровы и Годуновы. Сам мотив выезда Захария Чета к Ивану Калите в 1330 году не ясен: ведь Орда в этот момент, при хане Узбеке, была сильна как никогда, а что мог сулить татарскому мурзе переход на службу к даннику? Кем бы ни был Чет (даже если он носил другое, защищавшее от сглаза, табуированное имя), понятно только одно: Сабуровым и Годуновым, по примеру других родов, было выгодно украсить начальную историю своего клана выездом знатного предка — «князя» Большой Орды. Не исключено, что в творческом развитии легенды поучаствовала и братия Ипатьевского монастыря. В 1530–1540-х годах, по обоснованному предположению

И. А. Голубцова, в монастыре переписали, а точнее подделали древнюю грамоту Константина Дмитриевича Шеи (сына Дмитрия Зерна), приложив к ней новоизготовленную печать[96]. Не тогда ли в Костроме, страдавшей от набегов казанских татар, появилась и выгодная монастырю легенда о крещеном татарском мурзе Захарии как основателе обители? В общем же, как писал С. Б. Веселовский, «легенда о выезде Чета не выдерживает самой снисходительной критики ни с хронологической, ни с генеалогической, ни с общеисторической точек зрения»; сам род Захария выдающийся генеалог считал «исконно костромским»[97].

Устроение Троицкого монастыря в Костроме вполне вписывается в контекст истории Церкви в середине XIV века. Напомню, что с этого времени отсчитывается история самой Троице-Сергиевой лавры. Если исключить сомнительный казус с крещеным мурзой, то из содержания легенды об основании монастыря можно выделить факт почитания святых Ипатия Гангрского и апостола Филиппа. В других городах Северо-Восточной Руси храмов с таким посвящением не встречается. Как же они возникли в Костроме и не было ли это отражением того, что Костромская земля в церковном отношении могла находиться под влиянием не одной Москвы, а еще и Великого Новгорода? Храм, посвященный Ипатию Гангрскому, по сообщению Новгородской Первой летописи, был впервые построен в Славенском конце на Торговой стороне Новгорода в 1183 году: «Постависта цьрковь Святого Еупатия Радъко с братом на Рогатеи улици»[98]. Некоторое время спустя, в 1194 году, в том же Славенском конце появилась церковь Апостола Филиппа в Нутной улице[99]. Строителем этой церкви назван новгородский боярин Родослав Данилович, которого можно отождествить с тем же Радкой (Радко — уменьшительное имя от Родослава), построившим Ипатьевский храм. Конечно, этих фактов недостаточно для далеко идущих выводов… Однако все же нелишне поставить вопрос: было ли случайным совпадение храмовых посвящений Ипатию Гангрскому и апостолу Филиппу в роду новгородского боярина конца XII — начала XIII века Родослава Даниловича и у основателя рода Сабуровых и Годуновых, жившего во второй половине XIII века? Около 1369–1372 годов после пожара в Славенском конце была заложена каменная церковь Святого Ипатия «на Рогатице»[100]; следовательно, у храма и в более позднее время оставались богатые ктиторы. Скорее всего они были новгородцами, но полностью исключать того, что в постройке нового храма могли участвовать другие потомки Родослава Даниловича или их родственники, оказавшиеся на службе у московского князя, тоже

нельзя. Можно высказать осторожную гипотезу о том, что корни еще одного старомосковского боярского рода уходят в Новгород, как это было, например, с Ратшичами. Ведь в дальнейшем линия потомков Родослава Даниловича или его брата, тоже упомянутого (но без имени) в качестве строителя церкви Ипатия Гангрского, в Новгороде не прослеживается. Быть может, из Новгорода представители этого боярского рода уехали служить московскому князю?

В пользу предположения о новгородских связях Сабуровых и Годуновых может свидетельствовать и упомянутое обстоятельство одновременного получения великим князем Иваном Калитой ярлыка на княжение в Костроме и Новгороде Великом. Только много позже новгородское происхождение рода стало однозначно рассматриваться как местническая потеря, а в XIII–XIV веках все было по-другому. В родословной потомков «мужа честна» Ратши (от которого, как известно, шел род Пушкиных) сведения о его легендарном выезде «из Немец» соединились с именем боярина Гаврилы Алексича, действительно служившего в Новгороде у великого князя Александра Невского. Несколько столетий спустя легендарный «немецкий» Ратша оказывается в родословии «лучше» знаменитого новгородского боярина. Память о Гавриле Алексиче все равно бережно хранилась, несмотря на очевидную путаницу с годами выезда прадеда Ратши, совмещенными со временем службы правнука. Схожим образом Сабуровы и Годуновы могли приписать себе происхождение предка из ордынских «князей», а время выезда Захарии отнести к годам службы Ивану Калите боярина Дмитрия Зерна. Если так, то «модели», по которым составлялись родословные Ратши и Захарии Чета, окажутся схожими.

Внуки Дмитрия Зерна служили московским великим князьям и по их воле ходили походами в Великий Новгород. Во времена Дмитрия Донского и его сына Василия Дмитриевича между Новгородом и Москвой существовала постоянная вражда, затихавшая только тогда, когда надо было вместе противостоять агрессивной политике Великого княжества Литовского. Новгородские ушкуйники свободно плавали по Волге, под предлогом борьбы с «бесерменами» грабили московских гостей, а однажды, во главе с неким Прокопом, даже разорили Кострому — родовое гнездо Дмитрия Зерна и увели оттуда большой полон в низовья Волги. Один из таких походов новгородцев на Кострому и Нижний Новгород привел к тому, что великий князь Дмитрий Донской пошел войной на Новгород.

Есть прямые свидетельства о службе Зерновых в Великом

Новгороде на рубеже XIV–XV веков. С. Б. Веселовский разыскал в одном из родословцев «память» о местническом положении родоначальника Сабуровых — боярина Федора Сабура и его брата Данилы Подольского в лествице боярских родов. Речь идет о старших внуках Дмитрия Зерна. Федор Сабур участвовал в Куликовской битве в 1380 году, именно ему посчастливилось найти ослабевшего от ран князя[101]. В дальнейшем он был одним из самых приближенных бояр великого князя Василия Дмитриевича, подписывал его духовные грамоты. В упомянутой «памяти Федора Ивановича Сабура» говорилось о службе среднего брата Данилы Ивановича Подольского в Новгороде Великом при великом князе Василии Дмитриевиче: «коли Данила Новгород держал», тогда он получал письма от великого князя и сам писал к нему грамоты за своею печатью![102] К сожалению, по летописям не удается точно установить, когда это было (род Данилы Ивановича Подольского скоро пресечется). В начале XV века из Москвы в Новгород несколько раз посылались наместники; возможно, что Федор Сабур вспоминал об одной из таких служб своего брата.

На фоне боярской ветви Федора Сабура Иван Годун и его потомство ничем особенным не выделялись. С. Б. Веселовский заметил: «В XV веке Годуновы совершенно безвестны, но несомненно, что они служили и не опускались, а главное — не теряли родовых вотчин и умеренно размножались. С начала XVI века они, не достигая думных чинов, продолжают оставаться добрым боярским родом, из которого выходит целый ряд „стратилатов“, то есть полковых воевод»[103]. Имена предков Годуновых начинают впервые появляться в земельных актах Ипатьевского монастыря. В XV веке родовое их прозвание уже вполне утвердилось. В разрядных же книгах, содержащих годовые перечни полковых воевод и освещающих порядок распределения русского войска, представители рода Годуновых впервые встречаются при великом князе Василии Ивановиче III. Имена полковых воевод в Великих Луках Петра Григорьевича и Василия Григорьевича Годуновых упомянуты во время русско-литовских войн 1507–1508 и 1514–1515 годов[104]. Службы эти были настолько значимы для рода, что Годуновы потом предъявляли указную грамоту великого князя Василия Ивановича воеводе Петру Григорьевичу Годунову, отосланную в августе 1508 года как одно из местнических доказательств высокого положения своего рода. Тем более что великий князь хвалил великолукских воевод во главе с Годуновым за исправное поставление сведений о ведении военных действий: «Писали есте ко мне о вестех, ино то делаете гораздо, что нас без вести не держите»[105]. На службы

«деда» Василия Григорьевича его внучатый племянник Борис Годунов будет ссылаться в своих местнических спорах[106]. У воеводы начала XVI века Василия Григорьевича Годунова было два сына — Афанасий и Василий, оказавшиеся «на поместье» в Новгороде, что и привело к тому, что вперед выдвинулась средняя линия рода, к которой принадлежали Дмитрий Иванович и Борис Федорович Годуновы[107].

О среднем брате великолукских воевод — Иване Григорьевиче, прямом предке будущего царя Бориса Годунова, известно меньше. Достоверно установлено, что он был вяземским помещиком. Ю. Д. Рыков разыскал сведения о книге, переписанной в 1519 году «наймом, строением и попецением и повелением» Ивана Григорьевича Годунова в сельце Новом под Вязьмой. Следовательно, с этого времени Годуновых уже можно считать помещиками новоприсоединенного (в 1493 году) Вяземского уезда[108]. По Вязьме служила и младшая ветвь Годуновых. Еще один внук основателя рода Ивана Годуна, Андрей Дмитриевич, упоминается в 1540-х годах среди дворян, которые «в Думе не живут», но получили почетное назначение участвовать в приеме «литовских послов»[109].

Впоследствии, в 50-х годах XVI века, во времена проведения «тысячной реформы», трое сыновей Ивана Григорьевича Годунова — Иван, Федор и Дмитрий — будут записаны по Вязьме в «Дворовой тетради»[110] — первом дошедшем до нас полном списке членов Государева двора Ивана Грозного (среди них упомянут родной отец Бориса Годунова — Федор Иванович, носивший прозвище Кривой). В таком же порядке они будут упомянуты и в «Государевом родословце» 1550-х годов. В «Бархатной книге» сведения об этом поколении Годуновых будут «пополнены»: «У Ивана ж Григорьева сына был 4 сын Василей, бездетен». Василий Иванович Годунов ушел в монастырь, он скончался и похоронен под именем инока Варлаама в Троицко-Болдинском монастыре[111]. Старший из братьев Иван Иванович Чермной, как и положено, раньше других появился на службе, он «годовал» вместе с наместником и другими воеводами в Смоленске в 1551 году[112]. Однако это единственное упоминание о службе ближайших родственников Бориса Годунова (в поколении его отца) до опричнины. Можно лишь заметить, что в «Государевом родословце» по какой-то причине следующим по старшинству после Ивана Ивановича упоминается Дмитрий Иванович Годунов, а отец Бориса Годунова Федор Иванович записан не на своем месте среднего брата, а последним. Не объяснялось ли это его прозвищем — Кривой, что могло означать

и непригодность к службе, и препятствия в продвижении в чинах? [113]28 К моменту составления официальной родословной книги Борису Годунову, родившемуся около 24 июля 1552 года[114], было всего несколько лет. Поэтому в «Государевом родословце» записан только один сын Федора Ивановича Василий, старший брат Бориса[115]. Их матерью была Стефанида, вместе с которой Борис Годунов позже распорядится вотчинными землями в Костромском уезде, подарив их Ипатьевскому монастырю[116].

«Тысячная реформа» 1550 года была попыткой увеличить количество «лучших» слуг царя за счет их испомещения ближе к Москве. Состав вязьмичей, упомянутых в Тысячной книге 1550 года и «Дворовой тетради» 50-х годов XVI века, подробно проанализирован В. Б. Кобриным, установившим, что в них перечислены имена 254 вяземских помещиков. Годуновы были не единственными представителями старомосковских боярских родов. Рядом с ними служили Бутурлины, Викентьевы (из рода Добрынских), Дмитриевы-Даниловы, Замыцкие (род Ратши), Захарьины-Княжнины, Квашнины, Меликовы, Мятлевы (род Ратши), Нащокины, Пильемовы (род Сабуровых), Плещеевы, Пушкины, Салтыковы, Хлуденевы, Щепины-Волынские[117]. Нетрудно заметить, что, как и в случае с Годуновыми, на поместье в Вяземский уезд попадали представители младших ветвей, а не те, кто наследовал по главной линии основателям рода.

Именно испомещение в Вяземском уезде стало предпосылкой последующего возвышения рода Годуновых. Взлет самого Бориса обычно связывают с его удачным браком с дочерью Малюты Скуратова. Вспомним снова пушкинское «…*зять Малюты*». Однако при этом забывают, что браки в то время совершали прежде всего по родословному расчету, укрепляя честь рода и его связи. О браках детей договаривались соседи по поместьям, отцы, находившиеся друг с другом в полках или на службах при царском дворе. Малюта Скуратов тоже был вяземским помещиком (его имя и отчество звучали по-другому — Григорий Лукьянович Бельский, но все знали и знают знаменитого опричника по мирскому имени и фамилии, образованной от прозвища отца — Скурат; впрочем, его род имел корни в Белой и соседнем Звенигородском уезде). Поэтому знакомство Бельских и Годуновых, возможно, состоялось много раньше. Другое дело, что именно чрезвычайное опричное время сблизило Годуновых с Малютой Скуратовым.

Годуновы и опричнина

Опричнина с ее известным разделением страны на две части «опричную» и «земскую» составила целую эпоху в истории Московского царства, создав новую систему управления и Государев двор[118]. Именно тогда, в 1565–1572 годах, происходили возвышение одних родов и упадок других. Хаотичность и непредсказуемый характер этих процессов, сопровождавшихся жестокими казнями, породили историографический миф о борьбе боярства и дворянства. В контексте этих представлений брак Бориса Годунова с дочерью «худородного» опричника Малюты Скуратова-Бельского считался очевидным мезальянсом и подтверждал версию о претензиях рядового дворянства на власть во дворе. При этом из анализа полностью исключались личные мотивы действий разных лиц, включая самого царя Ивана Грозного. Историки, изучив состав Опричного двора и его эволюцию в последующее время, скорректировали эти взгляды. Сегодня можно считать доказанным, что опричнина отнюдь не уничтожила власть аристократии — княжеских и старомосковских боярских родов. Хотя Государев двор и подвергся основательной «перетряске», его родословные основания оказались очень прочными. Годуновым повезло, что они оказались в числе «победителей», но, во многом, это отражало существовавший порядок воздаяния по родословным заслугам. С. Б. Веселовский, составив «послужные списки опричников», заметил, что «единственным родом, про который с некоторыми оговорками можно сказать, что он сделал карьеру в опричнине, были Бельские»[119].

В списках опричников оказалось много выходцев из Вязьмы. На это обратил внимание А. А. Зимин, писавший, что Борис Годунов «на заре своей деятельности вошел в опричное окружение молодых вязьмичей, соседей-землевладельцев, которые начинали играть заметную роль в последние опричные годы»[120]. Действительно, многие деятели опричной думы проследовали в нее стройными рядами из своих вяземских владений. В ближний круг Грозного царя входили вяземские помещики боярин и князь-Рюрикович Иван Андреевич Шуйский, окольничий князь Борис Дмитриевич Тулупов, из рода Стародубских князей, и, конечно, Малюта Скуратов. О доверии Ивана Грозного к выходцам из Вязьмы свидетельствует и выбор им своих жен Василисы Мелентьевны и Анны Васильчиковой (их родственники тоже были испомещены в этом уезде)[121]. Создается впечатление, что царь Иван Грозный даже специально стремился опереться именно на «вязьмичей». Совпадение или нет, но даже название подмосковной вотчины Бориса Годунова звучало Вяземы![122] Возвращаясь к истории с браком Бориса

Годунова и Марии Скуратовой, можно напомнить, что молодой опричник и представитель старомосковского рода приобретал выгодное свойство́ с князем Иваном Михайловичем Глинским (двоюродным братом самого царя) и Дмитрием Ивановичем Шуйским, оба они тоже были вяземскими землевладельцами и женаты на дочерях Малюты Скуратова-Бельского[123]. «Вяземские» связи остались крепкими и после отмены опричнины, когда царь Иван Грозный создал «особый» двор и включил в него, прежде всего, князей Шуйских, Годуновых и Бельских[124].

Начало службы Бориса Годунова пришлось на время опричнины. Но вот где служить, в опричнине или земщине, ему выбирать не приходилось. Когда Борису исполнилось пятнадцать лет, он, как и другие его знатные сверстники, должен был появиться в царской свите. Борису Годунову повезло, что двор Ивана Грозного формировался из детей боярских тех уездов, которые сразу же были взяты в опричнину. Среди них оказалась Вязьма, по которой некогда был записан в службу отец Бориса Годунова. Чуть позднее, между 14 февраля и 19 марта 1567 года, в опричнину был взят и Костромской уезд[125], с которым Годуновы сохраняли исторические связи и где в Ипатьевском монастыре располагался их родовой некрополь. Именно с 1567 года впервые упоминается на службе постельничим царя Ивана Грозного Дмитрий Иванович Годунов. Это, пожалуй, самая ответственная должность в придворном ведомстве, ближе к царю человека, смотревшего каждый день за порядком в царских покоях, никого не бывало. Назначение постельничим Дмитрия Годунова объясняется личным выбором царя, о мотивах которого можно только догадываться. Напомню, что в начале 1567 года, напротив Московского Кремля был достроен новый опричный дворец Ивана Грозного. Постельничий Дмитрий Годунов призван был устроить царскую опочивальню в этой выстроенной Иваном Грозным небывалой цитадели рядом с Кремлем, окруженной высоким забором и наполненной охраной из числа опричников. По обычаю, остальные Годуновы тоже потянулись в царский дворец, используя поддержку государева постельничего. В разряде того же осеннего похода 1567 года на Новгород, где «за постелею» написан Дмитрий Годунов, его родной племянник Борис Годунов впервые упоминается на службе в стряпчих[126] — этот чин службы, связанный с устройством разных дел во дворце, жаловался представителям знатных дворянских родов. Стряпчие следили за царскими погребами и столами, помогали в устройстве царского гардероба, организации дворцовых приемов и царских выходов. Не следует путать стряпчего Государева двора и стряпчего в канцелярии, не говоря уж о просторечном значении

слова «стряпать». Об этом предупреждал еще Г. Ф. Миллер, писавший о чине стряпчего в «Известии о дворянах российских» (1790): «Они стряпчими названы по тому, что около Государя стряпали, то есть в каком-нибудь деле для Государя упражнялись: к чему хотя бы и приуготовление кушанья принадлежало»[127].

25 марта 1572 года Дмитрий Иванович и Борис Федорович Годуновы вместе передали в Ипатьевский монастырь свою плесскую вотчину «на Костроме»: «что у нас деревенька вотчинная, искони вечная деда нашего и отца нашего благословения по духовным грамотам»[128]. Большинство исследователей называют Д. И. Годунова дядей Бориса Годунова. Однако в тексте Бархатной книги было «по росписи пополнено ж»: «А у Ивана Иванова сына дети: Федор, бездетен; да Василей; да Дмитрей Иванович, был в Боярех; а у Дмитрея сын Иван, бездетен». Тогда получается, что Дмитрий Иванович — сын Ивана Ивановича Чермного, двоюродный брат, а не дядя Бориса Годунова! Авторами этого генеалогического дополнения были в конце XVII века Григорий и Дмитрий Годуновы, подавшие росписи в Палату родословных дел. Однако документ на вотчину точно передает их родство[129].

Быстрое продвижение Годуновых в чинах объясняется еще одним решением царя Ивана Грозного, который предназначил его сестру Ирину Годунову в жены царевичу Федору. Оказывается, Ирина попала во дворец очень рано. В «Утвержденной грамоте» 1598 года с целью обосновать права Бориса Годунова на престол рассказывалось, что это случилось, когда ей было всего семь лет. Тогда же и ее брат Борис Годунов испытывал покровительство Ивана Грозного: «при его царьских пресветлых очех был всегда безотступно по тому же не в совершенном возрасте, и от премудрого его царьского разума царственным чином и достоянию навык»[130]. Это свидетельство никто из многочисленных врагов Бориса Годунова не оспаривал ни тогда, ни позже. Рассчитать время появления Ирины Годуновой во дворце можно, хотя точная дата ее рождения неизвестна[131]. Царевич Федор родился 31 мая 1557 года, Р. Г. Скрынников считал их ровесниками с Ириной Годуновой (правда, не приводя для этого в обоснование никаких фактов)[132]. Получается, что Ирина, а вместе с нею и Борис попали во дворец около 1564 года. Нет ясности и со временем свадьбы царевича Федора и Ирины Годуновой. С. Ф. Платонов с осторожностью относил их брак к 1580 году[133]. С. Б. Веселовский связывал с этим событием получение боярского чина Борисом Годуновым в 1578 году[134]. И лишь публикатор новонайденного «Пискаревского летописца» О. А. Яковлева установила, что свадьба 17-летнего царевича

Федора и Ирины Годуновой состоялась не позднее начала 1575 года[135]. Она обратила внимание на сведения о надписях на покровах Пафнутьево-Боровского и Троице-Сергиевского монастырей, собранных еще в XIX веке архимандритом Леонидом. Царские вклады — великолепное шитье на гробницы чудотворцев — датируются, соответственно, 5 марта и 3 мая 1575 года, и в них Ирина Годунова уже названа женой царевича Федора. А ведь на то, чтобы изготовить этот заказ в царских мастерских, тоже требовалось время. Даже запись «Пискаревского летописца» о браке царевича Федора стоит в контексте описания более ранних событий 1573 года: «Того же году царь и государь великий князь Иван Васильевич всеа Русии женил сына своего царевича Федора Ивановича, а взял за него дочерь Федора Годунова Ирину». Английский купец и дипломат Джером Горсей в своих записках помещает известие о женитьбе младшего сына Ивана Грозного вслед за рассказом об опале новгородского архиепископа Леонида, возможно, случившейся в том же 1573 году[136]. Интересно, что Горсей ссылается на бывший в его распоряжении «оригинал» какой-то длинной речи царя, прозвучавшей на общем соборе «князей и духовенства», где царь снова обрушился на своих изменников и настоял на том, чтобы женить своего младшего сына, несмотря на то, что он был «прост умом». Решающим же обстоятельством стало то, что «его старший сын не имел потомства»[137].

Следовательно, Ирина Годунова к моменту заключения брака должна была около десяти лет находиться во дворце до своей свадьбы с царевичем Федором. Рядом с нею на глазах Ивана Грозного мог жить и ее брат. Это совпадает и с известным из разрядов началом службы Бориса Годунова в 1567 году, когда ему исполнилось пятнадцать лет, и в целом с возвышением в начале опричнины рода Годуновых. В итоге все произошло по меткому слову их далекого предка Федора Сабура, говорившего про одного боярина, вступавшего в родство с великим князем: «Бог у него в кике!» (Спор у бояр, как обычно, шел о местах, и на новую лестницу чинов больше повлияла «кика» — головной убор жены, а не ее муж-боярин, оспаривавший первенство за великокняжеским столом по праву своего происхождения.)

Предусмотрительность царя Ивана Грозного проявилась в том, что его сыновья, Иван и Федор, не должны были сталкиваться по поводу царского наследства. В своей духовной грамоте 1572 года царь поручал старшему брату заботиться о младшем и заповедовал царевичу Федору: «А учнешь ты, сын мой Федор, под сыном под Иваном государств его подыскивать, или учнешь с кем-нибудь ссылатися на его лихо, тайно или явно, или

учнешь на него кого подъимати, или учнешь с кем на него одиначитися, ино по евангелскому словеси, Федор сын, аще кто не чтит отца или матерь, смертью да умрет»[138]. Важно было сделать так, чтобы родство с царской семьей не стало поводом для соперничества; мало того, надо было еще навсегда исключить возможную вражду братьев и их потомства. Кроме того, царь Иван Грозный должен был позаботиться, чтобы и родственники царевичевых жен не переругались друг с другом, споря о местах при его наследниках. Не придумал ли тогда царь стройную родословную конструкцию, женив одного царевича на представительнице старшей линии рода — Евдокии Сабуровой, а другому царевичу подобрав невесту из младшей ветви того же рода — Годуновых? Например, в разряде свадьбы царя Ивана Грозного с Марфой Собакиной в октябре 1571 года Иван Сабуров — первый дружка царя, Борис Годунов был ниже его — первым дружкой царицы. Впрочем, если такой план существовал, то недолго. Потому что нетерпеливый царь Иван развел царевича Ивана Ивановича с его первой женой Евдокией Борисовной Вислоуховой-Сабуровой. Ее постригли в монастырь через год после свадьбы с царевичем[139].

Сыновья Федора Кривого и Стефаниды Годуновых, Василий и Борис, начинали службу с обычной для детей из знатных княжеских и боярских фамилий службы в рындах (оруженосцах). В разрядных книгах писали имена рынд «с саадаком» (луком и стрелами), копьем и рогатиною. При этом в полку у царя или его сыновей мог быть не один, а несколько саадаков: большой, другой, «писаный», «нахтермяный» (то есть сделанный из кожи, вывернутой на оборотную сторону, и украшенный шелком). Назначения молодых людей на службу с первым или даже вторым («другим») саадаком уже много говорили о их будущих перспективах. Поэтому и сами они, и их семьи зорко следили, чтобы местническое равновесие не было нарушено. Например, первые же известные службы братьев Годуновых в полку у царевича Ивана Ивановича объяснили, кто из них старший брат: Василия Федоровича назначили рындою «с копьем», а Бориса Федоровича — «с рогатиною»[140]. Однако порядок записи на службу братьев мог и меняться, как это произошло с теми же Годуновыми. В походе 1571 года, когда Иван Грозный снова ходил в разоренный им Новгород, Борис Годунов получил назначение в полк царевича рындою «з другим саадаком», а его брат Василий Федорович оставался рындою «с копьем»[141].

Именно со службою в рындах связан первый громкий местнический спор с потомком ярославских князей Федором Васильевичем Сицким, который Борису Годунову удалось

выиграть в сентябре 1570 года (один был рындою «с копьем» в полку царевича Ивана Ивановича, а другой — «с рогатиною»)[142]. Между прочим, Сицкий был племянником первой жены царя Ивана Грозного Анастасии Романовны! Ее брат, боярин и дворецкий Никита Романович Юрьев, стоял в это время во главе земской Боярской думы. Князь Федор Васильевич Сицкий — сын царского свояка князя Василия Андреевича Сицкого, женатого на Анне Романовне Юрьевой[143]. Однако это свойствб Иван Грозный вспоминал с раздражением. Однажды его буквально заставили свидетельствовать в земельном споре ярославских князей Сицких и Прозоровских («обыскивали кабы злодея», то есть расспрашивали в качестве свидетеля). Адресуясь к еще одному ярославскому князю, своему заклятому врагу беглому Андрею Курбскому, Иван Грозный писал: «Попамятуй и посуди, с какою же укоризною ко мне судили Сицково с Прозоровскими»[144]. Старые обиды Иван Грозный, как известно, мог помнить годами, а потом они неожиданно прорывались и отзывались самым жестоким образом. Молодой Борис Годунов своим местническим столкновением вольно или невольно дал повод царю потешить свою мстительность и унизить прежних свойственников князей Сицких, которые, кстати, тоже служили в опричнине. Царь Иван Грозный велел записать в Разряде, что Борису Годунову «невмесно» служить в том походе с Федором Сицким[145]. Возможно при этом, что один из Годуновых вполне искренне хотел утвердить место рода в верхах знати. Пожалуй, именно здесь впервые мы сталкиваемся с тем, что со временем станет «фирменным стилем» Бориса Годунова. Никто и никогда не сможет его упрекнуть, что он действовал вопреки принятым правилам. Но каждый раз следствием его действия или бездействия оказывалась прямая выгода самого Бориса. Свойство, обычно присущее или очень осторожному человеку, или глубокому проходимцу. Но история так и не смогла вынести окончательный приговор Борису Годунову. Хотя характер Бориса Годунова невозможно объяснить простым противопоставлением добра и зла.

Любимец Грозного царя

С. Б. Веселовский заметил, что Годуновы попадают в опричное управление на закате опричнины, когда Иван Грозный стал расправляться с теми, кто входил в его окружение раньше[146]. Предпочтение, изначально оказывавшееся царем младшему из братьев, Борису, очевидно. Объяснялось это известными обстоятельствами женитьбы Бориса Годунова на

дочери Малюты Скуратова. Царю Ивану Грозному, фанатически боявшемуся боярских «измен», было удобно связать родственными узами своего постельничего и ближайшего слугу Малюту Скуратова, в преданности которого он до определенного времени не сомневался. Старший из двух братьев Годуновых, Василий, тоже был приближен царем, но, в отличие от Бориса, не успел прославиться ни громкими местническими столкновениями, ни заметными службами. Он рано умер, погибнув в моровое поветрие 1571 года[147]. Зримым свидетельством возвышения молодого Бориса Годунова, которому не исполнилось и двадцати лет, стала свадьба царя Ивана Грозного с Марфой Васильевной Собакиной в октябре 1571 года, на которой Годунов оказался «дружкой» царицы.

После возвращения из похода на Новгород летом 1570 года царь был сильно озабочен матримониальными планами, как своими собственными, так и старшего сына царевича Ивана. Овдовев во второй раз, Иван Грозный искал себе новую, третью жену, которая должна была стать последней (больше, по канонам православной церкви, царю нельзя было жениться). Поэтому к выбору царской невесты подошли с размахом. Устроили грандиозный смотр возможных невест и привезли в опричную Александрову слободу, по разным сведениям, от полутора до двух тысяч самых красивых девушек. Сначала в этом «конкурсе красоты» XVI века отобрали 24 претендентки, потом, в следующем «туре», их число сократилось до 12. В итоге царская «корона» досталась Марфе Васильевне Собакиной[148]. Говорили, что на выбор царя Ивана Грозного повлиял Малюта Скуратов. Не случайно свадебный разряд стал триумфом главного опричника и его родни. На царской свадьбе дружками царицы были записаны тесть — Малюта Скуратов и зять — Борис Годунов (причем имя Бориса стояло выше). Царицыными «свахами» стали две Марьи — мать и дочь: жены Малюты Скуратова и Бориса Годунова. Кроме родственников новой царицы только Борис Годунов и Богдан Бельский (племянник Малюты Скуратова) «в мыльне с царем мылись»[149]. Так эти молодые люди очень рано вошли в круг ближайших «любимчиков» Грозного царя.

Опричнина, благодаря которой Борис Годунов так быстро оказался в приближении у царя Ивана Грозного, вскоре была упразднена. В 1572 году царь не только запретил упоминать само это слово, но и отказался от услуг многих, ранее незаменимых опричных «гвардейцев», включая Малюту Скуратова. Скорее всего молодость спасла Бориса Годунова и это охлаждение не коснулось его самого; он продолжал служить в свите царевича Ивана Ивановича. В чине рынды «с копьем» Борис Годунов

упомянут в разряде похода на Пайду в конце 1572-го — начале 1573 года; к тому времени он получал денежный оклад в 50 рублей[150]. Правда, его соперник в искании милостей Ивана Грозного Богдан Бельский значительно обогнал свойственника: он служил в рындах «с рогатиною» у царя, вскоре был пожалован в стольники, и его оклад был в пять раз больше — 250 рублей[151]. В походе на Пайду Борис Годунов должен был стать свидетелем гибели своего тестя и главного покровителя Малюты Скуратова. Это случилось на приступе 1 января 1573 года. Даже летописцы отметили смерть «ближнего царева и думнаго дворянина»[152]. Как считал С. Б. Веселовский, проницательный Малюта Скуратов, не дожидаясь казни, сам «напросился» на «верную смерть». Но могло быть и по-другому. Большинство опричников (и Борис в их числе) не обладали ратным опытом, поэтому многие быстро гибли во время серьезных военных действий[153]. На долю зятьев Малюты Скуратова (в том числе Бориса Годунова), видимо, выпала печальная забота о погребении тела покойного, завершившего свой земной путь с репутацией страшного палача и убийцы митрополита Филиппа. Малюта Скуратов был похоронен в родовом некрополе Бельских в Иосифо-Волоколамском монастыре, куда царь, а потом и сам Борис Годунов делали большие вклады[154].

Иван Грозный продолжал доверять Годуновым. В государевой свите появились и представители старшей ветви рода. В 1572 году царь приблизил к себе еще и «новгородских» Годуновых. Самый старший в поколении Бориса, Яков Афанасьевич Годунов, был поставлен в росписи похода в Великий Новгород выше всех. Он был рындою «с другим саадаком» у самого царя, в то время как Борис Годунов служил рындою «с копьем» у царевича Ивана Ивановича. В царскую думу первым из Годуновых тоже попал не Борис, как можно было подумать, и даже не Дмитрий Иванович Годунов. С чином царского окольничего впервые встречается Степан Васильевич Годунов, оставленный после взятия Пайды на воеводстве в Вильяне в 1573 году. К этому времени относится его успешное местническое дело с первым воеводой и тоже окольничим Василием Федоровичем Воронцовым, в результате чего в разрядных книгах появилась запись о выдаче Степану Васильевичу «невместной» грамоты[155]. Постельничий Дмитрий Иванович Годунов получил чин окольничего позже, уже в 1574 году (он упоминается с этим чином 10 апреля 1574 года, возможно, был пожалован на Пасху, приходившуюся в том году на 11 апреля)[156].

Решение, навсегда изменившее значение рода Годуновых, было принято царем в конце 1574-го — начале 1575 года. Царь

подтвердил свой давний выбор относительно женитьбы сына, царевича Федора, на Ирине Годуновой. Но достаточно ли было одного родства с женой царевича, чтобы навсегда «войти в историю»? Иван Грозный трижды менял жен у старшего царевича Ивана, добиваясь, чтобы те родили наследника. Что же мешало царю сделать то же самое и с Ириной Годуновой? Так что большой вопрос, достиг бы Годунов могущества, если бы он, со всеми своими талантами, удачей, славой и шлейфом тянущихся за ним темных историй, не обладал теми уникальными свойствами умелого царедворца, о которых мы знаем?

Царь Иван, как известно, и сам часто менял жен. Ему даже пришлось вымаливать себе разрешение на вступление в новый, четвертый брак у церковного собора, так как его третья жена Марфа Собакина заболела с самой свадьбы. В соборном определении 29 апреля 1572 года говорилось: «Ненавидяй добра, воздвиже ближних многих людей враждовати на царицу Марфу, еще в девицех сущу, точию имя царское возложено на нее, и тако ей отраву злую учиниша… и только была за ним две недели, и преставися». Царь угрожал принять постриг («хоте облещися во иноческое»), говорил о своей заботе о царстве и детях… Все это пришлось принять во внимание участникам собора во главе с новгородским архиепископом Леонидом; они подтвердили, что брак не мог считаться полноценным, «понеже девства не разрешил третьяго брака»[157]. Иерархи церкви наложили на царя епитимью, которую он «сбросил» весьма оригинальным способом, заточив в тюрьму, а позднее и казнив владыку Леонида, уступившего его человеческой слабости.

В начале 1575 года все были заняты подготовкой царской «радости» (то есть свадьбы). Царь, вступая в брак с Анной Григорьевной Васильчиковой, скорее всего, одновременно женил и своего сына царевича Федора Ивановича (царь любил «подгадывать» к своим свадьбам устройство семейных дел). Даниил Принц, бывший с австрийским посольством в Московском государстве в конце 1575-го — начале 1576 года, писал, что свадьбы царевичей произошли в год его прибытия в Россию, то есть в 1575 году: «Оба сына, старший двадцати лет от роду и меньший восемнадцати, еще безбородые, вступили уже в супружество с дочерьми каких-то бояр, в тот самый год, когда мы были там»[158]. Упоминавшийся вклад 1575 года в Пафнутьев-Боровский монастырь, в котором впервые встречается имя Ирины Годуновой как жены царевича Федора, был прежде всего вкладом царевича Ивана и его жены Феодосии. Этот дар монастырю можно трактовать как часть общей царской «молитвы о чадородии» Ивана Грозного и его сыновей. Надо помнить особое значение,

которое имел Пафнутьев-Боровский монастырь для московской великокняжеской и царской семьи в XVI веке. Еще со времен великого князя Василия Ивановича считалось, что именно молитва Пафнутию Боровскому помогла родиться первенцу в новом браке великого князя с Еленой Глинской. В царской семье всегда помнили об этом и, естественно, снова обратились с молитвой к почитаемому чудотворцу[159]. В записи на покрове говорилось: «В лето 7083 (1575) марта в 5 день сделан покров сий при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при его царице и великой княгине Анне и при его благородных чадех Иване Ивановиче и при его царице княгине Федосьи и при благородном царевиче князе Федоре и при его царице княгине Ирине повелением царевича Ивана Ивановича и его царицы княгини Федосьи»[160].

Даниил Принц заметил, что царские свадьбы не были пышными торжествами, а скорее носили характер семейных событий: «Празднуя же свадьбу, он созывает только родственников невесты и некоторых вернейших придворных, в присутствии которых невеста соединяется с ним митрополитом по обычаю церковному, при благожелательных молитвах»[161]. На свадьбе в 1575 году Иван Грозный захотел видеть своим дружкой Бориса Годунова (до этого он бывал только дружкой царицы) и позвал «в мыльне с царем мыться» неразлучную пару — Годунова и Богдана Бельского. Среди тех, кто «в кривом столе сидели», был окольничий Дмитрий Иванович Годунов[162]. То было время, когда Иван Грозный обдуманно возвращался к прежним опричным временам, и многие из тех, кто некогда был рядом с ним в Александрове слободе, снова оказывались «ко двору». Хотя и не все… За три года, которые прошли после отмены опричнины, некоторые бывшие приближенные были казнены. Сам Борис Годунов не слишком-то заметен в это время. В 1575–1576 годах Иван Грозный вообще «удалился» от власти, передав трон царю Симеону Бекбулатовичу и устроив свой, так называемый «особый двор», отличный от «земщины»[163]. Однако, как справедливо напомнили недавно авторы новейшей биографии Ивана Грозного М. Перри и А. П. Павлов, не стоит этим обольщаться. Под другим названием Иван Грозный устанавливал все тот же выгодный ему порядок, действуя по принципу «разделяй и властвуй»[164]. Он обновил прежний опричный двор, и Борис Годунов оказался в числе тех счастливчиков, которые снова оказались в царском приближении.

Состав «особого двора» Ивана IV в то время, когда на престоле находился «великий князь» Симеон, был подробно проанализирован в специальном исследовании С. П. Мордовиной

и А. Л. Станиславского. Они показали, что в новый «удел» Ивана Грозного вошел весь разветвленный клан Годуновых. Более того, даже дочь Малюты Скуратова и жена Бориса Годунова тоже находилась в царской свите[165]. Грозный как будто стремился опереться на Бориса так же, как раньше мог довериться своему преданному слуге. А Борис благодарил своих небесных заступников, наделяя в 1576 году богатым вкладом в Старице игумена Иосифо-Волоцкого монастыря. С этого момента Борис Годунов уже не выходил из царского фавора, свидетельств чему более чем достаточно. Ему передали старицкую вотчину прежнего фаворита и руководителя опричнины князя Бориса Давыдовича Тулупова, казненного в 1575 году[166]. В. Б. Кобрин предположил неслучайную связь между этим пожалованием, которое давалось обычно «доводчику», и последующим решением Бориса Годунова «избавиться» от этой вотчины, передав ее в монастырь[167]. Совесть действительно взыграла у Бориса: став правителем, он распорядился сомнительным царским «подарком», как подобало.

Личным триумфом Бориса Годунова стал поход 1577 года, когда царь Иван Грозный на одном из станов между Новгородом и Псковом ехал на сером аргамаке Бориса Годунова (такая же милость была оказана на одном из станов Богдану Бельскому). Все это было знаком особого доверия для придворных, мечтавших о высшем звании «конюшего»! Борис Годунов начинает быстро расти в чинах. Уже в росписи ливонского похода 1577 года он записан в кравчих, с этим чином — кравчий «из двора» — он упоминается и в следующем году. В чем состояла его служба, поясняет подьячий Григорий Котошихин в своем известном сочинении: «…а ставят на стол еству по одному блюду всякой ествы, пред царя крайчей». На кравчего обратил внимание и Даниил Принц, участвовавший в приеме Иваном Грозным послов: «Кравчий, подавая ему (то есть царю. — *В. К.*) питье, которое он употребляет в изобилии, часть выливает в другой стакан и оставляет его для пробы»[168]. Следовательно, Иван Грозный своим назначением доверял Борису Годунову ни больше ни меньше, как свою жизнь. Дмитрий Иванович Годунов также был возвышен и стал боярином. Скоро и Борис Годунов получит заветный боярский чин. Причем он опередит других своих сверстников, которые всегда будут рассматриваться как его главные соперники, — Федора Никитича Романова и князя Василия Ивановича Шуйского.

Во время ливонских походов Ивана Грозного и его сыновей в 1577–1578 годах кравчий Борис Годунов и боярин Дмитрий Иванович Годунов оставались далеко от театра военных действий. С лета 1577 года им поручено было находиться при царевиче

Федоре Ивановиче в Новгороде[169]. Пока Иван Грозный успешно воевал в Ливонии и брал там один город за другим, на поле брани отличались совсем другие его приближенные, например, ставший царским оружничим Богдан Бельский, получивший в награду от государя золотой «португал» и золотую цепь[170]. Однако служба Бориса Годунова при царевиче Федоре оказалась не менее значимой для его утверждения в царском окружении. К тому же в сражениях Ливонской войны участвовали многие другие члены рода Годуновых. Они вошли в «особый» Государев двор и упоминались на службе в высоких чинах. Например, Степан Васильевич Годунов служил окольничим «перед государем». Другие представители старшей ветви рода упоминаются в дворянах — Яков Афанасьевич Годунов, Григорий и Иван Васильевичи Годуновы. Дворянином был также Федор Иванович Годунов (сын старшего брата отца Бориса Годунова и, возможно, старший брат Дмитрия Ивановича Годунова; по родословцам он умер «бездетным»). В царских стольниках записаны младшие члены рода — Андрей Никитич Годунов (тоже двоюродный брат Бориса Годунова), Яков и Константин Михайловичи Годуновы, Никита и Петр Васильевичи Годуновы[171].

Царь Иван Грозный вернулся с сыновьями царевичами Иваном и Федором в Москву после успешного ливонского похода 30 ноября 1577 года[172]. Весь следующий год разрядные книги не упоминают о царском кравчем Борисе Годунове. Но его придворная служба продолжалась. В это время, например, царь принимал посольство Якова Ульфельдта в Александровой слободе. Описывая прием послов, датский дипломат в своих позднейших записках упомянул об окружавших царя «боярах» (так обычно называли всех приближенных царя, а не только носивших думный чин), встречавших иноземцев в богатых одеждах. Среди них должен был быть и Борис Годунов. Царя Ивана Грозного продолжала заботить судьба Ливонии, но в 1578 году все его предыдущие победы пошли прахом из-за успешных действий короля Речи Посполитой Стефана Батория, отвоевавшего обратно многие ливонские и литовские города. Эта неудача, конечно, повлияла на Ивана Грозного, не любившего сопротивления своей воле и стремившегося «всех и вся» сделать «государскими» (как выразился однажды Богдан Бельский о ливонском короле Магнусе). Бориса Годунова, хотя и участника ливонского похода, но остававшегося вместе с царевичем Федором в тылу царского войска в Новгороде, гнев Ивана Грозного миновал. Он только выигрывал от своего пребывания рядом с царевичем Федором, потому что царь все больше

раздражался на неудачливых воевод. Для некоторых из них, как, например, для князя Василия Андреевича Сицкого, убитого в Кеси, даже смерть не могла искупить вины в глазах Грозного.

25 декабря 1578 года, в Рождество Христово, у царя в честь праздника был «стол», на котором случился новый местнический спор Годуновых и князей Сицких. Назначенный «стоять у стола» вместе с кравчим Борисом Годуновым князь Иван Васильевич Сицкий бил челом «о местах» сразу на старшего брата Бориса Годунова Василия (умершего к тому времени, но не выбывшего из родословного счета). Борис Годунов, уже однажды побеждавший князей Сицких в местническом споре, придумал «адекватный ответ». Он бил челом сразу на отца челобитчика, князя Василия Андреевича Сицкого. Царев боярин совсем недавно, 21 октября 1578 года, погиб, неудачно обороняя Кесь (Венден) от литовских войск. За год до этого именно в Кеси Иван Грозный пережил один из своих главных триумфов в ходе Ливонской войны: он устроил победный «стол», на котором принимал почетного литовского пленника князя Александра Полубенского, отпущенного затем в Литву. Поэтому сдачу Кеси он пережил особенно болезненно. Понимал это и Борис Годунов, удачно побив челом о местах на того, кто заслуживал казни в глазах царя. Да и сам боярин князь Василий Андреевич Сицкий, как все безусловно знали, уже не мог за себя ответить. Закономерным итогом стала очередная местническая победа Бориса Годунова, которому дана была правая грамота. Он был «учинен многими месты больше» князя Василия Андреевича Сицкого[173]. Хоть так, но Иван Грозный с помощью своего кравчего отомстил покойному воеводе.

Царь не оставлял мыслей о реванше в Ливонской войне. Еще в декабре 1578 года он принял решение о новом походе «на Немецкую и на Литовскую земли». Спустя полгода Иван Грозный сам выступил в поход по дороге на Новгород и Псков. В росписи царского полка упомянуты те, кто входил в ближайшее окружение в «особом дворе» Ивана Грозного, в том числе Годуновы: боярин Дмитрий Иванович, окольничий Степан Васильевич, а также царский кравчий Борис Федорович. Однако царю пришлось пережить в этом походе еще одно сокрушительное поражение — потерю Полоцка, отвоеванного Стефаном Баторием 1 сентября 1579 года[174]. Несмотря на сделанные Грозным шаги к примирению, война продолжилась. В польских источниках остались сведения о каких-то разногласиях, якобы возникших у царя с сыновьями по поводу продолжения войны и положения в стране. Папский нунций Андреа Калигари писал об отдалении царевича Федора от отца, однако все это плохо соответствует известным обстоятельствам правления Ивана Грозного, крепко

державшего в кулаке как страну, так и свой царский дом[175]. Очевидно, что неудачные войны рождают недовольство, однако волны этого недовольства затихали на самых дальних подступах к Кремлю, где легко «усекали» язык противникам царя. Даже церковь вынуждена была беспрекословно подчиниться соборному приговору 15 января 1580 года, ограничивавшему монастырское землевладение в интересах продолжения войны. Приблизительно к началу 1581 года относятся первые известия о «заповедных летах», запрещавших крестьянский выход. Тогда же было начато составление общего поземельного описания, растянувшееся на 1580–1590-е годы. Со временем это стало отправной точкой формирования в России крепостного права. И Борис Годунов окажется одним из тех, кто повлияет на его становление.

Видя поражения воевод, служивших в «земщине», и связывая это, по своему обыкновению, с «изменами», царь Иван, естественно, пытался опереться на тех, в чьей личной преданности был уверен больше всего, — на свой «особый двор». Проявлением этого стала новая свадьба Ивана Грозного осенью 1580 года — с Марией Нагой (все ее родственники, происходившие из тверского боярского рода, служили во «дворе», а не в земщине). Борис Годунов к этому времени был уже боярином, однако свадебный разряд показывает, что царь мог отдавать предпочтение и другим фаворитам. Вперед выдвигались Нагие, новые царские родственники. Как писал еще Н. И. Костомаров о соперниках Бориса Годунова, «Нагие стали ему на дороге, и он тоже стал на дороге Нагим»[176]. Кроме них Иван Грозный впервые приблизил князя Василия Ивановича Шуйского (будущего царя). Он занял на свадьбе место царского дружки — то самое, которое до этого, на предыдущей царской свадьбе с Анной Васильчиковой в 1575 году, занимал Борис Годунов. На этот раз Борису досталось только место дружки у царицы (как когда-то на свадьбе с Марфой Собакиной). Возможно, что в этом увидели знак охлаждения царя. Борису Годунову пришлось пережить еще одну неприятность: на него подал челобитную о местах Панкратий Яковлевич Салтыков (из старомосковского боярского рода Морозовых). Впрочем, в начале 1580-х годов Салтыковы часто сталкивались не только с Годуновыми, но и со старшими в роду — Сабуровыми, поэтому речь могла идти об обычном местническом споре. Выручил Бориса Годунова его вечный спутник Богдан Бельский, с радостью сменивший строптивого челобитчика, отказавшегося от царской милости быть вторым дружкой на свадьбе царя. Сама эта шестая или седьмая свадьба Ивана Грозного все-таки была больше семейным делом. В ней на главных местах были царевичи Федор

и Иван. Кроме боярина Бориса Годунова в свадебном разряде упомянуты боярин Дмитрий Иванович Годунов и его троюродные братья — окольничие Степан и Иван Васильевичи Годуновы. Жена Бориса Годунова, Мария Григорьевна, была царицыной свахой. Словом, вместе с князьями Шуйскими, Трубецкими, Нагими, их свойственниками Олферьевыми, а также Бельскими на царской свадьбе были одни и те же лица, приближенные в годы опричнины (или принадлежавшие к родам опричников)[177].

Свадьба Ивана Грозного с Марией Нагой пришлась на тяжелое время. Царь терпел поражение в Ливонской войне, в итоге ему пришлось навсегда забыть о реванше. Единственное его стремление состояло в заключении мира с Речью Посполитой. Однако королю Стефану Баторию этого казалось мало, он развивал свой успех и во время новой войны 1580–1581 годов не только очистил свои города от русских гарнизонов, но и перешел на территорию соседнего государства. Так им были разграблены Великие Луки; король нацелился еще и на Псков и Смоленск. Решающей стала героическая оборона Пскова, где прославился один из воевод «особого двора» боярин князь Иван Петрович Шуйский. Он и его войско, вместе с псковичами, спасли Ивана Грозного от позора. Побуждаемый своими советниками, король Стефан Баторий рассчитывал решить исторический спор с Московским государством в свою пользу. И был близок к этому, забыв про одно обстоятельство, с подобающим патриотическим чувством указанное А. А. Зиминым, — «силу сопротивления иноплеменным захватчикам, которую в тяжелые годины всегда проявлял русский народ»[178].

В самое тяжелое время осады Пскова и Псково-Печерского монастыря, когда начались переговоры о перемирии, 19 ноября 1581 года и случилось всем известное трагическое происшествие в доме Ивана Грозного, о котором большинство помнит по картине Ильи Ефимовича Репина. Оно изменит судьбу царства и глубоко повлияет на царя, ставшего убийцей не только сына, но еще и не рожденного внука. Автор «Псковского летописца» даже связал убийство царевича Ивана с его заступничеством за судьбу осажденного Пскова, которому сам Иван Грозный мало помогал. Царь решил проучить своего сына, чтобы тот не вмешивался не в свое дело, и ударил его «осном» — посохом с острым наконечником. Однако сохранились другие известия, идущие от иезуита Антонио Поссевино, объяснявшего все житейскими делами. Поссевино, как папский посол, в это время участвовал в качестве посредника в заключении перемирия с Речью Посполитой и был принят в Александровой слободе, где у него имелись свои информаторы. Он выяснил, что Иван Грозный,

нечаянно встретив во дворце небрежно одетую невестку, царевну Елену (третью жену царевича Ивана — Елену Шереметеву), страшно разгневался и начал избивать ее. Сын вступился за жену, отец ударил острием посоха и его. От полученной раны царевич и умер, проболев перед этим несколько дней: «По достоверным сведениям, сын Иван был убит великим князем московским в крепости Александровская слобода. Те, кто разузнавал правду (а при нем в это время находился один из оставленных мною переводчиков), передают как наиболее достоверную причину смерти следующее. Все знатные и богатые женщины по здешнему обычаю должны быть одеты в три платья, плотные или легкие в зависимости от времени года. Если же надевают одно, о них идет дурная слава. Третья жена сына Ивана как-то лежала на скамье, одетая в нижнее платье, так как была беременна, и не думала, что к ней кто-нибудь войдет. Неожиданно ее посетил великий князь московский. Она тотчас поднялась ему навстречу, но его уже невозможно было успокоить. Князь ударил ее по лицу, а затем так избил своим посохом, бывшим при нем, что на следующую ночь она выкинула мальчика. В это время к отцу вбежал сын Иван и стал просить не избивать его супруги, но этим только обратил на себя гнев и удары отца. Он был очень тяжело ранен в голову, почти в висок, этим же самым посохом. Перед этим в гневе на отца сын горячо укорял его в следующих словах: „Ты мою первую жену без всякой причины заточил в монастырь, то же самое сделал со второй женой и вот теперь избиваешь третью, чтобы погубить сына, которого она носит во чреве“»[179].

Рассказ этот полностью соответствует тому, что известно о крутом нраве Грозного царя, заслуженно получившего свое прозвище. Посол Даниил Принц писал о нем: «Он так склонен к гневу, что, находясь в нем, испускает пену, словно конь, и приходит как бы в безумие; в таком состоянии он бесится также и на встречных»[180]. Джером Горсей видел причину ссоры в неудачном заступничестве царевича Ивана за живших в Москве несчастных ливонцев, которых царь приказал казнить в отместку за свои поражения. Однако, как и в случае с «Псковским летописцем», современники пытались связать это частное происшествие в царском дворце с событиями, интересовавшими их самих. Повод для гнева, конечно, мог быть и меньшим. Сам Джером Горсей в продолжение своего известия писал о том, что царевич самостоятельно распорядился выдать кому-то несколько подвод, без ведома царя. Мнительный Иван Грозный усмотрел в этом намек на стремление царевича к власти: «Царь испытывал ревность, что его сын возвеличится, ибо его подданные, как он думал, больше него любили царевича. В порыве гнева он дал ему

пощечину (метнул в него копьем), царевич болезненно воспринял это, заболел горячкой и умер через три дня»[181]. Пожалуй, прав был С. Б. Веселовский, писавший, что «едва ли… этот эпизод имел столь драматично-эффективный вид, в каком изобразил его Репин в своей известной картине. В действительно дело было прозаичнее»[182].

Борис Годунов мог стать невольным свидетелем ссоры, в которой Грозный нанес тяжелую рану своему сыну. Об этом свидетельствовала Латухинская Степенная книга, сообщавшая целый ряд уникальных известий о Годуновых. Книга была составлена во второй половине XVII века, но, как считали исследователи ее текста С. Ф. Платонов и П. Г. Васенко, возможно, она была основана на какой-то не дошедшей до нас повести. Рассказывая о столкновении Ивана Грозного с сыном, автор Латухинской Степенной книги написал: «В то же убо время некто ближний от вельмож царевых, Борис Феодорович Годунов, дерзнул внити во внутренния кровы царевы просити от уязвления благородного царевича Иоанна. Видев же сие дерзновение Борисово, государь наполнися ярости, велий на него гнев возложи и истязание многое сотвори и лютыми ранами его уязви»[183]. Стоит прислушаться к публикатору этого текста П. Г. Васенко, обратившему внимание на то, что поведение Бориса Годунова в этой сцене показывает «необычную в то время и, особенно, для лица, прошедшего школу Грозного, гуманность по отношению к людям»[184]. Другими словами, Борис Годунов, если он находился рядом, мог подставить себя под удары посоха разъярившегося царя, хотя этого никто и никогда не видел.

В Латухинской Степенной книге приводится еще одно уникальное свидетельство, относящееся к Борису Годунову. Получив серьезные раны, он отлеживался дома, чем сразу попытались воспользоваться его соперники Федор и Афанасий Нагие. Они стали «наносити» царю, будто Борис неспроста не является ему на глаза: «яко он Борис у него государя в близости пребывает, а за оскорбление царево достойную честь ему не приносит и не доброхотствует». Царь, поверив этим словам, снова впал в гнев и внезапно приехал к Борису Годунову на двор. А дальше случилось то, что клеветники Нагие не смогли просчитать: царь увидел вышедшего ему навстречу, едва стоявшего на ногах Бориса. У того были все верные признаки телесной «скорби»; по повелению царя он обнажил свои раны и показал «заволоки» на боках и на груди, «из них же всегда гной исхождаше, и тем болезни своей облегчение приимаше». Увидев обман, царь приказал сделать «заволоки» на тех же местах «оболгателю» Федору Нагому[185]. Случай этот, в передаче автора

Латухинской Степенной книги, показывает хорошее знакомство потомков со странным юмором Ивана Грозного.

Соединяя отрывочные сведения источников об этом печальном деле, можно заметить метания Ивана Грозного, готового «опалиться» на любого, кто стоит у него на пути. Во дворце действительно все было сложно и запутанно. Если было известно, что царевна Елена ожидает ребенка, то как должны были себя чувствовать при этом Нагие? Ведь у царя уже после года его брака с Марией Нагой никакого наследника даже не предвиделось (царевич Дмитрий родился значительно позже этих событий, 19 октября 1582 года). Джером Горсей сообщает о внезапной опале, которую царь наложил на ближайших друзей Бориса Годунова — Никиту Романовича и дьяка Андрея Щелкалова[186]. Но именно за ними, как говорит другой источник — трактат «Московия» отца-иезуита и папского посла Антонио Поссевино, послали в первую очередь, как только стала ясна опасность, угрожавшая здоровью царевича Ивана: «Ранив сына, отец тотчас предался глубокой скорби и немедленно вызвал из Москвы лекарей и Андрея Щелкалова с Никитой Романовичем, чтобы всё иметь под рукой. На пятый день сын умер и был перенесен в Москву при всеобщей скорби»[187]. Следовательно, Борис Годунов, как и некоторые другие приближенные царя Ивана Грозного, тоже стал жертвой царского гнева. Но потом те же люди помогали царю перенести его неподдельное горе (по сведениям Поссевино, царь не мог спать и так страшно стонал, что спальники укладывали его на пол, где он только и мог успокоиться). Для Грозного пришло время оценить обычные человеческие чувства, чего он уже так давно чуждался. На диспуте о вере с Антонио Поссевино в 1582 году царь даже заговорил о приближающейся смерти: «Ты видишь, что я уже вступил в пятидесятилетний возраст, и жить мне осталось немного…»[188] Он снова грозился оставить престол и уйти в монастырь, но его удержали. Двор и страна погрузились в глубокий траур. Во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря осталась памятная запись, датированная 6 января 1583 года, когда царь Иван умолял келаря и еще одного старца учинить поминание царевичу Ивану «в особ»: «И учал государь рыдати и плакати и молити о том…»[189]

Имя Бориса Годунова в это время практически нигде не упоминается. Его нет в разрядных книгах, нет в перечнях лиц, участвовавших в приемах иностранных посольств. Это навело историков на мысль о том, что в последние годы жизни царь к нему охладел: «то ли он держался в тени, то ли между ним и царем пробежала тень недоверия», — писал, например,

А. А. Зимин[190]. Могло быть и по-другому. Во время переговоров с Антонио Поссевино в Старице в наказ встречающим посла лицам был включен специальный пункт, оговаривавший отсутствие царевича Федора, о котором велено было говорить, что он «ныне на Москве»[191]. Скорее всего Борис Годунов по-прежнему находился рядом с царевичем Федором (где бы он ни был в тот момент), а Иван Грозный сам определил его в число опекунов своего сына.

Выбор наследника действительно стал главным вопросом, от которого зависело само существование Московского царства. В сочинении Антонио Поссевино «Московия» рассказывается о созыве Думы после смерти царевича Ивана. «Были некоторые другие обстоятельства, которые давали повод сомневаться, будет ли власть прочной, если она перейдет к младшему сыну Федору», — несколько туманно объяснялся Поссевино. В своих дипломатических донесениях он выражался более определенно, писал о слабоумии царевича (видимо, напрасно царь Иван прятал сына в Старице от глаз иезуита, до того все равно дошли слухи о неспособности Федора к правлению). По словам папского посла, царь якобы предлагал передать престол кому-то «из наиболее знатных людей царства», а сам собирался удалиться в монастырь. К подобным эскападам царя уже все давно привыкли. Поэтому бояре в один голос назвали Федора, «потому что им нужен тот, кто является сыном государя»[192].

Царь не выпускал жезла из рук. Весной 1582 года он отправил посольство Федора Писемского в Англию с заданием подыскать ему там новую невесту «королевской крови». Как было сказано в наказе послам, «государь хотел доброго дела и кровной свяски». От своего иноземного доктора царь узнал о существовании у королевы близкой родственницы («уделного князя дочь Хунтинтинского, а тебе, де, королеве племянница, а имя ей Мария Хатнтин»). Посол на тайной аудиенции попросил показать ему леди Марию Гастингс, чтобы он мог ее «рассмотреть»; хотел он получить и ее портрет — «парсуну». Осенью 1582 года, пока посольство отправляло свои дела, у царицы Марии Нагой родился царевич Дмитрий. Но это не стало препятствием для царя Ивана Грозного, а его посол исполнял данный наказ. В Англии были прекрасно осведомлены о том, что делается в Московии (в том числе и о рождении еще одного царевича). Королева Елизавета I попыталась остановить Ивана Грозного, впрочем, очень непоследовательно. Она то ли изящно порицала его, то ли льстила и при этом наговаривала на свою ни в чем не повинную племянницу: «…а слышала есми, что государь ваш любит красные девицы, а моя племянница не красна, и чаю,

что государь ваш ее не полюбит». Королева «соромилась» показывать свою родственницу московскому послу, говорила даже, что у той лицо покрыто оспинами («и лежала воспицею, и лицо ее красно и ямовато»). Однако открывающиеся через свойствб с Московским царем торговые перспективы тоже были заманчивы. На вопрос, что будет с правами детей от брака царя с Марией Гастингс, Федор Писемский дал прямой ответ: царским наследником является царевич Федор; у всех остальных царских детей могли быть права только удельных князей. Королева уступила натиску Федора Писемского, который понимал, что, не исполнив своего поручения, он не сможет вернуться назад без риска быть казненным. Смотрины леди Мэри Гастингс состоялись, королева даже настояла, чтобы посол обязательно видел ее на свету, устроив ему прогулку в саду с будущей царской невестой. Федор Писемский увидел, что хотел, и описал: «Мария Хантис ростом высока, тонка, лицом бела…»[193]

«Английский проект» продолжал увлекать Ивана Грозного, и с октября 1583 года он начал обсуждать его детали с приехавшим в Московское государство английским послом Джеромом Баусом. Как видно из посольских документов, дело было не в одном любострастии Грозного; «ценою вопроса» становилась перспектива военного союза с Англией. Царь даже хотел сам приехать в Англию и получил на это согласие королевы. Елизавета I являлась союзницей императора Рудольфа, что укрепляло позиции Ивана Грозного перед лицом реального столкновения с королем Стефаном Баторием и его союзниками. Английская королева и все другие участники обсуждения возможной свадьбы русского царя с леди Мэри Гастингс пытались найти свою выгоду, добиваясь преимуществ в торговле. Друзья Мэри Гастингс при дворе, как писал Горсей, уже стали в шутку называть ее «царицей Московии»[194]. Однако посол Баус явно не подошел для переговоров об этом. Джером Горсей язвительно заметил, что «этот посол не имел никаких достоинств, кроме представительной внешности»; он упрекал своего тезку в том, что тот упустил верный шанс добиться у царя обещания «закрепить наследование короны за потомством» от его брака «с родственницей королевы». Почувствовав опасность, к делу якобы подключился Борис Годунов со своими родственниками, чтобы расстроить невыгодные для него планы. По словам Горсея, «князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича — семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения». Однако Горсей увлекся неосуществленными

перспективами, упущенными Московской компанией английских купцов[195]. Царь не шел в своих обещаниях далеко, не очень привечая заносчивого и пустоватого, даже по определению соотечественников-англичан, посла. Тщетно было ожидать от Ивана Грозного нарушения порядка престолонаследия в доме московских царей и великих князей, где власть должна была переходить от отца к старшему сыну. Следовательно, и угрозы положению Годуновых, находившихся при царевиче Федоре, тоже не существовало.

Царевич Федор на этот раз участвовал в торжественном приеме английского посольства. Джером Горсей видел царевича, но он нигде не пишет о его «слабоумии» или чем-то подобном. Более того, он с явной благодарностью рассказывает, как однажды царевич Федор «сделал знак» и пригласил Горсея последовать в царскую сокровищницу, в которой царь Иван Грозный объяснял «стоявшим вокруг него царевичу и боярам» свойства камней[196]. Ничем иным, как расположением доброго царевича Федора к англичанам, это объяснить нельзя. Сам Борис Годунов впоследствии специально предостерегал Горсея от излишнего вмешательства в дела провалившегося посольства Бауса. По отзыву английского посла, Годунов был единственным, кто «по смерти царя всегда обращался с послом очень вежливо, и он хотел оказать послу больше доброты, но до коронации царя он не имел еще авторитета». Напротив, Андрей Щелкалов, никого не стесняясь, прислал сказать послу Баусу о смерти Ивана Грозного: «Английский царь помер»[197]. Позднее, когда Борис Годунов сам станет царем, он тоже заслужит славу лучшего друга англичан, продолжавшего внешнеполитическую линию последних лет Ивана Грозного.

Царь Иван Грозный не зря предчувствовал скорую кончину. Случилось так, что Борис Годунов оказался рядом с царем в последние часы и минуты его жизни. Об этом снова узнаём из записок Джерома Горсея, красочно живописавшего день 18 марта 1584 года. Иван Грозный сначала занялся пересмотром завещания. Завершив до полудня дела, царь послал дневавшего и ночевавшего у него в покоях Богдана Бельского узнать о предсказаниях астрологов на этот день. К несчастью для всех, не исключая того, кто принес дурную весть, расположение звезд оказалось неблагоприятным. Иван Грозный собирался справиться с этим предсказанием со свойственным ему мрачным юмором, обещая казнить астрологов, если их прогноз не оправдается (его убедили подождать до захода солнца). Дальше царь, «развлекаясь любимыми песнями, как он любил это делать», пошел в баню и пробыл там примерно с трех до семи часов. В это время Иван

Грозный уже с трудом передвигался. «Хорошо освеженный», он приказал перенести себя в одну из комнат дворца, чтобы сыграть в шахматы. Дальше предоставим слово Джерому Горсею: «Царь… вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие в аптеку за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником и лекарями. Тем временем он был удушен и окоченел»[198]. Сенсационный новый перевод, меняющий прежний нейтральный: «испустил дух» на определенное указание на насильственную смерть Грозного царя, был впервые предложен публикатором записок Горсея А. А. Севастьяновой. Сомнений быть не может: ведь в записках Джерома Горсея, как было указано переводчиком, использован схожий оборот: «he was strangled», который в ту же эпоху употребил Шекспир, рассказывая о судьбе героев драмы «Отелло». Перевод этот был принят исследователями эпохи Ивана Грозного А. А. Зиминым, В. И. Корецким, В. Б. Кобриным[199]. Однозначно подтвержден он и в новейшей английской биографии Ивана Грозного[200]. Более того, слухи о том, что Грозного могли отравить (но не удушить!), сохранились и в других источниках. Однако если принять все на веру, то получается, что одним из убийц царя был Борис Годунов, а другим — Богдан Бельский. Но слишком уж это было не в интересах ни того, ни другого, получивших от Грозного царя всё, что только у них могло быть. Поэтому историки и осторожны в своих выводах. Не исключая того, что Грозному могли помочь умереть, они воздерживаются от прямолинейных обвинений кого бы то ни было. Да и очевидные свидетельства того, что царь принял схиму перед смертью[201], противоречат заговорщическим версиям. «Но… чего не бывало при дворе Ивана Грозного!» — восклицал А. А. Зимин.

Смерть Ивана Грозного завершала затянувшееся ученичество Бориса Годунова. Он сумел обратить на себя внимание царя, сделался необходимым советником и участником царских дел. Испытывая, как и все, переменчивость царского нрава, Борис Годунов очень долго не выходил из его ближнего круга. Он прошел путь от рынды царевича Ивана до кравчего и боярина. Думать, что это произошло лишь по причине его свойства с царевичем Федором Ивановичем, было бы заблуждением. Борис Годунов много раз доказывал, что царю был нужен именно он, а никто другой. А для этого он должен был разделить всю «философию» власти, которую насаждал Иван Грозный в последние годы своего правления. Все подданные были у него «в работе», как выражался царь. У Ивана Грозного было право «казнить» их, но и «миловать» тоже (на что меньше обращают внимание). Приближение к царю могло быть наградой, но

слишком много имен тех, кто не смог удержаться на долгое время рядом с тираном и пал жертвой царского гнева. Конечно, история редко когда прощает вторжение современных взглядов и нравственных оценок в историческое прошлое. Надо помнить, что у царя Ивана Грозного было свое, извращенное, представление о преступлении и наказании[202]. И те, кто, как Борис Годунов, оказался в ближнем царском кругу, по обязанности принимал всё, что было связано с волей царя.

По одному из известий, Борис Годунов пришелся по нраву царю тем, что умел пустить острое словцо. Будучи, несомненно, человеком выдающегося, хотя и злого, ума, Иван Грозный раздражался при столкновении с глупостью (даже если она маскировалась под обычную робость подданного в царском присутствии). Он не щадил и свое окружение, красноречиво выговаривая всем за совершенные ошибки. Конечно, Грозному с его особым литературным стилем, ярко проявившимся в посланиях и переписке с беглецом князем Андреем Курбским, хотелось опробовать свой дар в присутствии тех, кто это смог бы оценить. Борис Годунов и был одним из таких приближенных, а может, даже и небесталанным подражателем.

Современники (а вслед за ними и историки) порой упрекали Бориса Годунова в том, что он делал карьеру придворного, но не был столь заметен на полях брани: «…во бранех же неискусен бысть: время бо тому не настояше, оруженосию же не зело изящен»[203]. Но, во-первых, это не был только его выбор. В своем присутствии царь Иван мог, да и то не всегда, рассадить всех, как ему хотелось, — но когда речь шла о воеводских назначениях, все упиралось в тончайшие местнические расчеты. Главными воеводами, конечно, должны были быть те, кто представлял первые княжеские и боярские роды. В противном случае начинались споры, чреватые поражениями в битвах. Позднее, как мы увидим, Борис Годунов «реабилитировался» в войнах с крымским царем (хотя и там возникнут вопросы о настоящей или показной храбрости будущего правителя и царя). Во-вторых, очевидно, что, находясь при царе Иване Грозном и пользуясь его доверием, Борис Годунов проходил другую школу — дипломатии и управления. Но свои неоспоримые таланты ему приходилось до поры прятать, чтобы не разыгралась царская ревность.

Говоря о том, что Борис Годунов стремился к власти (что само по себе верно), мы обычно забываем, что за этим должны еще стоять признаваемые окружением способности правителя. Применительно же к средневековой Руси — способности, передаваемые по наследству и обеспеченные необходимым родословным обоснованием. Это и оказалось драмой жизни

Бориса Годунова — первого политика, стремившегося к высшей власти, не имея на нее наследственных прав. Борис Годунов умел обращать в свою пользу разные обстоятельства, справился он и с этим. Но остается главный вопрос: имеем ли мы дело с интригой изощренного убийцы, устранявшего одного за другим своих противников (в чем обвиняли Бориса Годунова), или же ученик и политический наследник Ивана Грозного нашел свой путь?

Глава 2
Без Ивана Грозного

Собирание власти

События, происходившие в Москве после смерти Грозного царя, до сих пор неясны историкам. Конечно, легко сказать, что с уходом царя Ивана IV Васильевича закончилась целая историческая эпоха. Однако за этими словами надо еще представить, что чувствовали люди, пережившие времена взятия Казани и учреждения опричнины, свидетели казни митрополита Филиппа, Новгородского погрома и поражения в Ливонской войне. Холопы, оставшиеся без своего хозяина, сироты без отца — все это было. Но и подданные, избывшие тирана, — это тоже справедливое определение. С каждого был свой спрос, а от Бориса Годунова, как от одного из приближенных царя Ивана, ждали, может быть, больше других. Джером Горсей писал, что Грозный даже считал Бориса своим третьим сыном[204]. После трагической гибели царевича Ивана Ивановича во всей своей очевидности встала главная проблема — престолонаследия. Никто не мог стать царем, кроме старшего сына Ивана Грозного. А им в роду московских Рюриковичей остался слабый, болезненный, подверженный влияниям опекунов царь Федор Иванович. Эти опекуны, или «регенты», выбранные Грозным, и должны были определить, куда пойдет дальше страна и сможет ли она выстоять под натиском врагов из Литвы и Крыма. Н. М. Карамзин писал даже о некой «пентархии», «верховной думе», которой было поручено опекать нового царя. Иван Грозный создал такую конструкцию, когда в опекунах царевича Федора Ивановича оказались глава земской Боярской думы князь Иван Федорович Мстиславский, прославленный под Псковом воевода князь Иван Петрович Шуйский, боярин Никита Романович Юрьев, а также Борис Годунов и (или) Богдан Бельский. Впрочем, С. Ф. Платонов сомневался в том, что имелось специальное распоряжение о формировании совета пяти регентов, признавая существование круга ближайшей знати, связанной родством с новым царем. В любом случае именно этим первым сановникам Русского государства предстояло сделать главный выбор между дальнейшим террором, сопряженным с чрезвычайным напряжением сил, или постепенным устройством «земли»[205].

«Курс» Ивана Грозного еще много лет оставался образцом, к которому постоянно возвращались. Это и не удивительно: царь

Иван подбирал только преданных людей, принимавших его царскую волю от начала и до конца, можно сказать, до самого донышка. Естественно, что при этом оставались и люди обделенные, униженные царем, отодвинутые им далеко от власти, несмотря на заслуги и свои собственные, и предков. В первые же месяцы правления царя Федора Ивановича произошло столкновение «двора» и «земщины». Борис Годунов и Богдан Бельский были столпами системы «дворового» фаворитизма, созданной Иваном Грозным. Но им приходилось считаться с внятно заявленными интересами родовой аристократии — князей Мстиславских, Шуйских, а также близких родственников царя бояр Романовых. По поводу вхождения Бориса Годунова в состав регентского совета возникли сомнения у Р. Г. Скрынникова, ссылавшегося на сведения, собранные имперским послом Николаем Варкочем в конце 1580-х годов. По его донесению выходило, что Борис не был упомянут в духовном завещании Ивана Грозного в качестве «душеприказчика», царь «не назначил ему никакой должности, что того очень задело в душе»[206]. Однако большего доверия заслуживают известия, идущие от находившегося в Москве Льва Сапеги, который информировал королевскую канцелярию Речи Посполитой о смерти Ивана Грозного, последовавших за этим событиях и составе новых правителей Московского государства. Сведения Сапеги о создании регентского совета из четырех человек (то есть «тетрархии», а не «пентархии») дошли также до Антонио Поссевино. Бывший папский посол хорошо знал всех четырех регентов в лицо, так как ранее вел с ними переговоры. При этом Поссевино определенно писал, что именно Богдана Бельского, а не кого-то другого, не включили в состав совета при новом царе[207]. Кстати, на приеме посла Льва Сапеги в июне 1584 года Борис Годунов «стоял у государя выше рынд, в то время как остальные бояре, в том числе И. Ф. Мстиславский, Н. Р. Юрьев и И. П. Шуйский, сидели в лавках поодаль»[208]. Такая расстановка и «посадка» бояр сразу объяснила Льву Сапеге роль Годунова как первого советника при царе Федоре Ивановиче.

В связи с венчанием на царство Федора Ивановича Борис Годунов получил высший чин конюшего, которым при Иване Грозном много лет никого не жаловали. В мае 1584 года в боярах и дворецких упоминался Григорий Васильевич Годунов, боярский чин получили Степан и Иван Васильевичи Годуновы[209]. Такое стремительное увеличение представительства Годуновых в Думе ясно показывает подлинную роль Бориса Годунова во главе нового правительства при царе Федоре Ивановиче. Автор «Пискаревского летописца» напишет: «А по повелению царя и

великого князя Феодора Ивановича стал правити всю Рускую землю Борис Федорович Годунов з братиею и з дядиею: з Дмитреем и [с] Степаном, и з Григорьем, и с Ываном, и с ыными своими советники, и з бояры, и з думными дворяны, и з дьяки: с Ондреем Щелкаловым с товарищи»[210].

Состав регентского совета (при всем условном характере его существования) был во всех смыслах компромиссным, поэтому недолговечным. С. Б. Веселовский не придавал большого значения реконструкции всех временных боярских «партий», враждовавших после смерти царя Ивана Грозного. Гораздо важнее, с его точки зрения, что в этот момент «лишь Годуновы и Захарьины-Кошкины вступили в борьбу сплоченными родами, сумевшими сохранить на протяжении трех веков родовую дисциплину и верность родовым традициям»[211]. Стоит упомянуть, что среди опекунов царя Федора Ивановича именно Борис Годунов был еще относительно молод, особенно в сравнении с возглавившим Боярскую думу старцем Иваном Федоровичем Мстиславским и царским дядей Никитой Романовичем Юрьевым, который вскоре заболел и умер. Действовать же приходилось быстро и энергично.

С самого начала Борис Годунов примкнул к той партии родовой аристократии, которая решила восстановить порядок, нарушенный «переборами людишек» Ивана Грозного. Было покончено с разделением страны на «двор» и «земщину». Никто лучше Бориса Годунова не знал «дворовое» окружение царя Ивана Грозного, к которому он сам принадлежал. Однако Годунов не стал бороться за сохранение «двора» в его неизменном составе. Вместо этого он поддержал устранение из царского дворца Нагих — родственников царевича Дмитрия, а заодно с ними и других искателей ласки Грозного царя.

В первые же месяцы царствования Федора Ивановича прекратилась карьера некогда могущественного «дворового» дьяка Андрея Васильевича Щелкалова. Против него было возбуждено в Судной палате дело о злоупотреблениях по иску рязанских земских дворян Тимофея Шиловского и Иова Запольского[212]. Итогом стало назначение Щелкалова на службу по Коломне, что для дворцового «небожителя» было смертельной обидой. Ее он и затаил на Бориса Годунова. Впоследствии именно бывшего дьяка Щелкалова будут обвинять в насильственной смерти жены и сына Годуновых. Кроме Щелкалова в 1584 году пострадал его зять, один из любимчиков Ивана Грозного и свидетель последних часов жизни царя Родион Петрович Биркин, тоже назначенный на службу в «выборе» по Рязани. В несколько лет исчезли из царского приближения и другие представители

особого «двора» Ивана Грозного, служившие в думных дворянах, — Воейковы, Зюзины, Нащокины (Алферьевы и Безнины), Пивовы[213].

Действия Бориса Годунова против Нагих обычно воспринимаются как личная месть. Однако отправление царевича Дмитрия «на удел» в Углич в 1584 году оставляло Нагим возможность почетного существования, хотя и не сравнимую с прежним царским фавором. При царевиче Дмитрии в его угличском уделе жили мать Мария Нагая, ее отец и братья. У них оставались «доброжелательные отношения» с московским двором, с которым они обменивались подарками на именины царевича, день святого мученика Уара 19 октября[214]. Правда, автор «Нового летописца» в статье «О Нагих и о приближенных царя Ивана, о поимании и о розсылках» напишет: «По преставлении царя Ивана тое же нощи шурин царя Федора Ивановича Борис Федорович Годунов с своими советники возложи измену на Нагих и их поимаху и даша их за приставы: и иных же тут же многих поимаху, коих жаловал царь Иван, и розослаша их по городом, и иных по темницам, а иных за приставы, и домы их розориша, поместья и вотчины их роздаша»[215]. И действительно, многие члены разветвленного рода Нагих (ведь не все же они напрямую были связаны родством с бывшей царицей и царевичем Дмитрием) оказались на дальних службах в казанских городах[216]. Это подтверждает их удаление из Москвы и даже определенную немилость или наказание. Но совсем не то, о чем сообщает тенденциозно настроенный по отношению к Борису Годунову летописец. Ничего необычного, по сравнению с существовавшей практикой, не происходило. Кроме одного — никого не казнили! И здесь, в начавшейся «чистке» Государева двора, «почерк» Бориса Годунова, избегавшего публичных казней, лавировавшего между близкими ему по прежней службе членами особого «двора» Ивана Грозного и аристократами князьями Рюриковичами и Гедиминовичами, уже заметен.

Устранение из дворца влиятельной группы прежних царских советников не могло пройти бесследно. Еще до того времени, когда царевич Федор был официально провозглашен царем, в первой половине апреля 1584 года в Москве случилось настоящее восстание. Выступление собравшихся в Москве из уездов дворян и детей боярских, а также стрельцов и посадских людей спровоцировало «дело» Богдана Бельского, ставшее тяжелым испытанием для новых правителей. С Борисом Годуновым, как двоюродный брат его жены, Богдан состоял в свойстве́. Для большинства же других бояр в Думе даже имена Скуратовых-Бельских были нарицательными и означали только одно —

ненавистную опричнину. Вероятно, регентам царя Федора Ивановича нужно было решить, будет ли устранение влияния прежних опричников и «дворовых» людей Ивана IV полным или для них все же возможны исключения. Царскому оружничему Богдану Бельскому не досталось места в ближнем круге нового царя. Мириться с этим он не захотел, поэтому начал действовать.

Поводом для взрыва политических страстей стал местнический спор, затеянный Богданом Бельским с казначеем Петром Головиным при приеме литовского посла Льва Сапеги 2 апреля 1584 года. Все тайны русского двора сразу вышли наружу, и конфликты бояр друг с другом стали для всех очевидны. Головины, происходившие из старого боярского рода Ховриных, служили московским великим князьям уже больше ста лет, и только им передавалась по наследству должность царского казначея. Очевидно, что удар вяземского выскочки метил в самую сердцевину устоявшегося порядка вещей, при котором на первом месте были родословные, а потом уже личные заслуги. Кроме того, Головины находились хотя и в дальнем, но все-таки в свойстве́ с самим Никитой Романовичем, поэтому начатый Бельским местнический спор должен был неизбежно столкнуть Романовых и Годуновых между собой. Что и произошло — едва ли не впервые! Оказалось, что без верховного арбитра в лице Ивана Грозного бояре просто не могли справиться с властью. О случившейся распре немедленно стало известно на улице.

Автор «Пискаревского летописца» описал боярскую рознь в статье «О метеже на Москве»: «Почал в боярех мятеж быти и разделение: боярин князь Иван Федорович Мстисловской с сыном со князем Федором да Шуйския, да Голицыны, Романовы да Шереметевы и Головины, и иныя советники. А Годуновы, Трубецкия, Щелкаловыи иныя их советники, и Богдан Бельской. И похотел Богдан быти болыпи казначея Петра Головина. И за Петра стал князь Иван Мстисловской с товарищи и все дворяне, а за Богдана — Годуновы. И за то сталася прека межу ими»[217]. Сходные известия о разделении бояр «надвое» содержатся в «Новом летописце». Там главою одной из партии назван Борис Годунов «з дядьями и братьями», а «з другую сторону» указан первый аристократ князь Иван Федорович Мстиславский, а с ним Шуйские, и Воротынские, и Головины, и Колычевы, поддержанные «служивыми людьми» и «чернью московскою»[218].

Раскрыть мотивы действий Богдана Бельского до сих пор трудно, о его целях известно слишком мало. «Новый летописец» обвинял в выступлении «чернь», приписав ей напрасные подозрения в том, что «будто Богдан Белской своими советники извел царя Ивана Василиевича, а ныне хочет бояр побитии и

хочет подыскати под царем Феодором Ивановичем царства своему советнику»[219]. Как видим, не один англичанин подозревал Бельского в том, что он погубил царя… Еще оказывается, что после смерти Грозного носился слух о выступлении Богдана Бельского в интересах какого-то своего неназванного «советника». Многие историки склонны видеть в этом указании отсылку к Борису Годунову. Но так ли это было на самом деле? У оружничего Богдана Бельского, как у любого другого придворного, был круг своих, прикормленных, обязанных возвышением и службой только ему людей. Как и у их патрона, положение свиты зашаталось в первую очередь, когда началось очищение Государева двора от людей, попавших туда вопреки родословным принципам. Бельский стремился сохранить «опричную» систему, когда он был угоден царю (да и сам Иван Грозный завещал сыновьям этот образец в 1572 году). Если при царе Федоре Ивановиче Богдану Бельскому не находилось места в Думе, тогда, следуя логике терявшего свои позиции оружничего, надо было изменить саму Думу. Наиболее уязвимой в новой конструкции власти оказалась неспособность царя Федора к полноценному управлению страной, слишком хорошо известная приближенному Ивана Грозного. Удар мог быть нанесен в это слабое место, и Богдан Бельский, как один из воспитателей царевича Дмитрия, его «дядька», мог заговорить о правах младшего царевича и своего подопечного на престол. Во всяком случае, в 1605 году, при Самозванце, он будет всячески прославлять свои услуги, реальные или мнимые, оказанные спасенному царевичу Дмитрию! По сведениям Льва Сапеги, сообщенным в письме 16 (26) апреля 1584 года, речь, действительно, шла о попытке переворота, при которой прежний порядок власти, установленный Иваном Грозным, должен был остаться неизменным («чтобы тот двор и опричнину соблюдал так, как его отец»); кроме того Бельский «хотел возвести на престол младшего царевича»[220]. Такой план был прямым ударом по Борису Годунову!

Борис Годунов оказался в самом перекрестье разгоревшегося конфликта. Он мог бы выступить как на стороне аристократических реформаторов, так и неродовитых консерваторов. И везде бы получил свою выгоду. В итоге Борис предпочел опричную и родовую спайку, выступив в защиту Богдана Бельского. Однако А. П. Павлов справедливо говорил о «тактическом» характере поддержки, оказанной Годуновыми Бельскому[221]. (Позднее появился памфлет, в котором Бориса Годунова обвинили в подстрекательстве Бельского к мятежу и последующем предательстве с целью использовать действия

оружничего как повод для его устранения, но это еще одна экзотическая версия, обусловленная предвыборной борьбой 1598 года[222].) Все споры разрешили восставшие москвичи, когда до них дошли слухи о намерении Богдана Бельского «бояр побита» (так трансформировалось желание восстановить прежний опричный порядок). Во главе возмутившихся людей встали уездные служилые люди — «рязанцы Ляпоновы и Кикины и иных городов дети боярские». Для рода Ляпуновых это было первое появление на общероссийской сцене, и правитель Борис Годунов не простит им самовольства. Дошло до редчайшего в российской истории случая, когда восставшие, требуя выдачи Богдана Бельского, выкатили пушку против Фроловских ворот Кремля (так тогда называлось известное всем место у Спасской башни): «Приидоша же и приступиша х Кремлю и присташа к черни рязанцы Ляпоновы и Кикины и иных городов дети боярские и оборотиша царь-пушку ко Фроловским воротам и хотеша выбити ворота вон»[223]. Согласно «Пискаревскому летописцу», обвинение пало еще и на Бориса Годунова и его родственников, а дело дошло до стрельбы: «И вражиим наветом некой от молодых детей боярских учал скакати из Большего города да вопити в народе, что бояр Годуновы побивают. И народ всколебался весь без числа со всяким оружием. И Большого города ворота заперли. И народ и досталь всколебался, и стали ворочати пушку большую, а з города стреляти по них». Передавали, что в беспорядках погибло около 20 человек, а многие получили ранения[224].

На виду у выступившей толпы бояре вынужденно примирились. Договариваться с взволновавшимся «миром» выслали самых авторитетных и любимых в народе руководителей Боярской думы — князя Ивана Федоровича Мстиславского и Никиту Романовича Юрьева, а также думного дьяка Андрея Щелкалова. Положением Богдана Бельского при дворе пришлось пожертвовать. Он был отослан на воеводство в Нижний Новгород, что и успокоило Москву. «И бояре межу собою помирилися в городе и выехали во Фроловския ворота, и народ престал от метежа»[225], — записал летописец.

Бывший царский фаворит оказался повержен. Но ослабило ли это позиции будущего правителя? Богдан Бельский был из тех «друзей» Бориса Годунова, которые могли быть хуже врагов. С удалением Бельского из столицы отпала опасность его возможных интриг, на которые он был большой мастер. Однако разрыв с Бельским, если он и случился у Бориса Годунова, не был окончательным. За Богданом сохранили чин оружничего; положение воеводы в Нижнем Новгороде было вполне почетным и важным, учитывая, что этот город лежал на дороге в Казань.

Доверив Богдану Бельскому «ворота» в Казанское царство, его не удалили совсем от дел. Поэтому, как ни парадоксально, но Борис Годунов выиграл и в этом случае. Ему оставалось только демонстрировать «праведный гнев», наказывая, впрочем, не так уж сильно, зачинщиков бунта Ляпуновых и других детей боярских, осмелившихся стрелять по Кремлю, пусть и в защиту самих бояр, которым, как оказалось, ничего не угрожало.

Венчание на царство Федора Ивановича произошло 31 мая 1584 года[226]. Согласно «Чину венчания», Борис Годунов и другие родственники царя и царицы Ирины Годуновой оказались на первых ролях. «Конюшему» царя, двум казначеям и дьякам было поручено перенести в Успенский собор крест и царские регалии — венец и бармы. И хотя для имени конюшего в «Чине венчания» оставлен прочерк, не приходится сомневаться, что им был именно Борис Годунов (прямо на это указывает автор «Московского летописца», оставивший подробное описание церемонии: «Последи же конюшей боярин Борис Федорович Годунов в большем наряде, а с ним всяких чинов люди»)[227]. Во время помазания на царство, по «Чину венчания», скипетр должен был держать «сродник» царя или «велможа некий». Так же было и с царским венцом; царь поручал его «держати сродичем своим, или двум большим стратегом, сиречь болярином, на златом блюде, близ себе, на уготованном месте, до совершенного времени»[228]. О почетном поручении одного из символов царской власти — «яблока», то есть державы, — конюшему Борису Годунову писал упомянутый «Московский летописец»: «И потом начата пети святую литоргею, царю же и митрополиту стоящу на горнем месте. И егда прииде время святаго выхода сь евангелием, и государь, сняв с себя царьскую шапку и поставиша на блюде, дал держати боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому, скипетр дал держати боярину князю Василью Федоровичю Скопину-Шуйскому, яблоко дал держати боярину и конюшему Борису Федоровичю Годунову»[229]. Символика поручения «державы» Борису Годунову, даже на время, была более чем прозрачной для всех наблюдателей, пусть она и не выходила за рамки обряда венчания на царство.

Другие подробности об участии Бориса Годунова в царском венчании сообщает Джером Горсей. Англичанин сам стал участником церемониальных торжеств в Успенском соборе, представляя королеву Елизавету I. Ему выделили одно из лучших мест, чтобы он смог всё хорошенько рассмотреть. Несколько лет спустя в Англии было опубликовано сочинение под названием «Торжественная и пышная коронация Федора Ивановича, царя русского…», записанное со слов Джерома Горсея. Английский

купец и дипломат видел, что «лорд Борис Федорович стоял по правую руку» от царя (правая сторона считалась выше левой). Остальные Годуновы тоже был на почетных местах, особенно Дмитрий Иванович. Во время выхода нововенчанного царя Федора Ивановича из Успенского собора «скипетр и державу нес перед царем князь Борис Федорович; богатую шапку, украшенную камнями и жемчугом, нес другой князь; его шесть венцов несли дяди царя: Дмитрий Иванович Годунов и Микита Романович, братья царской крови: Степан Васильевич, Григорий Васильевич, Иван Васильевич. Таким церемониальным шествием царь подошел к великим церковным вратам, и народ закричал: „Боже, храни царя Федора Ивановича всея Руси!“»[230].

Годуновы с самого начала сплоченно встали у царского трона. Только немногие руководители Думы — Мстиславские, Шуйские и Романовы — могли поспорить с ними за влияние если не на самого царя Федора Ивановича, то на государевы дела. Новому правителю и конюшему более всего приходилось считаться с любимыми в народе боярами Романовыми, но тут вмешался несчастный случай. Один из столпов правления Ивана Грозного, боярин Никита Романович Юрьев, внезапно заболел летом 1584 года. Вероятно, сказалось напряжение, с которым приходилось преодолевать переход власти от Ивана Грозного к его сыну и одновременно племяннику Никиты Романовича царевичу Федору. На некоторое время о главе рода Романовых ничего не было слышно, в источниках он упоминается с пометой «болен». Джером Горсей передавал ходившие разговоры о том, что Никита Романович был «околдован», лишился рассудка и дара речи. От своей болезни он так и не оправился. Перед смертью ему удалось заключить с Борисом Годуновым «завещательный союз дружбы». Предчувствуя скорый уход, старый боярин поручал своих сыновей тому, кто сменил его у трона в качестве одного из главных царских советников. Об этом в своей «Повести» о Смуте написал родственник Романовых — князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, которому можно доверять. И Борис Годунов соблюдал этот негласный договор с боярином Никитой Романовичем вплоть до того времени, пока сам не стал царем.

С остальными соперниками Борис Годунов умел справиться так, чтобы внешне это имело вполне законный вид. Оружие, испытанное им еще в местнических спорах, он обратил против князей Мстиславских, Воротынских, Шуйских, Булгаковых (Голицыных и Куракиных) и других аристократов, которые стояли у него на пути[231]. Их боярская «партия» была временным союзом, образованным по принципу «дружбы против» Бориса

Годунова. И он действовал с ними по древнему правилу — «разделяй и властвуй». Спор между Бельским и Головиным стоил карьеры при московским дворе обоим местникам. Заносчивый казначей Петр Головин, надеясь на высокое покровительство князей Шуйских и вековую незыблемость рода Ховриных-Головиных при дворе, стал, по словам Джерома Горсея, «дерзок и неуважителен к Борису Федоровичу»[232]. Закончилось все падением казначея, обвиненного в растрате казны[233]. Борис Годунов и в самом деле наводил порядок, но совсем не так, как это делал скорый на казни Иван Грозный. У нового правителя со временем появилась вполне заслуженная репутация борца со взяточниками и казнокрадами. При Иване Грозном положение потомственного казначея московских царей не зависело от таких «мелочей», как корыстование из казны, достаточно было простой царской немилости. Во времена боярской розни и неустойчивого положения во власти, наступившей после смерти Грозного, свергнуть казначея можно было уже только «по закону». Петра Головина судил не один Борис Годунов, а вся Боярская дума, по решению которой он был отставлен от своей должности и приговорен к казни. В описи Посольского приказа сохранилось известие о хранившемся там архивном деле, в котором «писан боярской приговор 93-го (7093, то есть 1584/85. — *В. К.*) году, что приговорили бояре Петра Головина за государеву крадную казну Казенного двора казнити смертью; тут же и вине ево скаска, какова ему, Петру, чтена»[234]. Преследование казначея было публичным и гласным, но кто мог поручиться, что предъявленные ему обвинения были не придуманными или, по крайней мере, не преувеличенными?! Автор «Пискаревского летописца» вспоминал об этом громком деле: «А Петра Головина привели на площадь да обнажили, а сказали, что кнутом его бити, да пощадил царь Федор Иванович. И сослали его в Орзамас, и тамо скончался нужно»[235]. Уже в те времена все происходившее начинали связывать с именем Бориса Годунова, поэтому смерть опального казначея тоже приписали указаниям правителя. Джером Горсей даже назвал имя исполнителя «заказа» — пристава Ивана Воейкова[236]. Достоверно известно, что Борис Годунов распорядился имуществом опального Головина по своему усмотрению, сделав вклад в Симонов монастырь из его же «животов». Все это очень символично: имущество опальных считалось «нечистым», его полагалось уничтожать и больше не использовать[237].

Семья Головиных быстро поняла, что ей грозит. В декабре 1584 года в Литву бежал брат опального казначея Михаил Иванович Головин, впрочем, очень туманно объяснявший

причины, побудившие его к побегу. Он больше говорил о «разрухе» и слабости власти в Москве, о своем служебном назначении воевать против черемис в Казанском крае и умалчивал об обвинениях в казнокрадстве, предъявленных брату[238]. Не без связи с этим побегом последовали уже новые опалы на род Головиных. Второй казначей и окольничий Владимир Васильевич Головин был устранен из Думы и отправлен воеводой в Чебоксары. Ему все-таки пришлось вместо своего двоюродного брата принять участие в войне с «луговыми черемисами», но уже в ранге рядового воеводы. Изгнали из Думы и окольничего Ивана Петровича Головина, отправив того на воеводство в Свияжск. Как справедливо подчеркнул А. П. Павлов, «расправа над Головиными явилась прологом к разгрому Годуновым оппозиционной знати»[239]. Однако уже в этом деле сказались своеобразные «принципы», которым следовал Борис Годунов, если считать его организатором таких расправ. Главный удар наносился по старшему в роде человеку, которого стремились навсегда отстранить от влияния на дела Думы. Для остальных родственников опала была мягче, Борис Годунов оставлял им возможности возвращения в элиту Государева двора, но тогда они должны были благодарить только его за милостивое изменение своих судеб. Повторение тяжелых историй тайной гибели опальных аристократов будет однозначно приписываться воле нового правителя, заинтересованного в смерти его политических противников. Но все ли зависело от одних Годуновых?

С Борисом Годуновым, несмотря на его молодость, действительно, пришло время считаться всерьез. Он показал свою силу и явно не думал останавливаться, собирая власть. Но стоит подчеркнуть, что если бы основой его действий было только зло, то последствия его «побед» оказались бы другими. Он умел быть справедливым, когда его гнев был обращен на тех, кто этого явно заслуживал. Он умел и прощать, хотя такое прощение почти всегда оборачивалось против него. Будь Борис более предусмотрительным злодеем, он должен был взять на вооружение методы Ивана Грозного, уничтожавшего (в прямом смысле) опальных всем «родом». При новом царе Федоре Ивановиче публичные казни становятся исключительным средством расправы, и этого нельзя было не заметить. Но как быть с устранением от дел и тайной гибелью первых аристократов государства? Со временем все зло персонифицировалось в Борисе Годунове. Со всем он умел справиться, кроме обволакивавшего его тумана мирской молвы, намеков и обвинений в смертных грехах.

Новым поводом для темных подозрений в адрес Бориса Годунова стал уход в монастырь первого опекуна царя Федора Ивановича и главы Боярской думы князя Ивана Федоровича Мстиславского. Еще со времен Ивана Грозного монашеский клобук считался самой надежной защитой от царского гнева. Иван Грозный написал целое послание братии Кирилло-Белозерского монастыря, где саркастически выговаривал им, что они чтят инока Иону — Ивана Васильевича Шереметева — выше чудотворца Кирилла: «А ныне у вас Шереметев сидит в келии, что царь…» Но сделать с ним царь уже ничего не мог. Туда же, в Кириллов монастырь, направил свои стопы и князь Иван Федорович Мстиславский. Кажется, что автор «Нового летописца» безусловно прав, однозначно связывая его решение с местью Бориса Годунова главе враждебной партии: «Борис же Годунов с своими советники надеяся на присвоение царское и их осилеваша: князя Ивана Федоровича Мстисловского пойма и сосла в Кириллов монастырь, там же и постригоша его»[240]. Однако в летописях Кирилло-Белозерского монастыря это неординарное событие почему-то осталось не упомянуто. Может быть, потому, что братия монастыря лояльно относилась к Годунову? В 1584 году был сменен кирилловский игумен, которым стал Варлаам, будущий ростовский архиепископ[241]. Следовательно, у Бориса Годунова был свой, надежный человек во главе Кириллова монастыря. Однако это опять всего лишь версия, выгодная обвинителям Годунова.

Нет никаких доказательств того, что князь Иван Федорович Мстиславский насильно был отправлен в монастырь. Положение Мстиславских в Думе не пошатнулось, так как место отца занял его сын боярин князь Федор Иванович Мстиславский. Стоит поверить официальной версии, вошедшей в наказы послам, которые должны были так отвечать на вопросы о судьбе князя Ивана Федоровича Мстиславского: князь-де «поехал молитца по монастырем». Действительно, 25 июля глава Думы совершил паломничество на Соловки, а уже в августе принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре[242]. В Латухинской Степенной книге взаимоотношения Бориса Годунова с князем Иваном Федоровичем Мстиславским вообще описаны идиллически: «В лето 7093, князь Иван Мстиславский с Борисом Годуновым велию любовь между себе имеша и о делех государских зело радеша и назва князь Иван Бориса сыном, а Борис его назва отцем себе»[243]. Как бы ни складывались в действительности отношения Мстиславских и Годуновых, по возрасту Борис Годунов годился в сыновья князю Ивану Мстиславскому. Но не это было главное, а то, что князь Иван Федорович, как прежде Никита Романович,

доверил судьбу своих сыновей Борису Годунову.

Когда говорят о борьбе Бориса Годунова за власть, часто забывают, что это была действительно борьба с теми, кто не меньше его хотел быть рядом с царем или даже «коснуться» царской короны. И Борису Годунову, чтобы удержаться у власти, приходилось действовать на опережение. Так, как это произошло, например, с вдовой датского герцога, первого и единственного ливонского короля Магнуса, Марией Владимировной Старицкой и ее дочерью. Мария Владимировна — не только дочь двоюродного брата царя Ивана Грозного. Ее свойствб с царским домом укрепилось после последнего царского брака с Марией Нагой, так как мать ливонской королевны Марии Владимировны тоже происходила из рода Нагих. Борис Годунов в конце 1585 года с помощью своего доверенного лица, англичанина Джерома Горсея (если верить его запискам), осуществил операцию почти в духе истории с «княжной Тараканова». Горсей описывает, как, получив личное задание Годунова, он нашел влачащую бедственное существование в Риге ливонскую королевну и добился разрешения на встречу с нею у кардинала Радзивилла — «охотника до общества ливонских леди, самых прекрасных женщин в мире». Горсей намекал, что в таком же куртуазном ключе был расценен и его интерес к Марии Владимировне. На самом деле он имел тайное поручение уговорить ее совершить побег и вернуться в Россию, что успешно и осуществил, развеяв сомнения королевны Марии, не без основания опасавшейся, что ее заключат в монастырь. Из слов Горсея явствует, что он «очень угодил» Борису Годунову исполнением этого дела, был принят царем и Боярской думой и заслужил похвалу «за хорошую службу и за выполнение воли царя относительно королевы Магнуса, которая была благополучно доставлена в Москву». Правда, потом, когда королева Мария все-таки оказалась в монастыре, англичанин сильно «раскаивался в содеянном»[244].

В общей трактовке истории с королевной Марией Владимировной, как давно уже предупреждал Д. В. Цветаев, специально исследовавший историю герцога Магнуса и Марии Старицкой, не следует во всем полагаться на английского мемуариста[245]. Горсей сам свидетельствовал, что какое-то время по возвращении в Россию королева «жила в большом поместье, она имела свою охрану, земли и слуг согласно своему положению». О ее тайном побеге и обмане начальника стражи Горсей знал только по рассказам. На самом деле отъезд Марии Владимировны из Риги был на руку как польско-литовской, так и московской стороне. После окончания Ливонской войны и смерти короля Магнуса в 1583 году его русская семья оказалась никому

не нужна. Поэтому в Речи Посполитой сочли за благо избавиться от казенных расходов, которых требовало в Риге содержание вдовы картонного короля Ливонии, присягавшего в подданство Грозному царю Московии. В Москве тоже сочли за благо вернуть королеву Марию домой. Со времени свадьбы царского «голдовника» Магнуса в Новгороде в 1573 году с 13-летней Марией Старицкой как будто прошла вечность. Возвращение королевы Марии вместе с ее маленькой дочерью в Москву позволяло забыть авантюрные ливонские проекты царя Ивана Васильевича. Да, королева Мария действительно была отправлена в монастырь — поскольку речь шла о делах династических, никто и не ожидал, что Борис Годунов поступит по-другому. Но и представлять дело так, что она полностью лишилась своего почетного статуса, было бы неверно. Сохранилась грамота о пожаловании «княж Володимеровой дочери Ондреевича, короля арцы Магнуса Хрестьяновича королевы старицы Марфы», которой из дворцовых владений было передано в вотчину богатое село Лежнево Суздальского уезда[246]. Все это говорило о почетном содержании бывшей королевы, примерно таком же, какое было, например, у отправленных в монастырь бывших жен царевича Ивана Ивановича.

Неизвестно, получил бы Борис Годунов прощение от врагов, если бы позволил им одолеть себя. А его враги, надеясь на происхождение от Рюриковичей и родство с царским домом, продолжали свою игру. Средства же их борьбы иногда оказывались сомнительного свойства. Князья Шуйские вознамерились уничтожить господство Годуновых, разорвав их родственные связи с царем Федором Ивановичем. «Радетели» интересов царства предложили царю поступить с Годуновой так же, как его дед, великий князь Василий III, поступил со своей женой Соломонией Сабуровой, отправленной в монастырь по причине бесплодия. Федора Ивановича считали слабоумным и подверженным влияниям. Но как только речь зашла о разводе с любимой супругой, царь проявил недюжинную волю. Так же резко на защиту сестры встал Борис Годунов, вмешался в события и боярин Дмитрий Иванович Годунов. Началась борьба не на жизнь, а на смерть.

Шуйские начинали интригу с далекоидущими последствиями. Со временем к династическому вопросу примешались еще внешнеполитические проблемы и все превратилось в целый исторический детектив с тайными переговорами и восстаниями. Князья Шуйские сумели привлечь на свою сторону митрополита Дионисия и некоторых московских гостей (у этого рода были давние связи с верхами купечества).

Речь шла не только о личном соперничестве Годуновых с князьями-Рюриковичами. И неизвестно, кто первым встал на дорогу войны.

В роду у князей Шуйских в этот момент было два старших боярина — князь Василий Федорович Скопин-Шуйский и герой псковской обороны в 1581 году, один из «регентов», князь Иван Петрович Шуйский[247]. В высших боярских и придворных чинах служили дети бывшего главы опричной Боярской думы князя Ивана Андреевича Шуйского — князья Андрей, Василий, Дмитрий, Александр и Иван. Положение князей Шуйских при дворе казалось незыблемым, несмотря на явное усиление Годуновых. И в этом случае, как с Романовыми и князьями Мстиславскими, видно, что Борис Годунов стремился «задобрить» первых русских аристократов щедрыми пожалованиями. Князь Василий Федорович Скопин-Шуйский получил доходы с Каргополя, а глава клана князей Шуйских князь Иван Петрович сразу после смерти Ивана Грозного был пожалован кормлением Псковом, «обеима половинами, и со псковскими пригородами, и с тамгою, и с кабаки, чего никоторому боярину не давывал государь». Вопреки установившемуся правилу, московский наместник получал доходы с обеих псковских половин; кроме того, ему шли доходы с волжского города Кинешмы. Не забыл Борис Годунов и свояка — кравчего князя Дмитрия Ивановича Шуйского, которому отдали «в путь» Гороховец, жаловавшийся раньше князьям Черкасским — родственникам одной из жен царя Ивана Грозного. Шуйские вернули себе родовую вотчину суздальских князей, село Лопатничи, конфискованное прежде в царскую казну[248]. Однако и в этих, самых благоприятных для князей Шуйских, обстоятельствах найдется повод, чтобы упрекнуть Бориса Годунова. Управление Псковом подразумевало постоянное присутствие здесь боярина князя Ивана Петровича Шуйского, а это было выгодно его противникам, укреплявшим свое положение во дворце. Против Годуновых снова складывалась опасная боярская партия, во главе которой встали князья Шуйские.

Открытое столкновение двух могущественных кланов подтолкнули внешнеполитические обстоятельства. В Речи Посполитой были много наслышаны о слабости власти в Московском государстве и о том, что новый царь Федор Иванович «глуп» и неспособен к делам. Там считали вполне реальной угрозу возможного династического союза Московского государства и Австрийской империи и решили упредить или разрушить такое соглашение. В декабре 1585 года в Москву был отправлен с посольством минский каштелян Михаил Гарабурда.

Он должен был показать, что в «Литве» не одобряли поисков «дружбы с чюжими и от вас далекими народы», и предложить «вечный мир» на условиях унии двух соседних государств. Дипломат заговорил о тех временах, которые могли бы наступить в случае смерти царя Федора Ивановича. Это немало удивило московскую сторону, справедливо посчитавшую «непригожим» делом даже упоминать о такой возможности при живом царе. Целью посла Михаила Гарабурды было добиться письменного обязательства об избрании Стефана Батория. Опору внутри Московского государства польско-литовская сторона видела в той части «московской рады», которая не была посвящена в переговоры с Империей (то есть в противниках Бориса Годунова, продолжавшего традиционный курс Ивана Грозного на союзнические отношения с австрийским императором). Возможности непосредственно обратиться к Думе и московскому митрополиту польскому дипломату не предоставили. Однако ему все же удалось внести раскол в ряды русской знати. Члены Думы выступили против Бориса Годунова и дьяка Андрея Щелкалова, открыто заявляя, что «сабли против польского короля не поднимут, а вместе с другими боярами хотят согласия и соединения». В конечном итоге, по мнению исследователя русско-польских отношений XVI века Б. Н. Флори, все это свидетельствовало о «готовности боярской группировки» ни более ни менее, как «отстранить Бориса Годунова от власти»[249].

Посол Михаила Гарабурда увидел «всю думу» единственный раз — при своем отпуске 26 апреля 1586 года. Но в этот момент он не мог услышать ничего из того, что подтверждало бы успех его миссии. Напротив, члены Боярской думы оказались едины в своем отказе обсуждать династическую унию с королем Речи Посполитой, а посол за время переговоров наслушался разных слов, осуждавших его миссию и грозивших в будущем неприятностями обеим странам. «Если с тобою только и дела, что ты говорил, — обращались к Михаилу Гарабурде, — то незачем тебе было с этим и ездить». Москва уже начинала не только чувствовать, но и демонстрировать свою силу. Посольскому приставу велено было намекнуть: «Теперь Москва не старая: надобно от Москвы беречься уже не Полоцку, не Ливонской земле, а надобно беречься от нее Вильне»[250].

Перечень бояр, присутствовавших на отпуске посла Михаила Гарабурды «в Набережной полате большой» 26 апреля 1586 года, и порядок их перечисления в посольских документах хорошо показывают расстановку сил в Думе. Открывал список, как и положено, князь Федор Иванович Мстиславский, вторым был назван князь Иван Петрович Шуйский, далее шли имена Дмитрия

Ивановича Годунова и лишь четвертым по старшинству назван «боярин и конюший» Борис Федорович Годунов. Далее между именами братьев князей Андрея Ивановича и Дмитрия Ивановича Шуйских стояли имена других Годуновых, братьев Степана, Григория и Ивана Васильевичей. В верхней части списка оказались еще лояльные Годуновым князья Никита и Тимофей Романовичи Трубецкие. Федор Никитич Романов, только что похоронивший своего отца, оказался всего лишь на 11-м месте. Замыкали список бояр родственники и друзья Романовых ярославские князья Иван Васильевич Сицкий, Федор Дмитриевич Шестунов и Федор Михайлович Троекуров. В Думу входили также два окольничих, князь Борис Петрович Засекин и Андрей Петрович Клешнин[251].

В начале мая 1586 года в Москве произошло новое открытое волнение «мира», вызванное слухами о боярской вражде. Семена розни, брошенные послом Михаилом Гарабурдой, быстро дали свои всходы. Но и в Думе за то время, пока князь Иван Петрович Шуйский находился в Пскове, уже многое изменилось. Умер Никита Романович Юрьев, ушел в монастырь князь Иван Федорович Мстиславский, были устранены князья Воротынские и Головины, отправлены на воеводства князья Голицыны. Два года спустя после смерти Ивана Грозного в Боярской думе лишь один из оставшихся «регентов», князь Иван Петрович Шуйский, оказался лицом к лицу с Борисом Годуновым.

До нас дошел один из самых ранних памятников публицистики эпохи Смуты, созданный в связи с канонизацией царевича Дмитрия в начале царствования Василия Шуйского в 1606 году, — «Повесть, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову пролитие неповинные крови новаго своего страстотерпца благовернаго царевича Дмитрея Углечскаго». Автор повести принадлежал к братии Троице-Сергиева монастыря (имя его, к сожалению, неизвестно). Он начинал перечень греховных дел Годунова именно с его столкновения с князьями Шуйскими, что будто бы явилось прологом к убийству царевича Дмитрия. Впрочем, даже этот враждебный по отношению к Годунову памятник не мог умолчать о том, что тот умел привлечь на свою сторону людей разными способами: «…сий Борис нача прелыцати многих от царские полаты приобщателей боляр и дворян, тако же и от властелей, и от гостей многих прелестию присвоил к себе, овех дарми преодолел, а иных прелщением, аки змий свистанием угрози». Достигнув такого почитания, Борис Годунов, по мнению автора повести, ополчился на князей Шуйских: «И, видя себе посреди царева синклита превышши всех почитаема, и нача славобесия дыхании обуреватися, и воздвиже

ненависть на свою господию на князя Ивана Петровича Шуйского и на единокровных его братий». В дальнейшем в повести говорится о неком «всенародном собрании московских людей множества», которое готово было встать за князей Шуйских и расправиться с самим Борисом и его «сродницами». Тогда Годунов предложил подтвердить свой прежний союз с князьями Шуйскими: «и положиша веру со укреплением промеж собя, что имети любовь и доброта, яко ж де и преже». Не остановившись на этом, Борис Годунов убедил князя Ивана Петровича Шуйского выступить с «проповедью», обращенной к московскому «миру», «что им на Бориса нет гнева, ни мнения никоторого». Инцидент был улажен и мир восстановлен до тех пор, пока Годунов, по «Повести…», забыв все обещания, не расправился тайно с Шуйскими[252].

Рассказ «Повести, како отомсти…» совпадает в ряде деталей с тем, что известно о майских событиях 1586 года в Москве по другим источникам. В состав «Нового летописца» входит отдельная статья «О Шуйских и о митрополите Дионисие и о казни гостей и торговых людей». В ней Борис Годунов опять обвиняется во властолюбивом стремлении расправиться с князьями Шуйскими, которые «противляхусь и никако ему поддавахусь ни в чом». На стороне князей Шуйских выступили «гости же и всякие московские торговые люди черные». Поэтому в дело вмешался митрополит Дионисий. Ему автор летописи отводил роль третейского судьи, уговорившего бояр помириться друг с другом. А дальше в «Новом летописце» приведена яркая сцена, вероятно, записанная со слов какого-то свидетеля: «И изшедшу от митрополита и приидоша к палате Грановитой; тутo же стояху торговые многие люди, князь же Иван Петрович Шуйской, идучи, возвести торговым людем, что они с Борисом Федоровичем помирилися и впредь враждовать не хотят меж себя. И выступя ис торговых людей два человека и рекоша им: „Помирилися вы есте нашими головами, а вам, князь Иван Петрович, от Бориса пропасть, да и нам погинуть“»[253]. Все так и случилось: оба торговых человека были схвачены той же ночью и сосланы «неведомо куды». Казнен был известный московский гость Федор Ногай (по прозвищу Голубь; с этим прозвищем он выведен в трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович»), что позднее заставило Бориса Годунова быть крайне осторожным «с влиятельной верхушкой столичного купечества»[254].

Однако те, кто наблюдал эту сцену со стороны, видели только «худой» мир князей Шуйских и Годуновых и знали только часть правды. Все упиралось в то, о чем ни князья Шуйские, ни поддержавший их митрополит Дионисий не заинтересованы были

говорить публично. Официальной причиной последовавшей позднее опалы князей Шуйских стало обвинение в заговорщицких контактах с Речью Посполитой. Было ли оно надуманным, или князья Шуйские, как и другие русские аристократы, с сочувствием поглядывали на порядки соседнего государства? Князья Шуйские ранее были воеводами главных пограничных городов с Речью Посполитой (князь Иван Петрович — в Пскове, а князь Василий Иванович — в Смоленске). У них, конечно, имелись неформальные контакты с «державцами» соседних староств в Великом княжестве Литовском, что в обычной для пограничья системе повышенного контроля за контактами с иноземцами не могло укрыться ни от посольских дьяков, ни от Думы. В Польше и Литве у магнатерии было гораздо больше возможностей влиять на короля. Князья Шуйские, возможно, тоже стремились перенести хотя бы часть литовских порядков в московскую действительность.

Митрополит Дионисий не ограничивался одними миротворческими шагами пастыря, увещевавшего «сильных» в правлении бояр. В деле о приезде в Москву антиохийского патриарха Иоакима в июне 1586 года содержится любопытное свидетельство о возможном обращении московского митрополита Дионисия и бояр к брату цесаря Максимилиану. В свите патриарха Иоакима ехал гонец, который привез грамоту от одного из православных владык в Литве, адресованную московскому митрополиту Дионисию. Ее, конечно, прочли и немедленно отправили назад, не передавая адресату: «Да в той же грамоте писал к митрополиту непригожее дело о посылке митрополичьей и боярской к цесареву брату, будто слух их дошел, что ищут себе приязни с чюжими и з далекими народы, а мимо их короля»[255]. Это дело о якобы самостоятельной «ссылке» московских бояр и митрополита с братом австрийского императора эрцгерцогом Максимилианом представляется чрезвычайно запутанным. Послу М. Гарабурде уже были даны официальные заверения бояр, что они непричастны к такой посылке: «Нехто злодей, изменник всего хрестьянства такое злодейское слово затеял… и принес к панам-радам»[256]. Настойчивое обвинение московских бояр и митрополита в осуществлении самостоятельных контактов с эрцгерцогом несколько меняет устоявшиеся взгляды на то, что именно Борис Годунов и дьяк Андрей Щелкалов были инициаторами сближения с Империей.

Объяснение истинных причин столкновения Бориса Годунова с князьями Шуйскими содержится в свидетельстве Хронографа редакции 1617 года (то есть того времени, когда уже откипели

все страсти Смуты и прежняя боярская вражда, не затрагивавшая Романовых, стала историей). Рассказ Хронографа стоит привести целиком, так красноречиво и ясно рассказано в нем о том, что стало прологом к завоеванию Борисом Годуновым исключительного положения в Думе: «Лета 7094 (1586) премудрый грамотик Дионисий, митрополит Московский и всея Русии, да князь Иван Петрович Шуйской и прочии от больших боляр и от вельмож царевы полаты и гости московския и все купецкия люди учинишя совет и укрепишася между себе рукописанием бити челом государю царю и великому князю Феодору Ивановичю, чтобы ему государю вся земля царскиа державы своея пожаловати, приати бы ему вторый брак, а царицу перваго брака Ирину Федоровну пожаловати, отпустити во иноческий чин; и брак учинити ему царскаго ради чядородия. И таковый совет уведав шурин царев Борис Годунов, и присовокупи к себе многыми дарми змиеобразныя льсти злых советников и люто, аки зверь, растерзает сих совокупление»[257]. Служивший в России в царствование Бориса Годунова швед Петр Петрей подтверждает эти слухи. В его «Реляции», опубликованной в Швеции в 1608 году, говорится, что несостоявшейся претенденткой в русские царицы была сестра князя Федора Ивановича Мстиславского[258].

Даже Борису Годунову не выгодно было объявлять об истинных причинах своего «зверского» гнева, который если он и испытывал, то все-таки глубоко прятал. Сделано было опять все так, что упрекнуть Бориса можно только в тайных расправах и странных обстоятельствах случившегося. В июне 1586 года в Речь Посполитую было направлено посольство боярина князя Федора Михайловича Троекурова и дворянина Федора Писемского. На переговорах с польскими и литовскими сенаторами в Гродно они снова столкнулись с разговорами об «унии», а по возвращении посольства в Москву 1 октября 1586 года случилось сведёние с митрополичьего престола Дионисия и устранение князей Шуйских из Думы[259]. В Литве ходили слухи едва ли не о войне в Москве, о том, что бояре Шуйские нападали на двор Годуновых, а сам правитель был якобы убит[260]. Но здесь явно выдавали желаемое за действительное. Борис Годунов справился с ситуацией. Сначала, помирившись с князьями Шуйскими, он подавил недовольство гостей и посадских людей, причем дело дошло до казней, которые уже невозможно было скрыть. В наказах послам, составленных в самом начале 1587 года, о выступлении в Москве было предписано говорить, что «земские посадские люди… поворовали было, не в свойское дело вступилися, к безделником пристали… А ныне мужики все,

посадцкие люди, по-старому живут, а и везде то ведетца: лихих казнят, а добрых жалуют». Потом дошла очередь до митрополита Дионисия, отправленного в Новгородский Хутынский монастырь, крутицкого архиепископа Варлаама, сосланного в Антониев-Сийский монастырь, и князей Шуйских. Главным зачинщиком боярской розни был назван князь Андрей Иванович Шуйский со своею «братьею». Они «учали измену делать, неправду и на всякое лихо умышлять с торговыми мужики». К ним примкнул и глава клана — князь Иван Петрович Шуйский, обвиненный в том, что забыл царские милости к нему: «их потакаючи, к ним же пристал и неправды многие показал перед государем»[261]. Узнать подробнее из этих обтекаемых дипломатических формулировок о сути обвинений, предъявленных князьям Шуйским, не удается. Однако в них точно отражаются детали событий, которые уже невозможно было скрыть не только на переговорах в иностранных государствах, но и внутри страны. Конечно, устранение Шуйских из Думы надо было объяснять, поэтому в посольском наказе от мая 1587 года рассказывали, что из уважения к заслугам рода на князей Андрея Ивановича и Ивана Петровича Шуйских не было возложено «большой опалы», они были только «сосланы в деревни».

Действительно, источники подтверждают, что первоначально так и было. Князь Иван Петрович Шуйский оказался в родовом селе Лопатничи, где спокойно жил до весны 1587 года. О месте ссылки князя Андрея Ивановича Шуйского источники говорят по-разному; известно, что он окончил свои дни в Буе в 1589 году. Его брат князь Василий Иванович Шуйский находился в ссылке в соседнем Галиче.

Устранение князей Шуйских от влияния надела было в этот момент чрезвычайно выгодно Борису Годунову. В декабре 1586 года внезапно умер король Стефан Баторий, и в Речи Посполитой снова возникла ситуация бескоролевья. Борис Годунов, уже без всякой оппозиции в Думе, оказался занят планами избрания царя Федора Ивановича на опустевший польский престол (не исключались и действия на элекционном сейме в пользу австрийского эрцгерцога Максимилиана для создания антитурецкой коалиции московского царя и императора Рудольфа)[262]59. Вести переговоры на элекционном сейме 1587 года были направлены «великие послы» бояре Степан Васильевич Годунов, князь Федор Михайлович Троекуров, дьяки Василий Щелкалов (глава Разрядного приказа) и Дружина Петелин (он служил в Приказе Большого прихода). В итоге на престол Речи Посполитой, как известно, был избран Сигизмунд III, продолживший агрессивную политику Стефана Батория в

отношении Русского государства. Винить в неудачном исходе выборов в Литве Борису Годунову было некого. Он сам добился того, чтобы князья Шуйские с их аристократическими претензиями не влияли на дела внутри страны и на отношения с другими государствами. Теперь все последствия этих действий новый правитель царства должен был принять на себя.

Таким образом, первые годы правления царя Федора Ивановича прошли для Бориса Годунова в постоянной придворной борьбе. Однако укрепить свою власть Борису Годунову было не просто. Ему пришлось считаться как с общим желанием уйти от практики опричных времен, так и с законными претензиями родовых аристократов на власть, утерянную ими во времена Грозного. Годунов показал себя умелым политиком, сумевшим приспособить происходившие изменения к своим интересам, каждый раз выигрывая от очередной отставки или опалы своих врагов. Понемногу он формировал вокруг себя «партию» собственных сторонников, «допущенных» к власти, куда входили прежде всего сами Годуновы, их верные союзники со времен «особого» двора князья Трубецкие и князья Хворостинины. Эта годуновская группа в Боярской думе вступила в союз с Романовыми и их сторонниками. А. П. Павлов, подробно исследовавший обстоятельства создания новой правящей элиты, усомнился «в справедливости традиционного представления о враждебности Бориса Годунова к знати вообще и его симпатиях к худородному „дворянству“». При ближайшем рассмотрении это оказывается историографическим мифом, плохо соответствующим историческим реалиям. Исследователь пришел к важному выводу о том, что «политическое лицо правительственной группировки в Думе царя Федора Ивановича определяли Годуновы и Романовы». Их объединяло то, что оба боярские роды были обязаны своим возвышением «родством с царской династией»[263]. Поэтому в 1580-х годах и не случилось ни дворянской революции бывших опричников, ни аристократического переворота бывших удельных князей. Был подтвержден самодержавный путь, насаждавшийся Иваном Грозным, только Борис Годунов стремился придать ему «человеческое лицо».

Строитель земного царства

Как Борис Годунов правил в Москве, какой видел страну, которой управлял? Почему обратился к устроению Сибири, устья Белого моря, пограничных с Крымом южных городов? Какие изменения произошли в жизни Государева двора, горожан,

крестьян и церкви? Была ли в этом какая-либо система, осознанное стремление отстроить новое Московское государство? Или это историки придумали «направления внутренней и внешней политики» и используют удобную исследовательскую конструкцию, чтобы рассказать о том, чего, возможно, и не было никогда? Биограф, раскладывающий пасьянс из дат и событий, связанных с именем героя, может легко пропустить тот момент, когда надо уйти от исторического «крохоборства» и подумать о «великом». Ведь чаще всего можно только угадать или почувствовать героя далекого времени, узнать же его по-настоящему почти никогда не удается. С Годуновым случилась большая несправедливость: увлеченные поиском следов его властолюбия, современники, а вслед за ними и историки, перестали отдавать должное тому, что видно непредвзятым взглядом. Конец 1580-х и 1590-е годы оказались совсем не потерянными для страны, как можно было бы подумать. Напротив, эти годы составляют целую эпоху переустройства жизни на новых началах, безусловно связанную с именем правителя страны — Бориса Годунова.

Самое простое — сопоставить две даты: 1584 и 1598 годы, чтобы увидеть произошедшие изменения по принципу: «было — стало». Выберем один критерий — строительство новых городов и крепостей. В устье Северной Двины строится новый порт с выходом в Белое море — Архангельск. На Волге появляются Самара и Царицын (на «переволоке» между Волгой и Доном). На юге — Воронеж, Елец, Кромы и Белгород[264]. В Сибири — Тюмень, Тобольск и другие первые русские города и остроги. Отстроены кремли, начиная с Московского, где были возведены новые здания приказов, а рядом украшается Покровский собор, «что на Рву»; за счет казны строятся каменные лавки в Китай-городе (на месте уничтоженных пожаром деревянных торговых рядов). Напротив входа в царские палаты установили недавно отлитую мастером Андреем Моховым знаменитую «Царь-пушку», на жерле которой горделиво поместили барельеф с изображением царя Федора Ивановича, скачущего на коне[265]. Борис устроил в Кремле свой знаменитый двор, полученный им после опального князя Владимира Андреевича Старицкого еще в начале 1570-х годов. Двор двоюродного брата царя Ивана Грозного располагался не просто в Кремле, а в непосредственной близости от царского дворца и от митрополичьих палат. Там же, на месте бывших кремлевских владений князя Владимира Андреевича Старицкого, устроил свой двор Иван Грозный. Тот, кому он разрешил поселиться рядом, не должен был вызывать никаких подозрений. Двор Годунова, к сожалению, ныне утраченный,

выходил своими воротами на Соборную площадь. Им продолжали пользоваться в Смуту все другие московские правители[266].

В начале царствования Федора Ивановича обновились укрепления Новгорода Великого. Устраивались Казанский и Астраханский кремли, начато строительство знаменитой Смоленской крепости, а в Москве появилась дополнительная линия укреплений — Белый город[267]. Про особую заботу Бориса Годунова о городовых делах целый панегирик написал патриарх Иов, сравнивший Москву с «невестой»: «Многи грады камены созда и в них превелики храмы в славословие Божие возгради и многие обители устрой, и самый царьствующий богоспасаемый град Москву, яко некую невесту, преизрядною лепотою украси»[268].

Во всех упомянутых действиях была определенная система: новые города появлялись не из одной экономической целесообразности (напротив, иногда даже вопреки ей, в далеком враждебном окружении). Из Москвы последовательно выстраивали линию форпостов, чтобы, опираясь на них, предотвращать более серьезные угрозы центру государства. Но такую политику надо было сначала продумать, решить многие сопутствующие вопросы, не исчерпывающиеся одной раздачей денег воеводам-устроителям городов. Перенаправление колонизационных потоков вызвало к жизни другую проблему — беглых людей — вечных искателей лучшей жизни и «подрайской землицы».

В чем особенно заметны новые начала политики Бориса Годунова — так это в отказе от методов подавления и расправ, которые использовал Иван Грозный. К концу его царствования они уже исчерпали себя, что понял даже кающийся царь, рассылавший по монастырям милостыни в память об убиенных им людях. Царю Федору Ивановичу и его главному советнику пришлось немедленно сменить «грозу» на «милость». Но как это можно было сделать в стране, десятилетиями привыкшей к другому?

Особенно показательно «завоевание» Сибири. Мы давно привыкли к тому, что это дело рук могучего Ермака, воевавшего в последние годы царствования Ивана Грозного. Но так ли было на самом деле? Иван Грозный выбрал Строгановых и поручил им огромную часть своей страны, начиная от Великого Устюга и Соли Камской, не особенно спрашивая о методах их «управления». Ему достаточно было того, что он мог спросить у Строгановых в любой момент столько денег, сколько считал нужным. Строгановы нанимали волжских и других казаков (среди них и Ермака) и снаряжали на свои средства полувоенные и

полубандитские походы дальше в земли сибирского царя Кучума, заставляя местных туземцев платить дань. Царь Кучум и вожди сибирских племен вогуличей, ханты и манси, естественно, сопротивлялись русским пришельцам. Война шла с переменным успехом. Кучум был связан родственными узами с правителями Ногайской Орды, поэтому иногда дела далекой Сибири отзывались даже в низовьях Волги. Сам Ермак погиб в августе 1584 года. Ко времени начала царствования Федора Ивановича казаки потерпели страшное поражение и вынуждены были оставить все прежние завоевания в Сибирском царстве. Становилось очевидно, что «сибирское направление» политики Ивана Грозного зашло в тупик.

История целенаправленного освоения Сибири связана уже с именем Бориса Годунова. Об этом проницательно писал С. Ф. Платонов: «В отношении татар сибирской группы правительству Бориса Годунова пришлось заново начинать дело покорения, заглохшее со смертью знаменитого „велеумного атамана“ Ермака. После гибели Ермака Сибирское царство, захваченное им, вернуло свою независимость: в августе 1584 года русские покинули город Сибирь, и в нем снова сели ханы. Казалось, Сибирская авантюра казаков прошла без следа»[269]. Однако «соболи и черные лисицы» были слишком заманчивой целью, чтобы упустить Сибирь. Пушной товар был в ходу внутри страны, где пожалования «сороков» соболей обычно становились самой большой наградой для бояр и служилых людей, отличившихся на ратном поприще. Изобилие пушнины вызывало зависть и в соседних странах, где обладание русским мехом тоже входило в одну из привилегий знати. При всей условности сравнений эта «мягкая рухлядь», как называли пушнину в документах, становилась по своей ценности для казны вровень с золотом. А иногда и превосходила его. Тот, кто владел Сибирью, мог поставить на рынок столько этого товара, сколько надо было для интересов царства[270].

Пока казаки — волжские разбойники во главе с Ермаком, ранее грабившие торговые караваны вокруг Астрахани, — пытались использовать свои привычные методы на службе у Строгановых, из этого мало что получалось. Захватившая XVI век страсть конкистадорства и узаконенного пиратства в далекой Московии не сработала (и так безлюдную страну трудно было сделать еще более безлюдной). Кортес из Ермака не получился во многом из-за того, что сибирские племена жили не в изоляции, а в одном историческом пространстве с русскими людьми. На определенном этапе Джучиев улус наследников Чингисхана включал в себя как разоренную Владимирскую Русь, так и

Сибирь. Ханства, выделившиеся позднее из состава Золотой Орды, стали именовать «царствами». Отсюда и титул «царя Сибирского», который носил Кучум. Вообще-то царями на Руси называли как византийских императоров, так и ордынских ханов. Если у русских царей была византийская «генеалогия», то титул соседних правителей обусловливался родством с Чингизидами. С Казанским и Астраханским царствами справился еще первый русский царь Иван Грозный, который добивался того, чтобы стать царем над царями и тем получить дополнительное основание для равнозначных дипломатических контактов с цесарем (императором) и королями из других стран (титул князя, даже великого, не имел такого веса и значения). Исторический спор за наследство Чингизидов в Сибири суждено было решить во времена царя Федора Ивановича. Причем решить так, чтобы сибирские племена оставались жить на своих местах, признав первенство и подданство московского царя. Силой одних только казачьих сабель их убедить в этом не удалось; тогда было применено более успешное «оружие» — борьба за веру. По словам сибирской Есиповской летописи, описавшей строительство Тобольска, «старейшина бысть сей град Тоболеск, *понеже бо ту победа и одоление на окаянных бусормен бысть* (выделено мной. — *В. К.*), паче ж и вместо царствующаго града причтен Сибири»[271]. В «Новом летописце» расширение царства «в Сибирскую землю» было названо наградой «за праведные молитвы» царя Федора Ивановича[272].

Только борьба с «басурманами» могла оправдать тактику полного уничтожения вождей мятежных сибирских племен, которая превратилась в систему действий русского правительства. Древний способ разделения и властвования сработал и здесь. Вот одному из воевод приказывают вести войну с мятежными вогуличами князя Аблегирима в 1593 году: если они не подчинятся силе, то преследовать вогуличей повсюду, уничтожая членов семьи пелымского князя и его городки. Аблегириму и его семье не было дано никакого шанса: если бы даже он проявил интерес к переходу в подданство к русскому царю, его следовало «приманити», а потом все равно «казнити» вместе со старшими членами его семьи. Лишь «меныиово сына» с женою и детьми разрешалось взять в Тобольск. На деле это был самый верный способ заставить вогульские племена платить вожделенный ясак и другие подати в казну. Да, в итоге варварство отступило перед цивилизацией, которая принесла в Сибирь порох, артиллерию, стройку и пашню, но это было не мирное присоединение, а зачастую война на уничтожение. Новые в Сибири социальные порядки с властью воевод, гарнизонной

службой, организацией хлебных запасов утверждались скоро и жестоко. Торговля, как всегда, оказалась успешнее меча, но и цена установления новой цивилизации была высока. Из-за этого долгое время первые русские поселенцы в Сибири должны были оставаться воинами и пахарями в одном лице.

Известны имена первых русских воевод, появившихся в Сибири для строительства городов, — Василий Борисович Сукин и Иван Мясной, основавшие Тюмень в 1585 году. Летописная статья называет это событие «пришествием воевод» с Руси. «Смена вех» подчеркивалась тем, что место для строительства нового города выбиралось там, где ранее существовали поселения сибирских племен: «Поставиша ж град Тюмень, иже преже бысть град Чингий, и поставиша домы себе, воздвигоша же церкви в прибежище себе и прочим православным християном»[273]. Выбирая место для первых сибирских городов, думали не о временном обладании той или иной территорией, а о том, как надолго укрепиться на пересечении водных путей, по которым, прежде всего, можно было передвигаться по огромным и неосвоенным пространствам Сибири. Река была стратегической военной артерией, а в мирное время становилась главным торговым путем. Поэтому первый город Тюмень поставили на реке Туре, а другой, Тобольск, ставший сибирской столицей, воевода Данила Чюлков основал на Иртыше. Выбор места для новых городов мог быть отдан на усмотрение самих воевод. В наказе воеводе князю Петру Ивановичу Горчакову, посланному в декабре 1592 года строить Пелым, говорилось: «А пришед в Тоборы, присмотрить под город место, где пригоже, где быти новому городу в Тоборах, или старой город занять, да где лутче, туто князю Петру, высмотря место, сговоря с воеводами с Микифором Васильевичем с Траханиотовым с товарыщи, заняти город, и на чертеж начертити и всякие крепости выписать». В любом случае не допускалось, чтобы рядом оставались сильные укрепленные места сибирских племен. Так, Тобольск стал плацдармом для опустошения города Сибири в 1588 году. В наказе строителю Пелыма тоже приказывалось разорить прежние центры вогуличей: «И став в Тоборах, в старом городе или в новом месте, где крепчае, заняв острог, укрепитися, а старой городок розорити, чтоб у Тоборовских людей города не было»[274].

Новизна московской политики в отношении Сибири при правителе Борисе Годунове состояла еще и в том, что сибирская дорога была изъята из-под контроля Строгановых, попавших на некоторое время в опалу. Заполнение сибирских городов новым населением, строительство острогов и храмов в них становилось

государственным делом, в котором участвовали города Севера и Поморья, Перми и Вятки. Сибирский транзит со временем станет для них одной из основ существования. Первые московские воеводы едут в Сибирь основательно подготовленными. По дороге они могут брать деньги для расходов из местной казны, собирают высланных «до государева указа» в сибирскую ссылку, набирают охочих «новоприборных» людей. Конечно, Борис Годунов не был единственным, кто определял сибирскую политику. Наказы первым воеводам подписывал дьяк Андрей Щелкалов, управлявший одновременно с Посольским также Казанским приказом, где в конце XVI века сосредоточивались «сибирские дела». Однако следы интересов правителя Бориса Годунова видны: именно он был главным строителем царства, в то время как дьяк Щелкалов оставался исполнителем, поворачивавшим туда, куда надо было хоть Ивану Грозному, хоть его преемникам.

Умение Бориса Годунова предвидеть разные ситуации неоднократно помогало ему в политических расчетах. Оно немедленно было поставлено им на службу царю Федору Ивановичу. Конечно, существует опасность приписать любое действие воле Годунова из-за того, что он сам брал на себя управление разнообразными воинскими, посольскими, судебными, земельными и другими делами. Но слава незаменимого помощника царя, его главного советчика и управителя рождалась не на пустом месте. Именно у Бориса Годунова, с ранних лет находившегося во дворце, могло сформироваться «системное» видение государственных проблем. А то, что это было именно так, убеждает последовательность, с какой взялись задела в начале царствования Федора Ивановича, выстраивая новую оборону государства, сочетая ее с другими, экономическими интересами.

Действия в Сибири можно было бы объяснить продолжением традиционной политики. Однако именно при Борисе Годунове во второй половине 1580-х — в 1590-е годы она достигла своих главных успехов. Сибирскому царю Кучуму все-таки пришлось сложить свой титул в пользу московского царя в 1598 году[275]. Вместе с сибирской проблемой была решена еще одна давняя, со времен покорения Казани, задача усмирения «казанских людей» — местных языческих племен, постоянно тревоживших своими восстаниями Москву. И в этом случае были посланы воеводы «на нечестивые Болгары»[276], поставившие новые города в землях «нагорной» и «луговой» черемисы, — Кокшайск, Цивильск, Уржум. По словам «Нового летописца», «и тем он государь укрепил все царство Казанское»[277].

В этом же контексте дальнейшего укрепления позиций в

недавно завоеванных царствах следует рассматривать каменное строительство в Астрахани (1587–1588) и Казани (1593–1594). При строительстве астраханского кремля снова стремились заменить наследие Чингизидов новыми символами. В «Пискаревском летописце» излагался наказ воеводе Михаилу Вельяминову и дьяку Дею Губастову, которым велено было «ломати мизгити (мечети. — *В. К.*) и полаты в Золотой Арде и тем делати город». По отзыву летописца, «и зделан город безчисленно хорош, а круго[м] его пояс мраморен зелен да красен, а на башнях тако же»[278].

Одновременно были выстроены и северные «ворота» страны. Север издавна осваивался монастырями, Соловецкий монастырь был главной крепостью на Белом море, но такой, которую легко можно было бы оставить в тылу, взяв ее в блокаду. Вся остальная северная сторона вплоть до Кирилл о-Белозерского монастыря (еще одной крепости) и Вологды оказывалась уязвимой для вторжений. И здесь, вслед за ограничением тарханов 1584 года, начинается отказ от чьей-либо посреднической роли (в этом случае — монастырей) в обороне Севера. Дело передается в руки московских воевод, которых сажают в новых городах — в Архангельске и Коле. Кольский воевода должен был защищать уезд от воинственных «мурманов» и устранить конкуренцию, которую могли создавать купцы, ехавшие со своим товаром в Колу вместо нового Архангельска. Архангельск имел одновременно военное и торговое значение. С одной стороны, этот город, чьим небесным покровителем был выбран «грозный воевода» Михаил Архангел, охранял Русское государство от вражеских морских экспедиций; с другой — создавалась монополия Архангельска на торговлю на Белом море. Удобнее стало собирать пошлины с иноземных купцов, давно проторивших Северный морской путь. Борис Годунов еще не мог единолично влиять на события, когда основывался Архангельск в 1584 году. Он, как и другие члены Боярской думы, всего лишь поддержал решение об укреплении административного присутствия московских властей на Севере. Однако позднее, когда Годунов получил в управление поморскую Вагу, он сполна воспользовался преимуществами транзита через Важскую землю в Архангельск.

Земли южнее Тулы и Калуги давно были яблоком раздора с Литвой. У верховских князей Воротынских, Трубецких, Одоевских и других был выбор: кому из двух великих князей служить: литовскому или московскому[279]. Постепенно к XVI веку на южной окраине Московского государства сложились огромные латифундии, лояльность владельцев которых была куплена их высоким статусом при дворе московского великого князя.

Порядок этот не устроил царя Ивана Грозного, не терпевшего рядом с собой даже тени аристократической независимости. Он перетасовал знать в опричнине и земщине, но всё, что ему удалось по большому счету сделать, — это создать чин «служилых князей». Сами исторические связи князей с их родовыми гнездами по-прежнему оставались сильны. Можно было бы мириться с суздальскими, ростовскими или ярославскими князьями (хотя и здесь прежние страхи соперничества с Москвой не были еще похоронены навсегда). На южном же пограничье угроза возвращения владетельных князей в Литву была более реальной, и означала она потерю не только подданных, но и земель.

Сложность состояла еще и в том, что «южный» вопрос был не двусторонним; в споры Москвы и Кракова вмешивался Бахчисарай. Со времен Орды и Куликова поля огромные пространства в верховьях Дона и Оки и далее на юг оставались неосвоенными. Слишком часто этот путь использовался для набегов татар на Русь; в итоге он превратился в «Поле», или «Дикое поле», — заросшее лесом и травою, практически незаселенное пространство. Там располагался Муравский шлях, которым можно было дойти до Тулы, — привычная дорога («сакма») крымцев на Русь. Идя этим путем, крымцы или «ногаи» могли одновременно угрожать заоцким, украинным и рязанским городам. Первая линия обороны, преграждавшая дорогу на Москву, была построена еще в 1550–1570-е годы. Тогда же была сформирована стратегия строительства укреплений из крепостей и засек, организации сторожевой службы, чтобы не дать врагу внезапно приблизиться к столице. Однако это была именно оборонительная линия, полностью предотвратить татарские походы не представлялось возможным. У неприятеля, свободно доходившего до бродов у реки Быстрой Сосны, всегда оставалась возможность дальнейшего маневра, который трудно было предугадать. Крымцы могли идти дальше по Муравскому шляху к Туле, а могли свернуть на Калмиусскую дорогу и разорить рязанские места.

В начале правления царя Федора Ивановича новые русские остроги решительно продвинулись в «Поле». В статье «О поставлении Украйных городов» автор «Нового летописца» писал: «Царь Федор Иванович, видя от крымских людей своему государству войны многие и помысля поставити по сакъмам татарским городы и посла воевод своих со многими ратными людми»[280]. В конце 1580-х — начале 1590-х годов на Быстрой Сосне были построены города Ливны, Елец и Чернавский городок. Одновременно началось строительство Воронежа[281].

Стратегически этот новый город открывал еще одну дорогу на Астрахань, перекрывая путь татарам Ногайской Орды. Строительство новых городов в «Поле» было частью общего замысла, в выработке которого, несомненно, принимал участие Борис Годунов. Строительство продолжалось и позднее, во времена годуновского царствования. Уже в 1589 году на переволоке между Доном и Волгой был основан Царицын, названный так в честь царицы Ирины Годуновой. В 1590-е годы строились Белгород (на Муравском шляхе), Оскол и Валуйки (на новой Калмиусской дороге). И, что самое показательное, передовую крепость в Польских городах (так называли форпосты, появлявшиеся в «Поле») уже в начале царствования Бориса Федоровича назвали Царевом-Борисовом. Оттуда можно было достичь еще одной, остававшейся без контроля московских людей, дороги крымских людей на Русь — Изюмского шляха[282].

Исследуя время царствования Федора Ивановича, можно заметить, что решения о строительстве многих городов оказались великим предвидением. И связано это напрямую с Борисом Годуновым, умевшим не просто *строить*, а *выстраивать* свою политику. Например, описывая начало строительства Смоленской крепости в 1596 году, автор «Нового летописца» пишет о действиях правителя: «Царь же Феодор Иванович, помыслив Смоленский поставити град каменной, посла шурина своего Бориса Федоровича Годунова и повеле места осмотрите и град заложите. Борис же поиде в Смоленск с великим богатством и, идучи, дорогою по градом и по селом поил и кормил, и хто о чем побьет челом, и он всем давал, являяся всему миру добрым. Прииде же во град Смоленск и пев у Пречистые Богородицы Смоленския молебная и объеха место, како быти граду, и повеле заложити град каменой. И обложив град в Смоленске, поиде к Москве»[283]. Автор «Нового летописца», по своему обыкновению, стремится упрекнуть Годунова и ищет любой повод для обвинения, даже там, где его нельзя найти. Осуждаемая летописцем щедрость не только работала на самого правителя, но была необходима для дела, так как основная тяжесть по строительству укреплений всегда ложилась на жителей близлежащих уездов. Задача возведения Смоленской крепости превосходила всё, что известно было до тех пор в русской фортификации. Борис Годунов не ограничился только привлечением на свою сторону людей, встречавших главу Думы. Он применил прием, не раз использованный в Москве: собрал со всей страны каменщиков (да и не только каменщиков, но и кирпичников, и даже горшечников!). «Каменье и известь» должны были возить из самых «дальних городов вся земля»[284]. Так

«наспех», но с основательностью решалось дело со строительством Смоленской крепости.

Не все успевали следить за государственными замыслами Годунова. Так, Латухинская Степенная книга приводит показательный случай. Когда Борис Годунов возвратился из Смоленска и с пафосом стал говорить царю в присутствии бояр, «яко сей град Смоленск будет всем городам ожерелие», то тут же столкнулся с острословом боярином князем Федором Михайловичем Трубецким. Тот «противу Борисовых речей глагола сице: „как в том ожерелье заведутся вши, и их будет не выжить“» — имелось в виду, что за Смоленск придется еще повоевать[285].

Новые укрепления на границах Московской Руси стали опорными точками для развития государства. Это были военно-административные центры больших округов в разных сторонах царства. Кто так хорошо видел «карту» Московии и умело направлял развитие страны — вопрос для той эпохи риторический. Если мы даже не имеем прямых указаний на роль Бориса Годунова в принятии решений о строительстве новых городов и укреплений, всё равно он был одним из самых важных участников государственного строительства.

Учреждение патриаршества

Строительство земного царства имело своим основанием у Бориса Годунова заботу о строительстве царства небесного. В первую очередь это касалось украшения родового для Годуновых Ипатьевского монастыря, высокопарно называемого ими Лаврой (обычно лаврами именуются самые известные монастыри, находящиеся под прямым управлением главы церкви). На одном из монастырских зданий сохранилась древняя закладная доска с надписью: «Лета 7094 (1586) повелением благоверного и боголюбиваго и великаго государя царя великаго князя Федора Ивановича всея Руси самодержца, и его благочестивыя и христолюбивыя царицы великиа княгини Ирины, в третие лето государства его начаты бысть делати сии святые врата и оградки… около сея превеликиа Лавры святыя пребезначальныа Троица Ипацкого монастыра тщанием и верою боярина Димитриа Ивановича Годунова да боярина конюшево Бориса Федоровича Годунова на память от рода в род и по душах своих и по своих родителех в вечной поминок». Такие внутренние, глубоко личные мотивы действий Годуновых редко учитываются. Между тем монастырское строительство было началом всех мирских дел. В роду Годуновых продолжали молиться о «царском чадородии», соименные царской семье храмы появились в Пафнутьев-

Боровском монастыре. «Тщание и вера» Годуновых простирались и дальше, к этому времени относится создание знаменитых украшенных книг (например, так называемой Годуновской псалтыри — вклада в Ипатьевский монастырь), строительство каменных храмов в вотчинах Бориса Годунова. Автор «Пискаревского летописца» с уважением перечислял эти постройки в селе Хорошеве, Вяземах и на Борисове городище в Верейском уезде[286].

Учреждение патриаршества в России тоже отнюдь не случайно пришлось на конец 1580-х годов, когда вполне обозначилась ведущая роль Бориса Годунова как ближайшего советника царя Федора Ивановича. О русском патриаршестве думали давно, но приступить к делу со всей решительностью и свойственным ему умением смог именно Годунов. Новый правитель царства прежде остальных понял те выгоды, которые сулил приезд за милостыней одного из восточных патриархов — Иоакима Антиохийского. Само по себе появление на границах Московского царства православных греков, ехавших за вспомоществованием в Москву, было рутинным событием. Но в 1586 году в Москву приехал один из вселенских патриархов. В своей грамоте царю «Иоанну Федору» антиохийский патриарх Иоаким писал, что решение о поездке возникло у него в Царьграде, когда он встретился с вселенским и александрийским патриархами: «…изволением от братии и единослужителей во Христе патриархов устремихъся ити во страну отечествия твоея царьския державы со великим желанием яко богомолец твоего благочестия видети и здравие ти посетити»[287]. Эта ссылка на соборное решение патриархов придавала еще больше веса приезду антиохийского патриарха Иоакима и его небольшой свиты из четырнадцати человек.

Поездку патриарха Иоакима в Москву попытались использовать в сложном дипломатическом торге между политиками Речи Посполитой и московской Думой, обсуждавшими возможность заключения нового мира. Путешествие антиохийского патриарха через «Литовскую землю» было удобным поводом для трансляции тех идей, которые напрямую не смог изложить посол Речи Посполитой Михаил Гарабурда московским боярам и митрополиту Дионисию. К свите антиохийского патриарха присоединился гонец, везший грамоту «о патреархове походе» к московскому митрополиту. Однако в ее текст вошло «непригожее дело о посылке митрополичей и боярской к цесареву брату, будто слух их дошел, что ищут себе приязни с чюжими и з далекими народы, а мимо их короля»[288]. По-иному можно взглянуть и на внутриполитический фон приема

патриарха Иоакима, приехавшего в Москву 17 июня 1586 года.

Патриарх Иоаким был удостоен высокого царского приема в «золотой подписной палате». Он вручил царю Федору Ивановичу грамоту и дары — частицы мощей святых. В грамоте речь шла о далеких делах антиохийской патриархии, где сместили прежнего патриарха Михаила, запросившего большей власти у константинопольского патриархата. Так в Москве «из первых рук» узнали о сложностях константинопольской кафедры, занятой в тот момент патриархом Феолиптом, который, по характеристике историка церкви А. В. Карташева, «был человек недостойный, матерьялист и интриган»[289]. Для покрытия убытков антиохийского патриархата от случившейся «смуты» и просили «помощи» у царского двора. Во время последовавшего затем торжественного богослужения в Успенском соборе возникла проблемы церковного этикета, намеренно нарушенного русским митрополитом Дионисием. Он первым благословил патриарха. Все произошло быстро и неожиданно, и единственное, на что решился патриарх Иоаким, так это «поговорить слехка» о том, что «пригоже было митрополиту от него благословенье принята наперед»[290]. Однако дело было сделано, и, несмотря на публично высказанное недовольство, просителю милостыни было показано его настоящее место. Тем сложнее было потом заводить какие-либо переговоры о русском патриаршестве. Так гордый митрополит Дионисий, сам не зная того, вмешался в дальние расчеты Бориса Годунова. Стало очевидно, что сперва надо поискать другого, более склонного к соблюдению церковного этикета и более покладистого претендента на московский патриарший престол. Больше встреч патриарха Иоакима с предстоятелем русской церкви не было.

Идея русского патриаршества не была еще предметом официальных переговоров с антиохийским патриархом Иоакимом. В «греческом статейном списке» 1586 года нет ни одного намека на обсуждение других тем, кроме помощи восточной церкви. Хотя, скорее всего, пожелания русского правительства были сформулированы и озвучены уже тогда. Об этом говорится в рукописи, сохранившейся в синодальной книгохранительнице (возможно, что она восходит к патриаршему архиву). В ней описывается порядок переговоров Бориса Годунова с патриархом Иоакимом «о патриаршестве московском всего росийскаго царствия»[291]. Царь Федор Иванович поручил «шурину своему» и советнику просить благословения вселенских патриархов на устройство в Московском государстве патриарха. Именно Борис Годунов, упомянутый по такому поводу с дипломатическим чином «ближнего великого боярина и

конюшего и наместника Казаньского и Астороханского», и провел все переговоры. Патриарху Иоакиму было передано решение царя Федора Ивановича и его царицы Ирины, обсудивших с Боярской думой («и с бояры поговорили») возможность устроения «в государьстве нашем Московьском росийскаго государствия патриарха». Патриарха Иоакима просили известить об этом желании московского царя «цареградского» патриарха, чтобы далее глава восточной церкви «посоветовал о таком великом деле с вами со всеми патриархи… и со всем освященным собором»[292]. Патриарх Иоаким отвечал осторожно, что «такому великому достоянию в его Московьском государьстве Росийскаго царьствия пригоже быть». Однако ни в коем случае не брал на себя решение: «то дело великое, всего священного собора»[293].

На отпуске антиохийского патриарха, по официальному статейному списку его посольства, наградили «милостиней», за которой тот и приехал. Одновременно щедрые дары были отправлены константинопольскому и александрийскому патриархам (возможно, в видах дальнейших переговоров о русском патриаршестве). Церковные власти просили молиться за умершего царя Ивана Грозного и погибшего царского брата царевича Ивана Ивановича, а также за всю царскую семью. В грамоты антиохийскому и александрийскому патриархам вписали еще дополнительную просьбу — молитву о чадородии царицы Ирины. Московские политики свой ход сделали, теперь они ждали ответа на свои инициативы. Однако вместо этого, услышав о царской щедрости, в Москву стали тянуться разные просители, преимущественно с Балкан. Им тоже не было отказа, но, принимая сербских архиереев и священников, хотели, прежде всего, услышать ответ константинопольского патриарха. Наконец, в июне 1587 года, спустя целый год после приема патриарха Иоакима, в Москву приехал «греченин» Николай. В расспросе в Посольском приказе он ссылался на устное поручение ему от константинопольского и антиохийского патриархов, которые якобы послали к иерусалимскому и александрийскому патриархам, чтобы учредить собор: «и о том деле соборовать хотят, что государь приказывал, и с собору хотят послати патреарха Ерусалимского и с ним о том наказать, как соборовать и патреарха учинить»[294]. Так и осталось неясно, говорил ли «греченин» Николай то, что от него хотели услышать, или же выдумывал на ходу, заботясь больше о получении из Москвы денег. Во всяком случае, прошел еще почти год, прежде чем стало известно, что в Москву едет сам константинопольский патриарх — но не Феолипт, которому была передана просьба об учреждении патриаршества, а вернувший себе вселенский

престол его предшественник патриарх Иеремия.

Появление вселенского патриарха на смоленском рубеже в июне 1588 года стало полной неожиданностью для смоленских воевод (им даже выговорили, чтобы они вперед «так просто» не делали и не допускали безвестного приезда посланников или подданных других стран). В своей грамоте царю Федору Ивановичу патриарх Иеремия много говорил об отце нынешнего царя — Иване Грозном, к которому ему так и не удалось приехать, хотя он и хотел. Ныне же, как только он получил возможность, сразу отправился в путь из Константинополя в Московскую землю. Причина приезда была все та же: во время правления Феолипта казна константинопольского патриарха исчезла, а соборный храм был превращен в мечеть. Турецкий султан, сначала изгнавший Иеремию с патриаршества, а потом вернувший на престол, разрешил ему собирать милостыню в христианских странах. Москва оставалась единственным местом, где патриарху могли помочь возродить константинопольскую кафедру в прежнем блеске и силе.

Явление нового старого патриарха чрезвычайно озадачило московских дипломатов, тайно пытавшихся разузнать, что стало с его предшественником. Оставалось неясным, везет ли с собой патриарх Иеремия соборные постановления, о подготовке которых говорил ранее «греченин» Николай. Приставу Семейке Пушечникову было велено тайно расспросить, «каким обычаем патриарх ко государю поехал, и ныне патриарх патриаршество держит ли и нет ли ково иного на ево место и о прочей его нужи, что он едет о милостине просити мил остины, есть ли какой с ним ото всех патриархов с соборного приговору ко государю приказ»[295]. Оказалось, что два года в Москве напрасно тешили себя иллюзией продвижения вопроса о русском патриаршестве. Предстояло начинать все заново. Но, несмотря на это, царь Федор Иванович и его советники решили не упускать своего шанса.

Приезд константинопольского патриарха Иеремии в сопровождении митрополита Иерофея Монемвасийского и архиепископа Арсения Элассонского все же стал великим событием в истории русской церкви. Не приходится сомневаться, что именно Борису Годунову удалось решить главную задачу и убедить константинопольского патриарха и приехавших с ним архиереев учредить новую патриархию в России. В ход был пущен весь арсенал способов достижения цели: за полгода, проведенные в Москве, константинопольский патриарх и его свита испытали многое. Сначала их удивила пышная встреча в Смоленске, куда они попали на большой «двунадесятый» церковный праздник — день Петра и Павла 29 июня 1598 года. Затем их с честью

встретили в Москве, разместив на подворье рязанского архиепископа. Был устроен пышный царский прием; занявший русскую кафедру митрополит Иов, не в пример своему предшественнику, соблюдал иерархию и смиренно первым подходил под благословение константинопольского патриарха. При этом, обнадеженные в успехе своей миссии, члены посольства иногда чувствовали себя арестантами, не понимая причин своего стесненного положения. Такова была обычная практика Посольского приказа, пресекавшего любые контакты и попытки получения информации о том, что делается в Московском государстве. Но у московских дипломатов были и другие виды, они усиленно наблюдали за окружением патриарха Иеремии. Монемвасийский митрополит Иерофей пытался удержать его от создания патриаршей кафедры в Москве (впрочем, безуспешно), предвидя будущие соборные затруднения в Константинополе.

Самому константинопольскому патриарху демонстрировали все знаки почета и уважения, особенно зорко следя за соблюдением норм церковного этикета. Правда, настоящую цену московских церемоний патриарх Иеремия узнал тогда, когда, убеждаемый со всех сторон учредить патриаршество, решил остаться в Московском царстве и править здесь. Так было бы проще, но не этого хотели в Москве. Жизнь в Московском царстве, безусловно, облегчила бы участь главы восточной церкви, жаловавшегося на притеснения басурман. Однако царь Федор Иванович не хотел портить отношений со своим «братом» — турецким султаном Мурадом. Постоянное присутствие константинопольского патриарха в Москве могли расценить в Османской империи как вызов и чуть ли не оживление старых претензий русских князей на Царьград. Патриарху Иеремии предложили, если он действительно хочет остаться, ехать во Владимир. Всё это дипломатично обосновывалось тем, что именно во Владимире находилась древняя кафедра русских митрополитов. Переговоры с патриархом «по боярскому приговору» должен был вести боярин и конюший Борис Федорович Годунов. Царь Федор Иванович «велел» ему «о том с патриархом поговорити и с ним посоветовати, возможно ли тому статися, чтобы ему быти в его государьстве в Росийском царьстве в стольном граде в Володимере». Годунов вел переговоры «тайно»; от имени царя он предложил патриарху Иеремии «быти на патриаршестве в нашем государьстве в Росийском царьствии, на владимирьском и всея великия Росии». Патриарх соглашался остаться в Российском царстве, если это было угодно царю Федору Ивановичу, однако настаивал на том, чтобы постоянно

находиться в самой Москве. «И яз от того не отмещуся, — отвечал вселенский патриарх Борису Годунову, — толко мне в Володимере бытии не возможно, заиже патриархи бывают при царе всегда, а то что за патреаршество, что жити не при государе, тому статься никак невозможно».

Конечно, если бы в Москве действительно хотели оставить у себя патриарха Иеремию, то пошли бы ему навстречу во всех его пожеланиях. Но мысль о пребывании патриарха Иеремии «на владимерьском и всея Росии патриаршестве» была компромиссом. Оба собеседника хорошо понимали, что тогдашний Владимир представлял из себя захолустье, а настоящий патриарх должен находиться там же, где и царь. Скорее всего предложением переехать во Владимир патриарху Иеремии недвусмысленно намекали, что в Москве не просто желают *присутствие* вселенского патриарха, а хотели бы *утвердить новый чин* нынешнего митрополита Иова. Поэтому сначала велись осторожные переговоры, когда же патриарх Иеремия выразил свое согласие на создание патриаршества в России, то отступать ему уже было некуда.

Для продолжения переговоров царь Федор Иванович снова обратился к Боярской думе, но сразу дал понять, что речь больше не идет о присутствии константинопольского патриарха в России. В обоснование отказа патриарху Иеремии находиться в Москве вспоминали о судьбе самого Иова, которого никак нельзя было лишить московской кафедры. «То дело нестаточное, — говорил царь Федор Иванович, — как нам то дело учинити таковаго сопрестолника великих чюдотворцов Петра и Алексея и Ионы и достохвалнаго жития мужа свята и преподобнаго отца нашего и богомольца, преосвященнаго Иева митрополита всея Великия Росия от Пречистыя Богородицы и от великих чюдотворцов изженути и учинити греческаго закона патриарха». К тому же царь Федор Иванович мог общаться с константинопольским патриархом только через переводчика, а это обстоятельство, как считалось, повредило бы делам царства («а он здешняго обычая, и рускаго языка не знает, и ни о которых делех духовных нам с ним советовать без толмача не уметь»).

Боярская дума поручила Борису Годунову и дьяку Андрею Щелкалову сложную задачу: им следовало получить согласие патриарха Иеремии на то, в чем было отказано ему самому, и избрать на патриаршество русского митрополита Иова. Кроме того, это должно было быть не обычное избрание, а соответствующее по своему чину поставлению других вселенских патриархов: дабы он «благословил и поставил в патриархи на *владимерское* (выделено мной. — *В. К.*) патриаршество

российского собору отца нашего и богомольца преосвященнаго митрополита Иева всеа Росии по тому ж чину, как поставляет на патриашество патриархов александрийскаго и ерусалимского». В Московском царстве хорошо знали историю своей церкви и помнили, сколько времени потребовалось некогда, чтобы добиться ее автокефалии. Поэтому от патриарха Иеремии требовалось еще дать разрешение на то, «чтобы впредь поставлятися патриархом в Росийском царстве».

Каким образом посланникам Боярской думы удалось убедить патриарха Иеремию согласиться на все эти продиктованные ему условия, остается тайной. Можно обратить внимание на то, что Борис Годунов и Андрей Щелкалов на решающих переговорах 13 января 1589 года несколько скорректировали данный им наказ. Они не прямо просили согласия патриарха Иеремии на избрание митрополита Иова, а говорили о будущих выборах на владимирское и, добавляли, *московское* патриаршество. Вот как звучала их просьба патриарху Иеремии: «…благословити и поставити в патриархи на владимерьское и московское патриаршество из российского собору кого Господь Бог и Пречистая Богородица, и великие чюдотворцы московские изберут»[296]. Вопрос о том, когда и с какой целью стали употреблять новый чин будущего патриарха, нуждается в дальнейшем изучении. В царской речи, сказанной при избрании Иова и излагавшей обстоятельства предшествующих переговоров, уже говорится о титуле «патриарха Московского и всеа Росии»[297]. Отнюдь не исключено, что константинопольского патриарха намеренно запутали новой патриаршей титулатурой. Он вполне мог продолжать думать о том, что русский патриарх будет жить во Владимире, а у него останется возможность обосноваться когда-нибудь в Москве. Впрочем, всё это не больше, чем предположение. Очевидно лишь то, что согласие патриарха Иеремии было получено с большим трудом. После многих переговоров константинопольский патриарх всё «положил на волю» царя Федора Ивановича.

Сбывались чаяния целых поколений идеологов величия Русского государства, мечтавших о духовном наследовании Константинополю и обосновавших концепцию «Москвы — Третьего Рима»[298]. Мысль об этом войдет в грамоту об учреждении патриаршества: «Понеже убо ветхий Рим падеся аполинариевою ересью, вторый же Рим иже есть Констянтинополь агарянскими внуцы от безбожных турок обладаем, твое же, о, благочестивый царю, великое российское царствие третий Рим благочестием всех превзыде и вся благочестивая царствия в твое воедино собрася, ты един под небесем хрестьянский царь

имянуешися во всей вселенной, во всех хрестьянех»[299]. В появлении патриарха в Москве лежал прямой политический расчет, связанный с усилением Российского царства как православной державы и одного из оплотов борьбы христианского мира с «басурманами».

Политические обстоятельства иногда закрывают каноническую сторону учреждения нового патриаршества в Москве. Практика первых вселенских соборов, устанавливавшая соотношение властей в христианском мире, неизбежно входила в противоречие с единовластным решением одного константинопольского патриарха, нуждавшимся еще в одобрении других вселенских патриархов — антиохийского, александрийского и иерусалимского. Поэтому на переговорах с Иеремией много времени уделили тому, чтобы добиться от него обещания письменно подтвердить состоявшееся избрание на будущем общем церковном соборе в Константинополе. В православной церкви были и другие патриархии — в Сербии и Болгарии, но Иов получил статус именно *вселенского патриарха.* Более того, московские политики и богословы пытались укрепить за ним даже более высокое место среди вселенских патриархов. Но это не удалось, и московский патриарх Иов стал пятым вселенским патриархом. Позднее сам он в Житии царя Федора Ивановича упоминал о своем избрании на патриаршество: «… нариця его быти четвертому патриарху; вместо же папино Констянтинопольский патриарх оттуду начат нарицатися»[300]. Б. А. Успенский, подробно исследовав вопросы избрания патриарха Иова, показал, что, действительно, речь тогда шла о возможном замещении «папиного места». Это позволяет вписать события 1589 года, к которым Борис Годунов имел самое прямое отношение, в более широкий контекст истории православия на Востоке: «…учреждение патриаршества в Москве отнюдь не сводится к повышению иерархического ранга московской кафедры: глава русской церкви не просто стал именоваться „патриархом“, он вошел в число „вселенских“ (первопрестольных) патриархов, возглавляющих Вселенскую Церковь, и тем самым принципиально изменил свой статус»[301].

Избрание патриарха Иова и новых митрополитов русской церкви произошло 23 января. Еще несколько дней спустя, в воскресенье 26 января 1589 года, была проведена церемония поставления Иова на патриаршество в Успенском соборе Московского кремля. В эти дни отчетливо видно, что Борис Годунов уже признан первым советником царя Федора Ивановича. Его имя названо среди первых бояр, пришедших поздравить патриарха Иова с избранием, следом за князем Федором

Ивановичем Мстиславским, князем Федором Михайловичем Трубецким и Дмитрием Ивановичем Годуновым. Рядом были и другие бояре Годуновы — Степан, Григорий и Иван Васильевичи[302].

Церемония поставления патриарха Иова, как и при возведении в сан митрополитов, сопровождалась «шествием на осляти», символизировавшим въезд Христа в Иерусалим. Такой объезд Москвы был совершен после приема патриархов Иеремии и Иова в Золотой палате Кремля, где Борис Годунов, как всегда, находился рядом с царем Федором Ивановичем. Патриарх Иов, по сохранившемуся описанию, выехал «на осляти» через Фроловские ворота и проехал «около града» для «молитвы и благословения». Когда он вернулся в Кремль, к Красному крыльцу, то здесь его встретили сошедшие с лестницы Грановитой палаты Борис Годунов и другие бояре, дворяне и приказные люди. В самый первый раз перед патриархом шли окольничий Петр Семенович Лобанов-Ростовский и патриарший боярин Андрей Васильевич Плещеев. Вероятно, это был один из немногих пунктов церемонии, в котором Борис Годунов просчитался и не поставил себя на первое место. Само по себе шествие новоизбранного, первого в московской истории патриарха через Кремль и Китай-город было ярким и незабываемым. Специально спешившись на Фроловском мосту, патриарх обращался к народу с молением. На следующий день окольничему князю Петру Семеновичу Лобанову досталось только звать патриархов к царскому столу в Золотой палате и ответно участвовать в патриаршем праздничном столе вместе с боярами Степаном и Иваном Васильевичами Годуновыми. 28 января, во вторник, состоялось новое шествие патриарха Иова на «осляти», подаренном ему патриархом Иеремией. Московский патриарх должен был повторить церемонию «около града большого нового каменнаго Царя-града» (речь идет о недавно возведенных или даже еще продолжавшихся строиться стенах и башнях Белого города). Борис Годунов быстро сумел поправить положение. От патриаршего двора, через Фроловские ворота, от «Неглиненских ворот» и до Тверской улицы он шел впереди патриарха, вместе с патриаршим боярином Андреем Васильевичем Плещеевым. Потом, от Тверских ворот, когда Годунова срочно позвали обратно во дворец, «в его место» по приказу царя продолжил церемонию окольничий князь Петр Семенович Лобанов-Ростовский[303]. Все это можно было бы посчитать не заслуживающим особого внимания эпизодом. Если бы не одно обстоятельство: в обряде шествия патриарха «на осляти» (точнее на заменявшей ее лошади) на Вербное воскресенье обычно впереди патриарха шли сами цари или

первые бояре, возглавлявшие Боярскую думу!

Оставалось добиться соборного утверждения решения об учреждении патриаршества в Москве. И такие грамоты с подписями вселенских патриархов вскоре были получены[304]. Новая эпоха русской церкви началась. Москва унаследовала славу Третьего Рима, и это было связано с именем Бориса Годунова.

Глава 3
Новый «Донской»

1 сентября 1591 года начинался 7100-й год от Сотворения мира. Незадолго до того в Угличе погиб царевич Дмитрий. Что изменилось для Бориса Годунова, а что изменил он сам? Кажущиеся вполне закономерными вопросы не более чем логическая ловушка для тех, кто убежден в причастности Годунова к угличской драме. А если допустить, что официальная версия о нечаянной смерти царевича Дмитрия справедлива? Как и многие в Московском государстве, Борис Годунов быстро забыл о несчастном мальчике и его родственниках Нагих, сосланных в ссылку и отдаленные монастыри. Незадолго перед этим в семье Годуновых произошло другое событие, гораздо более важное для царского ближнего боярина. Около 1589/90 года у него родился сын и наследник Федор, впоследствии в течение нескольких недель царствовавший после отца. Именно с ним Годунов связывал продолжение своего рода, ему должен был передать в наследство свою власть. Вот только какую? Шла ли речь о первенствующем положении в Боярской думе или Борис Годунов уже подумывал о царском престоле? Но тогда на его пути стояли не только царевич Дмитрий, но и племянница Феодосия, наконец-то появившаяся на свет в семье царя Федора Ивановича и царицы Ирины Годуновой в мае 1592 года. Правда, девочка прожила недолго и умерла уже в январе 1594-го. Враги Годунова готовы приписать его происках также и раннюю смерть царевны. Но это было бы слишком даже для отъявленного злодея. Справедливо лишь то, что династическая проблема стала в 1590-х годах одной из главных. В итоге именно она открыла Годунову путь к царской власти, но он не успеет сделать так, чтобы сын продолжил его царствование. Начнется Смута, уничтожившая годуновскую династию, и в этом свете все деяния Бориса Годунова предстают тщетными. Однако предугадать трагический финал было невозможно. Напротив, каждый новый шаг Годунова свидетельствовал о его исключительном положении при царе Федоре Ивановиче.

Немецкий поход

Наследники Грозного, как оказалось, только собирали силы и выжидали удобный момент, чтобы пересмотреть итоги неудачной Ливонской войны. Обида за потерю городов на Балтике никуда не

исчезла, их не перестали считать своими, но и в новую войну, пока не появилась ясность в действиях главных соперников — Речи Посполитой и Швеции, тоже не ввязывались. Когда на польском престоле оказался сын шведского короля Сигизмунд III и шведы стали теснить русских, был собран «немецкий поход», главной целью которого стал Ругодив, как шведы называли Нарву. Несмотря на то, что на Белом море был основан новый порт, он, конечно, не мог заменить преимущества балтийской торговли, которыми долгое время пользовались в России, владея Нарвой, а также Ямом, Копорьем и Корелой. Для возвращения этих городов 14 декабря 1589 года, в Филипповский пост, и начался зимний царский поход «на непослушника своего на свейского короля на Ягана к городом к Ругодиву и к Иванюгороду, да х Копорье, да к Яме»[305].

Царь Федор Иванович, несмотря на ходившие слухи о его недееспособности, двинулся во главе войска к Ругодиву. Лет десять, со времени потери Полоцка, не было такого, чтобы царь вместе со всей семьей шел на войну. Это говорило о серьезности намерений русских, которые выступили к Ругодиву, как писал летописец, «видя Свитцково короля неправду»[306]. Из Москвы отправились первые лица Боярской думы — князь Федор Иванович Мстиславский, князь Федор Михайлович Трубецкой, Дмитрий Иванович Годунов и, конечно, Борис Годунов. Царица Ирина Федоровна осталась ждать мужа и брата в Великом Новгороде, куда русское войско пришло 4 января 1590 года. Так было и во времена Ливонской войны, когда Иван Грозный ходил походом на «немецкие» города. Но тогда в Новгороде рядом с Ириной Годуновой оставался царевич Федор, теперь же с ней оставили только Дмитрия Ивановича Годунова и членов ее двора[307]. Царскому шурину надо было уже не только демонстрировать политический расчет и дипломатические умения, но и показывать себя ратным воеводой, поскольку он по-прежнему держал все нити управления в своих руках. Отражением особого статуса Годунова в войске стало его назначение первым «дворовым», то есть ближним, воеводой в Государевом полку (вторым дворовым воеводой был боярин Федор Никитич Романов). По обычному же распределению первым воеводой Большого полка, как и положено, был назначен находившийся при войске номинальный глава Думы боярин князь Федор Иванович Мстиславский (вместе с ним воеводское назначение получил Иван Васильевич Годунов).

Русскому войску явно сопутствовала удача. Посланным для осады Яма царским воеводам уже 26 января[308] удалось взять город; был блокирован шведский гарнизон в Копорье. Но

основным событием русско-шведской войны стала осада Ивангорода и Ругодива, начатая 2 февраля 1590 года. И здесь уже многое решал ближний царский боярин Борис Годунов. Автор «Нового летописца» описал, как после прихода русских войск царь Федор Иванович «велел бити по стене из наряду и, пробив стену, велел идти воеводам приступом со многими приступными людми». В разрядных книгах тоже говорится о приказе «по городом по Ругодиву и по Иванюгороду бити из наряду». Следом за этим 19 февраля был приступ. Характерная деталь: наступать должны были не лучшие дворянские сотни, а рядовое войско — стрельцы, казаки, черемисы, мордва и черкасы, а также даточные «боярские люди», набранные в войско с имений тех, кто не мог выступить в поход, вдов и недорослей. Надежда на успешную осаду не вполне оправдала себя; шведы умело и храбро защищали крепость («немцы ж з города, бьющееся, противляхуся и крепко стояху»). Всё, что удалось русским войскам, — так это взойти «на город», то есть на крепостные укрепления, откуда они с потерями вынуждены были отступить. На приступе был убит назначенный наступать первым «на пробойное место» воевода князь Иван Юрьевич Токмаков{1}. Тогда, чтобы сберечь войско, было приказано «по городу бити из снаряду беспрестани»[309]. Массированная осада все же принесла свои плоды, и 20 февраля шведы запросили перемирие. Псковский летописец оценивал действия Годунова негативно: «…а Ругодива не могли взять, понеже Борис им наровил, из наряду бил по стене, а по башням и по отводным боем бити не давал»[310]. На этом основании Р. Г. Скрынников посчитал Годунова неумелым военачальником[311]. Однако надо учесть, что автор Псковской летописи был в целом враждебно настроен к Борису Федоровичу. Да и странно ожидать от летописца серьезного разбора войсковой тактики; скорее он передавал слухи, ходившие в войске, — ведь псковичи принимали самое непосредственное участие в ругодивской и ивангородской осадах.

В разрядных книгах роль Бориса Годунова в «немецкой» военной кампании 1590 года выглядит совсем по-другому. Его знач&ние как главного военачальника понимали даже осажденные шведы. Так, 20 февраля «ругодивские воеводы Карло Индриков с товарищи» обратились к «конюшему и боярину и дворовому воеводе Борису Федоровичу Годунову, чтоб Борис Федорович прислал к ним ково поговорить, а в те поры к городом приступать и из наряду бити не велел; а они вышлют за город говорить лутчих немец». Борис Годунов попал в свою стихию: он умел вести переговоры. Конечно, не забывая при этом, кому он добывает победы. В разрядах подчеркивается, что Годунов

действовал, «доложа государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии»[312]. Переговоры о перемирии начинались и останавливались несколько раз. При самом их начале ругодивские воеводы просили, чтобы царь Федор Иванович прекратил осаду и дал им время обратиться к своему королю. Борис Годунов сформулировал другие требования: «велел немцем про отсылку отказати, а велел говорити, чтоб они отдали государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии государевы городы Ругодив, Ивангород, Копорью, Корелу». Дальше началось то, что в неформальной лексике московских дипломатов называлось «покачати». Борис Годунов стремился выжать максимум из безысходного положения защитников Рутодива. Особого уважения к врагам он не испытывал и даже в момент переговоров пару раз достаточно цинично обманул их. По обычаям того времени, перед началом переговоров требовалось обменяться «закладами», своеобразными заложниками более или менее знатного происхождения, гарантировавшими безопасность переговорщиков с другой стороны. Один раз в «заклад» послали обычного стрелецкого сотника, назвав его «дворянином добрым». А когда речь шла уже о заключении договора, шведский воевода Карл Индриков выслал в государевы полки своего сына, но взамен от московских переговорщиков потребовали думного дворянина Игнатия Петровича Татищева и дьяка Дружину Петелина. Тогда в полках нашли псковского сына боярского Ивана Ивановича Татищева и «сказали его Игнатью родным братом». Конечно, большого значения все эти манипуляции с «закладами» не имели, однако они показательны для дипломатической манеры Годунова. Он чувствовал себя настоящим хозяином положения, то ослабляя, то возобновляя осаду. При этом Борис Годунов позаботился, чтобы передышка, связанная с переговорами, не была использована шведами для ликвидации пролома в крепости Ругодива: «…а велел над немцы смотрити тово, чтоб они проломных мест не заделывали, а учнут заделовать проломные места, и Борис Федорович по городу из наряду по прежнему бити велел»[313]. В итоге, не воюя, Борис Годунов добился больше, чем идя на приступ шведских крепостей. Ругодивские воеводы обязались сами отдать русскому царю городовые ключи от Ивангорода и Копорья.

Камнем преткновения стала прежде всего судьба Ругодива. Ни при каких обстоятельствах шведские воеводы не соглашались отдать город, выражая готовность защищать крепость до конца («говорили толко, что они кладут то на Божью волю, а готовы помереть»). Поход был зимним, а осада растянулась чуть не до начала весны, поэтому царь Федор Иванович и его бояре должны

были поспешить с решением: оставить ли войско под Ругодивом, рискуя пострадать от разлива талых вод реки Нарвы, или же довольствоваться тем, что удалось достигнуть. Появились и другие неблагоприятные обстоятельства, связанные с бескормицей. Вот изложение вопросов, которые решались на военном совете царя Федора Ивановича с Боярской думой: «Поход ево государев под Ругодив и под Иваньгород учинился в зиму не рано для того, что немецкие послы ссылками попроволочили. А под Ругодивом и под Ивангородом поизстоялося. А путь зимней приходит последней, река Нарова портитца, сверху леду появилася вода великая. А в загонех кормов конских же не добывают и людем и лошадем в кормех нужа ставитца великая. А немцы отдают Иваньгород, да Копорью, а Ругодивы и Корелы не отдают. И тому как бытии: зделат ли на том с немцы да от Ругодива пойти проч или Ругодива доставати?» И хотя в тот раз решили «на немцах ещо поотведати», откусить от пирога войны больше не удалось. В итоге дело было представлено так, что царь Федор Иванович, уступая челобитной Бориса Годунова и всех бояр, «милость показал»: «не памятуя Ягановы королевы грубости, вотчину свою Ивангород и Копорью ныне взяти велел»[314]. 25 февраля московские воеводы получили городовые ключи от Ивангорода[315]. Следом предстояло отвести войска от Ругодива, что и произошло 1 марта 1590 года. На ближайший год было заключено перемирие, во время которого ожидался приезд шведских послов в Москву для того, чтобы получить «досталные городы государевы отчины» — Ругодив и Корелу. Пожелание, которое позволяло говорить не только о военной, но и о дипломатической победе. Впрочем, битву в Посольском приказе надо было еще выиграть. В разрядных же книгах было записано: «А взял государь в том походе у немецково короля три города Новгороцкого уезду: Ям город, Иван город, Копорью город, которые города взял был немецкой король Яган у отца его, государева, государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии 88-го (1579/80) году»[316].

Оценивать Бориса Годунова как военачальника следует не по тому, что ему не удалось во время похода на Ругодив, а по тому, что получилось в итоге. «Немецкий» поход 1590 года позволил избавиться от комплекса неполноценности, оставшегося со времен завершения неудачной Ливонской войны. Борису Годунову удалось пересмотреть ее итоги, возвратить утраченные города. К взятому штурмом Яму, полученным от шведов Ивангороду и Копорью позднее добавилась еще и Корела (она вошла в состав Русского государства по условиям Тявзинского мирного договора 1595 года). Правда, шведским воеводам и

дипломатам удалось сохранить за собой Ругодив. (Превратить шведский город в русскую Нарву сумеет только Петр Великий, и то далеко не сразу.) Кроме того, обладание Ивангородом еще не позволяло России использовать его для морской торговли — как вследствие особых условий, включенных в Тявзинский договор[317], так и по причине преобладания на Балтике мощного шведского флота.

Но вместо заслуженных почестей и похвал Борис Годунов получил от современников другое: недовольство половинчатыми успехами «немецкого похода», оплаченного к тому же многими смертями и ранениями ратных людей. Про отзывы псковичей мы уже знаем; в Москве же рассказывали, что русское войско захватило не только Ивангород, но и Ревель (так передает дело в своих записках архиепископ Элассонский Арсений, явно путая Ревель — Таллин и Ругодив — Нарву). При этом крепости не смогли удержать будто бы по вине Бориса Годунова — «так как он ходатайствовал перед царем, ибо взял за это богатые дары, как потом говорили некоторые». Приведенный отзыв хорошо иллюстрирует заведомую обреченность Годунова, которому приписывали все возможные и невозможные грехи.

Народ же однозначно расценил «поход в немецкую землю» как «великую победу». По свидетельству того же архиепископа Арсения, царя, возвращавшегося в Москву, встречали с войском «за пять миль (около 25 километров. — *В. К.*) от Москвы». Тогда «вышли к нему навстречу весь народ великого града Москвы, мужи и жены, юноши и старцы, малые и большие, радуясь и веселясь по поводу возвращения доброго и тишайшего великого царя»[318]. Завоевание городов приписывалось исключительно благочестию, мудрости и милосердию царя Федора Ивановича: «Он же государь праведной и щедрой, не хотя не токмо православной крови пролити, но латынской крови не похотя пролита, и уклонися на милость, и те городы велел взятии, а по городу бити престати поведе; и устроил в Ыванегороде и в Капорье и в Яме своих государевых воевод и ратных людей»[319].

Развить этот успех в следующем году не удалось. Поход царских воевод во главе с боярином князем Федором Ивановичем Мстиславским на Выборг оказался неудачным. Однако возвращение русской армии на арену недавней Ливонской войны не прошло незамеченным. Речь Посполитая тоже поспешила заявить свои права на Нарву и велижские волости. По решению сейма в Москву немедленно было направлено посольство для переговоров о перемирии, заключенном на 12 лет в январе 1591 года[320]. Отказавшись от тактики Ивана Грозного, стремившегося заполучить как можно больше территорий в Ливонии, и выбрав

для удара только один, но стратегически важный пункт — Нарву, в Московском государстве не смогли добиться победы и успешно сыграть на противоречиях со Швецией и Речью Посполитой. Однако о враждебно настроенных «немцах» и «литве» хотя бы на время можно было забыть и сосредоточиться на решении другой важнейшей задачи — обороны южной границы от крымцев. С этого момента Борис Годунов, образно говоря, обернулся на восток.

Угличская драма

Прошлое имеет обыкновение напоминать о себе в настоящем. И чем глубже скрыты обстоятельства прошедшего, тем больше внимания к ним при внезапном объявлении. Далеко загнанная в Углич династическая проблема, созданная седьмым браком царя Ивана Грозного с Марией Нагой и рождением царевича Дмитрия в 1582 году, никуда не исчезла. Смерть маленького царевича в Угличе в 1591 году была действительно несчастьем. Хотя это и не первая трагическая смерть сыновей Ивана Грозного — всем памятна судьба «убиенного» царевича Ивана, но менее известно, что еще раньше погиб царский первенец, тоже, как и угличский страдалец, носивший имя Дмитрий. Он утонул в младенчестве из-за неосторожности мамки. Но если первый Дмитрий приходился родным братом царю Федору Ивановичу и его никогда не вспоминали в истории самозванства, то другой был только сводным царским братом. За ним стоял приближенный Иваном Грозным и отдаленный от престола Годуновым клан бояр Нагих. Именно Нагие в пылу угличского мятежа первыми стали говорить, что убийство царевича было совершено по приказанию Бориса Годунова. В «Угличском следственном деле» описывается, как они направляли действия угличан, расправляясь с Михаилом Битяговским, его сыном и другими детьми, обвиненными в убийстве Дмитрия: «…а говорила де царица миру, то де душегубцы царевичи»[321]. Англичанин Джером Горсей оставил известие о приезде к нему из Углича в Ярославль Афанасия Нагого. Тот успел рассказать, что «царевич Дмитрий мертв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; [он] признался на пытке, что его послал Борис»[322]. Сопоставляя эти свидетельства, можно понять, что имя Годунова как виновника угличской трагедии прозвучало уже 15 мая 1591 года. И прозвучало из уст Нагих, хотя тщетно искать следы этих обвинений в документах официального расследования, говорившего о случайной гибели царевича Дмитрия[323]. Нагие же продолжали держаться своей версии и много лет спустя[324].

Появление самозванца, осознанно, с самых первых своих шагов, поставившего целью свержение с трона узурпатора Годунова, стало прологом Смуты начала XVII века. Вся русская история пошла по-другому после несколько раз пережитых явлений «убиенного» царевича Дмитрия. Борис Годунов, с которым привычно связывали всё, что происходило в государстве, оказался обвинен и в этом. Не важно, что вину Годунова в смерти царевича Дмитрия доказать невозможно. От многократного повторения слухов это давно уже превратилось в стойкое убеждение, гораздо более понятное современникам и потомкам, чем слова о презумпции невиновности исторических героев.

Почти все, кто приходил к власти после Годуновых и недолгого правления Лжедмитрия, стремились доказать его вину в убийстве царевича. В упоминавшейся выше «Повести, како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову», созданной в начале царствования Василия Шуйского, Годунов уподоблен Иуде и князю Святополку Окаянному; его тоже назвали «святоубийцею»: «Посла во град Углеч злосоветников своих и рачителей дияка Михаила Битяговского да сына его Данилка Битяговского, да племянника его Никиту Качалова и повеле тое младорастущую и краснорасцветаемую ветвь отторгнута, благовернаго царевича Дмитрея, младенца суща и незлобива, смерти предати»[325]. Церковное прославление царевича Дмитрия и перенесение его мощей из Углича в Москву в июне 1606 года навсегда лишали «святоубийцу» возможности прощения. Рака царевича Дмитрия в Архангельском соборе Московского кремля должна была на века утвердить выгодный князьям Шуйским рассказ о восстановленной ими справедливости.

После Смуты обвинения Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия стали общим местом. Однако произошло это не сразу. «Моментом истины» оказалось свидетельство «Утвержденной грамоты» об избрании царя Михаила Федоровича на царство 1613 года. Трудно в полной мере представить символизм призыва юного Михаила Романова на царство в Ипатьевском монастыре — святыне Годуновых. В тексте «Утвержденной грамоты» сохранились следы споров по поводу включения в нее обвинений Борису Годунову в смерти царевича Дмитрия. Ссылка на вину Годунова там есть, но она сделана не напрямую, а является изложением слов царицы Марии Нагой и расспросных речей Нагих после свержения самозванца Лжедмитрия I. В списках «Утвержденной грамоты» для слов «яко сын ее царевич Дмитрей на Угличе повелением Бориса Годунова, яко незлобивое агня, заклан бысть в 99-м году» было специально оставлено место, и сам этот вызвавший вопросы текст вписали позднее более

мелкими буквами. В целом же про царствование Бориса Годунова, совсем «недружественное» к Романовым, здесь сказано вполне уважительно, что оно было «благочестиво» и «бодроопасно»[326].

Наиболее подробный рассказ об «убиении» Дмитрия содержится в «Новом летописце», созданном если не при личном участии патриарха Филарета (бывшего боярина Федора Никитича Романова), то, возможно, в его окружении. Старший Романов, некогда принявший участие в перенесении мощей царевича Дмитрия из Углича в Москву, мог быть доволен наказанием поверженного врага. Летописец многое знал и, не сомневаясь, писал о преступных устремлениях Годунова: «В них же во владомых бысть болярин Борис рекомый Федорович Годунов, ненавидяще братию свою боляр, бояре же ево не любяху, что многие люди погубих напрасно». Видно, что и тридцать лет спустя вражда к Борису Годунову не утихала. Только имело ли это отношение к угличскому делу? Спор, как и раньше, шел о царской власти; автор летописи излагает мысли Бориса Годунова: «Аще изведу царьский корень, и буду сам властелин на Руси»[327]. Хотя ходили и другие рассказы — о том, как царевич Дмитрий, побуждаемый своим окружением, «часто в детских глумлениях глаголет и действует нелепо» о Борисе Годунове. Царевич строил на берегу Волги снеговиков и сшибал им головы, приговаривая, что именно так он поступит с узурпатором его власти, когда вырастет[328].

Именно из «Нового летописца» мы узнаем имена тех, кто якобы заранее был посвящен в зловещие замыслы Бориса Годунова. Действовал, конечно, не сам правитель, а его «советницы» и прежде всего окольничий Андрей Клешнин. Обвинение уверено, что тот следовал воле Годунова, когда подговаривал Владимира Загряжского и Никифора Чепчугова убить царевича Дмитрия, но те отказались. Единственный из советников, Григорий Васильевич Годунов, ужаснулся — и немедленно оказался вне родственного круга: «к их совету не преста и плакася о том горко; они же ево к себе не призываху и ево чюжахусь». В процитированном известии «Нового летописца» перечислены почему-то только несостоявшиеся пособники Годунова, за исключением окольничего Андрея Клешнина. Однако у нас пока нет других подозреваемых в организации убийства царевича Дмитрия, поэтому разберемся хотя бы с ними. В. И. Корецкий и А. Л. Станиславский нашли несколько косвенных подтверждений этой версии. Они обратили внимание на то, что дворецкий Григорий Васильевич Годунов действительно оказался не у дел между 1590 и 1592 годами[329]. Имя Никифора Чепчугова в 1590-е годы исчезло из разрядных

книг; изменения в служебной карьере коснулись и Загряжских, чей служебный статус был понижен[330]. Чепчуговы и Загряжские оказались на воеводстве в дальних городах — Коле, Вологде, Устюге Великом[331], что обычно было показателем опалы. Понятно, что винить они могли только Бориса Годунова. Но связано ли это с делом царевича Дмитрия или с другими обстоятельствами? В тогдашней системе покровительства эти люди были близки не к правителю царства, а к Романовым и Щелкаловым (Никифор Чепчугов был тестем дьяка Василия Щелкалова), чем и объясняются перипетии их карьер. Внимательный исследователь тех событий А. А. Зимин отказался однозначно интерпретировать близость Чепчуговых и Загряжских к патриарху Филарету. Но все равно остается неясным вопрос: почему этот рассказ, попавший в летопись почти сорок лет спустя, заслуживает больше доверия, чем официальное следственное дело 1591 года?

Из дворецкого Григория Васильевича Годунова действительно стремились сделать некий противовес Борису Годунову. Давал ли он к этому повод или так интерпретировали внутренние раздоры в роду Годуновых, неизвестно. Практически все Годуновы были обязаны своим возвышением правителю, поэтому наивно причислять кого-то из них к оппозиции. Похоже, что репутация единственного человека, который мог спорить с Борисом Годуновым, была у дворецкого Григория Годунова только в глазах иностранных наблюдателей. Собирая информацию об избирательном соборе 1598 года, литовский канцлер Лев Сапега привел целую «речь» Григория Годунова, якобы правдиво и бесстрашно говорившего о вине его родственника в смерти царевича Дмитрия. После этой речи мятежного дворецкого ждала будто бы судьба всех, кто когда-либо осмеливался выступать против Бориса. Однако в этой версии есть одна большая «неувязка»: достоверно известно, что дворецкий Григорий Годунов умер в конце 1597 года и, соответственно, никак не мог выступить на избирательном соборе.

Обвинители Бориса Годунова в «Новом летописце» стараются привести как можно больше примеров его злодейства: сначала якобы царевича Дмитрия стремились отравить; когда это не получилось, решили подослать убийц, но Загряжский и Чепчугов отказались. Тогда Андрей Клешнин нашел Михаила Битяговского, который и был отправлен Борисом Годуновым в Углич вместе с сыном и Никитой Качаловым (версия о родственных отношениях Битяговских и Качаловых, содержащаяся в «Повести, како отомсти», здесь не нашла своего отражения). Дальше они сговорились с мамкой царевича Марьей (на самом деле

Василисой) Волоховой и ее сыном Данилкою (на самом деле Осипом; Данилою звали еще одного обвиняемого в убийстве царевича, Третьякова, упомянутого в «Угличском следственном деле»). «Сии же окаяннии, аки зверия ярости исполнении, течаху на крылцо, — пишет автор «Нового летописца». — Той же злодей Данилко Волохов прият его праведного за руку и рече ему: „Сие у тебя, государя, новое ожерелейцо?“ Он же ему отвеща и глаголя тихим гласом, и подня ему выю свою и рече ему: „Си есть старое ожерелие“. Оне же окаяннии свою, аки змия ужали жалом, кол ну ножем праведного по шее и не захвати ему гортани».

Трудно остаться беспристрастным, когда читаешь подобные строки. Но яркое художественное вйдение летописца все-таки не может подменить достоверного исторического свидетельства. Автор «Нового летописца» путается не только в именах предполагаемых убийц. Он так и не разобрался, какую роль играла во всем этом мамка царевича Василиса Волохова. Из «Угличского следственного дела» известно, что царевич умер у нее на руках. Возможно, что об этом знал и автор летописи. Свидетельство официального документа совпадает с рассказом летописца о том, что кормилица упала, пытаясь защитить царевича своим телом: «Сия же кормилица, видя пагубу государя его, паде на нем и нача кричати». Но, по материалам следствия, она спасала его от приступа падучей болезни, а по летописи ее сын оказывается участником убийства, бросившим свой нож и убежавшим. Эта деталь тоже не соответствует следственному делу, согласно которому Осипа Волохова не было на дворе во время гибели царевича. Ножи убийц вскоре были предоставлены следователям, только, как выяснилось, их прежде обмазали по приказу Нагих «курячьей» кровью, то есть явно пытались подтасовать доказательства. Кормилица не смогла защитить царевича Дмитрия: «Союжники же ево Данилко Битяговский, да Микитка Качалов начаша ее бити, едва живу оставиша, праведного же у ней отняше и заклаше аки агньца нескверна, юнца осмолетна». Летописцу неизвестно, кто из двух убийц нанес роковой удар. Он только знает, что младший Битяговский и Никита Качалов убежали от города «на дванадесят верст». За это время угличане расправились с другими «убойцами» — дьяком Михаилом Битяговским и его женой, которых «побиша камением». (На самом же деле жена дьяка Битяговского осталась жива, а ее свидетельства оказались одними из самых ценных при расследовании обстоятельств угличских событий.) Чуть позже, по словам «Нового летописца», такая же казнь постигла возвратившихся на место своего преступления Данилу Битяговского и Никиту Качалова. Всего было убито около

двенадцати человек, обвиненных в смерти царевича; их тела были брошены «в яму псом на снедение»[332].

Обвинения в адрес Данилы Битяговского и Никиты Качалова повторяются и в других источниках. Автор «Пискаревского летописца», например, писал: «Искони ненавистьник, враг роду христианскому и убийца человеком, злый раб и сластодержитель мира сего, Борис Годунов, мнитца быти безсмертен и повелевает убити господина своего благороднаго царевича Дмитрея Ивановича Углецкого с советники своими Данилку Битеговского да Никитке Качалову. И оне же, изыскав время душегубству своему, и заклаша ножем благороднаго и безгрешнаго младенца царевича Дмитрея. И восташа народ мног, и убиша Данилка и с отцом Михаилом, и Никитку»[333]. На первый взгляд еще одно несомненное подтверждение обвинений Борису Годунову. Однако годуновские «советники» были… сверстниками «младенца» Дмитрия, поэтому доверия к известию «Пискаревского летописца» немного. Автор летописи передавал то, о чем говорили многие, обвиняя Битяговского и Качалова. Со временем деталь о возрасте «убийц» оказалась не столь важна. Цель таких известий одна — указать на злодейство Бориса Годунова, хотя никаких определенных доказательств связи правителя царства с теми, кого молва обвиняла в преступлении, так никогда и не появилось.

Автор «Нового летописца» обратил внимание на другие свидетельства личной заинтересованности Бориса Годунова в исходе расследования дела. Как только в Москве узнали об угличских событиях, именно Годунов первым донес царю Федору Ивановичу о случайной гибели его брата, якобы переписав текст грамоты, присланной из Углича: «К царю же Федору послаша гонца возвестити, яко убиен бысть брат его от раб; гонца же приведоша на Москве к Борису, Борис же велел грамоты переписати, а писать повеле, яко одержим бысть недугом и сам себя зарезал небрежением Нагих, и донести грамоты до царя Федора». Царь Федор Иванович искренне переживал смерть брата: «Царь же, слыша убьение брата своего, на мног час плакашеся и не можаше ничто проглаголати». После этого была сформирована следственная комиссия, в которую вошли боярин князь Василий Иванович Шуйский, Андрей Клешнин (тот самый, кого летопись обвиняла в организации убийства Дмитрия) и церковные «власти» во главе с крутицким митрополитом Геласием. Им было поручено «про то сыскати» и «погрести» тело Дмитрия[334].

Отписка из Углича, отправленная по следам событий 15 мая 1591 года, не сохранилась, но она, несомненно, должна была существовать. Возникает закономерный вопрос о ее авторстве.

Воеводы в Угличе тогда не было, поэтому отчет о случившемся должен был бы представить тот, кто управлял двором царевича Дмитрия в Угличе. По всей вероятности, таким управителем был убитый дьяк Михаил Битяговский. В его отсутствие, как показал С. Б. Веселовский, отчет должен был держать городовой приказчик Русин Раков. (Напротив, «маловероятной» исследователю казалась возможность, «чтобы кто-либо из Нагих, например, Михаил, послал со своей стороны в Москву челобитную с извещением о событии»[335].) Сложность состоит в том, что начало следственного дела, где должна была находиться отписка (хотя бы в копии или изложении), утрачено. Кроме того, как справедливо замечал С. Б. Веселовский, любое обращение Нагих, как частных людей, в Москву должно было называться челобитной, а не «отпиской» (вид официальной переписки местных властей с приказами).

Могли ли в отписке из Углича написать, что царевич убит жителями города («от раб», как сказано в «Новом летописце»)? Вряд ли. Скорее всего там можно было ожидать покаянное изложение событий в самом общем ключе, с указанием, что всё произошло «по грехом» или «судом Божиим». Совсем не дело городового приказчика предрешать непременное следствие своими версиями. Если только Нагие не продиктовали Русину Ракову, что надо написать в Москву! По весьма правдоподобной реконструкции событий, сделанной С. Б. Веселовским, изначально Михаил Нагой угрозами запугал городового приказчика Русина Ракова, сделал его «соучастником» сокрытия преступления, заставлял подбрасывать оружие к мертвым телам. Но как только стало можно, Русин Раков выехал из города навстречу следственной комиссии из Москвы и подал им покаянную челобитную. С этих самых первых фактов подтасовки дела в интересах Нагих и начинаются разбирательство в Угличе и допросы Михаила Нагого[336].

Обвинения в адрес Бориса Годунова в том, что он «переписал» текст грамоты из Углича, остаются недоказанными. Несомненно другое: Борис сразу же, как это было и при других важных обстоятельствах, взял всё дело в свои руки. Врагам Годунова могло показаться, что он стремится скрыть следы своего преступления. Но для этого было много других способов, Борис же зачем-то выбрал самый сложный и опасный для себя, назначив следствие, результаты которого потом были рассмотрены на соборном заседании с участием Боярской думы и церковного собора. В таком беспрецедентном гласном разбирательстве, напротив, можно увидеть попытку Бориса Годунова защититься от обвинений, прозвучавших в Угличе, — а об этих обвинениях он,

несомненно, узнал одним из первых! Но и пустить всё на самотек он тоже не мог, включив в комиссию надежного и преданного ему человека — окольничего Андрея Петровича Клешнина. Так предусмотрительность Бориса Годунова обернулась против него самого.

Во главе следственной комиссии в Углич поехал, как говорилось, боярин князь Василий Иванович Шуйский. Когда-то Шуйские, Годуновы и Нагие вместе входили в состав «особого двора» царя Ивана Грозного, вместе пировали на царской свадьбе с Марией Нагой. Однако за прошедшие десять лет многое изменилось. Всех их Борис Годунов сумел оттеснить от трона, а князь Василий Шуйский был только что возвращен из опалы, впервые после значительного перерыва появившись при дворе на Пасху 1591 года. И едва ли не первой его службой по возвращении в Думу стала поездка в Углич для следствия по делу царевича Дмитрия. «Новый летописец» так писал о чувствах, охвативших его при новой встрече с Нагими, случившейся при столь печальных обстоятельствах: «Князь же Василий со властьми приидоша вскоре на Углеч и осмотри тела праведного заклана и, помянув свое согрешение, плакася горко на мног час и не можаше проглаголати ни с кем, аки нем стояше». О чем плакал боярин князь Василий Шуйский, неизвестно; летописец обвиняет его в том, что он пристрастно вел следствие, расспрашивая жителей Углича о царевиче, «како небрежением Нагих заклася сам». В ответ угличане якобы «вопияху все единогласно, иноки и священницы, мужие и жены, старые и юные, что убиен бысть от раб своих от Михаила Битяговского по повелению Бориса Годунова с ево советники». Князь же по возвращении в Москву «сказа царю Федору неправедно, что сам себя заклал»[337]. Однако вердикт комиссии опирался на материалы следствия, из которых достаточно очевидно вытекала картина стихийного возмущения жителей Углича, большей частью слышавших о гибели царевича со слов Нагих и расправлявшихся с предполагаемыми «убийцами» по указанию царицы Марии и ее братьев. Непосредственные свидетели происшествия детально и правдоподобно рассказывали о несчастном случае с царевичем Дмитрием. Можно было бы подумать еще, что «Угличское следственное дело» подверглось позднейшей фальсификации, но доказательств этому до сих пор не обнаружено.

В 1591 году Нагие вынуждены были признать свою вину, а царица Мария била «словесно» челом об этом митрополиту Геласию. На род Нагих была наложена опала, мать умершего царевича Дмитрия царицу Марию Нагую постригли в монахини и сослали в отдаленный монастырь. Несколько десятков семей

посадских людей угличан выслали в новый сибирский город Пелым. Автор «Нового летописца» возмущался тем, что Борис Годунов позаботился о вдовах убитых людей и честном, христианском погребении жертв угличского мятежа: «Тех же окаянных и убойцов повеле хранити и погрести их окаянное тело честно; тое же окаянную мамку Волохову и тех убойцов жен устроиша: подавал и жалование многое и вотчины»[338]. Но было бы подозрительным, если бы Годунов, напротив, согласился с тем, что жертвы мирского выступления в Угличе должны быть погребены в «поганой яме» или на Божедомке. Для Годунова нет мелочей: он жалует тех, кто, по его мнению, неправедно обвинен. С другой стороны, ссылаясь на заставы от морового поветрия, он предусмотрительно распорядился погрести тело царевича Дмитрия в Угличском Спасо-Преображенском соборе — центре его удела, а не в Архангельском соборе Кремля.

Но независимо от того, виновен Борис Годунов в случившемся или нет, угличское дело нанесло ему непоправимый урон. С этого времени ему постоянно приходилось держать ответ за гибель царевича Дмитрия. Уже в июне 1591 года в Москве случился огромный пожар, уничтоживший Белый город; горели не только деревянные дома, но и каменные церкви. Это немедленно приписали Борису, стремившемуся будто бы не пустить царя Федора Ивановича на погребение брата. Однако царь и позднее не ездил в Углич. А ведь несколько лет спустя, в 1595 году, были прославлены мощи угличского князя Романа, жившего в XIII веке. Но и по этому поводу благочестивый Федор Иванович не поехал в Углич. Смерть царевича Дмитрия пришлась на то время, когда вся Москва была полна слухами о походе крымского царя в русские земли. В этом тоже умудрились увидеть умысел Бориса, якобы стремившегося отвлечь жителей Московского государства от занимавшей их истории с гибелью царевича. Хотя первые воеводские назначения для отражения похода крымцев («своего дела и земского беречи от крымского царя») датированы еще 20 марта 1591 года[339], то есть были сделаны за два месяца до угличской трагедии.

Правда состояла в том, что о царевиче «Дмитрии угличском» скоро стали забывать. С. Ф. Платонов обратил внимание на запись в обиходнике Кирилло-Белозерского монастыря, где Дмитрия даже не называли царевичем, а писали «по князе Димитрее Ивановиче по Углецком последнем корм с поставца». Но, как замечал историк, смерть «последнего» угличского удельного князя, «не возбудившая особого интереса в московской массе», в итоге «оказалась роковым для Бориса обстоятельством, потому что давала ненавистникам Бориса удобный мотив для

правдоподобного клеветнического обвинения его в покушении на жизнь царевича»[340].

Победа над крымцами

Очередной великий замысел Бориса Годунова был связан с южным направлением внешней политики. Успешная «Ругодивская» служба против «немцев» если не доставила ему славы Александра Невского, то приобщила к первым самостоятельным военным победам. Ее продолжением должна была стать служба против крымцев, пришедших войной в Московское государство. В Москве сами спровоцировали такое развитие событий, активно вмешиваясь в крымские дела и привечая у себя бежавшего из-за междоусобной борьбы в Крыму царевича Мурад-Гирея («Малат-Кирея»), жившего с почетом в Астрахани[341]. Пришедший к власти в Крыму в апреле 1588 года новый царь Казы-Гирей сумел привлечь на свою сторону в борьбе с Московским государством часть Ногайской Орды. Не исключено, что он действовал в союзе со шведским королем[342].

Крымский царь Казы-Гирей сам отправился в поход на Москву во главе крымского и ногайского войска, насчитывавшего более 150 тысяч человек. Читая разрядные книги, можно представить всё увеличивавшееся напряжение от страшных вестей. 10 июня 1591 года из Путивля пришли сведения, «что крымской царь Казы-Гирей идет на государевы украины муравским шляхом, а с ним по смете людей с полтораста тысяч и больше». Сбор такого огромного войска требовал времени, поэтому русское правительство давно знало о планах крымского царя. Но из этого известия становилось очевидно, что война неизбежна. В Ливнах к воеводам доставили перебежчика, сообщившего уже конкретные детали о походе. Он говорил, что вместе с Казы-Гиреем в крымском войске идут «четыре царевича», и указал численность крымского войска в 100 тысяч человек. Целью похода была Москва: «…а итти де крымскому царю прямо к Москве; а воины де ему до Москвы не роспустить нигде»[343]. Тульские воеводы посылали в разведку станичных голов, которые донесли, «что были они под царевыми полки по сю сторону Ливен в Судьбищах, и по сакме де они ево сметали, что с крымским царем воинских людей со сто тысеч, а идет де крымской царь прямо к Туле да к Дедилову, а чаят де крымского царя приходу на Тулу и к Дедилову». Со слов приехавшего в Москву станичного головы Алексея Сухотина, в разрядных книгах записали, «что крымской царь идет к берегу на прямое дело со многими людми, а по сокме (сакме, следу. — *В. К.*) и по огнем смечал он с

крымским царем с Казы-Гиреем людей с полтараста тысяч и болыии»[344]. Сведения о численности крымского войска были известны только приблизительно: судя по следам, крымцев было не меньше ста тысяч, в Разряде цифру увеличили до 150 тысяч.

Все это напоминало времена двадцатилетней давности, когда столица едва пережила нападение крымского царя Девлет-Гирея. Тогда царь Иван Грозный покинул Москву, но много людей погибло и почти вся Москва выгорела. Наверное, и в этот раз решали, что делать царю Федору Ивановичу. Как заметил автор «Пискаревского летописца», царь не последовал плохим примерам и решил сам встать во главе обороны Москвы: «А прежния великия князи бегали с Москвы на Белоозеро»[345]. Присутствие царя в Москве должно было придать силы войску. Царь Федор Иванович усиленно молился перед Донской иконой Божьей Матери в Благовещенском соборе, следуя примеру своего отца, бравшего Донскую икону в успешные для русского войска походы под Казань и Полоцк. Именно Донская икона символически связала старые времена борьбы с ордынцами, прежние победы Ивана Грозного и триумф царя Федора Ивановича и его воевод, как оказалось, навсегда избавивших столицу Московского царства от подобных нашествий.

В обороне Москвы видна твердость. Все распоряжения о расстановке сил были своевременными, и русское войско под Москвой действовало решительно. Главная ставка «украинного разряда» находилась в Туле, куда «по вестям» должны были сходиться воеводы из тульских, рязанских и орловских городов, в том числе Новосшш, Белева, Волхова и Рязани. Передовой полк «украинного разряда» стоял в Дедилове, а сторожевой — в Крапивне. На «берегу», то есть в городах по Оке — Серпухове, Алексине, Калуге, Коломне и Кашире, стояли еще пять полков — большой, правой руки, передовой, сторожевой и левой руки. Их численность была несопоставимо меньшей по сравнению с тем огромным войском, которое шло на Москву. Поэтому после 10 июня всем было велено сходиться в большой полк боярина князя Федора Ивановича Мстиславского, «устроя в городех осады». Это была тактика, рассчитанная на генеральное сражение с войском крымского царя. 29 июня начался отход «береговой» рати. Боярам и воеводам во главе с князем Ф. И. Мстиславским было велено, «устроя на берегу по городом осады», отходить к Москве «наспех», чтобы опередить Казы-Гирея. Тот шел к Москве, сжигая попутно посады Тулы и Серпухова. Его встречали только немногочисленные отряды, оставленные отходящим русским войском. У Серпухова подхода крымцев ждали голова Степан Борисович Колтовской и «триста спартанцев»: «детей боярских

триста человек добрых изо всех полков, о дву конь для тово: как перелезет крымской царь Оку реку, и государю бы то извесно было». По наказу они должны были не просто проследить движение крымских людей, но и «над резвыми передовыми людьми, которые вскоре Оку реку перелезут, поиск учинить»[346]. Об участи этого храброго отряда, набранного из разных полков, известно мало, однако при всем желании они не смогли бы задержать движение крымского войска. Голова Степан Колтовский выполнил свою задачу. Приехав в Москву на рассвете 3 июля, он доложил царю Федору Ивановичу, «что крымской царь Оку реку перелез июля во 2 день пониже Серпухова под Тешиловым, а начевать ему июля в 2 день на Лопасне реке, прошод Серпухов двадцать верст по Московской дороге; а идет крымской царь прямо к Москве, а войны от себя нигде не роспустил». Навстречу крымскому войску немедленно был послан еще один небольшой отряд во главе с воеводой князем Владимиром Ивановичем Бахтеяровым-Ростовским. Он должен был двигаться по Серпуховской дороге к реке Пахре и «проведать» про приход крымского царя. Но крымцы «розогнали» дворянские сотни, при этом ранили самого воеводу[347]. Его судьба стала грозным предвестием грядущей битвы. 4 июля, в воскресенье, крымцы подошли к Москве, и началось великое противостояние с наследниками Золотой Орды у стен самой столицы Московского царства.

Приготовления к защите Москвы были поручены Борису Годунову. Он снова, как и в ругодивском походе, получил звание «дворового воеводы». По царскому указу «боярину и дворовому воеводе Борису Федоровичю Годунову» велено было «обоз поставити за Москвою за рекою, за Деревянным городом промеж Серпуховские и Колужские дороги и наряд в обозе поставити, и запасы и пушкарей к наряду росписати, и устроити обоз и наряд совсем готово, как, прося у всемилостивого Бога помощи, стоять и битца из обозу против крымского царя Казы-Гирея»[348]. Ставить «наряд» и «обоз» дополнительно к главным силам было обычной практикой русского войска, записи об этом в разрядных книгах встречаются достаточно часто. Р. Г. Скрынников и А. А. Зимин сочли «обоз» Бориса Годунова походной крепостью на колесах — «гуляй-городом»[349]. Но так было лишь отчасти. Речь идет о более обширных защитных сооружениях, которые могли использоваться для временного укрытия. Описание годуновского «обоза» сохранилось в «Повести о честнем житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Русии». Первой линией обороны были деревянные укрепления «окрест всех далних посадов», по стенам «град древян» защищали «великие пушки и пищали». А

«близ же царствующего града, яко поприща два или мало вдалее» (то есть примерно в двух-трех верстах), Борис Годунов повелел поставить другой «град, обоз нарицаемый». Внутри него имелся «гуляй-город» («иже некою премудростию на колесницах устроен и к бранному ополчению зело угоден»), но там же были поставлены «великие пушки» и устроены «многие бранные хитрости». Внутри «обоза» стояла походная церковь во имя Сергия Радонежского, «иже от полотна устроена, яко же и древняя Израителская скиния, в сохранение и спасение града от нашествия поганых варвар». Туда же, в устроенную в «обозе» церковь, царь Федор Иванович распорядился перенести икону Донской Богоматери, что и было сделано патриархом Иовом[350].

Войско Мстиславского пришло под столицу, «и стали на лугех по Москве-реке под селом Коломенским» 1 июля 1591 года «о вечерни». На следующий день созвали совет царя и воевод. Было принято решение «бояром и воеводом всем по полком со всеми людьми стоять за Москвою рекою за Деревяным городом в обозе и над крымским царем промышляти из обозу». Это решение увеличивало значимость той части войска, которую собрал и которой командовал Борис Годунов, фактически становившийся главнокомандующим. В тот же день состоялся царский смотр собранного войска — как того, которое пришло «з берегу» с Мстиславским, так и «обозу и наряду», собранному в несколько дней Годуновым и стоявшему у Данилова монастыря. В разрядных книгах рассказывается, как царь Федор Иванович проводил смотр: «И тово же числа государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии приехол с Москвы к Даниловскому монастырю к обозу, где полки стоят; и, приехав государь в полки, воевод своих и дворян и детей боярских пожаловал, и о здоровье спрашивал, и полков государь смотрел, и в обозе государь мест розсматривал, где полком стояти в обозе; и смотря государь полков и розсмотря мест в обозе, где полком стоять, пошол государь к Москве, а бояром и воеводам всем князю Федору Ивановичю Мстисловскому с товарищи велел государь итти со всеми полки на прежние места и станы в луг против Коломенсково». В другой редакции разрядных книг говорилось, что войску боярина князя Федора Мстиславского было дано распоряжение «со всеми полку подвинутца к обозу на речку на Котел»[351]. В любом случае это не было распоряжением идти в «сход» и, стало быть, не умаляло местническую честь князя Мстиславского. Однако направление движения к «обозу» Годунова, а не наоборот, показывало подчиненное значение береговой рати. При этом князь Федор Иванович Мстиславский номинально оставался главным воеводой войска, а Борис Годунов

был назначен ему «в товарищах». Но опять-таки вместе с Годуновым были лучшие силы, включая Государев двор: «В большом полку велел государь быть з боярином и воеводою со князь Федором Ивановичем Мстисловским в товарищах конюшему боярину и дворовому воеводе Борису Федоровичю Годунову, а с ним: все государевы большие дворяня, и чашники, и стольники, и стряпчие, и жильцы, и из городов выборные дворяня, и многие дети боярские, и головы стрелецкие, и головы з даточными з боярскими людьми»[352]. Тогда, в ожидании прихода под Москву Казы-Гирея, князь Федор Иванович Мстиславский сдержался, тем более что его полки в тот же день вернулись к Коломенскому. Но очень скоро его недовольство предпочтением, оказанным Борису Годунову, все-таки проявится.

Сама битва с крымским царем Казы-Гиреем состоялась 4 июля. В разрядных книгах она описывается без особенных подробностей. Началось сражение «в третьем часу дни» (счет часов велся от восхода солнца) с наступления крымского войска «к обозу». Тогда «сшедчися полки, билися весь день с утра и до вечера, и из наряду по них стреляли». В «Новом летописце» сообщается об уроне, который был нанесен московскому войску: «Люди же государевы бияхусь с ним из обозу и не можаху их одолети; они же погани топтаху московских людей и до обозу»[353]. Автор «Пискаревского летописца» писал, что войска в тот день воевали недолго и немного, скорее осуществляя разведку боем: «и стали травитися непомногу от Воробьева, да от Котла; и тот день весь травилися»[354]. Это известие ближе к истине, оно даже текстуально совпадает с текстом разрядных книг: «Июля в 4 день с утра в неделю пришел к Москве крымской царь Каза Гирей Девлет Гиреев сын со многим собранием по Серпуховской дороге; от Котла и послал к государеву обозу крымской царь царевичев со многими крымскими людьми травитися против Даниловского манастыря от Курганов и от Воробьева». Навстречу из обоза были высланы «изо всех полков» головы с дворянскими сотнями, а также служилые иноземцы. Им тоже было велено «с крымскими людьми травитись». Главные воеводы князь Федор Иванович Мстиславский и Борис Федорович Годунов находились всё это время в обозе, ожидая главной битвы. В разрядных книгах сочли необходимым уточнить: «А сами государевы бояре и воеводы по государеву наказу стояли в обозе готовы, а из обозу в то время вон не выходили для тово, что ждали самово крымского царя с ево полком и хотели к нему тогды вытить из обозу вон на прямое дело. И царь крымской к государевым бояром и воеводам на прямое дело не пошол и полков своих не объявил, а стоял на Котле в оврагох в крепости».

В целом же первые столкновения были достаточно успешными для русского войска, дворянские сотни «многих крымских людей побили и языки поимали многие»[355]. Воеводы князь Федор Иванович Мстиславский и Борис Федорович Годунов прислали с победным известием («с сеунчом») и «с языки» к царю Федору Ивановичу.

После первых столкновений крымские войска отошли, но не далеко, на те самые луга под Коломенским, в которых сначала стояла «береговая рать». Сам крымский царь Казы-Гирей «стал на станех за Москвою-рекою»[356]. Но уже в следующую ночь крымский царь и его войско непостижимым образом бежали от Москвы. Так некогда Батый повернул с пути на Великий Новгород, а ужасный Тимур (Темир-Аксак, как его называли в русских летописях) ушел из русских пределов. Люди того времени могли связать это только с небесным заступничеством. О том, что послужило причиной бегства крымского царя Казы-Гирея из-под Москвы, рассказывали по-разному. В «Новом летописце» содержится известие о том, что ночью в московских полках был «великой шум». Когда напуганные крымцы стали расспрашивать «полоненикoв», те объявили царю Казы-Гирею, что «приидоша к Москве многая сила новгородцкая и иных государств Московских, прити сее нощи на тебе». В страхе из-за возможного ночного штурма царь бежал от Москвы, «и коши пометав». За ним, видя «царев побег», последовало и всё войско. Утром воеводы царя Федора Ивановича с удивлением обнаружили, что врага нигде не было[357].

Это известие имеет основу в посольских документах. Именно так объясняли причину отхода царя Казы-Гирея на переговорах с русским посланником в Крыму в августе 1591 года. С. М. Соловьев пересказал их содержание в своей «Истории России»: «Объяснили… почему хан побежал от Москвы: пленники сказали, что новгородская и псковская сила пришла и хочет государь выслать на хана воевод своих; Казы-Гирей спросил: „Кто главный воевода?“ Пленные отвечали, что Борис Федорович Годунов. Тогда князья и мурзы стали говорить: „Если Бориса пошлют, то с Борисом будет много людей“. Хан и побежал»[358]. Интересно, что автор «Нового летописца» совсем «забыл» упомянуть о роли главного воеводы Бориса Годунова.

В «Пискаревском летописце» причина ночного шума в русском войске объясняется прозаически — испугом «некого боярского человека», поведшего лошадей на водопой. Когда одна из лошадей вырвалась и побежала прочь, он стал кричать: «Переймите коня!» В условиях напряженного противостояния русских и крымцев началась цепная реакция страха. Стали

стрелять в «обозе», потом в Москве; царь Казы-Гирей, наверное, подумал, что противник пошел на ночной штурм и бежал: «И от того стался страх в обозе и во всех городех на Москве[359]{2}, и стрельба многая отовсюду, и осветиша городы все от пушек». Ночное зарево от стреляющих пушек, «многие крик и шум» вынудили царя Казы-Гирея бежать «с великою боязнью»[360].

Неизвестно, в какой мере случай и неразбериха сыграли на руку русскому войску. В официальной версии разрядных книг всё выглядело вполне пристойно, успех был приписан ночному штурму и стрельбе из пушек «блиско крымского царя полков». Однако кому могло прийти в голову такое военное новшество: штурмовать врага ночью, когда не рассмотреть, где находится свой, а где чужой? Впрочем, в великой радости от избавления от крымской угрозы таким деталям не придавали значения. Иначе пришлось бы награждать безвестного даточного человека, устроившего переполох, — *конюха*, а не боярина и *конюшего* Бориса Годунова, которому оставалось пожинать плоды своей победы под Москвой.

Преследование крымского царя тоже было поручено боярам и воеводам князю Федору Ивановичу Мстиславскому и Борису Федоровичу Годунову. Однако они смогли лишь убедиться, что бегство царя Казы-Гирея оказалось настолько поспешным, что он, вопреки обыкновенной практике, не «роспускал» свое войско. То есть не стал грабить серпуховские, каширские, коломенские или рязанские места, уводя полон, а бежал, не теряя времени, в Крым. Царя преследовали до Судбищ — еще одного памятного и символического места тяжелого поражения от татар в 1555 году. Тогда стало ясно, что крымцы окончательно покинули русские земли. Поэтому князь Мстиславский и Борис Годунов общим советом решили прекратить преследование врага, хотя им была уже прислана новая царская роспись полков.

С донесением об этом общем решении, присланным воеводой князем Федором Ивановичем Мстиславским «с товарищи», случился казус, показывающий, что царь Федор Иванович мог самостоятельно вмешаться в счеты воевод, поддерживая любимого шурина. Мстиславский, оказавшись в Серпухове, снова почувствовал себя главным воеводой. Но тихий, слабый и безвольный государь (каким изображают царя Федора Ивановича!) 10 июля 1591 года пригрозил главе Боярской думы и всего войска: «…и то худо, что князь Федор ему, великому государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, указывает, по своему пишет, а не против государевы грамоты!» Царь запоминающимся образом поучил князя Мстиславского правилам делопроизводства, потому что понял, что причиной

пропуска имени Бориса Годунова в его переписке была местническая ревность князя Мстиславского к правителю государства: «И будет ему то стало досадно, что к ним написан в грамоте конюшей и боярин и дворовой воевода Борис Федорович Годунов, и нечто будет ему то не за обычей, — изначала то ведетца: как от государя напишут в грамоте, и против государевых грамот пишут по тому же»[361]. Столкновение с князем Мстиславским, которого поставили на место, окончательно показало, что Борису Годунову, по родству с царем, должно оказываться предпочтение перед всеми, несмотря на родословные счеты.

Портить радость от победы царь Федор Иванович не стал. Опала князя Федора Ивановича Мстиславского была совсем недолгой. Оба главных воеводы получили свои награды: в Серпухов был послан стольник Иван Никитич Романов «спросить о здоровье» и наградить их золотыми португалами (наградными монетами). Причем всем воеводам, в том числе Годунову, было велено явиться в шатер князя Мстиславского. В речи, сказанной боярам от имени царя, подчеркивались заслуги командующих русским войском: «И вы, бояре наши, крымских людей побили и языки поимали и царь отшел и стал за Коломенским и слышел звук полков наших и побежал, что вы пошли на нево со всеми людьми. И то зделалось милостию Божию, а вас, бояр наших, промыслом: тебя, боярина князя Федора Ивановича Мстисловсково, и промыслом твоим, конюшево нашева и боярина Бориса Федоровича, прежняя Ругодевская и нынешняя служба»[362].

Царь Федор Иванович пожаловал всех воевод, участвовавших в обороне Москвы от крымского царя. И, конечно, Борис Годунов был почтен больше других. Царь не только пожаловал его шубой с царского плеча, но и снял с себя золотую цепь, передав ее Годунову. Значение этого символического жеста передачи власти потом объяснил патриарх Иов, составляя Житие царя Федора Ивановича: «Тогда ж благочестивый самодержец по совершении царского стола своего приемлет от своея царьския выя златокованную чепь, ея же ношаше в почесть великго своего самодержавного царьствия, и возлагает на выю достохвалному своему воеводе Борису Федоровичи), достойную честь победе его воздая и сим паки на нем прообразуя царского своего достояния по себе восприятия и всего превеликого царьствия Русийскаго скифетродержателства правление»[363]. В поиске достойной награды для царского шурина открыли московскую казну и одарили его трофеем — золотым сосудом, принадлежавшим победителю Мамая — князю Дмитрию Донскому. Такое уже

нельзя было забыть, и известие о чрезвычайных царских пожалованиях вошло позднее в «Утвержденную грамоту» об избрании Бориса Годунова на царство: «И сицеваго ради подвига, и знаменитаго храбръства государь Борис Федорович сподоблен бысть от великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии самодержца, от его царьских рук на выю свою возложения чепи от злата Аравийска, и царьские багряницы его царьских плечь, и судна златаго зовомый Мамай прародителя своего великого государя Дмитрея Ивановича Донскаго, которые взял у безбожнаго Мамая, как его победил»[364].

Боярин, конюший и дворовый воевода, стоявший во главе войска, отогнавшего от Москвы крымцев, Борис получил высший титул царского «слуги» и приобрел славу нового Дмитрия Донского. В статейном списке посланнику Афанасию Резанову, отправленному «в Литву» 10 июля 1592 года, велено было объяснить новый титул Бориса Годунова («почему ныне пишется слугою, что то слово именуется») следующим образом: «То имя честнее всех бояр. А дается то имя от государя за многие службы… А ныне царское величество пожаловал тем именем почтить шурина своего, конюшево боярина и воеводу дворового и наместника казанского и астараханского Бориса Федоровича Годунова, также за многие его службы и землестроенья, и за летошний царев приход»[365].

Этим прославление победы над крымцами не ограничилось. Было решено навеки утвердить память о самом месте победы. Борис Годунов, вероятно, сам выбирал место для «обоза», которым он командовал. И там, где стояли войска в ожидании нашествия крымского царя, был основан Донской монастырь в память о Донской иконе Божьей Матери[366].

Чем же «отблагодарила» молва Бориса Годунова на этот раз? Его стали считать чуть ли не виновником наведения крымских татар! И опять Борис Годунов отчасти сам «виноват» в том, что эти слухи так широко распространились. Если верить «Новому летописцу», все началось с обычного доноса алексинского сына боярского Ивана Подгорецкого на своего крестьянина, говорившего, что «приведоша царя Крымского под Москву Борис Годунов, бояся от земли про убойство царевича Дмитрия». Годунов все делал с размахом, поэтому он устроил тотальный сыск, и несчастный крестьянин оговорил многих людей «не токмо в одном граде, но и во всей Украйне; и множество людей с пыток помроша, а иных казняху и языки резаху, а иные по темницам умираху. И оттово многие места запустеша». Не приходится сомневаться, что те, кто выжил, будут всегда убеждены в вине Бориса Годунова — в том числе и в убийстве царевича Дмитрия.

Их ненависть к правителю останется с ними навсегда. Что же касается самой сути слухов, то большей несправедливости, конечно, трудно представить. Но и этому верили; более того, продолжают верить и сегодня.

Глава 4
«Лорд-правитель»

Привычное обвинение Бориса Годунова в стремлении к царской власти стало само собой разумеющимся. Однако оно заслоняет важный вопрос, связанный с целями, которые ставил сам Годунов. Нельзя же действительно думать, будто он только и делал, что всех убирал со своей дороги, не пощадив и самого царя Федора! В повседневной жизни боярская служба Бориса Годунова протекала в царском дворце, где он проводил больше всего времени. Там он вместе с царем Федором Ивановичем участвовал в богослужениях; рядом проходили заседания Боярской думы, приемы послов и царские «столы». Борис правил страной уже при жизни царя Федора Ивановича, и это не вызывало особенного сопротивления. О чем это свидетельствует? О том, что Борис Годунов успешно справился со своими врагами? Да, конечно. Но только ли в одном властолюбии Годунова обстояло все дело? Ведь о перспективах царства, оказавшегося в слабых руках болезненного царя Федора Ивановича, задумывались многие. В условиях нерешенного династического вопроса Московское государство ждал хаос, что трагически доказало Смутное время. И оно наступит ровно в тот момент, когда не станет Годунова. Парадоксально, но чем больше власти получал Борис Годунов, тем очевиднее становилось, что наследство Московского царства в надежных руках.

Собирая свои чины и титулы — сначала конюшего, Казанского и Астраханского наместника, потом «слуги», — Годунов намеренно делал все для того, чтобы отличить свое привилегированное положение. Последним в Московском царстве, кому потребовалось царское объяснение, оказался первенствующий в думной иерархии боярин князь Федор Иванович Мстиславский (он явно оплошал со своими несвоевременными местническими притязаниями при отражении нашествия крымского царя в 1591 году). Интересно, что точно такие же чины и титулы Мстиславский сам примет на себя впоследствии — и когда?! В момент, когда окажется местоблюстителем царского престола и гарантом законной передачи власти польскому королевичу Владиславу в 1611 году! Князь Федор Иванович Мстиславский тоже станет «слугою», конюшим и боярином. Единственное отличие в почетном титуле наместника Владимирского[367], а не Казанского и Астраханского, как у Бориса Годунова.

Распоряжение Ивана Грозного о регентском совете при царе Федоре Ивановиче отменило само время. Борис Годунов доказал, что следующее поколение Романовых, Мстиславских и Шуйских не может претендовать на участие в таком совете. Однако остается неясным, ушла ли сама идея регентства, когда Борис Годунов остался один на вершине власти. В этой связи чрезвычайно интересен титул, который использовали англичане в дипломатической переписке: они называли Годунова «Лордом-Правителем» (*Lord-Protector*). Возможно, за этим стояло официальное признание роли Бориса Годунова как регента и наследника власти московских царей. Причем «присвоил» ему это звание не кто иной, как сам царь Иван Грозный. В торжественный момент составления «Утвержденной грамоты» об избрании на царство в 1598 году Борис Годунов вспомнит прежде всего о том, что Иван Грозный говорил о нем как еще об одном своем сыне: «Какова мне Богом дарованная дщерь царица Ирина, таков мне и ты, Борис, в нашей милости как еси сын»[368].

Воля Ивана Грозного еще долго была законом. Борису Годунову не надо было ничего доказывать. Он находится рядом с царем Федором Ивановичем, потому что так захотел Иван Грозный, а желающих оспаривать его решения не находилось ни при его жизни, ни после смерти. Ясность отсутствовала в другом вопросе: кто будет править в случае бездетной кончины царя Федора Ивановича? Однако говорить об этом при живом царе не подобало. На одном из поворотов московско-литовской дипломатии в ходе переговоров в Посольском приказе услышали размышление иноземного посла о том, что было бы в случае смерти царя Федора Ивановича. И с гневом отвергли саму возможность обсуждать такую тему, попеняв литовским дипломатам на их, мягко скажем, неделикатность. Однако внешняя политика во все времена держится на прагматическом принципе предсказуемости союзников или врагов. Так было и с Россией. Фигура Бориса Годунова стала гарантией того, что в России не разгорится пламя гражданской войны.

В знаменитом сочинении Джильса Флетчера «О государстве Русском», где описывается образ правления далекой Московии, воспроизводится традиционная версия характера власти Бориса Годунова. Она одинакова как для русских, так и для иностранных современников. Суть проста: тихий царь Федор Иванович, проводивший все дни в молитвах и постах, добровольно перепоручил управление государством Борису Годунову. Флетчер, как известно, считал правление русских «тиранническим», оно напоминало ему власть турецкого султана. Тирания, с точки зрения английского современника, заключалась в том, что «все

действия» направлялись «к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским способом»[369]. Джильс Флетчер смотрел на современную ему Московию, как на царство, в котором ничего не знали о преимуществах английского парламента и ущемляли права сословий, как «дворянства», так и «простого народа». С законным ужасом передавал он рассказы о недавней опричнине, когда царь Иван Грозный приказывал рубить головы только за то, что человек неосторожно посмотрел на него при встрече. Английский дипломат писал об известных способах расправы с «высшим» и «знатнейшим» дворянством, которые практиковались тогда московскими царями (следовал им и Годунов): запрет на вступление в брак, чтобы пресекались роды удельных князей, отсылка в Сибирь, Казань и Астрахань «под предлогом службы», где опального могли «умертвить» или «посадить в темницу», насильственный постриг и отсылка под охрану в монастыри[370]. Джильс Флетчер не отказывал Ивану Грозному в том, чтобы считать его «тонким политиком в своем роде», просто весь свой «высокий ум» царь Иван Васильевич направлял к усилению «самодержавия», превращению своих подданных в холопов. Поэтому Флетчер не испытывал особого уважения к наследникам власти Грозного царя, какими бы ни были их действия, если только они не меняли сложившийся «образ правления».

Пример Бориса Годунова, которому московский «султан» (если продолжить аналогию Джильса Флетчера) сам, добровольно, отдал всю власть, все же вызывает вопросы к такой «турецкой модели». Присутствие во власти временщиков, конечно, вполне согласуется с тиранническими режимами. Однако история царя Федора Ивановича, поручившего управление делами своему шурину, все-таки особая. Она плохо подходит для доказательства якобы «вечной» российской приверженности к рабству (ученый труд доктора Флетчера, впервые опубликованный в Лондоне в 1591 году, был вскоре запрещен у него на родине, но в итоге создал целую традицию недоброжелательного отношения к России и русским)[371]. Кроме того, говоря о системе «самодержавного правления» в Московии, Джильс Флетчер писал совсем не о том, что власть полностью перешла к Годунову. Автор трактата, описывая управление в России, признавал права Думы, участвовавшей совместно с царем в издании законов, назначении «правительственных лиц», «объявлении войны» и других делах. Целый раздел был посвящен Флетчером освещению деятельности земских соборов. Исключительно же Борису Годунову были поручены царем только «общественные и правительственные должности» в государстве.

Именно в этом контексте читаются слова в трактате Флетчера «О государстве Русском»: «Теперешний царь, чтобы свободнее предаваться благочестию, предоставил все такого рода дела, относящиеся до управления государством, в полное распоряжение брата жены своей, боярина Бориса Федоровича Годунова». Воспринимать их надо не как поручение Годунову «всех дел» вообще, а только подбора людей и назначений на воеводские должности в городах, судей и дьяков в приказы. Кстати, нашлось место и для упоминания, причем сочувственного, об участии в государственных делах («что касается до верховной апелляции и прощения обличенных в уголовных преступлениях») еще и царицы Ирины Годуновой: «Царица, будучи весьма милосерда и любя заниматься государственными делами (по неспособности к ним своего супруга), поступает в этом случае совершенно неограниченно, прощая преступников (особливо в день своего рождения и другие торжественные праздники) от своего собственного имени, о чем объявляется им всенародно и не упоминается вовсе о самом царе»[372]. Русские источники редко говорят о царицах-правительницах (хотя времена Елены Глинской еще не были забыты). Тем большую ценность приобретает этот отзыв, показывающий, что и царица Ирина тоже была иногда вполне самостоятельна в делах царского правления.

Примерно в то время, когда Джильс Флетчер покидал так не понравившуюся ему Московию, в одном из московских приказов завершилась подготовка проекта нового Судебника. У этого памятника неизмеримо меньше читателей, чем у книги «О государстве Русском», хотя для понимания принципов власти, управления, отношения к собственности, положения церкви и чинов в Московском царстве законодательный кодекс имеет непреходящее значение. Дело в том, что проект Судебника, рассматривавшийся Думой, патриархом Иовом и «вселенским собором» русской церкви (свидетельство нового понимания церковной власти) 14 июня 1589 года, так и остался проектом. Впервые исследователи познакомились с ним только в 1900 году[373]; позднее были найдены и другие списки. Составитель академической публикации Судебника 1589 года Александр Ильич Копанев убедительно показал назначение этого законодательного памятника, предназначенного для земского суда на черносошном Севере Русского государства. Между тем еще первый публикатор Судебника 1589 года, историк Сергей Константинович Богоявленский, подробно проанализировал все его новые статьи (их было около семидесяти, не считая важной редакторской правки статей прежнего Судебника 1550 года). Не углубляясь в содержание мастерской работы археографов и

исследователей[374], упомяну некоторые законодательные изменения, которые потребовали нововведений в первые годы правления царя Федора Ивановича по сравнению с временами царствования Ивана Грозного. По наблюдениям С. К. Богоявленского, новый Судебник указывает «на развитие в Москве приказной системы и на усиливающееся значение дьяков». Судебник царя Федора Ивановича, напротив, стремился решить многие застарелые проблемы суда и правления, связанные с мздоимством и посулами. Земскому судье предписывалось также собирать судебные пошлины не в свой карман, а хранить их «для отсылки государю» (статья 10). Представляю, сколько читателей здесь могут понимающе улыбнуться, но еще интереснее то, что и другая вечная русская проблема — отсутствие хороших дорог — тоже присутствует в Судебнике, причем впервые. Не такая она, оказывается, и вечная, во всяком случае для законодательства! Судебник 1589 года вводил ответственность за ненадлежащее содержание в порядке проезжих дорог. Если на бездорожье или сломанных мостах, а также зимою в отсутствие выставленных вешек, указывавших дорогу, гибли путники, то отвечать за это по принципу круговой поруки должны были волости и деревни. При этом особой заботой об охране и устройстве должна была пользоваться одна из главных сухопутных торговых артерий — от Москвы к Белому морю (тоже веяние времени).

Общее впечатление от всех нововведений — более внимательное отношение к тем, кто может быть назван субъектами права, а проще — к жителям Московского государства, к их, иногда мелким, но все-таки насущным, нуждам. Существует советский стереотип постоянного закрепощения и эксплуатации крестьян и холопов, однако ничего подобного в Судебнике 1589 года нет. Юрьев день для крестьян оставлен, уточнялся порядок взыскания процентов по кабалам, которыми оформлялось поступление в службу холопов, охранялись права наемных людей. С развитием поместного землевладения связан процесс обособления крестьянских вотчин, фиксируемый Судебником. Прямым облегчением участи жен и вдов холопов выглядит изменение статьи прежнего Судебника, оставлявшего их в вечном холопьем состоянии: «по холопе рабы нет» (статья 137).

Показательно увеличение числа людей, которые могли претендовать на возмещение бесчестья. Еще Василий Осипович Ключевский говорил о важности этих законодательных новелл для характеристики тогдашнего русского общества[375]. Вот те новые люди, на которых обратили первостепенное внимание в

1589 году: средний и меньший гость, крестьянин-торговец, за чье оскорбление приходилось платить больше, чем за брань в адрес пашенного крестьянина, представители земской администрации, черное духовенство и члены церковного причта. Даже скоморохи, нищие и незаконнорожденные, обычно отвергавшиеся обществом, согласно проекту Судебника тоже могли получить право претендовать на возмещение ущерба от бесчестья! Наконец, то ли Литовский статут 1588 года, то ли собственная законодательная практика заставили редакторов Судебника впервые обратить внимание на возмещение ущерба от намеренного уничтожения домашних животных и ввести наказание за убийство чужой собаки. К сожалению, проект так и не был реализован. Однако уже тот неоспоримый факт, что он дошел до рассмотрения на заседании Боярской думы, говорит о многом. Прежде всего о том, что в рутинном процессе управления Русским государством шли постоянные изменения. Иногда они трудноуловимы, иногда их сложно понять, почти никогда их нельзя персонифицировать. Но это не избавляет историка от необходимости быть внимательным к деталям, в которых и может скрываться суть эпохи.

Для того чтобы понять значение Годунова-правителя, лучше всего обратиться к опыту его непосредственного участия в управлении разными приказами. Хотя формирование нового, «централизованного» порядка управления относится еще ко временам московских великих князей XV века, сама система приказов (сначала даже только «изб») складывается позднее, при Иване Грозном в 1550-е годы. Спустя тридцать лет практика деятельности Посольского приказа, Разрядного приказа, Поместного приказа и других ведомств управления Московского государства уже в достаточной мере сформировалась. Тем интереснее будет посмотреть на роль «лорда-правителя» Бориса Годунова. Действительно ли он подменял своей волей все решения или это только анахронизм нашего восприятия? Собственно, знакомство любого специалиста с архивами делопроизводства конца XVI — начала XVII века не оставляет сомнений в выборе ответа. Ни тогда, ни потом ни одному правителю не удавалось вникнуть во все мелочи управления. Поэтому так важно, кто был рядом с правителем, кому он доверял или не доверял. Как менялся состав Государева двора, управленческий аппарат приказов. Все это может свидетельствовать о «технологии» власти самого Бориса Годунова и о пути, избранном им для Русского государства.

Дела посольские

Взаимоотношения с иностранными государствами всегда были предметом высшей государственной политики. Выстраивалась она десятилетиями или даже столетиями. Когда умер царь Иван Грозный, оставленное им наследство в посольских делах выглядело незавидным. Ни для кого в Европе не было секретом тиранство Ивана Грозного, а Российское государство представлялось образцом варварства и дикости. Но, к счастью для него, Иван Грозный совершенно не считался с мнением кого бы то ни было, кроме собственного. Он всегда больше доверял своему настроению и интуиции и не стеснялся дипломатической вежливостью там, где надо было показать свою силу или доказать правоту. С «литовским» королем он воевал, шведский был для него «мужиком», «страдником», и Грозный советовал ему не с великими государями переписываться, а «перелаиваться с таковыми же страдниками, каков сам еси». С английской королевой была дружба, но и она не всегда пользовалась уважением у Ивана Грозного, потому что у нее в государстве командовали «торговые мужики», а сама она, по словам царя, «как есть пошлая девица». Против «турского» Иван Грозный дружил с единственным, кого уважал по чину, — императором Священной Римской империи. Но не стоит объяснять все исключительно самодурством Грозного царя (хотя самодурства тоже хватало). У царя Ивана Васильевича была своя система взглядов, которой он следовал. Так, царь свято веровал в свое императорское происхождение — «мы от Августа-кесаря ведемся»; будучи родным правнуком Палеологов, осознавал себя наследником по крови и второго Рима — Константинополя. Москва — Третий Рим во главе с православным царем. Этому положению дел угрожали только наследники Орды — крымские ханы, от которых научились откупаться ежегодной щедрой данью и подарками как самому хану, так и его многочисленным приближенным.

Когда в государстве все строится под одного человека, то с его уходом обычно вся конструкция власти разрушается. Понятно, что после Грозного не осталось никого, кто бы смог наводить такой же ужас на врагов Московского царства. Что это означало для посольских дел? Видя на престоле слабого и болезненного царя Федора Ивановича, воинственные соседи могли попытаться заново решить старые споры. Но вокруг Федора Ивановича, как доносили иностранные дипломаты, образовался регентский круг из бывших приближенных Ивана Грозного, а значит, ничто не говорило о резкой смене курса. Между тем изменения во внешней политике происходили, и вполне естественно связать их с Борисом Годуновым, который уже с конца 1584 года стал главным

царским советником по всем делам, касавшимся приемов и отправки иноземных послов. Правитель даже добился специального разрешения Думы самостоятельно вступать в переписку с другими «великими государями». По царскому приговору «с бояры» 7 августа 1588 года было указано, что Годунову в Крым «грамоты писати пригоже, то его царскому имени к чести и к прибавлению». С этого времени стали «от Бориса Федоровича писати грамоты в Посольском приказе, и в книги то писати особно, и в посольских книгах под государевыми грамотами». Борису Годунову также было даровано право самостоятельных контактов с «цесарем» — императором Священной Римской империи, английской королевой, персидским шахом[376]. Помимо этого, он имел возможность напрямую обращаться к первым сановникам других государств: например, сохранилась переписка Бориса Годунова с ближайшим советником английской королевы Елизаветы I лордом-казначеем Уильямом Берли. Годунов мог влиять на дела войны и мира как на Западе, так и на Востоке. Однако все-таки заметно, что в основном он имел право личных контактов с теми государствами, у которых не было границы с Россией. Посольские дела с враждебными Литвой и Швецией оставались прерогативой царя и Боярской думы в целом[377].

О войнах царя Федора Ивановича с Литвой и Швецией на рубеже 1580–1590-х годов уже говорилось. Их итогом стало частичное исправление результатов провальной Ливонской войны; царь Федор Иванович, его ближний «дворовый воевода» Борис Годунов избавились от комплекса поражений и могли осознавать себя победителями. Правда, дружбы с «Литвой», закрепленной передачей польской короны царю Федору Ивановичу, так и не получилось, да и вряд ли могло получиться. И этот проект Ивана Грозного, терпеливо выполнявшийся его наследниками, не принес искомого результата. Но перемирие давало надежду на некоторое успокоение. Дипломатам оставалось обсуждать «задоры и обиды» между двумя государствами в «перемирные лета», но такие дела, в основном, не выходили за пределы разбирательств по поводу набегов и грабежей запорожских казаков и литовских гайдуков. Как всегда, накапливалось много жалоб купцов из Новгорода и Пскова, смоленских городов и Москвы, которых грабили на торговых путях в литовских городах, взимали у них неправедно пошлины и вымогали подарки, не отдавали долги[378]. Самым серьезным инцидентом (имевшим, как оказалось, отдаленные последствия) стало строительство в 1592 году князем Александром Вишневецким Прилуцкого городища на реке Удое в порубежной

земле в Черниговском уезде. В Москве настаивали, что это «искони вечная земля Черниговского уезда, а жили в ней бортники в медвяном оброке. А после того та волость Прилутцкое городище роздана в поместье при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии». Приводили в пример случай с одним из смоленских воевод, который «учал был город ставити в Смоленском уезде блиско рубежа для торговых людей береженья», однако был остановлен царем Федором Ивановичем, запретившим ему это делать «мимо перемирных грамот»[379]. Когда Борис Годунов распорядится сжечь Прилуцкое городище, князья Вишневецкие не забудут эту обиду; именно они первыми поддержат самозваного «царевича» Дмитрия…

В качестве дипломата Борис Годунов продолжал действовать так же, как он действовал со своими подданными. С врагами он был суров, друзей стремился жаловать и привлекать на свою сторону. Конечно, ему было ведомо, что среди дипломатов друзей не бывает. Какими бы близкими ни были его отношения с англичанами, им все равно не удалось подтвердить те исключительные привилегии, которые имелись у них при Иване Грозном. Более того, в 1586 году англичане даже потеряли право исключительной торговли на Белом море; им полностью была запрещена розничная торговля, чтобы они не создавали конкуренции русским купцам в Архангельске и Холмогорах, Вологде и Ярославле, Москве — словом, повсюду, где у Английской торговой компании были свои дворы[380]. Правда, какое-то время спустя уже упомянутому Джильсу Флетчеру удалось получить некоторые преимущества для английских купцов. Англичанам позволили ездить торговать в Казань, Астрахань и даже дальше — в Бухару, Шемаху и Персию[381]. Но это было все равно меньше тех привилегий, какие они раньше имели в России. Все это вызвало трения между английским и русским дворами[382].

При всем этом к англичанам Борис Годунов продолжал испытывать особое доверие, подкрепленное совместным участием в разных делах[383]. Именно к английской королеве Елизавете I правитель царства обратился через Джерома Горсея, чтобы решить самый деликатный и важный вопрос всего царствования Федора Ивановича — об отсутствии у того наследников. В 1586 году королева Елизавета I прислала в Россию своего личного доктора Якоба для Ирины Годуновой, прозрачно объясняя ей специализацию придворного врача: «женские болезни всякие лехчит, а нас в наших болезнях тот же Яков лечил, и мы его к вам приказываем, а он преж сево вам знаем и верен и своим разумом в дохторстве лутче и иных баб, и вашему здравью учинет служити

верно»[384]. Горсей рассказал о том, как он, исполняя поручения царя Федора Ивановича и Бориса Годунова, «выслушал мнения оксфордских, кембриджских и лондонских медиков, касательно некоторых затруднительных дел царицы Ирины *о зачатии и рождении детей*{3}, бывшей замужем семь лет и часто *беременной*{4}»[385]. Хотя купцы Английской компании и обвинили Горсея в том, что он придумал историю с просьбой о повитухе, привез ее в Россию и напрасно продержал в отдалении от Москвы, что, как они считали, нанесло оскорбление царской семье и Борису Годунову и повредило интересам англичан[386], все было далеко не так однозначно. Когда в том же 1586 году вместе с Горсеем приехал доктор Роман Романов, в Посольском приказе стало известно, что с ним могла ехать некая «дохторица». Из Москвы распорядились задержать ее в пути от Вологды до Ярославля[387]. Увы, ни один из английских докторов не смог помочь тогда царице Ирине Годуновой. Но когда у царской четы родилась дочь Феодосия, стало очевидно, что их труды не были бесполезными{5}.

Борису Годунову нравилось показывать иностранцам свое влияние на царя. В мире дипломатических тайн ему было комфортно, и, благодаря своим неформальным действиям, он многого мог добиваться. Однако, как показывает история русско-английских отношений 1580–1590-х годов, Годунов не был всесилен. Ему приходилось учитывать существование в Думе влиятельной партии противников англичан. Английская королева Елизавета I лично обращалась к Борису Годунову в письме 6 июня 1588 года, именуя его: «Благороднейший князь, наш добрейший и любящий кузен» («*Right noble prince, our very good and loving cousin*») [388]. Как известно, у Годунова не было княжеского титула, но такое преувеличение он должен был воспринять с пониманием. Согласно дипломатическому протоколу, Елизавета называла царя Федора своим кровным братом, а его шурина — соответственно, кузеном. Королева Елизавета просила царя Федора о личном участии Бориса Годунова в обсуждении дел английских купцов, вспоминая его прежнее снисхождение к их просьбам: «А ныне сердечно у нашего дражайшего брата прошаем, чтоб ваш честнейший шурин, наш прелюбительный племянник Борис Федорович промыслил о всех статьях, что в сей нашей грамоте написано и иные ваши советники с ним же». О «благосклонном посредничестве и старании» заново обсудить с царем Федором Ивановичем присланные жалобы на английских купцов Елизавета I просила и самого Годунова в письме 15 января 1589 года. Речь шла о том, чтобы «устранить происки некоторых лиц» (имелся в виду глава Посольского приказа дьяк Андрей

Щелкалов), «которым не нравятся любовь и дружба, являемые и установленные между нами и достойным царем; им, по-видимому, завидно, что нашим гостям оказывается более милости, чем прочим иноземцам»[389]. В своем ответе в июле 1589 года Борис Годунов благодарил королеву Елизавету I за то, что она именовала его «кровным и любительным приятелем». Однако он виртуозно обошел внутренние противоречия в посольском ведомстве и защищал позицию московских дипломатов, твердо решивших больше никому не предоставлять одностороннего преимущества в торговле: «…а у вас, у великих государей, того не ведетца, что торговым людем иным ездити, а иным не ездить, и равенства торговым людем в торговле не давать».

Годунов обещал защиту и поддержку английским купцам на будущее. Но он не мог обойти вниманием еще один неприятный момент, связанный с посольством Джильса Флетчера (названного в русском переводе «Елизаром»). Годунов объяснил, что не «посмел» принять королевские подарки (хотя и благодарит за них), потому что царь Федор Иванович от них тоже отказался: «… и яз твоего жалованья поминков не взял, потому что посол твой привез от тебя от государыни ко государю нашему… поминки золотые, и в полы золотой, и в четверть золотого и в денгу золотого, и такие поминки меж вас, великих государей, преж сего не бывали»[390]. Обычно предъявление и рассматривание посольских даров было существенной частью церемониала приема иностранных послов. Для оценки даров специально призывались свои гости и купцы. Считалось, что чем пышнее и богаче подарки, тем больше уважения выказывалось царю. В разные времена из Англии привозили в дарах золотые кубки, кувшины, посуду. Особенно ценилось современное оружие — пистолеты и мушкеты[391]. Елизавета, которую часто упрекали в скупости, говорила потом, что была занята войной с Испанией и думала, что такой «прелестной» и украшенной вещицы будет достаточно. Однако в Москве всерьез обиделись на королеву, а она, в свою очередь, сменила свой тон в переписке с царем Федором Ивановичем и Борисом Годуновым на более официальный и даже отчасти вызывающий. Королева приводила в пример… Ивана Грозного, который умел, по ее словам, понимать и ценить помощь, оказываемую англичанами Московскому государству.

Борис Годунов смог удовлетворить претензии англичан на увеличение привилегий только после того, как во второй половине 1590-х годов его влияние на политику стало неограниченным. 20 марта 1596 года королева Елизавета I

благодарила за «новую жаловалную грамоту» английским «торговым людям» за «великою красною печатью», выданную «по печалованию» Бориса Годунова. Она любезно говорила о том, что царь Федор Иванович должен быть «блажен», ибо «Бог ему подаровал такова думца»[392]. До конца царствования Федора Ивановича между Лондоном и Москвой еще возникали недоразумения по поводу предполагаемой «подмоги Турскому против цесаря и против иных крестьянских государей». Однако Елизавета объяснила это в новом письме Борису Годунову 18 января 1597 года происками дипломатов из Ватикана, помогавших испанцам: «…а затеяли тот ложной нанос по не дружбе, которую не дружбу папа и его советники из давного времени держат на нас, норовячи Шпанскому королю; а король Шпанской нам ведомой недруг»[393]. Напротив, Елизавета I говорила о своей миротворческой миссии между турецким султаном, императором и королем Речи Посполитой.

Борису Годунову, единственному из бояр, было разрешено устраивать приемы послов у себя дома на кремлевском дворе. Превращая свой двор в Посольскую палату, Годунов разработал почти такой же этикет встречи послов, как и при «больших» царских приемах. Он заботился о том, чтобы гости его дома чувствовали ббльшую доверительность через участие в их делах самого правителя царства. И московские правила были приняты при иностранных дворах. Послы использовали такую возможность для обсуждения с Годуновым самых сокровенных вопросов. Например, дважды, в 1589 и 1593 годах, Борис Годунов принимал у себя в кремлевском дворе имперского посла Николая Варкоча, обсуждал с ним перспективы создания антиосманской лиги во главе со Священной Римской империей[394]. Суть таких встреч состояла в неформальном обсуждении возникавших вопросов, когда присутствовали только Борис Годунов, посол и переводчики. Если на официальном приеме у царя в Кремле посол говорил обо всем в соответствии со сделанными ему распоряжениями, понимая, что все будет записано и переведено, то в доме у Бориса Годунова можно было определеннее сформулировать свои цели. Так, в 1593 году Николай Варкоч обсуждал мир «со Свейским», войну с крымскими татарами, низовских казаков, изъявлявших желание воевать в Угорской земле, дела отдельных купцов и гостей. Иногда Борис Годунов отказывал в личном приеме, ссылаясь на то, что «зашли его многие великие дела царского величества»[395]. Посол Николай Варкоч, удостоившийся такого приема, сильно благодарил за это Бориса Федоровича и обещал «с похвалою» рассказать обо всем императору Рудольфу II. Царь Федор Иванович поддерживал

такую практику. В своей речи послу он говорил, что судит о посольстве Варкоча как по прочитанной грамоте императора, так и по тому, что он «узнал и очень хорошо выразумел от своего шурина, Бориса Федоровича».

Общий порядок посольских дел все-таки сохранялся. Для переговоров с послом была назначена «ответная комиссия», куда вошли бояре Федор Никитич Романов и князь Иван Васильевич Сицкий. Посол Николай Варкоч заметил особую приязнь, которую царь Федор Иванович испытывал к Романову, «потому что рожден от брата, а великий князь от сестры»[396]. Однако очевидно, что главная роль в посольских делах была у Бориса Годунова. Подобно царю, он отослал императору Рудольфу II и эрцгерцогу Максимилиану свои личные подарки. Это было ответом на обращение императора Рудольфа II к «тайному думцу и начальному боярину»[397]. Сам Борис Годунов тоже получил впоследствии «любительные поминки» императора, «каковы посылает к братье своей и к курфистом: две чепи золоты, одна с персоною цесарскою, да часы золочены с планиты»[398].

Сергей Федорович Платонов как-то заметил, что, за исключением отношений с императорским домом Габсбургов и с Англией Тюдоров, «нет надобности останавливаться на сношениях Москвы за время Бориса Годунова с прочими государствами Запада: они были случайны и отрывочны». Историк точно определил позицию всей московской дипломатии в этом случае: Москва играла в таких отношениях «пассивную роль». Ей нужны были только «новые союзники против своих врагов» и еще «новые поставщики или покупатели на своих рынках». «Далее и выше этих целей московские дипломаты не смотрели, — писал автор биографической работы о Годунове. — Зато эти близкие цели они умели понимать и достигать с большою прямолинейностью и настойчивостью». Отзыв С. Ф. Платонова о «западном» направлении дипломатии Бориса Годунова полон эпитетами: «бодрость и активность, осторожность и наблюдательность, последовательность и самостоятельность». В итоге историк приходит к справедливому выводу о том, что «руководитель московской политики Борис мог похвастаться тем, что заставил соседей признать возрождение политической силы Москвы после понесенных ею поражений»[399].

Особенную, невиданную ранее активность московская дипломатия проявила на Востоке, где в этот момент серьезно столкнулись интересы персидского шаха Аббаса I и турецкого султана Мурада III. Казалось бы, далекая от московских интересов восточная война своей периферией выходила к границам Московского царства и важному для торговых дел

Хвалимскому (Каспийскому) морю. С Персией и шахом Аббасом I у царя Федора Ивановича складывались союзнические отношения, в то время как османы и их данники — крымские татары воспринимались враждебно из-за их постоянных нападений на русские земли. Государства Закавказья оказались в этот момент перед еще более тяжелым выбором: им грозила полная потеря независимости. Ко всему добавлялись вопросы веры, так как обычная война дополнялась мотивами религиозной вражды между мусульманами и христианами. Русское государство, с принятием патриаршества громко заявившее о вселенском характере московского православия, не могло не вмешаться в конфликт.

Кавказское притяжение оказалось слишком сильным для тех русских правителей, кто впервые познакомился с этой землей, благословенной в первые века христианства. Первым дорогу на Кавказ начал торить своими завоеваниями Казани и Астрахани Иван Грозный. Одна из его жен — Мария Темрюковна — происходила из рода кабардинских князей. Традиционные связи с кабардинскими князьями — ставшими в России князьями Черкасскими — продолжились и в начале правления Федора Ивановича. В Москве они сразу занимали самые высокие места, выше многих членов Боярской думы. Иван Грозный построил город на Тереке и разрешил казакам воевать на Кавказе. Однако Терский острог «на устье Сунчи-реки (Сунжи. — *В. К.*)», несмотря на отговорки, что он поставлен в земле кабардинского князя Темрюка, под турецким давлением пришлось оставить. В 1588 году русские люди вернулись на Терек и построили новый Терский город («Терки») в устье Терека.

Появление русских на Кавказе стало возможным благодаря тесным контактам с Грузинской землей и приведением к присяге кахетинского царя Александра II. 28 сентября 1587 года он вместе со своими детьми дал обещание в том, чтобы «всей моей Иверской земле» быть «под царскою рукою»[400]. С тех пор его владения называли в московском дипломатическом языке одним из «новоприбылых государств». Гребенские казаки (жившие по гребням гор) защищали «Александра царя» и ставили свои «сторбжи» в ущельях Кавказских гор, чтобы обороняться от самого опасного турецкого вассала — Тарковского шамхала («шевкала») в Дагестане. Когда в 1587 и 1589 годах ездили посланники в Кахетию{6}, то казакам было поручено сначала проводить их с охраною, а потом и встретить на обратном пути. Контроль над дорогой в земли царя Александра II был жизненно необходим для обеспечения торгового пути в Персию, поэтому в Москве были так заинтересованы в существовании передовых укреплений на

Кавказе[401].

Однако попытки правительства Годунова утвердиться в «Шевкальской земле» особенного успеха не имели. Персидские властители манили русских царей возможной уступкой Баку и Дербента. Для обсуждения вопроса о «соединенье» в борьбе против турецкого султана из Москвы в Персию в 1589 году было отправлено посольство Григория Борисовича Васильчикова[402]. Чувствительным поражением окончилась посылка воеводы князя Андрея Ивановича Хворостинина на Тарки в 1594 году. Автор «Нового летописца» писал, что тогда погибло до трех тысяч ратных людей[403]. Все, что удалось в ходе экспедиции, — так это поставить еще один «городок» Койсу. Но московская дипломатия изображала положение дел на своей границе с Кавказом как сплошные победы. В наказе Григорию Микулину, отправленному в Англию в 1600 году, давалась инструкция, как отвечать на вопрос об отношениях московского царя с «Турским Маамет салтаном» (Мухаммедом III) и Кизылбашским (Персидским) шахом Аббасом. В обоих случаях посол должен был вспомнить про «городы блиско Турского городов на Терке, и на Сунше, и на Койсе»; их строительство перекрыло обычную дорогу, по которой крымский царь посылал свое войско на помощь турецкому султану для войны с Персией. Все это делалось во имя дружеских отношений с шахом Аббасом. Посла же турецкого султана — «чеуша» Резвана{7}, приезжавшего в октябре 1593 года жаловаться на убытки «Дербени» (Дербента) от действий русских людей, — царь Федор Иванович отпустил ни с чем. Султану ответили позже, в июле 1594 года: при этом ссылались на то, что «на Терке, на Сунше, в Кабардинской земле и в Шевкальской городы наши велели есмя поставить для того, что горские кабардинские черкасы служат нашему царскому величеству и под нашею царскою рукою живут и по нашей царской воле из наших царских рук на княженье их сажати велим»[404]. С избранием на царство Бориса Годунова ничего не изменилось. Как писал С. А. Белокуров, «Москва все также благоволила Кахетинскому царю Александру и старалась теснить Шевкала»[405].

Спор о крепостном праве

Так вводил ли Борис Годунов крепостное право или нет? Это излюбленный вопрос историографии, особенно советской. Поискам ответа на него посвящено немало работ историков, сделаны интересные открытия архивных документов. Однако по-прежнему точно не известно, каким образом крестьяне оказались прикреплены к земле. Скорее всего процесс шел постепенно, и

изначально «крепостной порядок» оказался выгоден всем сторонам: и владельцам, и самим крестьянам. Мысль еретическая, если следовать советским канонам о постоянном «усилении феодальной эксплуатации крестьянства». Еще Н. М. Карамзин писал, что склонен верить «отцу русской историографии» Василию Никитичу Татищеву, «что бояре не любили тогда Годунова: ибо он, запретив крестьянам переходить с места на место, отнял у сильных и богатых господ средство разорять бедных дворян, то есть переманивать их землевладельцев к себе. Татищев находит в сем законе причину гибели царя Бориса и несчастного семейства его»[406]. Исследуя историю уездного дворянства на рубеже XVI–XVII веков, мне пришлось не только убедиться в справедливости татищевско-карамзинских оценок, но и констатировать, что еще более последовательными «крепостниками» на деле оказывались даже не крупные, а мелкие землевладельцы, постоянно бившие челом о продлении «урочных лет». Они-то и добились окончательного утверждения крепостного порядка в Соборном уложении 1649 года[407]. Знакомство с писцовыми книгами хорошо объясняет этот кажущийся парадокс. В своих общих представлениях мы часто не учитываем, что за провинциальным «сынчишкой боярским» могло быть всего две-три крестьянские «души». Совсем нередко помещик оказывался без поместья или обходился в своем хозяйстве без крестьян. Напротив, бояре и московские дворяне, обладавшие более населенными и, следовательно, экономически развитыми и устойчивыми вотчинами и поместьями, думали об упрочении такого порядка (что подтверждали и Татищев, и Карамзин). Но для этого им как раз нужны были крестьянские переходы в Юрьев день, чтобы переманить работников крупными ссудами и другими преимуществами. С. Б. Веселовский иронично замечал: «Если бы закабаление крестьян было спортом, которым землевладельцы могли заниматься в свое удовольствие, то вероятно, что свободных крестьян не было бы совсем»[408]. Борис Годунов, как и в других делах своего правления, выступил в этом споре арбитром. Он установил свои правила и заставил им следовать всех — от первого боярина до последнего крестьянина. Повседневная действительность в итоге скорректировала жизненный уклад. Введенные при участии Годунова правила заповедных, или урочных, лет, указы о частичном запрещении крестьянского выхода, возможно, вывели совсем не туда, куда предполагал правитель царства.

Борис Годунов больше стремился демонстрировать милость подданным, чем страх и запреты. Он не был первым, кто задумался об отмене «Юрьева дня». «Благодарить» надо, как

обычно, Ивана Грозного, загнавшего страну в чрезвычайные обстоятельства Ливонской войны и сопутствовавшие этому кризис и разорение. Начало движения к крепостничеству датируется, по всей вероятности, осенью 1581 года, когда впервые был запрещен вывоз крестьян до нового указа. Отменялась статья действовавшего Судебника 1550 года, регламентировавшего крестьянский выход в Юрьев день, порядок уплаты налогов и отработки барщинной повинности («боярского дела»)[409]. Запрет («заповедь») и, соответственно, «заповедные лета» удержались, по крайней мере, на пять лет до 7095 (1586/87) года. Следующие свидетельства о заповедных летах относятся к 7099 (1590/91) и 7100 (1591/92) годам. Вводились ли «заповедные лета» опять на время, неизвестно. Возможно, что запрет на крестьянские выходы продолжал действовать все это время после указа Ивана Грозного. Однако в проекте Судебника 1589 года определенно говорилось о крестьянском отказе как о само собой разумеющейся норме. Есть свидетельства в пользу того, что и в более поздних документах крепостнический порядок не рассматривался как постоянный[410].

В. И. Корецкий и другие сторонники так называемой «указной» версии введения крепостного права обычно ссылаются на «закон» царя Федора Ивановича «о введении заповедных лет и запрещении крестьянского выхода в 1592/93 году в общегосударственном масштабе»[411]. Если бы такой указ существовал, то Борис Годунов действительно должен считаться по крайней мере одним из основателей крепостного права в России. Но текста документа 1592/93 года нет, есть только отсылки к нему в законах последующего времени, а эти свидетельства можно толковать по-разному. Казалось бы, еще одним бесспорным свидетельством «крепостнических устремлений» царя Федора Ивановича и его ближайшего советника Бориса Годунова было повсеместное проведение писцовых описаний в начале 1590-х годов. Потом на него стали ссылаться при спорных делах о владении крестьянами. Значит, крепостнический смысл в них был? Однако и на этот вопрос нет простого ответа. Исследовав «сошное письмо» (земельный кадастр) Московского государства, С. Б. Веселовский пришел к однозначному выводу, что писцовые книги конца XVI века составлялись с «финансовыми и земельно-правовыми целями», а не «для регистрации и закрепощения крестьян» (иными словами, для нужд фиска, а не крестьянской «прописки»)[412].

Новые указы о крестьянском выходе будут изданы Борисом Годуновым в 1601 и 1602 годах (о них еще пойдет речь на страницах книги). Пока же согласимся с утверждением того же С. Б. Веселовского, писавшего, что должно было пройти лет 75,

прежде чем «сложилась и получила общее распространение поговорка „Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!“»[413]. И уж в любом случае не следует приписывать одному Борису Годунову сомнительную честь появления этой горькой для каждого крестьянина фразы.

Разряд и Казна

Верховное положение Бориса Годунова во власти отнюдь не нарушило рутину приказного учета. Имя каждого боярина заносили в начало боярских списков в соответствии с его происхождением. Служилые люди могли не согласиться даже с царским указом и подавать челобитную о «счете». Нередки бывали случаи, когда члены Государева двора предпочитали тюрьму или другое наказание тому, чтобы служить в подчиненном положении у человека, которого они считали менее родовитым. Более того, для доказательства своей правоты готовы были считать службы давно умерших людей. Сложности возникали там, где дело касалось царских родственников, всегда имевших больше предпочтения перед остальными. Однако не настолько, чтобы полностью отменить местнический порядок. В 1596 году разбиралось дело по челобитной о местах князя Федора Андреевича Ноготкова Оболенского с Федором Никитичем Романовым. Оболенский князь посчитал себя выше не только Федора Романова, но и его отца и дяди. Это вызвало отповедь царя Федора Ивановича, защитившего уже умерших шурьев царя Ивана Грозного: «…Данила и Никита были матери нашей братья, мне дяди; и дядь моих Данилы и Микиты давно не стало. И ты чево дядь моих Данилу и Микиту мертвых бесчестишь? А будет тебе боярина Федора Никитича меньши быть нельзе и ты на него нам бей челом и проси у нас милости»[414].

В боярском списке 1588/89 года имя боярина и конюшего Бориса Годунова написали вслед за именами бояр князя Федора Ивановича Мстиславского, князя Федора Михайловича Трубецкого и Дмитрия Ивановича Годунова[415]. Годунов встал выше боярина князя Василия Федоровича Скопина-Шуйского (имен других князей Шуйских, отправленных в опалу, в списке нет), Федора Никитича Романова, свояка князя Ивана Михайловича Глинского и других бояр из ярославских князей, с которыми царский шурин когда-то местничал. В перечне бояр ветречаем именно тех людей, кто вместе с Борисом Годуновым заседал в Думе. Соответственно, и в служебных назначениях на воеводства, царские или посольские приемы соблюдался такой же местнический порядок. Например, Борис Годунов никогда, во все

время правления царя Федора Ивановича, не становился выше князя Федора Ивановича Мстиславского. Так было при отражении рати крымского царя Казы-Гирея, этот счет оставался неизменным и позже, до самого воцарения Годунова. 21 декабря 1591 года на день Петра митрополита в столовой палате у патриарха Иова были бояре князь Федор Иванович Мстиславский, Дмитрий Иванович Годунов, а также слуга, боярин и конюший Борис Федорович Годунов[416]. Бориса Годунова дважды назначали на службу в Большой полк в Серпухов при появлении угрозы крымского нашествия в 1596 и 1597 годах — и оба раза он был вторым воеводой при боярине князе Федоре Ивановиче Мстиславском[417]. Таковы были немногие, но все-таки ограничения власти Бориса Годунова. Хотя на это можно посмотреть и по-другому — как на следование определенным, сложившимся веками принципам московского служебного порядка. Важно ведь не только то, куда, условно говоря, встал сам Борис Годунов, но и как он сам влиял на расстановку людей в окружении царя Федора Ивановича.

Упомянутый боярский список 1588/89 года интересен тем, что в нем, по сравнению с другими такими же документами, учитывавшими состав Государева двора, отдельно перечислены «князи служилые». А. Л. Станиславский, обнаруживший и опубликовавший почти все известные боярские списки конца XVI — начала XVII века, писал об особенностях списка 1588/89 года: «Возможно, перед нами свидетельство того, что после разгрома в 1584 году верхушки „особного“ двора Ивана IV возродились некоторые черты доопричного двора»[418]. Действительно, в этом можно увидеть возвращение к порядку и учету служилых людей, известному по «Дворовой тетради» 50-х годов XVI века, отставленной опричными временами. В первые годы правления царя Федора Ивановича вопрос о преодолении опричных «новшеств» оставался актуальным. И решить такую задачу должен был один из столпов этого самого опричного порядка. Р. Г. Скрынников писал о целой реформе двора в 80-х годах XVI века, показав ее значение в переходе к «новой чиновной структуре»: «По сравнению с опричным временем высший слой „двора“ стал более аристократическим, а низший — менее худородным»[419]. А. П. Павлов тоже склонен считать, что происходил возврат «к идеям организации двора, выработанным в середине XVI века правительством Избранной Рады». В этот момент был реабилитирован даже Алексей Адашев. Его имя, после запрета времен царствования Ивана Грозного, снова стало упоминаться, и в каком контексте! В 1585 году в наказе посланнику в Империю с Адашевым сравнивали самого Бориса

Годунова. «Существо» этих идей А. П. Павлов определил как «консолидацию господствующего класса на условиях ее верной службы монарху»[420].

Всего, по подсчетам А. Л. Станиславского, двор времени царя Федора Ивановича насчитывал 1162 человека, в Думу в этот момент входило 19 бояр и пять-шесть окольничих. Еще несколько человек занимали дворцовые должности, пользовавшиеся «особым» вниманием Годунова. Оружничий Богдан Бельский упомянут в боярском списке 1588/89 года с пометой «в деревне» (ему оставался один шаг до возвращения во дворец после событий 1584 года). Казначеи Иван Васильевич Траханиотов и Деменша Иванович Черемисинов входили в годуновский круг после устранения казначея Головина. Удержавшегося во власти после смерти Ивана Грозного печатника Романа Васильевича Алферьева (из рода Нащокиных) именно в 1589 году настигла опала. Возможно, это был плохой знак для Нагих, так как дочь этого известного опричного деятеля была замужем за Михаилом Нагим. Романа Алферьева отправили служить вторым воеводой в Царицын «на Переволоку», его имя убрали из почетного начала боярского списка, переписав вместе с московскими дворянами. Опалу с него сняли, но в том же году он умер[421]. Еще во дворе служили 28 стольников, 12 стряпчих, 209 жильцов и 166 московских дворян (с учетом «князей служилых»). Рядовую часть двора составляли около 680 выборных дворян из 47 уездов. Состав этих уездов почти полностью совпадал с Дворовой тетрадью. Отсутствовали Белоозеро, Серпухов и Тверь. Последнее обстоятельство можно объяснить тем, что в Твери продолжал существовать особый двор бывшего московского «царя» Симеона Бекбулатовича, судьбу которого Борис Годунов никогда не упускал из виду. Напротив, новые выборные дворяне появлялись в тех уездах, которые раньше не имели собственной служилой корпорации, а входили в уделы царских братьев — родного — князя Юрия Васильевича (Брянск) и двоюродного — князя Владимира Андреевича (Верея и Алексин) или принадлежали другим служилым князьям (Перемышль)[422].

Приказная бюрократия была представлена в боярском списке всего 36 дьяками, что совсем немного для громадного Русского государства. Общее же число дьяков, включая тех, кто служил в городах, едва превышало 70 человек[423]. Среди дьяков давно и прочно устоялась «специализация» по главным ведомствам. Это и не удивительно, учитывая, что их численность росла незначительно, все они были на виду. Главы важнейших приказов вообще не сменялись по нескольку десятилетий. Показательно, что при этом редко кто из них во времена Бориса Годунова

оставлял пост по своей воле. Правитель, а затем царь Борис Федорович не считался с прежними заслугами, чем, вероятно, наживал себе еще больше влиятельных врагов.

Посольскими делами с 1570 года, то есть со времен Ивана Грозного, ведал дьяк Андрей Щелкалов, которого иноземцы иногда называли «канцлером» Московского государства[424]. Его роль в чем-то сопоставима с ролью во внешней политике Бориса Годунова. Годунов и Щелкалов нередко вместе принимали послов, продумывали ответы царя Федора Ивановича. Оба они были активными сторонниками союза с Империей. Даже враги у них могли быть одни и те же. Дядя царицы Марии Нагой, Семен Нагой, по одному из известий, в конце царствования Ивана Грозного был послан царем «разорить» дом дьяка Андрея Щелкалова и выбил у него на «правеже» огромную сумму в пять тысяч рублей. Причиной тому, по слухам, была романтическая история расправы Андрея Щелкалова со своей «молодой красивой женой», с которой он развелся скорее всего из-за ревности, «изрезав и изранив ее обнаженную спину своим мечом». Подозревали, что впоследствии Семен Нагой окончил свои дни насильственной смертью, и это как раз тот редкий случай, когда в случившемся не обвиняют Бориса Годунова[425]. Р. Г. Скрынников писал даже о «правительстве Годунова — Щелкалова», однако это все же преувеличение. В начале царствования Федора Ивановича, когда существовало несколько боярских партий, Андрей Щелкалов склонен был примкнуть к Никите Романовичу Юрьеву, а совсем не к Годунову. По отзыву английского посла Д. Боуса, Никиту Романовича и Андрея Щелкалова называли в Москве «царями»[426]. Только вынужденный отход отдел Никиты Романовича, выбравшего в покровители своим сыновьям Бориса Годунова, создал другой дуумвират[427]. Однажды, в феврале 1587 года, в переписке придворных английской королевы Елизаветы I с московским двором имя Бориса Годунова было поставлено рядом с именем дьяка Андрея Щелкалова. В обращении «Аглинские королевны от ее советников» говорилось: «Правым и честнейшим нашим прелюбительным, приятельным приятелем государю Борису Федоровичу Годунову да Ондрею Щелкалову, боярину думному болшому и диаку ближнему великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии»[428]. Писать обращение к боярину вместе с думным дьяком было грубым нарушением местнической чести. Правитель, несмотря на известное англофильство и покровительство английским купцам, обратил внимание Джерома Горсея на обстоятельство, умалявшее его «княжескую» честь, и добился того, что Горсею, как посреднику в разнообразных контактах с

королевским двором, пришлось каяться в допущенной ошибке[429].

Именно в «английском вопросе» интересы и предпочтения правителя Бориса Годунова напрямую сталкивались с противодействием Андрея Щелкалова. В записках и письмах Джерома Горсея много говорится о кознях «Шалкана» в отношении Московской торговой компании, в том числе и в отношении самого мемуариста. Возможно, прозвище дьяка было подслушано Горсеем у русских людей, использовавших созвучие фамилии Щелкалова с именем Щелкана (Чол-хана) — одного из татарских разорителей Руси, убитого в Твери во время восстания в 1327 году. Так что сравнение было явно невыгодное и «говорящее» об устремлениях приказного дельца. Горсей называл Андрея Щелкалова «лукавейшим из всех живших скифов» и описал случай, когда тот внес невыгодные для Горсея дополнения в письма английской королеве Елизавете без ведома «правителя» Бориса Годунова. Это раскрылось на заседании Боярской думы, где рассматривалось «дело Горсея», обвиненного собственным слугой (по проискам Щелкалова) в «непригожих» речах о царе Федоре Ивановиче{8}. Английская «история» не раз сказывалась в отношениях Годунова и Щелкалова, что было заметно даже иностранным послам. Один из них, Николай Варкоч, в 1589 году писал, что канцлер Щелкалов вышел из доверия правителя Бориса Годунова[430].

Борис Годунов долго терпел присутствие рядом с собой во власти Андрея Щелкалова, но, когда ему это оказалось выгодно, отправил его в отставку. Это произошло в 1594 году. Историкам точно не известны причины прекращения выдающейся служебной карьеры Андрея Щелкалова[431]. Возможно, что его отставка, случившаяся вскоре после смерти единственной дочери царя Федора Ивановича Феодосии, открыла новый раунд борьбы «не на живот, а на смерть» за будущее московской царской короны. Действительно, в этот момент должны были возобновиться разговоры о судьбе династии Рюриковичей. Возможно, дьяк неосторожно обнаружил свои предпочтения, которые шли вразрез с планами Бориса Годунова. А он мог простить многое, кроме попыток отобрать у него власть. Щелкалов, близкий сторонник Романовых, стоявший в центре управления делами государства, стал Годунову не угоден. А может быть, дело объяснялось проще, и справедливо предположение А. А. Зимина о том, что причиной отставки «большого дьяка», работавшего, по отзыву еще одного иностранного мемуариста Исаака Массы, как «безгласный мул», стала старость[432]. В любом случае, уход Щелкалова с должности главы Посольского приказа — того самого, где хранился царский

архив, сосредоточивались нити управления не только внешней политикой, но и сбором доходов, — был заметным событием. Теперь кто-то другой должен был получить «ключи» ко всем вековым тайнам московского великокняжеского дома.

Отставка одного из братьев Щелкаловых дана новый повод недоброжелателям Годунова укорять правителя в неблагодарности. Под руководством Андрея Щелкалова начинали свою приказную службу многие в будущем заметные дьяки, получавшие думный чин. Конечно, они всегда хранили память о своем «патроне», правда, память эта была далеко не однозначной. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника», озвучивая общие представления приказных людей, писал, что Щелкалов был «наставником и учителем» Годунова в «злокозненных» делах. Андрей Щелкалов у Тимофеева — «древний муж», «цветущий глубочайшими сединами старец», который «был приближен к государственным тайнам», но он же наставлял Годунова, как тому, двигаясь по ступеням чинов, «одолевать благородных». Иван Тимофеев писал, что без Щелкалова «ни одна правителей тайна, ни одно постановление, связанное с установлением законов по управлению землей, не совершались»[433].

Устранение от дел прежнего «канцлера» было смягчено назначением в Посольский приказ его брата Василия. Борис Годунов сделал передачу власти в Посольском приказе плавной, от брата к брату, хотя самим Щелкаловым изменение их участи таковым не показалось. Нашлось много людей, которые решили, что пришло время поквитаться за прежние дела. Однако Андрей Щелкалов смог спокойно дожить свои дни; умер он в 1597 или 1599 году. Василий Щелкалов до своего назначения в Посольский приказ ведал делами Разряда. Но он явно не обладал способностями брата и не имел такого влияния на дела. Тем, вероятно, и был угоден Годунову.

К приказной «гвардии» Бориса Годунова, служившей по двадцать и больше лет в своих ведомствах, относился незаменимый «финансист», дьяк Дружина Петелин; он служил в Казанском дворце и Приказе Большого прихода. Роль главного финансового ведомства английский автор «Писаных законов» характеризует следующим образом: «*Большой приход (Bolshoi prekhode*) или Большое [ведомство] государственных сборов (*gret revenew*) получает пошлины со всех больших и рядовых городов, сборы из всех ведомств, а также излишки поборов (*Tributes*) из четвертных ведомств (*the offices of the provences*), дает корм (*allowances*) послам и чужеземцам и платит жалованье тем солдатам, которых государь берет на службу». Дьяком Разрядного приказа долгое время был Сапун Тимофеевич Аврамов. В

«Писаных законах» читаем о нем и о главном военном ведомстве: «*Разряд (Raizrade)*, маршал или констебль *Сапун Аврамов (Sapowne Abramove), дьяк* или секретарь совета и государства (*secretary of counsell and state*)… Он [С. Аврамов] заведует всей знатью и джентри страны, которые ежегодно все призываются на военную службу или для управления дома и непрестанно переводятся из одного места в другое на второй или третий год. У него также [в управлении] четь страны». Наконец, еще одному близкому к Годунову человеку, известному нам угличскому следователю Елизарию Вылузгину, были поручены дела о земельных владениях: «*Поместный приказ (Pomestnoi prikaze)*, в нем *дьяк Елизарий Вылузгин (Yelezarie Veilowzgyne)*… Этот секретарь совета и государства (*secretary of counsell and state*) учитывает все поместья (*free holdes*) государя, жалуемые его знати и джентри для поддержки существования дома и на войне. *Боярину* полагается иметь тысячу акров, *дворянину (the Dvoranine)* — шесть[сот] акров, и *сыну боярскому (the sin boyarskie)* — три сотни. За это они обязаны служить лично в походе или где-нибудь еще в управлении [и выставлять] двух или более всадников с каждой сотни акров [в случае войны] против их вечного врага крымских татар или другого [неприятеля]. Вотчины и монастырские земли (*inheritances and monasteries lands*) также обязаны посылать в поход в соответствии с этим верстанием (*rate*). Он [Е. Вылузгин] решает все споры об их владениях и нарушителях границ… У него [в подчинении] четь страны»[434]. А. А. Зимин, отдавая должное этим специалистам приказного аппарата, справедливо писал, что Борису Годунову удалось привлечь к правительственной деятельности по-настоящему «выдающихся администраторов»[435]. Новейший исследователь истории московских приказов Д. В. Лисейцев пришел к выводу о том, что «окончательное оформление ядра приказной системы приходится на конец XVI века и связано с правительственной деятельностью Бориса Годунова». Основными вехами годуновской административной реформы стали оформление системы судных приказов и создание после 1595 года новой финансовой системы, связанной с обособлением четвертных приказов от других ведомств[436].

* * *

Богатым ли человеком был Борис Годунов? Такой вопрос задавать излишне. Власть и богатство в России срослись по-особенному, вековой спайкой; даже в известном присловье: «из

грязи в князи» слышен особенный подтекст «жалования» титулами, чинами и связанным с этим богатством. Про Бориса Годунова тоже пытались говорить нечто подобное, но, как было показано, генеалогические аргументы не дают основания говорить о низком происхождении властителя. Это скорее можно сказать про род Бельских, из которого происходила жена Бориса Годунова. Именно про опричных малютинцев с ненавистью писал оттесненный от власти аристократ-Рюрикович из ярославских князей Андрей Курбский: «Вместо избранных и преподобных мужей, правдути глаголющих, не стыдяся, прескверных паразитов и маньяков поднес тобе; вместо крепких стратегов и стратилатов — прегнусодейных и богомерзких Бельских с товарыщи и вместо храбраго воинства — кромешников, или опришнинцов кровоядных»[437]. Во времена опричнины началось «накопление капитала» этих родов. О темных путях разорения и присвоения вотчин земцев, грабеже Новгорода, отдаче царских «врагов» на поток и разорение хорошо известно. Но что тут можно (и можно ли) приписать Борису Годунову, никто не знает. Мы видим другое: вынесенные историческими обстоятельствами «наверх» Годуновы всегда оставались в царском приближении. Борис Годунов искусно использовал свое положение при дворе для увеличения богатства. Когда в 1587 году было принято решение о наделении московского дворянства подмосковными поместьями, он «не побрезговал» и малым, получив к своим обширным владениям еще немного земли — 214 четвертей «в оклад»[438]. Чин конюшего позволял Борису Федоровичу использовать огромный казенный «резерв», связанный с получением пошлин, шедших с расположенных повсеместно конских площадок, где «пятнали» лошадей. К чину «слуги» Борис Годунов добавил владение доходами с бывшей дворцовой волости Ваги на Русском Севере.

Денежный и вещный быт исторических героев обычно плохо представлен в исследованиях; исключением является изучение разных предметов одежды, утвари и украшений[439]. Между тем этикетная сторона одежды в средневековых обществах была очень значимой. Она много могла рассказать о ее носителе, показать значение в царстве того или иного сановника или военачальника. Вот как описывается прием в годуновском доме в Кремле в дневнике австрийского посольства Николая Варкоча 1593 года: «Когда… шествие вступило в кремль, нас повели направо к жилищу вышепомянутого Бориса Федоровича: это было очень обширное здание, только все деревянное. Тут, кто ехал на лошади, сошел с нее, а мы, несшие подарки, устроились за господином] послом и пошли через два покоя, где находились

служители Бориса Федоровича, одетые по их обычаю пышно. В третьем покое, в который вошли мы, находился Борис Федорович с несколькими боярами. Этот покой и по полу, и кругом устлан был прекрасными коврами, а на лавке, на которой сидел Годунов, лежала красная бархатная подушка». В этом же свидетельстве содержится описание парадного костюма Годунова: «На нем было такое платье: во-первых, на голове высокая московская шапка, с маленьким околышем из самых лучших бобров; спереди у нее вшит был прекрасный большой алмаз, а сверху его ширинка{9} из жемчуга, шириною в два пальца. Под этою шапкой носил он маленькую московскую шапочку (тафью), вышитую прекрасными крупными жемчужинами, а в промежутках у них вставлены драгоценные камни. Одет он был в длинный кафтан из золотой парчи с красными и зелеными бархатными цветами. Сверх этого кафтана надет на нем еще другой, покороче, из красного с цветами бархата, и белое атласное исподнее платье. У этого кафтана книзу и спереди кругом, и сверху около рукавов было прекрасное жемчужное шитье, шириною в руку; на шее надето нарядное ожерелье и повешена крест-накрест превосходная золотая цепочка; пальцы обеих рук были в кольцах, большею частью с сапфирами. Как только вошел в покой г[осподин] посол, этот Борис Федорович пошел к нему навстречу, принял его с большим уважением, с поклоном по московскому обычаю, и подал ему руку»[440].

Известно подробное описание «домашней казны» Бориса Годунова, причем датируется оно октябрем 1588 года, то есть временем, когда Годунов был еще боярином. Павел Иванович Савваитов, публикуя выдержки из этого документа, перечислил «платье, оружие, ратный доспех и конский прибор» Бориса Годунова[441]. Обращение к описи добавляет новые штрихи к знанию не только о предметах, но и об их владельце — правителе Московского царства. Само появление описи говорит о необычном характере домашнего хозяйства Годунова. Чаще всего об имуществе людей той эпохи мы узнаем из рядных записей с подробным перечислением приданого или духовных грамот — завещаний. Но личные вещи Бориса Годунова, избранного царем, стали со временем частью дворцовой казны, поэтому опись и сохранилась. В ней можно даже легко запутаться, не зная утерянного значения многих слов. Понятно, однако, что хозяин любил и ценил размах и не был чужд роскоши. Шапка с алмазом, в которой Борис Годунов принимал послов, возможно, была собольей «кучмой»[442], украшенной изумрудами, яхонтами и «круживом, низанным жемчугом в шахматы». Хотя у хозяина этого гардероба была не одна «горлатная» (сделанная из меховых

горлышек) высокая шапка, а еще и нарядные колпаки, или наурузы, тафьи и даже «шляпа немецкая дымчата». В описи упомянуто несколько богатых боярских шуб, парадных кафтанов-ферязей, кафтанов «турских» из «венедицкого» (венецианского) бархата и много прочих однорядок, опашней, армяков и чуг (кафтанов для выезда с короткими рукавами). Заметно следование моде: вещи больше «турского», «кизылбашского» или «литовского» дела. Редко когда встретится упоминание о их туземном, «московском» происхождении, да и то лишь после того, как будут описаны более дорогие иноземные предметы. В этом хозяйстве можно найти даже «струцье перо» (то есть перья страуса)[443].

Интерес Бориса Годунова к модной при европейских дворах экзотике поддерживался иноземными послами, дарившими русскому правителю попугаев и обезьян. Иногда даже складывается впечатление о том, что Борис Годунов содержал у себя на кремлевском дворе целый зоопарк. Джером Горсей писал, что, стремясь завоевать потерянное расположение правителя, он «поднес» ему в 1588 году в подарках: «пестрого боевого буйвола, 12 бульдогов, двух львов, три своры борзых и три пары другой хорошей породы»[444]. Описание этой экзотической живности не попало на страницы описи боярской казны. Но дело в том, что Горсей по забывчивости всё перепутал и подарки предназначались царю Федору Ивановичу. Английский купец сам написал, как в Кремль была введена целая процессия из живых английских подарков. Первым вели «прекрасного белого быка» в «природных пятнах», с «большим зобом», рога которого были выкрашены золотом. Его приняли за какое-то невиданное животное — «буйвола». Всех восхитило, что быка сначала «заставили встать на колени перед царем и царицей», а потом он поднялся, «свирепо оглядываясь по сторонам». Британских львов везли в клетках, причем слушались они только одного «маленького татарского мальчика с прутом в руке». Живописны были и огромные бульдоги, «украшенные бантами, ошейниками и проч.»[445]. Было еще много других подарков; по словам Горсея, «правитель Борис Федорович провел целый день в пересмотре драгоценностей, цепей, жемчуга, блюд, золоченого оружия, алебард, пистолей и самопалов, белого и алого бархата и других изумительных и дорогих вещей, заказанных и столь любимых им». Туда же была приглашена и его «сестра-царица» Ирина Федоровна, которая больше всего поразилась музыкальным инструментам: «…особенно ее удивили органы и клавикорды, позолоченные и украшенные эмалью; никогда прежде не видев и не слышав их, она была поражена и восхищена громкостью и

музыкальностью их звука». Музыканты играли во дворце самым высоким слушателям («были допущены в присутствии таких персон, куда и я не имел доступа»)[446]. Борис Годунов не только хорошо воспринял все подарки (взял даже портрет Горсея), но и щедро отплатил за них. Возможно, что некоторые из упомянутых предметов (или даже животных из английского зверинца) впоследствии все-таки оказались на годуновском дворе. Если так, то это еще один штрих к характеристике домашнего обихода правителя царства.

Огромное хозяйство Бориса Годунова тоже требовало своего управления. У боярина был свой приказчик — Михаил Косов, чье имя встречается в качестве управителя Важской земли, переданной Годунову не позднее июля 1586 года[447]. Косов служил в кремлевском дворе Годунова; он упомянут в записках Джерома Горсея как «видный дворянин», передававший ему царские подарки[448]. Однако Горсей, видимо, не разобрался с его чином. В дневнике имперского посольства сохранилась запись о том, что «дворецкий» Михаил Косов передавал подарки от Бориса Федоровича и сам получил от посла Николая Варкоча золотой кубок. Интересно, что Борис Годунов отослал этот подарок назад, сказав, что «такой подарок слишком великолепен для него, будет с него и попроще». Имперский посол действительно подарил Борису Годунову великолепные подарки; среди них «прекрасную драгоценность»: «верблюд, а на нем сидел араб, у верблюда с каждой стороны висело по золотой корзиночке, в которых для украшения вделано было несколько маленьких золотых монет. Вся драгоценность была выложена прекрасными рубинами и алмазами». Возможно, что, возвращая кубок, Борис Годунов хотел смягчить впечатление от грубости приставов, которые «были бесстыжи и грубы по московской повадке» и вымогали у посла еще и другие дары: «Подари, де, посол, еще золотую цепочку к драгоценности, чтобы было на чем ее повесить!» «Приложи, де, еще золотое кольцо к ней, тогда Борис Федорович одарит тебя знатно». Когда посол исполнил все их просьбы да еще наградил дворецкого Михаила Косова золотым кубком, Борис Годунов предпочел дипломатично продемонстрировать свою скромность. Он прибавил от себя еще подарки и вернул подаренный кубок, чтобы послы не подумали, что могут дарить золотые кубки как Борису Годунову, так и его слуге[449].

Имелась у Бориса Годунова и «личная» канцелярия. В ней служили также дворецкий Богдан Иванов и казначей Девятой Афанасьев[450].

Положение Бориса Годунова при троне открыло дорогу к чинам и богатствам всем более или менее заметным

представителям родов Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых. Впрочем, точно так же действовали другие бояре, например Романовы или Шуйские, вокруг которых всегда было много родственников, свойственников, слуг и «хлебояжцев». Картина привычная для Московского царства до самого его заката[451]. Однако особенность Бориса Годунова была в том, что, доверяя своим родственникам, приближая их и расставляя на ключевые посты, он не забывал о «приличиях». Даже опальные люди часто возвращались им из ссылки, несмотря на их явную вражду к правителю царства. Кого-то он мог считать больше не опасным себе, а кого-то намеренно ставил в такое положение, чтобы вернувшийся к Государеву двору человек помнил, кому он обязан.

Как и многие правители в России, Борис Годунов жил между двумя полюсами — неумеренным поклонением и смертельной ненавистью. Судя по запискам Горсея, близко наблюдавшего Бориса Годунова, тот опасался покушений на свою жизнь и принимал меры предосторожности. Горсея очень огорчала «ненависть», которую «возбудил в сердцах и во мнении большинства князь-правитель… его жестокости и лицемерие казались чрезмерными». Приглашенный однажды на боярскую охоту, Горсей стал свидетелем того, как Годунов вынужден был вернуться во дворец, испугавшись того, что слишком много людей узнали о том, что он выехал со своего двора с небольшим количеством слуг. Во дворце же его ждали просители — «епископы, князья, дворяне». Они не могли подать свои челобитные по нескольку дней, так как Борис Годунов «пользовался обычно тайным проходом в покои царя». Когда Горсей посоветовал Годунову выйти на крыльцо к просителям, то правитель, не успевший отойти от явной или мнимой опасности на охоте, сначала «сердито» посмотрел на английского гостя, подавшего недобрый совет. Но тут послышались крики обнадеженных просителей: «Боже, храни Бориса Федоровича»; «Ты наш царь, благороднейший Борис Федорович, скажи лишь слово, и всё будет исполнено!» Услышав эти крики, Годунов почувствовал себя явно лучше. «Эти слова, как я заметил, понравились ему, — пишет Горсей, — потому что он добивался венца»[452].

Да, Борис Годунов любил добрые слова о себе. Лучшей характеристикой деятельности «лорда-правителя» стали слова из наказа Григорию Микулину в 1600 году, где очень точно — именно так, как, видимо, хотелось самому Годунову, — дана оценка его «властодержавного правительства» и служения царю Федору Ивановичу: «…и своим разумом премудрым, и храбръством, и дородством, и промыслом… его царского

величества имяни… честь и повышение и государству Московскому прибавленье во всем учинил, и новоприбылые государства под государеву царскую высокую руку приводил, и во всем государстве, Росийском царстве прибавленье и расширенье учинил великое, и всяким служилым людем милосердье свое показал, и многое воинство устроил, а черным людем тишину, а бедным и винным пощаженье и всей Российской земле облекченье, и радость, и веселие показал; и премудрым своим разумом и храбростию всю Рускую землю в покое, и в тишине, и во благоденственном житии устроил»[453]. Эту «тишину» вспоминали все панегиристы русских царей, и Борис Годунов не был здесь исключением. Сходные слова читаются в «Повести о честнем житии царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии»: «В лето же благочестиваго его царствия управляя и строя под ним богохранимую державу шурин его слуга и конюшей боярин Борис Федорович Годунов. Бе же убо той Борис Федорович зело преизрядною мудростию украшен и саном паче всех и благим разумом превосходя и пречестным его правительством благочестивая царская держава в мире и в тишине велелепней цветуще»[454].

Не стоит думать, что власть Годунова славили только при его жизни. И в более поздних текстах тоже слышны сходные оценки правителя: «Бысть же той Борис образом своим и делы множество людей превзошед, никто бе ему от царских синклит подобен во благолепие лица его и в разсуждение ума его, милостив и благочестив паче во многоразсуждении доволен и велеречив зело и в царствующем граде многое дивное о собе творяше во дни власти своея…»[455] Если бы Борис Годунов погиб где-то на поле брани, ему бы простили всё. «Тишайшего» боярина и лучшего советника царя Федора Ивановича вспоминали бы добром еще много лет спустя. Вслед за авторами летописей их оценки попали бы на страницы исторических трудов и школьных учебников. Но Годунов, как все видели, желал царского венца…

Часть вторая
Царь Борис Федорович

Глава 5
Венчание на царство

Борису Годунову оставался шаг до «высшей власти», но этот шаг еще надо было сделать. Царская власть в представлениях людей Средневековья была либо от Бога, либо… она не была царской. Преемственность власти обеспечивалась кровным родством, но трон не обязательно переходил от отца к сыну. В доме Рюриковичей случались «замятии», вызванные борьбой дяди и племянника или двоюродных братьев. Иван III венчал на великое княжение Дмитрия-внука «мимо» сыновей от второго брака. В малолетство Ивана Грозного всеми силами боролись за майорат — передачу наследства в руки старшего сына. Боялись, что власть уйдет в руки дмитровского князя Юрия Ивановича или старицкого князя Андрея Ивановича, и оба умерли в кремлевской темнице. Потом уже сам подозрительный Иван Грозный расправится с семьей князя Владимира Андреевича. С властью Грозного царя ничего не случилось. Более того, он сам, когда хотел, мог расстаться с ней. Вопрос только в том, хотел ли. Карнавальный эпизод с передачей царской власти великому князю Симеону Бекбулатовичу в 1575/76 году можно было бы списать на эксцентрику царя Ивана Васильевича, однако все было серьезно. Решения Симеона Бекбулатовича, выданные от его имени жалованные грамоты имели такую же силу, как если бы на троне оставался сам Грозный. Помимо всего прочего, годичное царствование Симеона Бекбулатовича создало столь любимый в Московском государстве прецедент, на который можно было бы опереться, решая новейшие дела. 29 января 1576 года английский посол Даниил Сильвестр записал свой разговор с царем Иваном Грозным, в котором тот объяснил положение на престоле царя Симеона: «Он еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, но лишь по нашему соизволению»[456]. Когда с наступлением новолетия 1 сентября 1576 года Грозный снова воссел на трон, он превратил ставшего ненужным предшественника в тверского великого князя, выделив ему в удел села в Тверском уезде и даровав право иметь собственный удельный двор[457].

Во времена правления царя Федора Ивановича судьба бывшего царя изменилась, вотчин и доходов у него поубавилось, двор расформировали. Симеон Бекбулатович жил со своей женой, урожденной княжной Мстиславской, большей частью в тверском селе Кушалино. Конечно, у него были основания связать свое

захолустное существование (если не ссылку) с прямым распоряжением Бориса Годунова. Симеон Бекбулатович считал себя еще одной «жертвой» подозрений Бориса Годунова. Впоследствии он рассказывал всем, что ослеп, выпив чашу вина, присланную правителем, или от какой другой его «волшебной хитрости»[458]. И хотя Симеон Бекбулатович по-прежнему представлял опасность для наследников Грозного, он так и остался царем «по соизволению», а не по избранию и не по венчанию. Борис Годунов должен был всем доказать, что достоин именно венчания на царство, когда страшный в своем величии вопрос о переходе власти встал перед осиротевшими подданными царя Федора Ивановича в Крещенский день 6 января 1598 года[459]. «Угасе свеща страны Руския, померче свет православия», — со скорбью запишет автор одного хронографа. Но говорили и по-другому: «Глаголаху бо и того преставление от неправедного убийства того же Бориса; не оружием бо, но отравным вкушением»[460].

Собор 1598 года

Царь Федор Иванович заболел, когда ему исполнилось сорок лет, в 1597 году[461]. Окружающие знали об обрушившейся на царя «болезни велией», но болезнь затягивалась, и облегчения не приходило. Решить сам, кому передать власть, царь Федор Иванович не мог. Хотя разговоры о передаче власти уже пошли и один из таких слухов Конрад Буссов включил в свою «Московскую хронику». Он описал, как царица Ирина Федоровна просила мужа «отдать скипетр ее брату, правителю (который до сего дня хорошо управлял страной)». Однако царь Федор Иванович этого не сделал, «а протянул скипетр старшему из четырех братьев Никитичей, Федору Никитичу, поскольку тот был ближе всех к трону и скипетру». Даже если эта сцена у постели умирающего царя и не происходила в действительности, кто-то очень талантливо описал ее! Больной и умирающий царь вряд ли вполне сознавал, что от него хотели. А вот те, кто был рядом (или кто потом слушал этот рассказ), прекрасно поняли символическое значение происходящего. Никто и никогда не стал бы брать себе власть при живом царе (и еще при действующем правителе Борисе Годунове). Братья Романовы, наверное, знали от своего отца Никиты Романовича, чем закончилась присяга у постели умирающего, но не умершего Ивана Грозного его сыну-«пеленочнику» в 1553 году. Романовым-Юрьевым тогда досталась крепкая отповедь царя. И Федор Никитич Романов не поддался на то, чтобы взять скипетр, передав его следующему

брату. Так и прошла эта эстафета благородства от одного брата Романова к другому, пока умиравший царь не сказал: «Ну, кто хочет, тот пусть и берет скипетр, а мне невмоготу больше держать его». После этого, как пишет Конрад Буссов, «правитель, хотя его никто и не упрашивал взять скипетр, протянул руку и через голову Никитичей и других важных персон, столь долго заставлявших упрашивать себя, схватил его»[462].

Об этих спорах у постели умиравшего царя Федора Ивановича ходило много историй. Прямой царский выбор давал бы все преимущества такому «наследнику». По слухам, переданным оршанским старостой Андреем Сапегой, Борис Годунов опять прежде всех стал думать, что будет дальше, и решил узнать у умирающего царя, кого он «считает достойным избрания после своей смерти». По мнению «шпигов» Сапеги, Годунов надеялся на то, что царь Федор Иванович укажет именно на него, но этого не произошло. «Ты не можешь быть великим князем, — говорил будто бы царь Федор Иванович своему шурину, — разве если только тебя выберут по общему соглашению, но сомневаюсь, чтобы тебя избрали, по той причине, что ты происходишь от подлого народа» (имелось в виду некняжеское происхождение Годунова). При этом царь все-таки «указал на Федора Романовича (Федора Никитича Романова. — *В. К.*), предполагая, что скорее изберут его». Царь Федор Иванович думал в тот момент, что царица Ирина беременна, поэтому просил бояр, если родится сын, позаботиться о нем, и назначал в правители своего двоюродного брата Федора Романова, убеждая его ничего не делать без совета Годунова, так как тот «умнее»[463].

Очевидно, что Борис Годунов был единственным, кто давно обнаруживал свои претензии на полную власть. Более того, примерно с 1594–1595 годов, как заметил С. Ф. Платонов, Годунов стал понемногу приучать окружающих, что рядом с ним есть сын Федор, наследник его высокого положения. «В церемониях при дворе Бориса и в письменных сношениях правителя Федор Борисович является действующим лицом: принимает послов, шлет подарки от себя владетельным особам, „пишется“ в грамотах рядом с отцом»[464]. Правда, следует учесть, что «Федору Борисовичу» в то время было всего лишь пять или шесть лет. Излишняя «предусмотрительность» опять сыграла с Борисом Годуновым злую шутку, потому что впоследствии и это приписали его намерениям воцариться любой ценой.

Между тем прямой переход власти к Борису Годунову был невозможен, и это понимали все, в том числе и он сам. Согласно «Утвержденной грамоте», волею царя Федора Ивановича правительницей государства была назначена царица Ирина.

Патриарх Иов и Борис Годунов (по родству с овдовевшей царицей) становились всего лишь душеприказчиками покойного царя: «А после себя великий государь наш царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии самодержец на всех своих великих государьствах скифетродержания Росийскаго царьствия оставль свою благоверную великую государыню нашу царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Русии; а душу свою праведную приказал отцу своему и богомолцу святейшему Иеву патриарху Московскому и всеа Русии, и шурину своему царьскому, а великие государыни нашей брату, государю Борису Федоровичи)»[465].

Царица Ирина Федоровна и раньше принимала участие в государственных делах. Об этом писал Флетчер, известно это и из обстоятельств дела об учреждении патриаршества. Подобное было новшеством «московского государственного быта»[466]. Пока оставалась хотя бы гипотетическая возможность правления вдовствующей царицы Ирины Федоровны, такой поворот событий нельзя было игнорировать. Поэтому к ней первой и обратились. Патриарх Иов в «Повести о честнем житии царя и великого князя Феодора Ивановича» передал ее трагический плач, обращенный к лежащему на смертном одре царю: «Увы мне смиренней вдовице без чад оставшейся! На кого ли воззрю или о ком утешуся, не имея чад твоего царьского корени? Мною бо ныне единою ваш царьский корень конец прият!» Сиюминутные политические дела явно были не нужны убитой горем женщине. Вместе с тем власть не терпит вакуума. И снова первым принял решение «изрядный же правитель» Борис Годунов. Он, по словам патриарха Иова, повелел Думе целовать крест царице Ирине Федоровне, «елико довлеет пречестному их царьскому величеству». Патриарх Иов присутствовал на этой присяге вместе со всем освященным собором, а значит, этому известию можно доверять[467]. «Пискаревский летописец» тоже свидетельствует, что царица Ирина «прияша власть скипетра Московского государьства» по «благословенью и моленью» патриарха Иова и всего освященного собора и по «челобитью Руския державы Московского государьства бояр и окольничих, и дворян и всяких чинов людей, и всего православного християнства». Суть этого «челобитья» в том, что на царицу Ирину Федоровну легла ответственность мирной передачи власти следующему русскому самодержцу. Власть передавалась ей «на малое время, покамест Бог царьство строит от всех мятежей и царя даст. И кресть ей целоваша вся земля Расийского государства».

Это известие «Пискаревского летописца», впервые обнаруженного и опубликованного только в середине 1950-х

годов, историки восприняли по-разному. М. Н. Тихомиров полностью доверял автору летописи, как «непосредственному очевидцу событий», и вообще считал, что «царица Ирина была избрана на царство именно Земским собором»[468]. Л. В. Черепнин спорил с ним: «Зачем Ирине было нужно принимать на себя „власть скипетра Московского государьства“, если через девять дней по смерти мужа она ушла в монастырь? Об обращении к Ирине представителей разных чинов „всея Руския земли“ говорит и Утвержденная грамота, но, по ее сведениям, царица им „отказала“»[469]. Оригинальную, но не подтверждаемую источниками трактовку предложил Р. Г. Скрынников, считавший, что Борис Годунов хотел «закрепить трон» за сестрой и «учредить правление царицы»[470]. А. А. Зимин, напротив, не сомневался, что «переход власти к царице Ирине, как вдове бездетного монарха, был естественным, но оказался недолговременным»[471].

Свидетельство такого важного документа, как официальная «Утвержденная грамота» об избрании Бориса Годунова на царский престол, все же должно быть принято во внимание в первую очередь. Существуют документы, изданные от имени одной царицы Ирины Годуновой. 8 января 1598 года она, как установила С. П. Мордовина, одним из первых своих указов объявила амнистию по всему государству; из тюрем были выпущены «тюремные сидельцы», причем это мероприятие коснулось даже закоренелых преступников («самых пущих воров»), которых «с поруками», но выпустили на свободу[472]. Это подтверждает свидетельство патриарха Иова, включенное в Житие царя Федора Ивановича. Про объявленную в день царского погребения, в воскресенье 8 января, милость царицы Ирины здесь говорится так: «Благочестивая же царица и великая княгиня Ирина Федоровна всеа Русии повеле патриарху и всему освященному собору давати милостыню доволну; такоже и нищих безчисленно множество собрав, насытив доволна и милостыню пространну подав; вся же темница и узилища тогда отверзе и сущих в них повинных смерти всех на живот свобожая и в скудости потребных им всячески помогая»[473].

В разрядных книгах сохранилось упоминание о назначениях на службу на воеводства в Псков и Смоленск, куда были отправлены бояре князь Андрей Иванович Голицын и князь Тимофей Романович Трубецкой: «Посыланы были воеводы по городом на Литовскую и на Немецкую украину для укрепления Московского государствия от погранишных государств по приказу государыни царицы и великой княгини Ирины Федоровны всеа Русии»[474]. Воеводы отправились на службу 17 января 1598 года — через два дня после того, как царица Ирина Федоровна

приняла постриг (с именем Александры). А. П. Павлов, упоминая об этих назначениях, точно определил суть первоначально сложившегося порядка: «В обстановке междуцарствия… глава Боярской думы Ф. И. Мстиславский признает законной власть прогодуновски настроенного патриарха Иова и царицы Ирины (иноки Александры) Годуновой»[475].

Удаление из столицы двух членов Боярской думы накануне принятия важнейшего решения о царском избрании само по себе показательно для политики правителя Бориса Годунова (как и выбор благовидного предлога укрепления государства). Но еще более интересно для понимания скрытых механизмов годуновской политики, приоткрывшихся во время его избрания на Московское царство, то, что представители главнейших родов в Думе — Голицыны и Трубецкие — придерживались противоположных партий. Смоленский воевода князь Тимофей Романович Трубецкой был явным сторонником Годунова, чего не скажешь о назначенном воеводой в Псков князе Аддрее Ивановиче Голицыне, стоявшем ближе к «романовской» партии. В дальнейшем у обоих бояр возникли местнические счеты с воеводами, находившимися в Пскове и Смоленске, и, чтобы разрешить спор о «местах», они били челом «государыне царице и великой княгине Александре Федоровне всеа Русии» (разряды писались позже, когда бывшая царица ушла в монастырь, чем и объясняется странное упоминание ее с иноческим именем и светским отчеством)[476]. Местнические споры князя Андрея Ивановича Голицына с князем Василием Ивановичем Буйносовым-Ростовским и князя Тимофея Романовича Трубецкого с князем Василием Васильевичем Голицыным разбирала Боярская дума. Однако указы воеводам о принятых решениях по их делам от имени «государыни царицы и великие княгини иноки Александры Федоровны всеа Русии» передавал патриарх Иов. Приговор по местническому делу тоже выглядел необычно: в принятии решения по этим абсолютно светским делам участвовал патриарх «со всем освященным вселенским собором»[477]. О давнем местническом споре Трубецких и Голицыных, ведшемся со времени царствования Ивана Грозного, было хорошо известно. Поэтому, снова столкнув между собой в Смоленске лояльного князя Тимофея Романовича Трубецкого с князем Василием Васильевичем Голицыным, безуспешно пытавшимся оспорить прежнюю местническую «потерьку» своего рода, правитель Борис Годунов заранее готовил почву для будущей «предвыборной» борьбы. При этом соблюдалась видимость справедливости, так как в обоих случаях было принято решение «выдать головою» воевод — князя В. И. Буйносова-Ростовского обиженному князю

А. И. Голицыну, а не послушавшегося указа царицы-инокини князя В. В. Голицына — князю Т. Р. Трубецкому[478].

О переходе власти к вдове царя Федора Ивановича писал еще один современник, князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский: «Благочестивая же царица Ирина по плачевном оном времяни скипетродержавствуя под правителством единородного брата своего предиреченного Бориса Годунова»[479]. Но она не собиралась сама оставаться во главе Московского государства («не изволила престол свой содержати»). Тогда ей следовало благословить преемника власти царя Федора Ивановича, но и здесь она не стала действовать самостоятельно или по одному совету с братом. Царица Ирина «не благословила» на царство боярина Бориса Годунова, несмотря на обращенные к ней просьбы патриарха Иова и всего освященного собора. Не откликнулась она и на предложенный ей компромиссный вариант, о котором тоже упоминается в «Утвержденной грамоте»: царицу Ирину Федоровну молили не покидать «до конца» своих подданных, а оставить все, как было раньше, и указать «правити» своему брату и шурину царя Федора Ивановича («по его царьскому приказу, правил он же государь Борис Федорович»).

Главным в этот момент было показать всем, что избрание Бориса Годунова происходит не по желанию людей, а по Божьему промыслу. Важно это было и для самого Бориса Федоровича, не соглашавшегося принять царский престол. «Государев шурин и ближней приятель» в ответ на обращение и мольбы к нему был непреклонен и клятвенно, «со многими слезами и рыданием», утверждал: «Не мните себе того, еже хотети мне царьствовати, но ни в разум мой прииде о том, да и мысли моей на то не будет. Как мне помыслити на таковую высоту царьствия и на престол такого великого государя моего пресветлого царя»[480]. Действительно, не один Борис Годунов понимал, что должны быть очень веские причины для того, чтобы передать царский трон от князей Рюриковичей к боярам Годуновым. Он и сам предлагал избрать более достойного, чем он. Но ни для кого не было секретом, насколько далеки подобные предложения многолетнего правителя царства от его истинных желаний.

И здесь трудно переоценить услугу, оказанную Годунову в дни царского избрания патриархом Иовом. По словам С. Ф. Платонова, патриарх оказался «во главе временного правительства», а власть была передана ему самой царицей Ириной[481]. Патриарх Иов подготовил Земский собор, он его и открыл. Впервые за долгое время всё надлежало сделать без участия Годунова, который затворился вместе с сестрой в Новодевичьем монастыре и молился, соблюдая сорокадневный

траур по умершему царю Федору Ивановичу. Так это должно было выглядеть в глазах подданных, хотя, конечно, трудно представить, чтобы патриарх Иов не участвовал в поминальных службах и не обсуждал с Годуновым будущее овдовевшего Московского царства. Патриарх нашел в книгах Священного Писания все необходимые обоснования и освободил Бориса Годунова от ненужных клятв в том, что тот не дерзает взойти на осиротевший престол. Как и все и даже лучше других, он должен был видеть, что происходило с Борисом Годуновым. Но с патриарха был больший спрос, к нему приходили люди за советом и не сдерживались в обличениях явного стремления правителя к царскому трону: «Что, отче святый, новотворимое сие видеши, а молчиши?» — «И совесть сердца его, яко стрелами устрелено бываше и не могий что сотворити, еже семена лукавствия сеема видя»[482].

В приведенных словах можно увидеть отражение предвыборной борьбы. Борис Годунов в те дни был не единственным, на кого смотрели как на возможного претендента на царское избрание. Кроме самого Годунова, о котором ходил слух, что «он очень болен», называли имена главы Боярской думы князя Федора Ивановича Мстиславского, братьев Федора и Александра Никитичей Романовых и даже Богдана Бельского, который якобы «приехал в Москву со множеством народа, желая стать царем». Интересен и тот расклад сил, о котором сообщали информаторы оршанского старосты Андрея Сапеги, доносившего обо всем великому литовскому гетману Кшиштофу Радзивиллу. Больше всего сторонников имел Федор Никитич Романов как близкий родственник умершего царя. За него была «бблыиая часть воевод и думных дворян». У Годунова, кроме поддержки в Думе, имелось немало и других сторонников. Самое же главное, что за него «стояли» «стрельцы все» и «чернь почти вся»[483].

Дело царского избрания решили провести «всею землею», отсрочив заседание собора представителей всех чинов Московского государства «до Четыредесятницы», то есть до окончания сорокадневного траура по умершему царю, заканчивавшегося 15 февраля[484]. За это время в Москву должны были съехаться представители из разных городов — «весь царьский сигклит всяких чинов, и царства Московского служивые и всякие люди». Им предстояло участвовать в выборах нового царя или, точнее, в его «предъизбрании», потому что без явных знаков Божественного одобрения даже общего соборного признания было бы недостаточно. На соборе, по разным подсчетам, собралось около 500–600 человек, имена которых известны как из перечисления в самой «Утвержденной грамоте»,

так и из подписей («рукоприкладств») на обороте[485]. Но самое главное было в том, что на этом соборе находился и будущий царь. Мысль о том, чтобы избрать государя «мимо» боярских родов или снова призвать «варягов», даже не обсуждалась.

Основные споры у историков вызывает характер соборного представительства, относящийся к более общей проблеме законности царского избрания. В. О. Ключевский первым отнесся к Земскому собору 1598 года как к правильно избранному и показал его принципиальное новшество — «присутствие на нем выборных представителей уездных дворянских обществ». Как обычно, он выразил свою концепцию в афористичной манере: «Подстроен был ход дела, а не состав собора»[486]. С. П. Мордовина в специальном исследовании об «Утвержденной грамоте» уточнила многие детали созыва собора. Она оспорила мнение Ключевского о наличии на соборе выборного дворянского представительства и показала, что столичные служилые люди — стольники, стряпчие, московские дворяне (кроме одного чина — «жильцов») были представлены по принципу «поголовной мобилизации», а выборные дворяне из «городов» тоже служили в это время в столице[487]. Другой исследователь истории избирательного собора 1598 года А. П. Павлов все-таки склонен видеть в его составе сочетание «чиновно-должностного» и «территориально-выборного» принципов представительства[488]. В любом случае у историков нет сомнений в правомочности собора, а разговоры о попытке правителя Бориса Годунова оказывать прямолинейное давление на его решения остаются разговорами.

Земский собор с участием патриарха, освященного собора, Боярской думы и сословных представителей открылся 17 февраля 1598 года: «Февраля в 17 день, в пяток на мясопустной неделе, святейший патриарх Московский и всеа Русии велел у себя быти на соборе о Святем Дусе сыновем своим пресвященным митрополитом, и архиепископом, и епископом, и архимаритом, и игуменом, и всему освященному собору вселенскому, и боляром, и дворяном, и приказным и служилым людям, всему Христолюбивому воинству, и гостем, и всем православным крестьяном всех городов Росийского государьства»[489]. На соборе возникла единственная кандидатура — Бориса Годунова, о которой только и говорил патриарх Иов: «Мысль и совет всех единодушно, что нам мимо государя Бориса Федоровича иного государя никого не искати и не хотети».

Права Бориса Годунова на престол обосновывались, помимо всего прочего, благословением на царство, якобы полученным им от царя Ивана Грозного и его сына Федора. Обращение к авторитету прежних царей понадобилось в соборных заседаниях

для того, чтобы доказать полученное от них «соизволение» на принятие власти будущим царем Борисом. В «Соборном определении» говорилось следующее: «…тако и Бог предъизбра; на нем же бо и обоих царей благословение бысть, царево бо сердце в руце Божии, *еже цари рекоша, сие Бог благоизволи*». Позднее этот аргумент будет более подробно развит и обоснован в «Утвержденной грамоте», и акцент сделают на том, что Борис Годунов уже проявил себя как исполнитель воли и даже «сын» царя Ивана Грозного. Умирая, Иван Грозный «приказал» ему охранять «от всяких зол» царя Федора Ивановича и его царицу Ирину, что правитель и исполнил.

В первый день соборных заседаний 17 февраля 1598 года удалось договориться о «предизбранной» кандидатуре Бориса Годунова. На следующее утро, в субботу 18 февраля, начались молебны в Успенском соборе в Кремле, продолжавшиеся три дня. После них представители всех чинов пошли в Новодевичий монастырь, чтобы просить царицу-инокиню Александру Федоровну и ее брата Бориса Федоровича согласиться с «советом и хотением всея земли», поддержанным патриархом и освященным собором. Но в понедельник 20 февраля опять ничего не получилось: государыня «не пожаловала», а Борис Федорович «милости не показал же». Более того, Борис Годунов продолжал убеждать патриарха Иова, «что ему о том и в разум не придет». Конечно, это был ритуал, но ритуал необходимый. Прояви Борис нетерпение и пропусти что-то важное в этот момент, ему уже никогда не простили бы отсутствия смирения перед мнением «мира», то есть народа. Даже те, кто позднее обвинял Бориса в «похищении» престола, не могли разобраться: «хотя или не хотя воцарился правитель Борис Федорович»[490]. Но отказывая «о государьстве», Борис Годунов не отказывался «о земских делех радети и промышляти» вместе с другими боярами. Как напишет автор «Повести, как восхити царский престол Борис Годунов», «егда нарицали его царем, тогда в наречении являлся тих, и кроток, и милостив»[491]. Однако смирение Бориса Годунова было обманчиво: он продолжал деятельно работать над тем, чтобы все-таки найти путь к престолу. Даже в горе, утешая сестру, он не забывал об устроении «земного правительства тишины и мира»[492].

В Москве развернулась настоящая агитация за избрание Бориса Годунова на царство. В ход шли самые разные приемы: подкуп, лесть, увещевание, запугивание. Считается, что апофеоз предвыборных «технологий» конца XVI века случился в момент знаменитого похода москвичей в Новодевичий монастырь с целью «умолить» Бориса принять царский венец. Красочный рассказ

«Иного сказания», ставшего одним из источников «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, а вслед за ним и пушкинского «Бориса Годунова», заслуживает внимания сам по себе. В нашем восприятии этой повести, под обаянием литературного гения Пушкина, некоторые акценты сместились, и мы видим события такими, какими они переданы в исторической драме, а не в тексте памятника времен Смуты[493]. Надо помнить, что избрание Бориса Годунова на царство было делом не одного дня. В Русском государстве впервые знакомились с тем, как должно происходить царское избрание. Правитель действовал не один, а во главе целого клана своих друзей и ближайших родственников — Годуновых, Сабуровых и Вельяминовых, вполне обоснованно ожидавших для себя будущих царских милостей. Но активны были и противники Бориса Годунова, со слов которых воспроизводятся все обвинения в принуждении к выбору именно годуновской кандидатуры на царский престол. Обида бояр, проигравших Борису Годунову борьбу за трон, слышна в описании этих событий в Хронографе: «Яко же преже имел нрав лукав и пронырлив и боляр и царских синглит и велмож и властей и гостей и всяких людей прелстил ово дарми, ово любовию, а иных злым прещением, и не смеяше никто впреки ему глаголати от боляр и до простых людей, такоже той Борис… нача посылати злосоветников своих и рачителей по царствующему граду Москве, и по всем сотням, и по слободам и по всем градом Руския области ко всем людем, чтобы на государство всем миром просили Бориса». Петр Петрей тоже писал о ненависти, которую вызвала победа Годунова: «После того как Борис Годунов захватил власть после смерти Федора Ивановича, многие возненавидели его, как духовные, так и светские люди, и было много таких, которые охотно отняли бы у него власть. Но не нашлось никого, кто бы осмелился укусить эту лису. Многие отрубили бы ему голову, но никто не осмеливался взяться за топор»[494]. Русские источники тоже свидетельствуют, что «никто не сме противу его реще». Когда дело дошло до самого царского избрания, молчали даже те, кто готов был взять «скифетр Великия Росии», выпавший из рук царя Федора Ивановича: «…и сего ради и от достоинных на се не смеяху поступити народного ради изволения, чающее их от истинныя сердечныя любви, а не неволи ради»[495].

Примером антигодуновской агитации могут служить сообщенные (или сочиненные?) Львом Сапегой «речи» дворецкого Григория Васильевича Годунова, якобы выступившего на соборе с резким обличением преступлений правителя, включая убийство царевича Дмитрия. Если бы такая речь действительно была произнесена на московском избирательном соборе 1598 года, она

осталась бы одним из самых ярких памятников отечественной политической мысли на все времена. В ней очень умело были собраны все ходившие в то время обвинения в адрес Бориса Годунова, доказывающие его властолюбие. Однако постоянные отсылки автора «речи» к опыту Древней Греции и Рима, рассуждения о свойствах гражданина характерны отнюдь не для московского боярина, а скорее для представителя польской культуры. В этот так называемый «сарматский» период обсуждение примеров из античной истории было в Польше и Литве признаком хорошего тона. Автор «речи» признавал рано проявившиеся достоинства Бориса Годунова, отмеченные Иваном Грозным: «Счастье Бориса Федоровича Годунова началось еще при Иване Васильевиче Грозном… Следствия родственных связей с царским домом, недостаток здоровья, неопытность, снисхождение и простодушие наследника упомянутого государя служили для Бориса лествицею возвышения». Дальше же ставились вопросы, роковым образом звучащие для правителя Годунова: «Но как он мог пробиться сквозь ряд окружавших сияние престола особ, последнею волею Грозного определенных направлять наследственную власть Федора Ивановича к общественному благу? Каким волшебным жезлом уничтожил их преимущества, преломил их полномочие, затмил блеск добродетелей, достойных величия Рима?» В «речи Григория Годунова» показано, как его высокий родственник последовательно расправлялся с князьями Шуйскими, Мстиславскими и Воротынскими, с Юрьевыми и другими боярскими родами — князей Куракиных, князей Голицыных и Головиных. Упоминалось дело Богдана Бельского, история ливонской королевны «Марфы Владимировны» и ее дочери-ребенка, смерть которой тоже приписывалась Борису Годунову.

Много в этом памфлете говорилось и об убийстве царевича Дмитрия. Сторонников правителя обвиняли в распространении слухов о жестокости царевича: «Царевич Димитрий — живой образ отца своего, свойства коего оказывает уже в младенчестве своем: он изъявляет удовольствие, когда бьют баранов или другое какое животное; с охотою смотрит на текущую кровь, обыкновенно бьет гусей и кур палкою до смерти». Говорили о подосланных убийцах Никите Качалове и Даниле Битяговском, признавшихся в своем преступлении и за это побитых угличанами. Правда, доказательств опять не приводилось: «Ссылаюсь в этом на общее мнение, заменяющее своею важностью недостаточные в подобных случаях признаки достоверности: глас народа — глас Божий». Слезам, будто бы пролитым Борисом Годуновым, не верили: «…Борис, говорят, заплакал, получивши

весть о смерти царевича. Не диво! И Цезарь плакал над головою Помпеевою». Вместо настоящего расследования Борис отвлек всех тем, что «подкупил» крымского хана на поход в Москву и устроил пожары. Сама щедрость его по отношению к «несчастным погорелым» тоже была поставлена ему в вину.

Автор «речи» нарисовал впечатляющую картину общественного удушья, в которую погрузилась страна при Борисе Годунове: «Образ мыслей, положение умов, стремление страстей, все внутренние силы гражданского тела столько изменились, что число окровавленных жертв, падающих под ударами бесчеловечия, повседневно умножалось. Друг стал подозревать в измене своего друга, слуга клеветал на господина, сродник доносил на сродника, жена на мужа, сын на отца; исчезла в сердцах доверенность — душа общежития; законы превратились в паутину; слабые только запутывались в ней, сильные расторгали. Умеренные люди с прискорбным сердцем и сокрушенным духом взирали на гонение дознанных добродетелей, заслуженных почестей; с душевным соболезнованием смотрели на истребление лучших умов, отличных дарований; ожидали благоприятного времени; всего надеялись от перемены обстоятельств. Горе тому государству, в котором дела приняли такой вид в угождение прихотям одного!» Было замечено, что Годунов использовал для «прикрытия» своих дел суды: «Борис умел прикрывать действительные признаки самовластия священною завесою правосудия». Он подчинил себе Боярскую думу и заставил бояться всех людей: «все ненавидели самовластие его и, однако же, не смели сообщать о том мыслей друг другу; молча проклинали кровопийцу, а явно боялись говорить о нем; потому что Борис все видел, все слышал. Лазутчики служили ему вместо зрительных и слуховых труб». Не были забыты даже крестьяне, «с некоторого времени придавленные железною рукою хитреца к земле, ими возделываемой». Таким образом, неизвестный автор, доставивший сведения ко двору Речи Посполитой, выносил приговор Годунову: «Это адское чадо в продолжении целых пятнадцати лет было всего законопреступного или защитником, или свидетелем, или примером».

Все эти аргументы была призвана разбить речь защитника Бориса Годунова «окольничего Клешнева» (Андрея Петровича Клешнина). Он подтверждал, что царь Иван Грозный первым заметил и оценил таланты Бориса Годунова: «Природа украсила юного Бориса душевными и телесными качествами: его остроумие, кстати выказанное, необычайное в детских почти летах удаление от всего ребяческого, расторопность и осмотрительность его при Дворе удостоены были особенного

внимания Грозного и вкупе справедливейшего из Царей». Борис Годунов, по «словам» Клешнина, — именно тот, кто охранял наследие царя Ивана, являясь другом царя Федора Ивановича, оправдавшим его доверие, вопреки всем клеветникам: «После богатырских подвигов Грозного нужно было оградить силою ума плоды быстрых завоеваний; усилием приобретенное требует охранения самой премудрости. Иван Васильевич скончался, и любимец его стал другом наследника его. Друзья требуют доверенности; никто так много не дорожил ею, как царский свойственник; благодеяния полились рекою на достойных токмо. И действительно, правосудие не видело еще до него пред собою такого обожателя, истина подобного ему поборника, невинность ревностнейшего защитника. Государство нашло в нем неусыпного рачителя о благе общественном; в нашем отечестве явился сын славы; мы увидели в нем редкого человека: вот лествица возвышения его! О, когда бы все восходили по ней к величию! Дарования Бориса Федоровича сделались бы необходимыми условиями царствовать. Муж этот, без сомнения, пребудет единственным в наших летописях; один только можно заметить в нем недостаток: сравнившись со всеми великими мужами, до него жившими, не успел превзойти их, потому что тщеславие заставило его очень долго стоять ниже своего достоинства»[496].

То, что речь была сказана царским родственником, то, что рядом приводилась другая, оправдательная, речь сторонника Годунова, придавало видимость подлинности соборных выступлений. Правда, сам дворецкий Годунов умер еще в конце 1597 года[497]. Но густого дыма без большого огня, действительно, не бывает. Много позднее в текст Хронографа оказалось включено известие о том, что Годунов отравил своего родственника из-за противодействия планам правителя: «Такоже и от сродных своих ужика{10} своего Григорья Васильевича Годунова злоковарным своим ядовитым отравным зелием опоив, зане же много возбраняше ему, и понося в таком начинании его, яко начинаше выше меры своея, той бо и царя храняше от него крепце, но прежде незадолго государевы царевы смерти почтен бысть смертию, потом же не по мнозе времени его и царь такоже вкуси»[498]. Скорее всего враги Бориса использовали какую-то рознь Годуновых между собою («Новый летописец», напомню, выводил ее начало от событий, связанных со смертью царевича Дмитрия).

Трудно поверить и в другую описанную оршанским старостой сцену, в которой Федор Никитич Романов бросался с ножом на Бориса Годунова, «желая его убить». Произошло это будто бы из-за того, что Годунов… едва не посадил на престол самозваного

царевича Дмитрия! По словам Сапеги, «после смерти великого князя Годунов будто бы держал при себе своего друга, во всем очень похожего на покойного князя Дмитрия, брата великого князя Московского»[499]. Само по себе это интересно только тем, что идея самозванства уже витала в воздухе в 1598 году. «Письмо Сапеги, — писал С. Ф. Платонов, — свидетельствует, что обвинение в покушении на жизнь Димитрия, совместно с мыслью о самозваном воскрешении царевича, существовало уже перед воцарением Бориса и было широко пущено в оборот как средство избирательной борьбы против Бориса»[500]. Детали же самого происшествия неимоверно перепутаны. Не случайно С. Ф. Платонов назвал их «вздорной и злостной молвой», а А. А. Зимин посчитал «дебрями измышлений», впрочем, признавая, что за ними «все же вырисовывается картина придворной борьбы, которая объясняет отъезд Бориса из Москвы»[501].

То, что после Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина стали называть спектаклем, на самом деле было частью определенного общественного договора, отражавшего своеобразное представление о том, что дозволено боярской власти и какое право принадлежит «миру». С. Ф. Платонов справедливо замечал: «Можно считать окончательно оставленным прежний взгляд на царское избрание 1598 года как на грубую „комедию“»[502]. Хотя историки по-прежнему разделены в своих оценках Земского собора. А. А. Зимин считал, что не обошлось без «приемов социальной демагогии»; Р. Г. Скрынников склонен был думать, что собор «многократно менял свои формы и состав». Но, пожалуй, никто не станет спорить с оценкой собора 1598 года, данной Л. В. Черепниным: «Учредительный акт, им совершенный, — „поставление“ главы государства, — во многом определил дальнейшее направление политики России»[503]. Важнейшей особенностью собора 1598 года стало то, что он показал: государственную власть царь получает из рук «мира», от имени которого действовал патриарх с освященным собором и чье мнение выражал «совет всея земли».

Наконец, настало утро вторника Сырной (Масленой) недели, 21 февраля 1598 года, когда и решился неподобающий этому разгульному времени перед Великим постом серьезнейший вопрос о царе. Еще с утра, когда из Кремля двинулся крестный ход с Владимирской иконой Божьей Матери и другими святынями, все было по-прежнему зыбко и неопределенно. «Борисовы рачители» много дней безуспешно пытались воздействовать на царицу Ирину — инокиню Александру. Ей так и не удалось удалиться из мира, чего она хотела и что, наверное,

обещала своему супругу царю Федору Ивановичу. «Мир» доставал ее своими страстями: «И такоже докучаемо бываше от народа по многи дни. Боляре же и вельможи предстоящий ей в келии ея, овии же на крылце келии ея вне у окна, народи же мнози на площади стояше»[504]. Царица Александра Федоровна по-прежнему отказывалась и за себя, и за брата, хотя и не могла скрыть умиления и растерянности: «…и у меня на то мысли никак нет, а у брата нашего у Бориса по тому же никак мысли и хотения на то нет же, сведетель и сердца наши зрит Бог. А будет на то святая Его воля будет, яко же годе Господеви, тако и буди»[505]. Пусть те, кто хочет, обвиняют после этих слов царицу и инокиню Александру в неискренности. Однако она всей жизнью доказывала обратное. Не случайно и позднее автор «Нового летописца» приводил сказанные ею слова, не подвергая их никакому сомнению: «Отоидох, рече, аз суетного жития сего; яко вам годно, тако и творите»[506].

Оставалось просить ее снова и снова. А дальше разыгралась знаменитая сцена с молитвенным обращением к затворившейся в келье царице-инокине Александре Федоровне, чтобы та дала согласие на царствование ее брата Бориса Годунова. Автор «Иного сказания» приводит подробности некоторых избирательных приемов того времени: по его словам, во всем, что происходило в стенах Новодевичьего монастыря, не было никаких знаков Божественного промысла, но лишь издевка и скомороший выворот обстоятельств, игра в выборы, сопровождавшаяся фальшивыми слезами и демонстрацией волеизъявления по команде закулисных дирижеров: «Мнози же суть и неволею пригнани, и заповедь положена, аще кто не придет Бориса на государство просити, и на том по два рубля правити на день. За ними же и мнози приставы приставлены быша, принужаемы от них с великим воплем вопити и слезы точити. Но како слезам быти, аще в сердцы умиления и радения несть, ни любви к нему? Сия же в слез ради под очию слинами мочаше». На этом фантазия тех, кто непременно хотел склонить царицу Александру к избранию Бориса Годунова на царство, не иссякла. Автор «Иного сказания» убеждает читателей, что бояре заставили москвичей сыграть роль массовки в этом грандиозном спектакле, устроенном для одной потрясенной судьбой и обстоятельствами зрительницы: «Предстоящий же пред нею внутрь келии моляше ея преклоните ушеса, и внимати к молению народному, и прозрети на собранное множество народное и слезное их излияние и вопль прошения ради Бориса царем на Московское государство. Она же, егда хотяше на народ позрети и видети бываемая в них и егда хотяше обратитися к прозрению в окно, велможи же

предреченнии они Борисовы рачители, предстоящий ту внутрь келии, помаванием рук возвестят вне келии у окна на крылце стоящим. Они же возвестят такое же помаванием рук своих приставом у народа приставленным». Все это подчеркивало вину и ответственность людей, устранившихся от самостоятельного решения и позволивших играть собою: «…и повелевают народу пасти на землю ниц к позрению ея, не хотящих же созади в шею пхающе и биюще, повелевающе на землю падати и, востав, неволею плакати; они же и не хотя, аки волцы, напрасно завоюще, под глазы же слинами мочаще, всях кождо у себе слез сущих не имея. И сице не единова, но множицею бысть. И таковым лукавством на милость ея обратиша, яко, чающе истинное всенародного множества радение к нему и не могуще вопля и многия голки слышати и видети бываемых в народе, дает им на волю их, да поставят на государство Московское Бориса»[507].

В «Утвержденной грамоте» чувства толпы, естественно, описаны по-иному, подобающе торжественному статусу события: «…а окрест кельи, и по всему монастырю и за монастырем, все православное крестьянство всея Руския земля с женами и с детьми великий плач и рыдательный глас и вопль мног испущаху». Но ни крестный ход, ни чудотворные иконы, казалось, так и не смогут ничего изменить. Борис твердил патриарху Иову и пришедшим с ним людям: «О государь мой отец святейший Иев патриарх! Престани ты, и с тобою весь вселенский собор, и бояре, престаните от такового начинания». Он никак не соглашался принять «великое бремя, царьски превысочайший престол». Для получения согласия Бориса Годунова использовали «светские» аргументы, и патриарх Иов сослался на то, что «безгосударное» время может быть использовано врагами Московского государства и православной веры: «…и услышав о том, окрестные государи порадуются, что мы сиры и безгосударны, чтоб святая наша и непорочная крестьянская вера в попранье не была, а мы все православные крестьяне от окрестных государей в расхищенье не были».

Сначала убедили царицу и инокиню Александру Федоровну. Она произнесла требуемые от нее слова: «Даю вам своего единокровного брата света очию моею единородна суща: да будет вам государем царем и великим князем всеа Русии самодержцем». А дальше она должна была освятить своим царским саном выбор Бориса Годунова и убедить брата принять бремя царской власти. Впервые услышав слова царицы, Борис не смог удержаться и «из глубины сердца воздохнув». Такая живая деталь, приведенная в «Утвержденной грамоте», похоже, вписана в ее текст человеком, видевшим, как все происходило, своими глазами. Скорее всего

патриархом Иовом. Но если все этапы избрания Борис Годунов проходил как человек, показывая, что и ему не чужды ни страх, ни слезы, то закончил он этот день как царь, сразу и точно выразив то, что от него давно ждали: «Аще будет на то воля Божия, буди так»[508].

21 февраля 1598 года Борис Годунов был наречен на царство прямо в Новодевичьем монастыре[509]. Образцы избрания «великих царей», не имевших царского происхождения, как следовало еще из текста «Соборного определения» об избрании Годунова, изыскали «от древних писаний», найдя их «во Израили и Греческия хоругви» (то есть в Византии). Этот ряд открывали сам царь Давид, Иосиф Прекрасный, византийские императоры Константин Великий и Феодосий Великий, а также Василий Македонянин, который тоже сперва был «царев конюшей». Все эти исторические примеры должны были оправдать избрание человека «не от царьского роду» и показать, что в этом не было ничего необычного: «Не на благородство зрит Бог любящих его…» Все сомневающиеся должны были умолкнуть[510]. Торжественный въезд «Богом избранного» великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца из Новодевичьего монастыря в Кремль и молебен в Успенском соборе состоялись в Прощеное воскресенье 26 февраля 1598 года. В этом опять было много продуманного и символичного. Царь Борис Годунов начал с того, что «наедине беседовав не мало время» с патриархом Иовом, получил его благословение и просил у освященного собора прощения грехов. Его подданные, в свою очередь, тоже получили царское прощение. С самых первых шагов в Кремле Борис Годунов стал утверждать духовную преемственность полученной им власти с властью царя Ивана Грозного. Он молился перед гробами царей Ивана Васильевича и Федора Ивановича, а также царевича Ивана Ивановича, в кремлевском Архангельском соборе и просил их о небесном заступничестве: «Помолитеся и о мне, и помозите ми». Все должны были увидеть, что Борис не испытывает радости от свалившейся на него царской власти и начинает свое правление со строгой молитвы и Великого поста: «…получив же благословение и прощение к подвигу к посному, тщашеся на духовный подвиг святую четыредесятницу совершите». Борис по-прежнему не занимал царские покои и не возвращался на свой двор в Кремле, а ездил к сестре царице и инокине Александре Федоровне в Новодевичий монастырь, чтобы вместе с нею провести начало поста. Упустить эту деталь — значит, не понять очень важный духовный перелом, происходивший в то время в душе Бориса Годунова. Уединившись для молитвы в монастыре,

он как будто хотел очиститься от всех прежних прегрешений, тысячи раз повторяя слова покаянного канона Андрея Критского, открывавшего молитвы первой недели Великого поста: «Помилуй мя, Господи, помилуй мя». Не прошло это незамеченным и для летописца, записавшего, что царь Борис Федорович «приидоша из Девичья монастыря к Москве в государевы хоромы, уговев Великого поста неделю на Зборное воскресение; к царице же Александре ездиша в Новой Девичей монастырь по вся дни».

9 марта 1598 года был установлен праздник Богородицы и крестный ход, которым полагалось впредь отмечать состоявшееся избрание Бориса Годунова на царский престол. Автор «Нового летописца» писал, что «празноваху той день Пречистыя Богородицы до приходу Ростригина»[511] (то есть до захвата царского трона самозваным «царевичем Дмитрием»). 15 марта 1598 года по всем монастырям и церквям была разослана окружная грамота патриарха Иова, рассказавшая о том, что происходило в Москве со времени смерти царя Федора Ивановича и как избирали царя Бориса Федоровича. Повсюду должны были петься трехдневные молебны о здравии царской семьи и возноситься молитвы о многолетии его царствования. К патриаршей грамоте была приложена «Роспись, как Бога молити в октеньях и многолетие пети». Эта роспись вносила изменения в тексты церковных служб, связанных с упоминанием нового царя. Но царица-инокиня Александра по-прежнему поминалась на ектеньях первой: «Помолимся о благоверной царице и великой княгине иноке Александре, и о державном государе нашем благоверном и христолюбивом царе и великом князе Борисе, и о его благоверной царице и великой княгине Марье, и о благоверном царевиче Феодоре, и о благоверной царевне Ксении, и о патриархе нашем имярек (аще ли где митрополит, или архиепископ, или епископ и того и поминати)»; «о пособлении и укреплении христолюбивого воинства и вся прочая октенья по ряду»[512].

Таким образом, новый чин очень точно отражал роль царицы-инокини Александры, патриарха Иова и освященного собора в делах царского избрания. Кроме того, на церковных молебнах и службах многие подданные впервые должны были узнать не только имя нового царя, но и имена его жены и детей, что говорило о начале новой династии. В этом Борис отступил от старины. Придет время, и ему вспомнят ненужные «приклады» с упоминанием на ектеньях членов его семьи. Кощунственным покажется и то, что золотой ларец с патриаршим экземпляром «Утвержденной грамоты» об избрании на царство Бориса Федоровича поставят к мощам московского митрополита Петра в

Успенском соборе, вскрыв для этого раку чудотворца и небесного покровителя Московского государства. Хотя при самом царском избрании это, напротив, казалось особенно благочестивым и важным для подтверждения выбора, сделанного на Земском соборе.

Окончательно царь Борис Федорович и вся его семья въехали в Кремль «в свой царьской московской черьтог житии, где прежнии московские государи цари и великие князи живали», только 30 апреля 1598 года. В разрядной записи подчеркивалось, что это делалось «по благословению великие государыни царицы и великие княгини иноки Олександры Федоровны всея Руси»[513].

Серпуховский поход

Даже успешное воцарение еще не освобождало царя Бориса Годунова от необходимости доказывать, что это был не просто человеческий выбор. Пока что он оставался лишь избранным в качестве первого среди равных. Дьяк Иван Тимофеев будет намеренно подчеркивать, что Борис — «первый в Росии рабоименный царь»[514]. Но исторический спор 1598 года у своих политических противников Борис Годунов уже выиграл. Первые же решения по местническим делам князей Голицыных, разбиравшиеся еще от имени царицы Александры Федоровны, показали настоящую расстановку сил в Боярской думе. Царю Борису Годунову можно было не бороться с оппозицией, которой, по большому счету, у него и не было. Автор «Нового летописца» писал, что «князи же Шуйские едины ево не хотяху на царство», все же другие, наоборот, «чаяху от него и впредь милости, а не чаяху людие к себе от него гонения». Боярин князь Василий Иванович Шуйский явного недовольства не выказывал, его подпись стоит в «Утвержденной грамоте» сразу же за рукоприкладством главы Боярской думы князя Федора Ивановича Мстиславского. Другой князь, Дмитрий Иванович Шуйский, состоял в свойстве с Борисом Годуновым: оба они были женаты на сестрах — дочерях приснопамятного Малюты Скуратова. Князь Дмитрий Шуйский, как говорили, даже мирил Годунова с остальными боярами, когда тот отказался ездить в Думу и затворился в своем доме[515]. Но одним своим происхождением из Рюриковичей Шуйские представляли угрозу для новой династии. Так же, как другие недовольные и обойденные князья, Голицыны (из Гедиминовичей), чьих подписей как раз и нет под грамотой.

Интрига против Бориса Годунова, избранного в цари, похоже, все-таки состоялась, но она была связана с именем царя Симеона Бекбулатовича. Об этом сообщал оршанский староста Андрей

Сапега. В июне 1598 года он писал гетману Кшиштофу Радзивиллу: «Говорят, некоторые князья и думные бояре, особенно же князь Бельский во главе их, и Федор Никитич со своим братом, и немало других (однако не все) стали советоваться между собой, не желая признать Годунова великим князем, а хотели выбрать некоего Симеона, сына Шугалея, Казанского царевича, который живет в Сибири, далеко от Москвы». В Литве всё напутали, кроме имени Симеона, наследовавшего когда-то своему старшему родственнику, касимовскому царю Шахали (Шигалею). Борис Годунов на это будто бы отвечал, что «враг уже в земле», имея в виду угрозу нашествия крымского царя: «Пока вы к тому дойдете, смотрите, чтобы вы царства не погубили и чтобы язычники не овладели им»[516]. В этом случае важна сама мысль о возможном воцарении Симеона Бекбулатовича, а не искаженные до неузнаваемости детали дела (например, с происхождением и тогдашним местопребыванием кушалинского затворника, так и не узнавшего сибирской ссылки). Возможно, что в основе слуха лежало дело об извете, поданном Борису Годунову на царя Симеона. В нем говорилось, будто Симеон, «приехав к Москве, хотел тебе, государю, смерть учинити. И думал он же… изменою отъехати в Крым и в Нагае, и в Литву»[517]. Вопреки всему, доводчик не был пожалован, хотя само дело могло иметь разные последствия и отразиться на изменении положения царя Симеона Бекбулатовича. Это, в свою очередь, могли связать с продолжавшейся борьбой за власть.

В итоге Годунов отложил венчание на царство и подверг себя еще одному испытанию. Во главе всей государевой рати он отправился в поход в Серпухов для борьбы с крымским царем. Однажды, в 1591 году, слава победителя «безбожных агарян» и ревнителя православной веры уже помогла укрепиться Борису Годунову как правителю государства. Теперь ему было важно повторить свой успех. В одной из разрядных книг сохранились слова, произнесенные им в ответ на предложение сначала венчаться на царство, а потом идти воевать против крымского царя: «Ныне яз, прося у Бога милости и у Пречистыя его Матери, и у великих чюдотворцов, хочю итти с Москвы на Берег против своего недруга крымскаго царя Казы-Гирея. И нечто милосердый Бог смилуется, а желанное свое получю, и яз тогды венчаюсь царьским венцом»[518].

Главными воеводами полков были назначены служилые татарские царевичи Арасланалей Кайбулович, «казацкие орды» Ураз Магмет (через два года Борис Годунов посадит его на касимовское царство), сибирские, «шеморханские», «юргенские»

царевичи, а также «волошские воеводичи» (один из них, Степан Александрович, будет пожалован боярством и станет в местническом отношении выше остальных бояр). Их роль в Серпуховском походе скорее была почетной; рядом с ними на воеводство были поставлены настоящие воеводы из первых лиц Думы — князь Федор Иванович Мстиславский, князь Василий Иванович Шуйский, князь Тимофей Романович Трубецкой, князь Иван Иванович Голицын. Дворовыми воеводами самого Бориса Годунова стали боярин Федор Никитич Романов и его брат кравчий Александр Никитич Романов[519] — что, между прочим, противоречит версиям о их конфликте с новым царем. Выходя в поход, царь Борис Федорович должен был провести смотр всего войска. Обычно перед выступлением на войну воеводы получали жалованье. Щедрые выплаты, на которые и раньше не скупился Борис Годунов, еще больше привлекли служилых людей на его сторону. Статья «О походе в Серпухов царя Бориса» вошла потом в «Новый летописец», что также свидетельствует о значимости этого события в истории начала царствования Бориса Годунова: «Того же году после Велика дни, не венчался еще царским венцем, пошол в Серпухов против Крымского царя со всеми ратными людми; и приде в Серпухов и повеле со всее земли бояром и воеводам с ратными людми идти в сход, и подаяше ратным людем и всяким в Серпухове жалование и милость великую. Они же все видяше от него милость, возрадовались, чаяху и впредь себе от него такова жалованья»[520].

Серпуховский поход длился недолго. Царь пришел к месту назначения 11 мая[521], «и шатры свои государевы велел поставити на лугу на реке на Оке». По сообщению разрядной книги, «и после тово как пришел с Москвы государь, привезли с Москвы полотняной город и поставили его круг шатров. А шатры стали в городе»[522]. Об этом же стоянии полка Бориса Годунова «не в Серпухове, на лугах у Оки реки» упоминал автор «Нового летописца»[523]. В первые же дни Борис успел многое сделать: распределил силы берегового разряда, отправил «плавную» рать, просмотрел «засечные чертежи» и отправил силы на помощь воеводам у калужских, тульских и рязанских засек. Очень интересно наблюдать за царем Борисом в это время. По сути, то были самые первые, в масштабах всего государства, публичные царские действия. И он никому не дал усомниться в том, «кто теперь в доме хозяин».

Царь Борис Годунов еще соблюдал условности переходного периода, сложившегося после смерти царя Федора Ивановича, и продолжал свой совет с патриархом Иовом и освященным собором. Вспоминал он и о царице-инокине Александре

Федоровне. От патриарха Иова Борис Годунов получил благословение «итти против своего недруга и всего хрестьянства супротивника крымского Казигирея царя». Из его переписки с патриархом Иовом и освященным собором выясняются детали похода. Оказывается, что достоверных сведений о том, что собирался делать крымский царь Казы-Гирей со своей армией, не было. Об угрозе крымского похода на «государеву украйну» сообщали посланник Леонтий Лодыженский, «выходцы» из татарских улусов и донские казаки. В Крыму, конечно, знали об изменениях на престоле Московского государства и думали о том, чтобы использовать русскую «замятию» в своих целях. Ссылка на это есть в одном из посольских наказов, характеризовавших отношения царя Бориса Годунова с крымским ханом: «…и Крымской Казы-Гирей царь правду был свою порушил и хотел на государя нашего землю наступити, и приходил по ссылке Турского салтана на украинные места, а чаял того, любо какая рознь учинитца в государя нашего государстве»[524]. Однако благодаря решительности царя Бориса Федоровича войне предпочли обмен посольствами.

2 июня 1598 года было получено новое сообщение Леонтия Лодыженского о возвращении его из Крыма с посланником Казы-Гирея. Лодыженскому приказали ехать «вскоре наперед крымского посланника». В Серпухове Борис Годунов расспросил его «про все свое государево дело» и организовал грандиозную встречу крымского посланника Алея-князя, приказав всему войску быть к Серпухову 27 июня.

У крымцев не должно было остаться сомнений относительно силы русского войска. Встреча дипломатов из Крыма в походных шатрах рядом с Серпуховом давала немалые преимущества. Накануне переговоров, состоявшихся в день Петра и Павла 29 июня 1598 года, царь Борис Годунов приказал всю ночь стрелять на всех станах. После такой подготовки крымского посланника и его свиту ждала еще одна демонстрация силы: они должны были несколько верст ехать в окружении вооруженного войска: «И поставиша пеших людей с пищалми от стану государева до станов крымских на семи верстах, а ратные люди ездяху на конех». Это произвело на послов должное впечатление: «…Послы ж видяху такое великое войско и слышаху стрелбу, велми ужасошася и приидоша ко царю и едва посолство можаху исправити от такие великие ужасти»[525]. Дальше этого дело не пошло, цель Бориса Годунова состояла отнюдь не в том, чтобы запугать послов и дать повод к войне. Представителей крымского царя принимали со всеми положенными почестями и жалованьем, в Бахчисарай послали многие дары. Мирное решение дела

позволило распустить войско. Уже на следующий день после переговоров, 30 июня 1598 года, в разрядной книге записали: «А рать свою государеву конную и судовую, и тотар, и немец, и литву, и всяких людей велел государь отпустити из Серъпухова по домом»[526].

Поскольку более серьезного врага, чем Крымская Орда, у Московского государства тогда не существовало, постольку и весь серпуховский маневр Бориса Годунова был воспринят как великий успех. Победа без боя над крымским царем убедила сомневающихся, заставив их склонить голову перед царем Борисом Федоровичем. Даже авторы, писавшие о всевозможных прегрешениях Годунова, при описании того, как «вместо брани бысть мир» с крымским царем, меняют свой тон и переходят на панегирик русскому самодержцу, превратившемуся из «нареченного» в настоящего царя: «…и оттоле возвратися царь Борис в царствующий град Москву честно, и сретоша его всенародное множество, мужие и жены, и пришед, возложи на ся царьский венец и помазася миром, да царствует над людми. И потом утвердися рука его на Всеросийския власти и нападе страх и трепет на вся люди, и начаша ему верно служити от мала даже и до велика»[527]. Вторили этой оценке и иноземцы. Приехавший на службу к царю Борису Годунову французский капитан Жак Маржерет писал: «Россия никогда не была сильнее, чем тогда»[528].

Продолжавшийся во время Серпуховского похода обмен грамотами между царем Борисом Годуновым и патриархом Иовом оказался важен еще и потому, что в нем впервые была обоснована «идеологическая» программа нового царствования. Москва становилась не «третьим Римом», а «новым Израилем». Патриарх Иов ободрял царя в предпринятом им подвиге самыми высокими словами: «…Всемилостивый Господь Бог избра тебе государя нашего, якоже древле Моисея и Исуса и иных свободивших Израиля, тебе же да подаст Господь свободителя нам, новому Израилю, христоимянитым людем, от сего окаянного и прегордого хвалящагось на ны поганого Казыгирея царя». Патриарх доказывал «богоутвержденность» царской власти пророчествами и образцами из Священного Писания, следуя которым должен был царствовать Борис Годунов: «Богом утвержденный Царю! Напрязи, и спей, и царствуй, истины ради и кротости и правды, и наставит тя чудно десница твоя, и престол правдою и кротостию и судом истинным совершен есть, и жезл силы пошлет ти Господь от Сиона»[529]. Все эти наставления патриарха Иова не будут забыты, и основные мысли его посланий будут использованы при венчании Бориса Годунова на царство.

Замысел о царстве

В воскресенье 3 сентября 1598 года началось настоящее царствование Бориса Годунова. «Новый летописец» писал, что венчание царя Бориса на царство произошло «на сам Семен день», то есть на самое начало нового года, приходившееся, по принятому в Московском государстве счету лет от Сотворения мира, на 1 сентября 7107 (1598) года[530]. На самом деле этот день только открывал многодневные торжества. 1 сентября Борис Годунов снова был в Новодевичьем монастыре у своей сестры царицы и великой княгини инокини Александры Федоровны. Туда же приехали патриарх Иов с освященным собором, члены думы и двора, приказные, служилые, торговые люди, в общем, как сказано в известии разрядной книги, «весь московский народ». Повторялось все, что происходило в феврале, — только уже без тревоги неопределенности и разговоров о разных кандидатах на трон. Начиналась царская весна Бориса Годунова, по его собственной воле перенесенная на осенний день празднования новолетия. И снова царицу Ирину «молили с великими слезами», убеждая ее, чтобы она дала разрешение на венчание брата «царьским венцем». Все это она «прилежно» проговорила Борису Годунову, и избранный царь «народу свое жалованное слово сказал, что он великий государь хочет венчаться царьским венцем»[531].

Венчание на царство в Успенском соборе в Кремле 3 сентября 1598 года «на паметь свещенномученика Анфима, епископа Никомедийского», стало великим триумфом Бориса Федоровича, превращавшегося из правителя, или даже «нареченного» царя, в «Богом избранного» царя и самодержца, основателя новой династии на русском престоле. Сохранился «Чин и устав поставлению царьскому», согласно которому вся церемония сознательно приближалась к византийским образцам. Впервые в русской истории Годунова, как некогда византийских императоров, венчал на царство один из вселенских патриархов. Это было подчеркнуто литургическими особенностями обряда венчания на царство: произнесением особой молитвы, вторичным возложением шапки Мономаха после миропомазания[532]. Из торжественных речей, которые произносили в Успенском соборе царь и патриарх, можно узнать, как двигался по ступеням избрания Борис Годунов. В своей речи бывший правитель вспоминал, что царь Федор Иванович завещал «избрати на царьство и на великое княженьство Владимерское, и Московское, и Новгородское, и всея великия Росии, кого Бог благоволит»; то же самое сделала царица и великая княгиня Ирина Федоровна,

принявшая «иноческий чин». А дальше патриарх Иов, освященный собор и все чины избрали «меня Бориса», после чего все они били челом и царице-инокине Александре и ему самому. «Государыня благочестивая царица и великая княгиня инока Александра, по вашему прошению, вас пожаловала, а меня благословила и повелела быти царем и великим князем», — говорил патриарху Иову венчавшийся на царство Борис Федорович. После этого царь просил совершить обряд венчания: «И ты б, отец наш, на те великия государьства, по Божией воле и по вашему избранию, меня благословил, и помазал, и поставил, и венчал тем царьским венцем, *по древнему царскому чину* (выделено мной. — *В. К.*), на великое государьство Владимерское и Московское и Новгородское»[533].

Патриарх Иов, исполнив положенный обряд, нарек Бориса Годунова царем: «И отныне, о Святем Дусе государь и возлюбленный сыну Святыя церкви и нашего смирения, Богом возлюбленный, Богоизбранный, Богом почтенный, *нареченный и поставляемый от вышняго промысла*, по данней нам благодати от Пресвятого и Животворящего Духа, се от Бога ныне поставляешися, и помазуешися, и нарицаешися князь великий Борис Феодорович, Богом венчанный царь, самодержец всея великия Росии». Заканчивалась речь патриарха Иова к царю Борису Федоровичу поздравлениями и наставлениями: «…да судиши люди твоя правдою и нищих судом истинным, да возсияет во днех твоих правда и множество мира»[534].

В самый торжественный момент своей коронации Борис Годунов уже думал о будущем, его сын и наследник был рядом с отцом. Сначала царь Борис Федорович «слушал в царьском венце» обедню в Успенском соборе, а потом, когда он появился в дверях храма, то все собравшиеся на Соборной площади должны были увидеть, как маленький царевич Федор «осыпал государя золотыми». Затем все повторилось, когда царь Борис Федорович ходил молиться в Архангельский собор у гробов Ивана Грозного, царевича Ивана Ивановича и царя Федора Ивановича. Снова «в дверех осыпал государя царя золотыми сын ево царевич князь Федор Борисович всея Руси». Третий раз торжественный обряд повторился на переходе из Благовещенского собора «в царьские хоромы», когда Борис Годунов шел «Золотою лестницею подле Грановитай палаты». Там должен был состояться праздничный «стол», куда был приглашен патриарх Иов с освященным собором, вся Дума и множество других людей. Но всем им пришлось ждать, когда царь Борис Федорович исполнит еще один долг. Из своих царских хором он немедленно поехал в Новодевичий монастырь, чтобы первой «сказати свое царьское венчание» своей сестре,

отдавшей высшую власть брату[535].

Конечно, весь жизненный путь вел Бориса Годунова к этой минуте, но навсегда останется загадкой, в какой мере он сам направлял события, и не пришлось ли ему переступить роковую черту смертного греха ради достижения «высшей власти». Вопросы эти по-прежнему не давали покоя современникам. Но пока, утвердившись на царском престоле, царь Борис Годунов получил возможность управлять так, как он хотел, и строить то, что ему виделось самым подходящим для царствующего дома Годуновых. Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын оставил в «Сказании» свидетельство о том, как во время царского венчания, посреди самой литургии, Борис Годунов не удержался от нахлынувших чувств. Царь пообещал последнюю рубашку отдать подданным для их благополучия: «Венчеваему же бывшу Борису рукою святейшаго отца Иева, и во время святыя литоргия стоя под того рукою, — не вемы, что ради, — испусти сицев глагол, зело высок и богомерзостен: се, отче великий патриарх Иов, Бог свидетель сему: никто же убо будет в моем царьствии нищ или беден! — И тряся верх срачицы на собе и глаголя: и сию последнюю разделю со всеми!»[536] Вот беда: невозможно было отличить, где правда, а где ложь в действиях царя; всё списывали на лицемерие и лукавство, якобы глубоко проникшие в его душу. Даже там, где Годунов был искренен, знающие своего правителя люди искали в его действиях скрытую выгоду. Очень скоро, когда в Московском государстве разразится небывалый голод, трагические обстоятельства позволят проверить эти слова о «срачице» и убедиться в том, что Борис Годунов умел быть действенным и в добре. Но рок благих намерений, прямиком ведущих в невыдуманный ад жизни, будет преследовать уже не правителя, а царя до конца жизни.

Торжества коронации царя Бориса Федоровича растянулись на целую неделю. Борис Годунов продолжал раздавать жалованье и привлекать людей на свою сторону. Конрад Буссов писал в «Московской хронике», что «по окончании церемонии коронации, когда царя вывели из церкви, в народ бросили много денег»[537]. Праздничный стол, одним концом «начинавшийся» в Грановитой палате, другим — «выходил» на Соборную площадь, в Кремле пировали повсюду: «А ели во многих полатех и по крыльцом, и на площеди. Сентября с третьего числа до десятого дни сентября ж во все дни были болшие столы також, как и на первой день»[538]. Голландский купец Исаак Масса тоже оставил известия об этом запоминающемся пире: «В Кремле, в разных местах, были выставлены для народа большие чаны, полные сладким медом и пивом, и каждый мог пить сколько хотел, ибо для них

наибольшая радость, когда они могут пить вволю, и на это они мастера, а паче всего на водку, которую запрещено пить всем, кроме дворян и купцов, и если бы народу было дозволено, то почти все опились бы до смерти; но довольно о том писать, ибо сие не относится к предмету нашего сочинения».

Царь «на один год вдруг три жалованья велел дать». Пораженные такой щедростью иностранные наблюдатели разъяснили смысл сделанных пожалований: «Во время всеобщей радости царь приказал выдать тройное жалованье всем высшим чинам, дьякам, капитанам, стрельцам, офицерам, вообще всем, состоявшим на государственной службе. Одна часть жалованья выдана была на поминовение усопшего царя, называлась она *Pominania*, то есть память, другая — по случаю избрания царя, третья — по случаю похода и нового года, и все по всей стране радовались, ликовали и благодарили Бога за то, что он даровал им такого государя, усердно творя за него молитву во всех городах, монастырях и церквях»[539]. По сведениям Конрада Буссова, «все вдовы и сироты, местные жители и иноземцы были от имени царя наделены деньгами и запасом, то есть съестным. Все заключенные по всей земле были выпущены и наделены подарками. Царь дал обет в течение пяти лет никого не казнить, а наказывать всех злодеев опалой и ссылкой в отдаленные местности»[540].

С царским венчанием и другими крупными праздниками обычно была связана раздача новых чинов. «Многим дал боярство, — как записал «Новый летописец», — а иным околничество, и иным думное дворянство, а детей их многих в столники и в стряпчие, и даяше им жалование велие, объявляясь всем добр»[541]. Действительно, по случаю царского венчания, боярами стали князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, Александр Никитич Романов, князь Андрей Васильевич Трубецкой, князь Василий Казы Карданукович Черкасский, князь Федор Андреевич Ноготков-Оболенский, а первый думный чин конюшего перешел к боярину Дмитрию Ивановичу Годунову. Еще несколько Годуновых — Никита Васильевич, Семен Никитич, Степан Степанович и Матвей Михайлович — были пожалованы в окольничие; тот же чин достался одному из братьев Романовых, Михаилу Никитичу, и оружничему Богдану Яковлевичу Бельскому, попавшему наконец-то в Думу{11}. Окольничими стали также князь Василий Дмитриевич Хилков из рода Стародубских князей и принадлежавшие к родам старомосковского боярства Михаил Михайлович Кривой Салтыков и Фома Афанасьевич Бутурлин. В первые дни царствования у Бориса Годунова появился также новый казначей — Игнатий Петрович Татищев,

некоторое время спустя его сын ясельничий Михаил Игнатьевич Татищев был пожалован в думные дворяне. Чин кравчего достался Ивану Ивановичу Годунову (вместо произведенного в бояре Александра Никитича Романова), а чин дворецкого в декабре 1598 года перешел к боярину Степану Васильевичу Годунову[542].

А. П. Павлов заметил, что «по случаю своей коронации царь Борис жалует думными чинами своих противников — Романовых и Бельского»[543]. Это может свидетельствовать о попытках примирения Бориса Годунова с теми, кто еще недавно готов был «похитить» у него престол. Однако еще перед избранием на царство царь Борис Федорович успел «поставить на место» Романовых и тех, кто их поддерживал. 21 июля 1598 года состоялось необычное местническое челобитье князя Федора Андреевича Ноготкова «во всех Оболенских князей место». Оно последовало после победного Серпуховского похода и стало запоздалой попыткой оспорить служебные назначения «берегового» разряда. Челобитчик обвинял своего родственника князя Александра Андреевича Репнина-Оболенского в том, что тот не бил челом «о местах» на боярина князя Ивана Васильевича Сицкого по причине дружеских отношений с этим ярославским князем, а также с Федором Никитичем Романовым: «И князь Олександро Репнин, дружася со князем Иваном Ситцким, и угожал Федору Никитичу сыну Романову, потому что Федор Романов и князь Иван Ситцкой, и князь Олександр Репнин меж собою братья и великие други». Возмущение князя Федора Ноготкова вызвала прежде всего угроза «порухи и укора» князьям Оболенским от «ево роду Федора Романова и от иных от чюжих родов». Борис Годунов согласился с этой челобитной и велел, как и просил челобитчик, записать в разряде, что служебное назначение случилось «по дружбе»[544]. Услуга князя Федора Андреевича Ноготкова-Оболенского в осуществлении антиромановской интриги не была забыта, и его имя мы видим среди первых пожалованных бояр при воцарении Бориса Годунова.

Очевидно, что Борис Годунов укреплял Думу своими родственниками и преданными людьми. Хотя А. П. Павлов, исследовав состав Думы в годы царствования Бориса Годунова, предостерег от того, чтобы считать представительство Годуновых в Думе «чрезмерным». Важно было не только появление в Думе того или иного лица, но и соответствие этого высокого назначения заслугам всего рода, а также соблюдение неписаных норм представительства знати. С этой точки зрения было все в порядке, в Думе продолжали присутствовать князья Рюриковичи

и Гедиминовичи: Мстиславские, Шуйские, Голицыны, Куракины и Трубецкие, служилые князья Черкасские, представители старших ветвей князей Ростовских, Ярославских, Оболенских и Стародубских. Справедливость в отношении пожалований в Думу соблюдалась и другим образом, понятным тем, кто изучал психологию русской аристократической элиты конца XVI — начала XVII века. «Любопытно, — пишет А. П. Павлов, — что представители царствующего рода входят в Думу через окольничество, как второстепенная служилая знать». «В служебно-местническом отношении» Годуновы, по замечанию исследователя, «по-прежнему оставались ниже первостепенной княжеско-боярской знати»[545]. Борис продолжал управлять процессом создания угодной ему Боярской думы, но он был далек от мысли о том, чтобы немедленно разогнать ее и посадить туда одних Годуновых или держать в своем правительстве только угодных ему лиц. Согласие в верхах было необходимым условием правления, поэтому Борис Годунов, как и любой другой московский царь, был обречен на поиски компромисса. Конечно, что не у всех хватало изощренного ума сдерживать претензии и гордыню думных бояр, чувствовавших свое право сопротивляться царским указам, когда речь шла о чести рода. Будущее должно было показать, удалась ли в итоге новая расстановка лиц в Думе, предпринятая царем Борисом Годуновым сразу же после своего избрания на царство.

14 сентября 1598 года была отправлена окружная грамота по городам, и подданные должны были разделить радость царя Бориса Федоровича. Во всем государстве три дня с момента получения грамот пелись молебны «с звоны»[546]. Дальше, по заведенному порядку, подданные должны были присягнуть на верность новому царю. В крестоцеловальной записи все клялись слушаться того приказа, которым царица-инокиня Александра Федоровна передала власть своему брату, и хранить верность семье царя Бориса Годунова, его царице Марье с детьми царевичем Федором и царевной Ксенией (Оксиньей). Наряду с обычными формулами повиновения и сохранения верности царю во всех делах, в крестоприводной записи содержался пространный вводный раздел, обозначавший главные государственные преступления, связанные с «ведовскими мечтаниями» и «волшеством».

В текст присяги была внесена клятва, уничтожавшая возможные претензии на престол царя Симеона Бекбулатовича. Этим была устранена любая, даже гипотетическая, возможность приведения к власти жившего на покое потомка ханов Золотой Орды. С. Ф. Платонов, говоря о попытках Романовых использовать

царя Симеона в борьбе с Годуновым, даже предположил, что потребовалась другая присяга (кроме принесенной в феврале после царского избрания). «Большую запись» или первую присягу повторяли и подтверждали клятвой уже на соборном заседании 9 марта 1598 года, созванном в связи с началом «скифетродержавствия» Бориса Годунова[547]. В сентябре в нее, видимо, был внесен новый пункт о царе Симеоне Бекбулатовиче, и царю Борису Федровичу снова клялись в верности, но уже как венчанному царю[548]. Не в правилах Бориса Годунова было оставлять без внимания любую династическую опасность, даже если в основе ее лежал неправедный «довод» или всего лишь слух.

Серьезнейшим преступлением по крестоприводной записи считался также отъезд от государя в другие земли. На это был наложен строгий запрет: «ни к Турскому, ни к Цысорю, ни к Литовскому к Жигиманту королю, ни ко Францовскому, ни к Чешскому, ни к Дацкому, ни к Угорскому, ни к Свескому королю, ни в Ангилею, ни в иные ни в которые Немцы, ни в Крым, ни в Нагаи, ни в иные ни в которые государьства не отъехати, и лиха мне и измены никоторыя не учинити»[549].

Заботу Бориса Годунова об особом молитвенном почитании новой власти и создание им для себя нового текста «государевой чаши» (особой здравицы с поминанием царя, произносившейся в застолье) отметил автор Хронографа: «И паки состави о себе к Богу молитву мудрыми слагатели и написа и предаст еже на трапезах и вечерях за чашами о нем и о его роде Бога молити». Каждый, кто возглашал царское «здравие» в своих палатах, обязательно должен был проговорить, что Борис Годунов «богоизбранный царь». В тексте заздравной «чаши» содержалось пожелание о том, чтобы «его царская рука высилася и имя его славилося от моря и до моря, и от моря до конец вселенныа надо всеми недруги его к чести и повышению его царского величества имени»[550].

Два первых года царствования Бориса Годунова оказались лучшим временем его правления. Обстоятельства благоприятствовали ему, страна успокоилась и признала нового царя. Не возникло сложностей и с признанием его царского титула прежними союзниками, для извещения которых были отправлены специальные посольства. В мае 1600 года в наказе послу Григорию Микулину, отбывавшему в Англию, весь процесс передачи власти Годунову от умершего царя Федора Ивановича был описан во вполне устоявшихся формулах. Все происходило «по Божией воле и по его царскому приказу и по благословению сестры нашие, великие государыни благоверные и христолюбивые

царицы великой княгини иноки Александры Федоровны всеа Русии, и по челобитью и по прошенью святейшаго Иова, патриарха Московскаго и всеа Русии, и митрополитов, и архиепископов, и епископов, и всего освященного вселенского собора; также царей и царевичей и многих государских детей розных государств, которые ныне под нашею царскою высокою рукою нам служат; и бояр наших и околничих, и князей, и воевод, и дворян, и приказных людей и детей боярских, и всяких служилых людей всех государств Росийского царствия; и гостей и всего народа крестьянского». Здесь перечислены все, кто согласился и принял Бориса Годунова как своего царя: вдова царя Федора Ивановича, патриарх с «вселенским» собором, «царевичи», участвовавшие в Серпуховском походе, члены Боярской думы, все служилые «чины», приказные судьи, гости и весь народ. Именно поэтому царь Борис Федорович «по древнему обычаю» учинился «самодержцом и венчался царским венцом и диадимою» и принял «скифетро Росийского царствия»[551].

Как именно управлять страной после многих лет фактического правления, не представляло для Бориса Годунова никакого секрета. Просто теперь, став царем, он действовал решительнее, без всякой оглядки на тех, кто мог не соглашаться с его решениями. И он сделал так, чтобы никто не остался без его благодеяний. Кроме упоминавшегося расширения состава Боярской думы, увеличения жалованья служилым людям, были приняты и другие меры. Для патриарха и всего духовного чина, сыгравшего особую роль в избрании Бориса Годунова на царство, настало время подтверждения прежних льгот и получения новых. Царь Борис Федорович отменил ограничительные постановления о «тарханах», принятые на соборах последних лет царствования Грозного царя. Множество иммунитетных грамот, «подписанных» на имя царя Бориса, долгое время сохранялось в архивах епархий и монастырей[552].

1 апреля 1599 года царь Борис Годунов издал указ, «как ему, государю, своего дела и земскова беречи от крымские украины». Он решительно изменил порядок назначения на службу в полки, ежегодно весной выдвигавшиеся по линии городов на юго-западе и юго-востоке государства для защиты столицы от возможных набегов крымского царя. Царь отказался от прежнего порядка организации полков, с помощью которого он одержал свои «серпуховские» победы. Отныне распределение полков «берегового» разряда в Серпухове, Алексине, Калуге, Коломне и Кашире уходило в прошлое («а на берегу вперед розряду не быть»). Новый царь почувствовал себя в силах отодвинуть передовую линию дальше от Москвы. Со времени указа 1599 года

центром сбора нового Украинного разряда стала Тула, где располагался Большой полк. Передовой полк назначался в Дедилов, а сторожевой — в Крапивну. Главное преимущество такой системы состояло в том, что центром сбора войск становился город, имевший — в числе немногих — каменные укрепления. Кроме того, тульские оружейные мастера получили неиссякаемый рынок сбыта за счет заказчиков, каждое лето тысячами съезжавшихся на службу в полки поместной конницы. Позднее распределение полков Украинного разряда было подкорректировано. Появилось его разделение на «Большой разряд» и собственно «украинный разряд». По-прежнему Большому полку велено было быть на Туле, полк «правой руки» стоял в Крапивне, полк «левой руки» — в Веневе, передовой полк остался в Дедилове, а сторожевой поставили в Епифани. Большой, передовой и сторожевой полки «украинного разряда» перемещались еще дальше на линию Мценск — Новосиль — Орел[553].

В 1600 году началось «посадское строенье» в Московском государстве. Многие жители городов и купцы, торговавшие в городах различными товарами, страдали от конкуренции со стороны живших на посадах крестьян привилегированных землевладельцев и монастырей. Царь Борис стремился упорядочить уплату налогов, переводя таких «беломестцев» на посаде в «черные», то есть тягловые, сотни. Именно со времени его царствования стало понятно, кого считать горожанами и каковы «признаки городского сословия»[554]. Такими признаками стали «посадская старина», длительное проживание на посаде или родство с городскими жителями, наличие в городе торга и промысла.

Царь Борис Федорович стремился упорядочить статус холопов в Московском государстве, так как многие свободные люди «по старине» служили добровольно в слугах у тех, кто их мог прокормить[555]. Все это создавало угрозу для войска, основанного на принципе набора «поспевавших» в службу дворянских недорослей. Какая же выгода такому пятнадцатилетнему сыну боярскому начинать полную опасностей и превратностей воинскую службу, если есть возможность более сытного существования в крупных боярских и княжеских дворах? В последующем такие холопы из уездных детей боярских служили на административных должностях в крупных «боярщинах». Именно с этого времени принимаются специальные административные меры, которые под угрозой наказания вплоть до смертной казни запрещают верстание в дети боярские, то есть служилые люди «по отечеству», детей, братьев, племянников тех,

кто не имел права служить в полках поместной конницы: «…и всяких холопей, и стрельцов, и казаков, и крестьянских, и стрелецких, и казацких детей и всяких неслужилых отцов детей одноконечно не верстать»[556]. Добровольных же холопов нужно было перевести на положение кабальных, что сильно понижало их статус в обществе.

Словом, политика царя Бориса Годунова в начале его царствования действительно сделала его популярным и привлекла к нему подданных. Даже те, кто потом «прозрел» и стал обвинять царя во всех мыслимых и немыслимых грехах, не могли скрыть того, что в Москву пришла пусть короткая, но все-таки эра благоденствия. «Двоелетнему же времяни прешедшу, — писал келарь Авраамий Палицын в своем «Сказании», — и всеми благинями Росия цветяше. Царь же Борис о всяком благочестии и о исправлении всех нужных царьству вещей зело печашеся, по словеси же своему о бедных и о нищих крепце промышляше и милость к таковым велика от него бываше, злых же людей лют изгубляше, — и таковых ради строений всенародных всем любезен бысть»[557]. Об этом же говорил в своей «Повести» князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский: «И потом утвердися рука его на всем Московском царстве, и нападе страх и трепет велий на вся люди, и начата ему верно служити от мала даже и до велика»[558].

Царь Борис Федорович оживил дипломатические контакты. Все иностранные державы давно привыкли иметь с ним дело — еще с тех пор, когда он был только «лордом-правителем» для западных дипломатов и «большим визирем» для восточных. В первые же годы царствования был осуществлен обмен посольствами с императором Священной Римской империи, Англией и другими странами. Английские торговые люди, которых представлял Иван Ульянов (Джон Меррик), получили подтверждение права на беспошлинную торговлю и новую грамоту, уже за «золотою печатью», отвезенную королеве Елизавете I[559]. Как писал о годуновском царствовании тот же князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, «и подаде ему Бог время тихо и безмятежно от всех окрестных государств, мнози же ему подручны быша, и возвыси руку его Бог, яко и прежних великих государей, и наипаче»[560].

Царь Борис Годунов набирал на службу иностранцев — докторов, рудознатцев, «которые знают находити руду золотую и серебряную», часовых дел мастеров. Он понимал, что могло привлечь их к нему, и потому смело зазывал в Московское государство только лучших специалистов, зная, что нигде в мире их не могли пожаловать таким сказочным богатством, как это

делал русский царь. Уже в декабре 1598 года царь писал английской королеве Елизавете I об отпуске из ее государства «дохторов», «оптекарей», «мудрых и мастеровых людей». Однако добраться до Московского царства оказалось не так-то просто. Один из английских докторов, вынужденный оставить в дороге все свои снадобья и книги, объяснял в Посольском приказе: «Нас, дохторов, к Москве нигде не пропускают»[561].

Особенно выделял Борис Годунов контакты с Любеком, одним из городов древнего торгового Ганзейского союза. В наказе Роману Бекману, отправленному 24 октября 1600 года в Любек «к бурмистром, и к ратманом, и к полатником», говорилось о том, чтобы разыскали и наняли на службу доктора Ягана Фазмана. Посланец царя должен был прежде всего разузнать: «каков он к дохтурскому делу с иными дохторы, гораздо ли навычен, и кто иных дохторов есть в Любке навычных, и есть ли того дохтора Ягана к дохторскому делу лутче или он изо всех лутчей? Да будет он лутчей и Роману об нем и говорить; а будет иные дохторы в Любке есть горазде его, и Роману по тому буймистром, и ратманом и полатником говорити, которой дохтор лутче, того б ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу все Русии и послали». Действительно, после этого несколько докторов из Любека, Риги и Кёнигсберга приехали к царю Борису Годунову и составили небольшую, но привилегированную колонию царских медиков. «Немцы» в борьбе за места на придворной службе потеснили даже англичан. Приехавшие вместе с возвратившимся из Англии посланником Григорием Микулиным несколько серебряных дел мастеров вынуждены были уехать на родину летом 1602 года. Вопреки обещаниям, они получали только обычный корм и в итоге оказались «наги и босы». И всё по причине того, что, как им объяснили, их служба оказалась не нужна: у царя Бориса Федоровича «немец мастеров и золотых и серебряных гораздо много»[562]. Рассказали Борису Годунову и про жившего в Любеке некоего часовника, «родом агличенина», у которого предлагалось сторговать затейливые «часы боевые, стоячие, с бои, и с перечасьи, и с планитами, и с алманаками, бьют перед часы перечасья во многие колоколы, как бы поют многими гласы, а в те поры выходят люди, а стоят те часы в костеле». Давний друг и «любитель» англичан и других иностранцев хорошо знал, что больше всего страшило иноземцев или, как их обобщенно называли, «немцев», в России: потеря свободы и невозможность вернуться на родину. Поэтому докторам и другим набранным мастерам давалось царское обещание о «поволности»: «приехать и отъехать волно без всякого задержанья». Опасная грамота была заранее послана и к

часовщику, делавшему часы с движущимися фигурами: «что приехать ему и назад отъехать со всеми животы поволно без всякого задержанья»[563].

Через пару лет сам бургомистр Любека господин Конрад Гермерс прибыл в Московское государство с посольством — налаживать торговые дела и получить привилегии для Ганзы. 3 апреля 1603 года царь Борис Годунов встречал в Кремле в Золотой палате «послов любских немцев от ратманов да от полатников»[564]. Известие об этом приеме сохранилось также в «Отчете о поездке Ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 году», составленном любекским секретарем Иоганном Брамберхом. Посольство успешно завершило свою миссию, при отпуске послы выслушали милостивую речь царя Бориса Федоровича, переданную через посольского дьяка: «а именно, что его царское величество, не в пример прочим народам всего мира, городу Любеку дарует свою милость и привилегии, согласно с нашим желанием, простирая над нами, наравне с своими подданными, свою царскую руку для нашей защиты, и что повелел он снабдить свою царскую привилегию большою золотою печатью»[565]. Все это обещало очень большую выгоду как для Любека, избранного царем Борисом в качестве «окна в Европу», так и для Московского государства, активно приглашавшего иностранцев на службу.

Свидетельства о принятии иноземцев на службу в России оставил немецкий наемник Конрад Буссов в «Московской хронике». Он описал свой приезд в Россию из Ливонии, где некоторое время был ревизором земель, отвоеванных Швецией у Речи Посполитой. Превратности новой польско-шведской войны заставили ливонских немцев искать счастья в Московском государстве. 13 декабря 1601 года Конрада Буссова и других выходцев из Ливонии принял сам царь Борис Годунов вместе со своим сыном царевичем Федором Борисовичем. В речи, обращенной к «иноземцам из Римской империи, немцам из Лифляндии, немцам из Шведского королевства», царь приглашал их на службу, обещая щедрое жалованье: «Мы дадим вам снова втрое больше того, что вы там имели. Вас, дворяне, мы сделаем князьями, а вас, мещане и дети служилых людей, — боярами. И ваши латыши и кучера будут в нашей стране тоже свободными людьми». Служилым иноземцам было обещано особое царское покровительство, они становились не обычными подданными, царь сам обещался судить их по разным делам, они могли сохранять свою веру и отправлять богослужения. Все, что им нужно было сделать, — так это принять присягу, причем ее текст, насколько можно судить по изложению Конрада Буссова, не

отличался от той крестоцеловальной записи, на которой присягали царю Борису в Московском государстве при его вступлении на престол. Чтобы обаять иностранцев, Борис Годунов даже употребил почти тот самый жест с последней «срачицей», который когда-то неприятно удивил Авраамия Палицына. Только на этот раз, обещая покровительство иноземцам, царь, по словам Конрада Буссова, «прикоснулся пальцами к своему жемчужному ожерелью и сказал: «Даже если придется поделиться с вами и этим»[566].

При царе Борисе Федоровиче первые русские дворяне поехали на Запад учиться наукам. Полагают даже, что Борис Годунов готов был завести университеты в России. Правда, восходит это мнение к письму лиценциата прав из Гамбурга Товия Лонциуса, процитированному впервые Н. М. Карамзиным в примечаниях к «Истории государства Российского». Услышав о желании царя нанять «ученых людей и художников», Товий Лонциус обратился с письмом к Борису Годунову 24 января 1601 года, предлагая свои услуги. Он учтиво хвалил намерение царя потратить «бочки золота» на учреждение «школ и университетов», однако судил об этом только со слов своего собеседника, выполнявшего поручение по набору специалистов в Европе. О том, что у иностранцев было достаточно смутное представление о намерениях Бориса Годунова, свидетельствует также доклад Луки Паули германскому императору Рудольфу II в 1604 году. О деятельности московского царя здесь говорилось так: «Кроме того, он хотел бы… после открытия доступа в свою страну, основать латинские школы, чтобы юноши городов изучали и упражнялись в латинском и других языках». Школы, в представлениях побывавшего в Москве современника, были только частью обширной программы намеченных реформ. Лука Паули писал в своем докладе о реформаторских намерениях Бориса Годунова, собиравшегося «привести свою обширную страну (которая во многих местах очень опустела) в лучшее состояние, освободить своих подданных и людей по немецким и другим обычаям от большой тяготы, ига и вялости, ввести и даровать старым и богатым городам свободу, полицию и порядок, а для поддержания суда и справедливости ввести гражданское управление[567].

Показательно, что никто из десятка дворян, получивших возможность уехать в Любек, Англию и другие европейские страны, обратно не вернулся. Через несколько лет в России вовсю разыграется Смута, и возвращаться пришлось бы в страну, охваченную междоусобием. Очевидно, что, когда русские люди впервые встретились с европейскими порядками, они выбрали

незнакомую раньше свободу, предпочтя ее обычаям страны, еще не забывшей царя-тирана. Остается сожалеть, что эксперимент Бориса Годунова по обучению своих специалистов окончился неудачей. Хотя не стоит и переоценивать значение отсылки нескольких человек «для науки разных языков и грамотам». Такая практика обучения языкам была вполне традиционной и нередко использовалась в Посольском приказе и раньше. (Так, например, греческому языку учились даже в не слишком дружественной столице турецкого султана — Константинополе.) Необычным было только то, что на учебу посылали дворянских детей. Об этом писал Петр Петрей, сообщавший о посылке «18 молоденьких мальчиков из низшего дворянства учиться иностранным языкам и искусствам». Он свидетельствовал, что «трое из них приехали потом в Швецию, служили при дворе короля… и получали значительное жалованье»[568]. По крайней мере двое из тех четырех человек, которых отослали в Англию, тоже происходили из дворянских семей. В посольских документах они названы так, как обычно писали служилых людей: Микифор Олферьев сын Григорьев и Софонко Михайлов сын Кожюхов, а другие двое названы уменьшительными именами Казаринко Давыдов и Федька Костомаров, что могло свидетельствовать о их более низком происхождении[569]. Никифор Григорьев считался старшим; его провожал до «Архангильского города» свой «человек», но слуге путь на английский корабль был заказан специальным распоряжением. Так же, как и вообще следовало следить, чтобы кроме этих четырех никто из русских людей больше не попал на корабль английского гостя (и, одновременно, королевского посланника) Ивана Ульянова. Имена пяти «робят», отправленных с ганзейским посольством в Любек, неизвестны; позднее любекские бургомистры говорили о судьбе принятых ими на свое обеспечение так называемых «студентов»: «…и мы царского величества повеление творили, и тех робят давали учити, поили и кормили и одежду давали и чинили им по нашему возможению все добро. А оне не послушливы и поучения не слушали, и ныне двое робят от нас побежали неведомо за што»[570]. Все это резко контрастирует с тем, что мы знаем о передвижениях настоящих средневековых студентов хотя бы в соседней Речи Посполитой. Направлять молодых людей учиться в соседнюю страну было бы логичнее, но царь Борис Годунов использовал установившиеся добрые отношения именно с протестантскими странами. Учебе московитов, например, в Краковской академии мешало отсутствие мира между Россией и «Литвой», а также непреодоленная боязнь того, что будущие студенты могли отпасть от православия и перейти в

католичество. Кстати, Никифор Григорьев в итоге стал священником, членом «епископального духовенства» в Англии, и даже пострадал за свою новую веру в 1643 году[571]. Следы других «робят» за границей затерялись.

Большим дипломатическим успехом царя Бориса Годунова стал приезд в Москву шведского королевича Густава. Это было «сильным ходом» ввиду отстаивания своих интересов в договорах с Речью Посполитой и Швецией[572]. Однако принятый с великим жалованьем королевич, которого прочили в женихи царевне Ксении Годуновой, не оправдал возложенных на него надежд. Возник вопрос о вере, которую королевич никак не хотел менять. Кроме того, существовало совершенно скандальное и непонятное жителям Московского государства обстоятельство, утаить которое было сложно. У королевича Густава была морганатическая связь с замужней женщиной, привезенной им в Россию (вместе с ее мужем!) из Данцига. Явно не такого жениха для своей красивой и одаренной дочери Ксении хотел видеть царь. Выяснилось, что королевич неблагонадежен и попытался вступить в тайную переписку со своим двоюродным братом королем Сигизмундом III. Отпрыска шведских королей сочли за благо удалить на удел в Углич{12}. Опять этот удельный город всплывает в истории Бориса Годунова! Но царь, как видим, не боялся ненужных ассоциаций.

Годунов стремился подкрепить свои внешнеполитические шаги матримониальными связями на Западе и Востоке (подробнее об этом будет рассказано в заключительной главе книги). Единственный раз дело дошло до официального объявления имени жениха Ксении Годуновой в 1602 году, когда в Русском государстве принимали датского королевича Иоганна (или Ганса). Борис Годунов согласился ради этого даже выдать специальную крестоцеловальную запись датскому королю Христиану IV[573]. Герцога Иоганна пригласили жить в Россию, обещая отдать в приданое 400 тысяч польских золотых, сделать его наследственным удельным князем тверским и передать в управление богатейшую Важскую землю. В качестве исключения его готовы были не принуждать к смене веры и даже обещали ему разрешить строительство «немецких» церквей в Москве и Твери. В свою очередь датчане намеревались после женитьбы герцога Ганса решить с помощью царевны Аксиньи Борисовны «лапландский вопрос» о спорных землях у Белого моря. У датских послов, ехавших с королевичем, была инструкция о разделе Лапландии «вдоль или поперек», чтобы разграничить интересы Датского королевства и Московского царства. В Дании также стремились к тому, чтобы договор Русского государства с

Швецией не повредил торговым делам датских купцов[574].

Датский королевич «Яган Фендрикович» появился в пределах Московского государства 19 сентября 1602 года. Царь Борис Федорович ждал его приезда и одарил самыми щедрыми подарками. Он принимал королевича как сына и именно об этом говорил во время официальной встречи, подтверждая свои слова обычными для него жестами. В дневниковых записях одного из послов, Акселя Гюльденстиерна, сохранилось описание того, как царь Борис Годунов «приложил к груди левую руку и сказал: „Король Христиан так же дорог мне, как если бы он был моим родным братом“, и сказал еще: „Я благодарю моего брата короля Христиана, что он прислал ко мне сюда своего брата герцога Ганса“; и, указывая на свою левую грудь, сказал: „У меня одна-единственная дочь, она мне так же дорога, как собственное сердце; о ней просил брат цесаря римского, просил также, для своего сына, король персидский, просил равным образом и король польский, но тому не суждено было быть“; и затем указал на свою правую грудь и сказал: „А брат моего брата короля Христиана, сидящий здесь, так же дорог мне, как кровь, что течет здесь в моих жилах“»[575]. Одних слов царю показалось недостаточно, и он подарил своему будущему «сыну» большую золотую цепь с алмазами, сняв ее с шеи. Такой же, но чуть меньший по размерам, подарок будущему родственнику преподнес царевич Федор Борисович. В этом подарке (цепи, снятой царем с собственной шеи) было много символического; он отсылал к триумфу Бориса Годунова в 1591 году. Тогда он принял такую же награду от царя Федора Ивановича, и это было воспринято как намек на будущего преемника.

К несчастью, королевич Иоганн внезапно заболел и 27 октября 1602 года после тяжелой болезни умер. Годунов принял самое искреннее участие в судьбе королевича: послал ему своих докторов, ездил на богомолье в городовые монастыри и раздавал милостыню. Презрев все правила, запрещавшие царю в течение нескольких дней принимать тех, кто посещал больных людей, Борис Годунов сам пришел к умиравшему королевичу. Он искренно горевал и, как записал датский посол, «плакал» о нем вместе со всей своей свитой. Такая неслыханная милость царя к умершему королевичу, едва не ставшему его «сыном», подтверждается и русскими источниками. Как было записано в разрядных книгах, царь Борис Федорович «сам был на Посольском дворе»[576]. Он приказал своим боярам с почестями проводить тело королевича Иоганна до «слободы в Кукуе», где его погребли «по их вере» у «ропаты немецкой». Потом Борис Годунов сокрушался об одном: «…а свет и сын мой Яган королевич по-

русски с нами не говорил»[577].

В Москве давно уже отвыкли верить в возможность таких ранних и неожиданных смертей без вмешательства чьей-то злой воли. Подозрение в убийстве королевича пало на молодого боярина Семена Никитича Годунова и… самого царя Бориса Федоровича. Стольник в начале царствования Бориса, Семен Годунов быстро получил боярский чин; ему было поручено заведовать Аптекарским приказом. Традиционно те, кто командовал этим ведомством и немецкими докторами (русских не было вообще[578]), имели отношение к охране царского здоровья и, следовательно, пользовались особым доверием. Известно также, что Семен Годунов был казначеем, а значит, был дважды доверенным лицом царя, тем более что ближайший к царю по старшинству в роде Годуновых боярин Дмитрий Иванович был уже откровенно стар (в свите датского королевича ему давали лет девяносто). Автор «Нового летописца» приписал Борису Годунову ревность к искренним чувствам подданных, успевших полюбить будущего мужа царевны Ксении: «Людие же вси Московского государства видяху прироженного государского сына, любяху его зелно всею землею. Доиде же то до царя Бориса, что его любят всею землею. Он же яростию наполнися и зависти и начаяше тово, что по смерти моей не посадят сына моево на царство, начат королевича не любити и не пощади дочери своей и повеле Семену Годунову, как бы над ним промыслити»[579]. Сопоставление известий «Нового летописца» с более беспристрастным дневником датского посла Акселя Гюльденстиерна дает редкую возможность показать, как правда и вымысел мешались друг с другом в позднейшей истории царя Бориса. Действительно, оба источника подтверждают, что Семен Годунов запрещал докторам оказывать какое-либо содействие в болезни королевичу Иоганну, причем даже вопреки прямому распоряжению царя Бориса Федоровича. Лживость Семена Годунова вызвала ненависть датских послов. Но на этом все достоверные детали в «Новом летописце» заканчиваются и начинается грандиозная ложь о царе Борисе. Из датских записок известно продолжение истории: царь Борис лично вмешался в конфликт докторов с их начальником и даже, не надеясь на Аптекарский приказ, вызывал известных в Москве знахарок (но безуспешно: все они боялись царского гнева). Рассказывая о похоронах датского королевича, капитан Жак Маржерет писал, что «император и все его дворянство три недели носили по нему траур»[580].

На самом деле все — и те, кто желал королевичу добра, и кто не хотел его видеть в Московском государстве, — понимали одно:

брак с «прирожденным» государем был крайне выгоден царю Борису Годунову, не до конца избавившемуся от комплекса «царского родственника». То, чего не имел «по крови» сам царь Борис Годунов, он мечтал приобрести для своих детей и своего рода. Но что бы ни писал автор «Нового летописца» о возможной опасности для царевича Федора Борисовича Годунова, которую таило в себе прибытие датского королевича, принцип престолонаследия по мужской линии был очевиден.

Успехи первых лет убаюкали Бориса Годунова, принятая им на себя роль благодетеля подданных стала его второй натурой. И кому было судить: стало ли милосердие лицом или маской царя Бориса? Лучше известно другое, что царь был не равнодушен к проявлениям земного признания. Его стремление к собственному прославлению весьма заметно. Но Борис Годунов не был мелочен в этом, он действительно умел думать о великом. Над всей Москвой вознеслась и отовсюду была видна на многие десятки километров колокольня церкви Иоанна Лествичника в Кремле. С 1600 года, когда был надстроен ее верхний ярус, колокольня стала называться «Иван Великий», и на ней появилась запись, в которой красовались имена царя Бориса Годунова и его сына: «Изволением Святыя Троицы, повелением великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии самодержца и сына его, благоверного великого государя царевича и великого князя Федора Борисовича всея Русии, храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108-го [1600]»[581]. Борис Годунов не удовольствовался этим и, по свидетельству дьяка Ивана Тимофеева, осуждавшего царскую гордыню, приказал написать золотом свое имя на неких подставках, чтобы все могли прочитать его на церковном верхе: «на вызолоченных досках золотыми буквами он обозначил свое имя, положив его как некое чудо на подставке, чтобы всякий мог, смотря в высоту, прочитать крупные буквы». Автор «Бельского летописца» писал в статье «О Иване Великом» под 7108 (1600) годом: «Того же лета совершена бысть на Москве в Креми-городе на Москве на площади колокольня каменная над Воскресеньем Христовым в верху Иван Великий и верх лоб и крест украсиша златом и подпись ниже лба златом учиниша для ведома впредь идущим родом»[582].

Здесь упоминается самый большой «проект» царя Бориса, призванный на века утвердить память о нем. Годунов пришел в Кремль надолго, он рассчитывал стать основателем новой династии. Еще будучи правителем, он получил известность как строитель многих храмов, но когда Борис Федорович стал царем, от него все ждали чего-то великого. И он не обманул ожиданий. Название колокольни было связано с прежним одноименным

храмом Иоанна Лествичника, но в «Бельском летописце» содержится указание, что колокольня построена «над Воскресеньем Христовым». И это верно: Иван Великий должен быть дать начало новому образу Московского Кремля, где предстояло символически утвердить Гроб Господень в возведенном для этого храме Воскресения. С этой же, условно говоря, «иерусалимской программой» исследователи связывают появление и еше одной всем известной московской достопримечательности — Лобного места на Красной площади. Его присутствие в Москве должно было вызывать в памяти другое «Лобное место» — из храма Гроба Господня в Иерусалиме. Автор «Пискаревского летописца» упоминает о появлении Лобного места вслед за известием о надстройке колокольни Ивана Великого, ставя эти и другие изменения в Кремле (строительство царских хором «на каменном подклете) в один временной ряд: «Того же году зделано Лобное место каменное, резана, двери — решетки железные»[583].

Строительство храма Воскресения (или, по-другому, «Святая святых») в итоге не осуществилось. Исаак Масса знал ювелира Якова Гана, который сделал портрет Ксении Годуновой, отвезенный в Данию (к сожалению, о его местонахождении ничего не известно), а также выполнил еще один грандиозный заказ царя: «отлил 12 апостолов, Иисуса Христа и архангела Гавриила, коим Борис расположил воздвигнуть большой храм, для чего было приготовлено место в Кремле; и он хотел назвать его „Святая святых“, полагая в добром усердии последовать в том царю Соломону»[584]. О храме «Святая святых» писал также автор «Пискаревского летописца»: «Того же году царь и великий князь Борис Федорович замыслил был делать „Святая святых“ в Большом городе Кремле на площади за Иваном Великим. И камень и известь, и сваи — все было готово, и образец был древяной зделан по подлиннику, как составляетца „Святая святых“; и вскоре его смерть застигла»[585]. Авраамий Палицын в своем «Сказании» упомянул праздник Воскресения, которому должны были посвятить новый кремлевский собор. Нам остается лишь догадываться, какой грандиозный храм, подобный Иерусалимскому, собирался построить царь Борис. Как и во время царского избрания, возникало сравнение с временами византийского царя Константина и его матери царицы Елены, с которых началось вселенское почитание христианских святынь на Голгофе и в Вифлееме[586]. Заказанные Борисом золотые фигуры ждала незавидная судьба: они будут разломаны и переплавлены в Смуту, чтобы расплатиться с шведскими и польско-литовскими наемниками. Но в годы расцвета власти Бориса Годунова

подданные были весьма довольны происходящим и пока что не стремились осуждать своего самодержца. Однако отвечать перед историей всегда приходится самому правителю. Гордыню царя Бориса, возмечтавшего о Москве — Новом Иерусалиме, вспомнят позднее, когда все, что он создавал, начнет разрушаться и когда понадобится объяснить причины пришедшей Смуты.

Глава 6
«Начало всей беды Московского царства»

Новый век подстерег Бориса Годунова своими тяжелыми переменами. Счастье правителя сменилось многими испытаниями и бедами. Объяснить произошедший поворот трудно. Борису было около пятидесяти лет, но этот зрелый, по меркам любого времени, возраст еще не мог считаться старостью. Рядом был пример Дмитрия Ивановича Годунова, многие десятилетия заседавшего в Боярской думе. Годунов не истощал себя, подобно Ивану Грозному. «При Борисе, — писал С. Ф. Платонов, — московский дворец стал трезвым и целомудренным, тихим и добрым, правительство — спокойным и негневливым»[587]. Однако чрезвычайное напряжение сил, растраченных на достижение и удержание власти, должно было когда-то сказаться.

В источники начинают проникать сведения о «болезнях» царя Бориса Годунова. Дьяк Иван Тимофеев оставил свидетельство о «неисцелной болезни и скорби недуга телесна» у царя, разжигавших «ненависть его и неверие на люди»[588]. С болезнью, питавшей мнительность и подозрительность царя, связали его поощрение доносов. В статье «О доводах холопьих на бояр» автор «Нового летописца» приписывает истоки подозрительности стремлению царя знать всё, что происходит в государстве. Капитан Жак Маржерет тоже обращал внимание, что Борис Годунов долго болел во время приезда посольства литовского канцлера Льва Сапеги; из-за этого посольство задержалось в Москве. Подозрительность царя, по мнению Маржерета, возросла с появлением в 1600 году слухов о том, что царевич Дмитрий жив. Борис Годунов «с тех пор целые дни только и делал, что пытал и мучал по этому поводу. Отныне, если слуга доносил на своего хозяина, хотя бы ложно, в надежде получить свободу, он бывал им вознагражден, а хозяина или кого-нибудь из его главных слуг подвергали пытке, чтобы заставить их сознаться в том, чего они никогда не делали, не видели и не слышали»[589].

Доверие к «доводчикам» (доносчикам), их поощрение и жалованье отличают обычно правителей, стремящихся к абсолютной власти. Ничего нового в этом для Бориса Годунова не было, кроме того, что с началом 1600-х годов доносительство превратилось в систему. Эта система описана в «Новом летописце», и, кстати, именно в контексте осуждения доносов в летописи едва ли не впервые возникает понятие «Смута»: «И от такова ж доводу в царстве бысть велия *смута*, яко же друг на

друга доводяху»[590]. В описании атмосферы «окаянных доводов», охватившей не только боярских холопов, но и священнический чин, мужей и жен, детей и отцов, отчетливо слышится моральное осуждение.

Почему Борис Годунов так изменил себе? Видимо, он боялся уже не за себя, а за продолжение династии. Считая годы своего царствования, Борис неминуемо должен был думать о том, что будет после него. Он решил помочь своему сыну устранить наиболее вероятных конкурентов в правах на престол, и взор его обратился на тех, кто ранее дерзал вмешиваться в вопросы престолонаследия.

Дело Романовых

Главным событием царствования Бориса Годунова, оказавшим трагическое влияние на развитие Смуты, стала опала на бояр Романовых. Как в свое время опричнина переломила на две части время правления Ивана Грозного, так и романовское дело уничтожило иллюзии относительно новой династии. Царь Борис Федорович рассчитался с боярами Романовыми прежде всего за их действия во время царского избрания в 1598 году. Сохранились только приведенные выше слухи о том, как царский жезл едва не попал в руки старшего из братьев Романовых. Но у этих слухов, как и у подозрений царя Бориса Годунова, были все основания. Два клана — Годуновых и Романовых, даже несмотря на их многолетнюю дружбу, подтвержденную клятвами и родственными браками, навсегда разошлись во время выбора царя в 1598 году. Опала оформляла уже совершившийся раскол, делая невозможным последующее примирение.

Надо прямо сказать, что Борис Годунов брал этот грех надушу ради династических интересов сына, царевича Федора Борисовича. Возможно, что какая-то связь существовала между романовским делом и начавшимися болезнями царя: Борис Годунов испугался, что не успеет укрепить свое царство настолько, чтобы власть спокойно перешла к сыну Федору. Упоминавшаяся посылка за самым лучшим «дохтором Яганом» в Любек 24 октября 1600 года точно совпадает по времени с возможным началом дела Романовых! Во всяком случае, внезапное изменение в настроении царя Бориса и начавшаяся подозрительность в отношении подданных выглядят труднообъяснимыми. Хотя, может быть, мы и переоцениваем степень такой внезапности, и причина все-таки в уже появившейся «молве» о спасении царевича Дмитрия.

«Дело Романовых» началось с доноса «казначея» Второго

Бартенева, служившего во дворе у боярина Александра Никитича Романова. Виною всему оказались мешки с «корением», найденные в боярском доме (или, по версии бояр Романовых, подложенные Бартеневым в «казну»). Известно, что расправа над всем романовским родом была тяжелой. Но попробуем выступить в защиту Бориса Годунова и рассмотрим события отдельно от очевидных, но не доказуемых сегодня, обвинений царя в умысле на Романовых. Причем для защиты придется использовать не официальный акт о наказании Романовых, а то, что мы знаем из «Нового летописца» и других враждебных царю Борису Годунову источников. Комплекс документов, известных после публикации в «Актах исторических» в 1841 году как «Дело о ссылке Романовых»[591], относится, по правовой терминологии, к исполнению наказания. Самый ранний документ в этом деле датируется 30 июня 1601 года.

Второй Бартенев действовал по указке небезызвестного Семена Годунова, которого якобы направлял царь Борис. Но как видно из дела датского королевича Иоганна, малосимпатичные качества Семена Годунова могли быть намеренно перенесены на его царствующего родственника. Когда началось следствие, на двор к Романовым был послан окольничий Михаил Салтыков. Это, конечно, не отец будущих фаворитов начала царствования Михаила Федоровича Романова братьев Бориса и Михаила Салтыковых (они происходили из той ветви рода Салтыковых, которая состояла в родстве с женой боярина Федора Никитича и матерью Михаила). Послан был другой окольничий, Михаил Глебович Салтыков, чья служба, видимо, не будет забыта: уже в 1601 году он получит боярство. Но, как и в случае с делом царевича Дмитрия, когда главой следственной комиссии был назначен член разгромленного боярского клана князь Василий Иванович Шуйский, формально можно говорить о стремлении царя Бориса соблюсти беспристрастность расследования. Насколько известно, приезд окольничего Михаила Глебовича Салтыкова на романовский двор на Варварку и выемка им мешков с «корением» не будут поставлены ему в вину через десять лет, когда он будет действовать в одной партии с Романовыми.

Дело бояр Романовых, связанное с неким «волшебством», подлежало не царской, а духовной юрисдикции[592]. Поэтому, как и положено, следствие велось патриархом Иовом: «…и привезоша те мешки на двор к патриарху Иеву и повеле собрати всех людей и то корение из мешков повеле выкласти на стол, что будто то корение вынято у Олександра Никитича и тово довотчика Фторово поставиша ту в свидетели». Публичное разбирательство дела вызвано не только чрезвычайным поводом: подозрение

падало на одну из первых боярских семей в государстве. На двор к патриарху «приведоша» всех братьев Романовых, начиная со старшего Федора Никитича, который и должен был ответить за весь род. Боярская дума приняла самое активное участие на стороне обвинения, и Романовы ничем не могли оправдаться: «Бояре же многие на них аки зверие пыхаху и кричаху. Они же им не можаху что отвещевати от такова многонародного шума». Вряд ли Федор и Александр Никитичи молчали из-за того, что не могли перекричать толпу. Для них, очевидцев и участников многих опальных дел, видимо, не оставалось сомнений, что пришел их черед.

За полвека доминирования в Боярской думе род Романовых имел устойчивые позиции, обеспеченные их родством с первой женой царя Ивана Грозного Анастасией Романовной. Ее брат и царский шурин Никита Романович при других обстоятельствах мог быть таким же правителем, как и Борис Годунов. Первенствующее положение в Думе Никиты Романовича было неоспоримо, что и подтвердилось его включением в регентский совет после смерти Ивана Грозного. Сыновей Никиты Романовича, Федора, Александра, Василия, Михаила и Ивана, в Москве любили как наследников заслуженного рода и детей известного боярина, оставившего по себе память даже в исторических песнях. У Бориса Годунова, как мы помним, был «завещательный союз дружбы» с Никитой Романовичем, умершим в самом начале царствования Федора Ивановича, и Борис, пока был правителем Московского государства, выполнял условия этого завещания. Федор Никитич Романов был пожалован боярством еще при жизни отца и заседал в Думе с 1585 года[593]. Александр Никитич попал в Боярскую думу сразу же по воцарении Бориса Годунова. Теперь же царь отказывался от «завещательного союза» и обрушивал свой гнев даже не на одних старших братьев Романовых, с которыми он при послушной Думе мог справиться и раньше, а на весь романовский род вместе с ближайшими родственниками.

«Новый летописец» рассказывал о начавшемся следствии: «Федора же Никитича з братьею подаваша за приставы и повелеша их крепити; сродников же их: князь Федора Шерстунова и Сицких молодых и Карповых роздаша за приставы ж. По князя Ивана же Васильевича Сицкова послаша в Острохань и повелеша его привести и с княгинею и з сыном к Москве сковав. Людей же их, кои за них стояху, поимаша. Федора ж Никитича з братьею и с племянником, со князь Иваном Борисовичем Черкаским, приводиша их не одиново к пытке. Людей же, раб и рабынь, пытаху розными пытками и научаху, чтоб они что на государей

своих молвили. Они же отнюдь не помышляюще зла ничего и помираху многие на пытках, государей своих не оклеветаху. Царь же Борис, видя их неповинную крове, державше их на Москве за приставы многое время; и, умысля на конешное их житие, с Москвы посылаше по городом и монастырем»[594]. Как видно, следствие затронуло весь разветвленный клан Романовых, в том числе и их родственников по женской линии — князей Сицких, Черкасских и других. Доказательств, кроме «корениев», никаких получено не было, но и их было достаточно, так как это прямо нарушало крестоцеловальную запись Борису Годунову.

Расследование дела затянулось надолго. Р. Г. Скрынников установил, что арест Романовых состоялся еще осенью, в ноябре 1600 года, и следствие продолжалось более полугода[595]. Тронуть Романовых без того, чтобы нарушить иерархию многочисленных боярских и княжеских родов, было невозможно. Тогда существовало правило, что за действия одного родственника отвечал весь род. Еще до того как случилась романовская катастрофа, у нее были грозные предвестники. Царь Борис Годунов действовал по веками проверенному принципу «разделяй и властвуй». В 1600 году Федор Никитич Романов проиграл местнический спор князю Федору Андреевичу Ноготкову-Оболенскому. Решение Годунова полностью удовлетворяло амбиции князя Федора Андреевича и ставило его «местами больше» не только Федора Никитича Романова, но и его деда — отца царицы Анастасии Романовны. А. П. Павлов, обративший внимание на этот случай, писал: «Этим самым как бы перечеркивалось правительственное значение рода Романовых, основанное на родстве с прежней династией»[596]. Следовательно, при желании царь Борис Годунов мог бы организовать преследование рода Романовых, полностью уничтожив их местническое значение и без пролития крови. Не меньше, если не больше, жаждали изгнания Романовых из Думы другие бояре, пылавшие гневом на них, «аки зверие», что и проявилось в деталях расследования дела.

За время следствия царь Борис Годунов, видимо, убедился в справедливости обвинений в умысле на его жизнь, поэтому в итоге прямым гонениям подверглись все Романовы — братья Федор, Александр, Василий, Михаил, Иван Никитичи и дочери Никиты Романовича княжна Евфимия Никитична Сицкая и княжна Марфа Никитична Черкасская со своими семьями[597]. Старшего боярина Федора Никитича заставили принять постриг и разлучили с женой Ксенией Ивановной Шестовой и детьми, сослав на Двину в Антониев-Сийский монастырь. «Виновника» общих бед Александра Никитича царь Борис Годунов «сосла к

Стюденому морю к Усолью, рекомая Луда», где тот и погиб. Так же в ссылке умерли братья Михаил и Василий Никитичи, которых, по словам летописца, «удавиша» в Ныробе и Пелыме. Оставшегося брата Ивана Никитича, выдержавшего ссылку в Пелыме, сначала «моряху гладом», но потом помиловали, разрешив ему в 1602 году воссоединиться с остатками романовской семьи в их вотчине в селе Клины Юрьев-Польского уезда. Умер в ссылке на Белоозере князь Борис Канбулатович Черкасский, но его жене и детям Борис Годунов уже не мстил, и они тоже оказались в Клинах. (Все послабления Романовым и их ссыльным родственникам были сделаны царем Борисом Годуновым в начале сентября 1602 года, накануне приезда в Москву датского королевича Иоганна — жениха царевны Ксении Годуновой.) Другие близкие родственному кругу Романовых князья Сицкие, князья Шестуновы, Шереметевы, Долматовы-Карповы, которых затронуло следствие, были наказаны не так сурово ссылкой в «понизовые города» и на дальние воеводства. Из этого ряда несколько выделяется тяжелая опала князя Александра Андреевича Репнина, о чьих дружеских отношениях с боярином Федором Никитичем Романовым хорошо известно.

У Романовых были основания считать, что царь Борис Годунов этими ссылками «похотя их царское последнее сродство известь» (как сказано в «Новом летописце»). Однако никаких прямых указов о казни погибших в ссылке братьев Александра, Василия и Михаила Никитичей никто не отдавал. Как заметил А. В. Лаврентьев, «судьба семейства Романовых не была уникальной, и во всех случаях просматривается желание Годунова вывести из политической жизни старшего в роде, обезглавив семью, но не пресекая род под корень, как во времена опричного террора»[598]. Действительно, годуновский «почерк» очень заметен. Формальный повод для последовавшей опалы на Романовых все-таки существовал. Но цель репрессий состояла не только в восстановлении справедливости, наказание преследовало еще и защиту династических интересов Бориса Годунова. А для этого были все средства хороши.

Мог ли царь Борис Годунов предвидеть то, что приставы так жестоко начнут преследовать Романовых? Конечно, он знал, как в Московском государстве относятся к царским изменникам и как много желающих «грызть» государеву измену пуще царя. Капитан Жак Маржерет писал о царе Борисе: «Его считали очень милосердным государем, так как за время своего правления до прихода Дмитрия в Россию он не казнил публично и десяти человек, кроме каких-то воров, которых собралось числом до пятисот, и многие из них, взятые под стражу, были повешены. Но

тайно множество людей были подвергнуты пытке, отправлены в ссылку, отравлены в дороге и бесконечное число утоплены…»[599] И все же доказать умысел Бориса Годунова, якобы приговорившего братьев Романовых к тайной смерти, невозможно. Напротив, документы дела о ссылке Романовых зафиксировали прямые распоряжения приставам, чтобы те не усердствовали в наказании ссыльных. Слишком уж глубоко должна была скрываться в душе Бориса Годунова ненависть к Романовым, чтобы сказать, что все случилось по его наущению. Но своей ближайшей цели он достиг — о ссыльных Романовых и их родственниках вплоть до конца его царствования мало что напоминало.

Следующая опала постигла окольничего Богдана Бельского. Царю Борису Федоровичу поступил донос от «немцев» о том, что окольничий ведет себя в новопостроенном городе Цареве-Борисове как удельный князь и даже дерзнул высказаться, «что он теперь царь в Борисграде, а Борис Федорович — царь в Москве»[600]. В Московском государстве никогда не прощали вольное обращение с царским именем и титулом. Если окольничий Богдан Бельский действительно высказался в таком ключе, то это могло стать законным основанием для начала политического расследования о «слове и деле государевом». Возможная неосторожность забывшегося в донских землях окольничего, действительно имевшего основания чувствовать себя на вершине местной власти в этом отдаленном пограничье, опять оказалась выгодной царю Борису Годунову. За Богданом Бельским — любимцем царя Ивана Грозного — водились давние грехи. Во время династического кризиса 1598 года он, по всей видимости, поддержал Романовых. Есть даже свидетельство о том, что его рассматривали в качестве возможного претендента на престол, но эта версия выглядит слишком уж фантастичной. Дарованный Богдану Бельскому чин окольничего, как оказалось, не отменил его честолюбивые мечты. Царь Борис Федорович продолжал с подозрением относиться к нему и отослал строить Царев-Борисов. В 1601 году пришел час расправы с тем, кто по справедливости ее заслужил. Опять было следствие, и опять, как и в деле Романовых, по обещанию царя Бориса Годунова, данному при вступлении на престол, не было смертной казни. Но некоторые детали все же выдают застарелую неприязнь. Годунову оказалось мало полагавшейся для обвиненных в государственных преступлениях конфискации имущества и ссылки. По словам Конрада Буссова, царь приказал служившему в его иноземной охране «шотландскому капитану по имени Габриель… вырвать у самозваного царя пригоршнями всю густую длинную бороду». О

том, что Богдана Бельского унижали «многими позоры», сообщал и «Новый летописец»[601]. Бельский, как оказалось впоследствии, не забыл унижения. Мы увидим его в московской толпе, громящей Годуновых перед вступлением в Москву самозваного царевича Дмитрия Ивановича.

«Царево-Борисовское» дело имело эхом еще одно следствие — также по делу участников давних событий, случившихся после смерти царя Ивана Грозного в 1584 году. Тогда, как говорилось выше, рязанские дворяне Ляпуновы примкнули к восставшим московским посадским людям, выкатывавшим царь-пушку, чтобы разбомбить Фроловские (Спасские) ворота Кремля, если им не выдадут на расправу Богдана Бельского. Правитель Борис Годунов расправился с самоуправными провинциальными выскочками Ляпуновыми тотчас по смерти Грозного царя, но не оставил их «вниманием» и при своем царствовании.

После смены главного царево-борисовского воеводы возникло дело о провозе «заповедных товаров» на Дон. Само по себе дело было рядовым, но упоминание о нем вошло в разрядные книги. Причина заключалась в продолжении сыска о злоупотреблениях Богдана Бельского, и сыск этот снова затронул Ляпуновых. Рязанские дворяне находились на службе, когда строился Царев-Борисов, и обязаны были сообщить всё, что знали о недозволенной торговле с донскими казаками: «хто на Дон донским атаманом и казаком посылали вино и зелье, и серу, и селитру, и свинец, и пищали, и пансыри, и шеломы, и всякие запасы, заповедные товары в нынешнем году, и как стал Царев-Борисов город, и из ыных городов». Дворяне и дети боярские упоминали в «сказках» в феврале 1604 года о доходивших слухах о том, как «во ста первом на десять (1602/03. — *В. К.*) году… Захарей Ляпунов вино на Дон козакам продовал, и пансырь, и шапку железную продовал». Имена Ляпуновых и Богдана Бельского снова оказались рядом, так как рязанцев обязывали также доносить об известных им случаях запрещенной торговли с Доном и в более ранее время при строительстве Царева-Борисова города. Они же отговаривались: «…а в прошлом сто осмом году, как ставили Борисов город, а мы были с Богданом Бельским да с Семеном с Олферьевым, и мы, государь, в тех годах ничего не ведаем»[602]. В итоге на Захара Ляпунова была наложена опала, и по тем обыскным речам он был бит кнутом. В этом случае все логично укладывается в запретительную политику царя Бориса Годунова по отношению к вольному казачеству. Впоследствии о годах его царствования казакам припоминали, «какая неволя была им при прежних государях, царях московских, а последнее — при царе Борисе: невольно было вам не токмо к Москве

приехать, — и в окраинные городы к родимцам своим приттить; и купити и продати везде заказано»[603]. Не приходится удивляться тому, что о Ляпуновых, как и о вольных казаках, мы еще не раз услышим в Смутное время.

«Меженина»

Случившийся вслед за делом Романовых великий голод в Московском государстве в 1601–1603 годах окончательно смутил подданных царя Бориса Годунова. Православные христиане, живущие с мыслью об ответственности царя за их земные дела, связали воедино два чрезвычайных события: расправу с родственниками Ивана Грозного и небывалое стихийное бедствие, приведшее к неурожаю, голоду и эпидемии. Практически любой летописец той эпохи упоминает о «меженине», «гладе», «морозобитии», обрушившихся на Русскую землю в 1601 году. Прямо говорили современники и о каре, последовавшей за деяния царя Бориса. Авраамий Палицын именно отсюда начинает отсчет Смуты в главе «О начале беды во всей Росии и о гладе велицем и о мору на люди». По словам его «Сказания», «и яко сих ради Никитичев, паче же всего мира за премногиа и тмочисленыя грехи нашя и безакониа и неправды вскоре того же лета 7109-го излиание гневобыстрое бысть от Бога»[604].

Что же случилось тогда? Сначала все лето шли дожди, а потом, когда пришло время сбора урожая, после «Успеньева дня» (15 августа 1601 года), ударили морозы. В некоторых местах на «Семен день» (1 сентября) выпал уже «снег великой». Эти неурочные холода «сожгли» прямо на корню не успевший вызреть из-за дождливого лета урожай. Осенью, как и положено, посеяли «озимый» хлеб, но весной грозные удары природы повторились и замороженное зерно не взошло. Тогда «зяблый хлеб» стали выкапывать из земли, чтобы прокормиться хотя бы им. Надеялись на следующее лето 1602 года, но удар стихии повторился, оставив беззащитными сотни тысяч земледельцев. На третий год Московское государство впало уже в глубочайший кризис. Страна была в хаосе, повсюду хозяйничали разбойники, объединившиеся под самой Москвой в целое войско под командой некого Хлопка.

Автор «Нового летописца» тоже считал голод 1601–1603 годов наказанием за грехи и описывал в статье «О меженине и на люди о мору з гладу», как все началось: «Быша дожди велии во все лето, хлебу же ростящу: и как уже хлебу наливающуся, а не зрелу стоящу, зелен аки трава, на празник же Успения Пречистыя Богородицы бысть мраз велий и поби весь хлеб, рожь и овес. И

того году людие еще питахуся с нужею старым хлебом и новым, а рожью тою сеяху чаяху, что возрастет; а на весну сеяху овсом, того же чаяху. Тот же хлеб, рожь и овес, ничто не взошло: все погибе в земле. Бысть же в земле глад велий, яко и купити не добыть. Такая же бысть беда, что отцы детей своих метаху, а мужие жен своих метаху же, и мроша людие, яко и в прогневание Божие так не мроша, в поветрие моровое. Бысть же глад три годы»[605]. О том же пишет автор «Бельского летописца» в статье «О морозобитии» под 7109 (1601) годом: «Того же лета августа в 29 день во всем Московском государстве мороз побил весь яровой хлеб и рожь, и купили хлеб всякий — рожь, и ячмень, и пшеницу — по два рубли четверть. И был голод в Московском государстве велик зело 3 годы, и многие люди от глада померли»[606]. Другой современник оставил потомкам лаконичную, но емкую по смыслу запись: «7109 году и во 110-м и во 111 году глад был за злые годы на всю Рускую землю».

Все источники той эпохи полны ужаса; во всех приводятся тяжелые подробности о потрясениях людей, переживших голод. В. И. Корецкий, специально изучавший это время, нашел немало документальных свидетельств очевидцев о страшных следствиях хлебной дороговизны и голода: «Многие мертвые по путем лежали, и людие ядоша друг друга, траву, мертвечину, псину и кошки, и кору липовую, и сосновую… И видеша отца и матери чад пред очима мертвых лежаща; младенцы, средние и старии по улицам и по путем от зверей и от псов снедаемы». Иногда рассказы о голоде встречаются в самых неожиданных источниках. Например, в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоцкого монастыря в 1602 году одним из монахов была сделана запись: «Того же 110-го году Божиим изволением был во всей Руской земле глад великой — ржи четверть купили в три рубли. А ерового хлеба не было никакова, ни овощю, ни меду, мертвых по улицам и по дорогам собаки не проедали»[607]. В свите датского королевича Иоганна, проезжавшего через новгородские и тверские земли в разгар голода в сентябре 1602 года, тоже замечали, что по пути встречаются дома, где не было ни домашней птицы, ни скотины, ни даже собак. Однако это приписывали бедности. Царь Борис Годунов сделал так, чтобы жених его дочери и датские дворяне ни в чем не нуждались — как в дороге, так и в Москве, где их угощали разными яствами и «романеей».

Мысль о «наказании» русских голодом и другими несчастьями была воспринята и служившим в то время в России шведом Петром Петреем. «Всемогущий Бог хотел наказать всю страну тремя несчастьями, — писал он, — а именно: голодом и

дороговизной, чумой, гражданской войной и кровопролитием, которые следовали одно за другим. Ибо в стране в 1601-м, 1602-м и 1603 годах была такая дороговизна, голод и нужда, что несколько сотен тысяч людей умерло от голода. Многие в городах лежали мертвые на улицах, многие — на дорогах и тропинках с травой или соломой во рту. Многие ели кору, траву или корни и тем утоляли голод». Приводил Петрей сведения и о людоедстве[608].

Борис Годунов деятельно пытался уменьшить последствия голода. Разнообразие принятых им мер свидетельствует о ярком административном таланте и смелости царя. Пришло время узнать, искренен ли был он, когда клялся поделиться последней «срачицей» во время своей коронации 3 сентября 1598 года. Обращение к источникам показывает, что Борис Годунов подтвердил свою репутацию «нищелюба». Некоторые меры были приняты еще до наступления голода, когда в 1600 году Борис Годунов устроил в Москве первые богадельные дома. По сообщению «Пискаревского летописца», «того же году взяты изо Пскова к Москве из богадельны три старицы миряне устраивати богадельны по псковскому благочинию. И на Москве поставлены три богадельны: у Моисея пророка на Тверской улице богадельня, а в ней были нищие миряне; да богадельна против Пушечново двора, а в ней инокини; да богадельна на Кулишках, а в ней нищие, женской пол»[609]. Тем более царь был деятелен, когда разразилось бедствие голодных лет. Капитан немецкой пехоты Жак Маржерет, находившийся на русской службе, вспоминал, что «император Борис велел ежедневно раздавать милостыню всем бедным, сколько их будет, каждому по одной московке… так что, прослышав о щедрости императора, все бежали туда, хотя у некоторых из них еще было на что жить… Сумма, которую император Борис потратил на бедных, невероятна; не считая расходов, которые он понес в Москве, по всей России не было города, куда бы он не послал больше или меньше для прокормления сказанных нищих»[610]. Однако сам царь не мог стоять на раздаче денег, и все было поручено чиновникам, сумевшим даже самое богоугодное дело обратить себе на пользу. «Приказные, назначенные для раздачи милостыни, — констатировал Исаак Масса, — были воры, каковыми все они по большей части бывают в этой стране». Подданные Бориса Годунова обвиняли его в разных грехах, но и сами были не прочь сыграть на добрых чувствах царя. Те, кто знал, где будет раздаваться милостыня, посылали туда своих ряженых в рубища родственников и приближенных, а стрелецкая охрана допускала их к раздаче, разгоняя палками настоящих бедных и калек. Исаак

Масса лично видел «богатых дьяков, приходивших за милостынею в нищенской одежде»[611].

Одним из источников царской милости было взятое в казну опальное имущество Романовых и других ссыльных бояр. Авраамий Палицын писал об этом в «Сказании»: «…домы великих боляр сосланных вся истощив и принесе в царскиа полаты и древняя царскаа сокровища вся им оскверни, от сего же милостыню творяще». Понять, в чем же тут вина царя Бориса, не так-то просто. Чтобы сильнее уязвить Бориса Годунова, автор сказания приводит изощренный богословский аргумент из пророка Исайи о каре на прибавляющих к своему имуществу «неправденые сребреницы». По существовавшим тогда представлениям, опальное имущество было «нечистым» и его следовало уничтожить, а не сохранять, и уж тем более не вносить в царский дворец и не использовать для благого дела[612]. Правда, Авраамий не заметил, как косвенно подтвердил обвинения в волшебстве, выдвинутые против Романовых, признав их конфискованные дома источником «скверны».

Царь Борис Федорович пытался чередовать раздачу милостыни с выработкой целой программы помощи голодающим, основанной на введении твердых цен на хлеб и общественных работах. Но каждый его шаг, все его самые разумные меры тонули в хоре голосов его критиков или, что еще хуже, использовались теми, кто умел извлекать выгоду из чужой беды. Уже осенью 1601 года, когда пропал выращенный урожай, цена на рожь, например, в Соли Вычегодской достигла целого рубля, и хлебная «инфляция» продолжала раскручиваться. Видя, что «у Строгановых самих… и у приезжих наших московских гостей, и у вологоцких, и пермьских, и у двинских, и у вяцких торговых прожиточных, и у иных у всяких у тутошних богатых людей прошлых лет старые пахоты… хлеба много», Годунов послал 3 ноября 1601 года указную грамоту старостам, целовальникам и судьям «всее Усолские и Вычегодские земли», в которой приписал наступившее расстройство хлебной торговли сговору корыстолюбивых купцов: «меж себя сговоряся для своей корысти, хотя хлебною дорогою ценою обогатети, тот весь хлеб у себя затворили, и затаили, и для своих прибылей вздорожали в хлебе великую цену». Последствия такой игры на рынке крупных оптовых торговцев зерном, отдававших хлеб только богатым перекупщикам по нескольку сот четвертей (мера веса) и прекративших торговать им «в рознь», по нескольку четвертей, сказались очень быстро. «И цена хлебу у Соли Вычегоцкой от часу прибывает и дорожает со дни на день болши прежнего, — говорилось в царской грамоте, — а посацким, и волостным людем

делаетца многая нужа, что им по такове по болшой дорогой цене у скупщиков, и у хлебников, и у колачников хлеба купити неизможно». Мириться с таким положением дел царь не стал и вмешался в торговые операции оптовых торговцев хлеба. Меры против «скупщиков» были приняты повсюду, затронув и саму Москву и другие города, торговавшие со Строгановыми в Сольвычегодском крае: «велели есмя в нашем царьствующем граде Москве и в наших московских и во всех городах нашего царьского содержанья хлебных скупщиков и тех всех людей, которые цену в хлебе вздорожили, и на хлеб денги задатчили, и хлеб закупали, и затворили, и затаили, сыскивати». Хлеб предписывалось искать во всех дворах, житницах, амбарах и лавках. Завершалось все логичным для царя Бориса Федоровича указом продавать зерно по определенной цене и понемногу, чтобы хватило на всех. «И за таким нашим царским великим утверждением и за крепко учиненною заповедью, — грозили в указе, — велели есмя учинити у Соли хлебную цену одну, купити и продавати ржи четь по полтине, овса четь в полполтины, ячменя четь в четыре гривны. А купити есмя велели всяким людем понемногу про себя, а не в скуп чети по две, и по три, и по четыре человеку»[613]. Четверть в московскую или новгородскую меру равнялась от четырех до шести пудов зерна. Будь эта мера реализована, людям хватило бы хлеба, чтобы пережить голодное время и посеять зерно для нового урожая. Однако большинству не хотелось расставаться с барышами из-за любви к ближнему. Затворенными для голодных оказались даже монастырская и патриаршая хлебная «казна». И наоборот, все, кто мог, бросились скупать остававшийся хлеб, чтобы перепродать его подороже. Авраамий Палицын осуждал «сребролюбцев» и обвинял их в том, что именно они стали причиной «начала беды по всей России»: «Мнози тогда ко второму идолослужению обратишася, и вси имущеи сребро и злато и сосуды и одежда отдаяху на закупы, и собираху в житницы своя вся семяна всякого жита, и прибытков восприемаху десятирицею и вящши». Наживаемые мгновенно капиталы разделяли людей. Тогда и пригодились эти несимпатичные русские поговорки о том, что сытый голодного не разумеет и своя рубашка ближе к телу. Во всяком случае, именно в таком равнодушии к судьбам ближних обвиняет своих богатых современников троицкий монах Авраамий: «Мнози бо имущеи к разделению к братии не прекланяхуся, но зряще по стогнам града царьствующаго от глада умерших, и ни во что же вменяху».

Конечно, не все объяснялось хлебной спекуляцией; кто-то просто хотел сделать запасы на будущее, чтобы уберечь себя от угрозы голодной смерти. Так, несмотря на благие начинания царя

Бориса Годунова, его подданные своими руками вымостили себе дорогу к тяжелым испытаниям Смутного времени. Пытаясь упорядочить хлебную торговлю, царь Борис успешно ее разрушил. Начавшиеся в стране процессы дают материал для классического пособия на тему «Как устроить гражданскую войну в России». Хлеба в стране оставалось еще достаточно. Как писал тот же Авраамий Палицын, потом еще четырнадцать лет «от смятения» им питались «во всей Русской земле». Борис Годунов отказался от закупок голландского зерна, услужливо привезенного иноземными купцами, прослышавшими про голод в России и возможность неплохо на этом заработать. Из объявленного 16 мая 1602 года в Нарве «продажного хлеба» ржи и других товаров на царский обиход, как и в прежнее время, были закуплены редкие вина[614]. Значит, царь считал, что может справиться с ситуацией собственными силами. Но, вмешавшись запретительными мерами в частный торг, Борис уничтожил коммерческую инициативу, и ее место быстро заняли неповиновение, всеобщий обман и подозрительность. Царь приказывал печь хлеб «определенного веса и по определенной цене» — а пекари, по свидетельству Исаака Массы, «для увеличения тяжести пекли его так, что в нем было наполовину воды, от чего стало хуже прежнего»[615]. В обстановке «доводов» сыпались обвинения даже в адрес патриарха и монастырей, где обычно скапливались запасы хлеба. Только житницы самого царя Бориса были широко раскрыты, как ворота, для всех бедных и голодных.

Узнав о выдаче милостыни, в Москву по всем дорогам бросились голодные люди. По известию «Нового летописца», царь «повеле делати каменное дело многое, чтобы людем питатися, и зделаша каменные полаты болшие на взрубе, где были царя Ивана хоромы». Слух о том, что в Москве можно прокормиться на перестройке двора Грозного царя, видимо, быстро разошелся, но привлек не только тех, кто был способен к черновым строительным работам, но и обычных разбойников. Благая мера грозила превратиться в кошмар и ужас на всех больших дорогах государства, особенно подмосковных, по которым сбирались в столицу будущие наемные рабочие.

Скученность голодающих, не имевших крова в Москве, очень быстро стала причиной «мора». Возникла новая тяжелая проблема: что делать с телами умерших, которых не успевали подбирать на улицах? И снова Борис Годунов нашел быстрый ответ: «повеле мертвых людей погребати в убогих домах и учреди к тому людей, кому те трупы сбирати»[616]. Кроме санитарных мер, в этом была другая, духовная сторона человеческого ухода без покаяния, с которой не могли не считаться люди той эпохи.

Поэтому и понадобилось создавать три специальных кладбища — «скудельницы» — для людей, умерших скоропостижной смертью[617]. Авраамий Палицын привел в своем «Сказании» цифры погребенных: «И за два лета и четыри месяца счисляющу по повелению цареву погребошя в трех скудельницах 127 000, толико во единой Москве». И не удержался от возгласа, вспомнив о других неисчислимых жертвах голода: «Но что се? Тогда бысть в царствующем граде боле четырех сот церквей, у всех же тех неведомо колико погребше христолюбцы гладных. А еже во всех градех и селех никто же исповедати не может: несть бо сему постижениа»[618]. О более чем 120 тысячах умерших в Москве от голода писал также Жак Маржерет: «Они были похоронены в трех назначенных для этого местах за городом, о чем заботились по приказу и на средства императора, даже о саванах для погребений»[619]. Кстати, стоит подчеркнуть эту деталь — погребение умерших в Москве царь Борис Годунов брал на свой счет.

Меры по борьбе с голодом коснулись не одной Москвы, но всего государства. В 1602 году была достроена Смоленская крепость, и завершение ее строительства тоже укладывается в продуманную логику организации общественных работ. Царь Борис Годунов послал в Смоленск огромную сумму в 20 тысяч рублей. Но ни раздача милостыни, ни попытки занять людей работой и дать им твердый заработок не помогали. Еще летом 1603 года ганзейские послы, проехавшие от Смоленска до Москвы и от Москвы до Новгорода, запечатлели жуткую картину голода (притом что сами они довольствовались из казны весьма богато и разнообразно, и винами, и медом): «Здесь мы должны упомянуть с сердечным прискорбием, что как в самой Москве, так и по всем местам, где нам пришлось проезжать, царили сильнейшая, неслыханная дороговизна, голод и кручина, так что население целых деревень оказывалось вымершим с голоду в такой мере, что даже в Москве трупы погибших голодною смертью вывозили на 6, 8 и более возах ежедневно. И во время пути мы не раз видели, как бедные люди по деревням собирали барашки орешника или соскабливали с сосен кору, заменяя себе этим хлеб, так что в иных местах, вследствие обдирания коры, погибли целые сосновые леса. Иногда же эти несчастные люди пекли себе хлеб из соломы и молотого сена… Одним словом, во многих местах вследствие дороговизны и голода положение было в высшей степени плачевное»[620].

Многие были уверены тогда, что счастье навсегда отвернулось от жителей Московского государства; многие готовы уже были искать виноватых. Как ни велико было желание царя

Бориса помочь всем нуждающимся, сделать это он все равно не мог. Люди оставались один на один со своими несчастьями, но важно понять, какой выбор они делали. В Житии муромской дворянки Ульянии Осорьиной, написанном ее сыном, рассказывается о бедствиях голодных лет времени царствования Бориса Годунова. В нем показано, как в течение немногих лет приходит в упадок хозяйство вдовы Ульянии, выбравшей путь выживания вместе со своими «рабами» и «челядью», то есть крестьянами и холопами: «В то же время бысть глад крепок во всей Русстей земле, яко многим от нужда скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неисчетно гладом изомроша». Ульянию, как и других, постигли неурожай и голод, но она пыталась накормить своих людей и удержать их от пагубного воровства, распродавая собственное имущество: «В дому же ея велика скудость пищи бысть и всех потребных, яко отнюдь не прорасте из земля всеяное жита ея. Коня же и скоты изомроша. Она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе не коснутися, но елико оставляшася скоты, и ризы, и сосуды вся распрода на жито и от того челять кормяше и милостыню доволно дояше, и ни единаго от просящих не отпусти тщима рукама. Дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну не остатися в дому ея». Видя, что уже не может прокормить своих крестьян, Ульяния Осорьина дала им вольную: «Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладом»[621]. Немногие оставшиеся с нею люди собирали кору и лебеду и пекли «хлеб», который был сладок странникам и нищим, ибо испечен был «с молитвою». Сама же вдова Ульяния не возроптала, а все приняла со смирением.

В этом житийном повествовании отразилась еще одна важная деталь социальной истории той эпохи. Проблемы с тем, чтобы прокормить крестьян и дворовых людей, возникали прежде всего у небогатого мелкопоместного дворянства, жившего в уездах Московского государства. У приказчика крупной боярской вотчины всегда было больше возможностей собрать излишки хлеба, перераспределить его для нуждающихся или ссудить зерном крестьянина в счет будущего урожая. Но большинство поместий в Московском государстве были другими. В южных уездах случалось и так, что сын боярский одновременно нес службу и пахал землю. Городовые дворяне и дети боярские жили со своими крестьянами и холопами в одном сельце, а не в отдельных усадьбах, как в более позднее время. Дворянин мало чем отличался от подавляющей массы крестьянского населения страны и по костюму, и по своей образованности.

Налоги и продажи

В условиях начинавшегося голода царь Борис Годунов вынужден был изменить правила крестьянского выхода своими знаменитыми указами 1601–1602 годов. Особенно популярны были эти указы у советских историков, видевших в них этапную меру в закрепощении крестьянства[622]. Однако советская историография, трудившаяся над изучением «классовой борьбы» и рассматривавшая события Смутного времени прежде всего как Крестьянскую войну, запутала прозрачный, ясный и четкий смысл упомянутых указов. Для того чтобы понять, какие цели преследовал указ 28 ноября 1601 года о крестьянском выходе, надо представлять себе как структуру тогдашнего общества, так и характер распределения земельной собственности. Суть принятых Борисом Годуновым мер прекрасно объяснил Степан Борисович Веселовский: «Очевидно, что в голодные годы многие землевладельцы, особенно мелкие, не могли или не хотели помогать своим крестьянам, но в то же время не желали им давать отпускных, чтобы не лишиться в будущем рабочих рук. Другие же землевладельцы, у которых были средства прокормить голодающих беглых, не принимали их к себе, опасаясь понапрасну „истощить себя“, как выражается указ, так как позже прежние господа могли вернуть к себе судом этих беглых. На почве голода ярко сказались темные стороны лишения крестьян права выхода»[623].

Указ царя Бориса действительно облегчал, а не ухудшал положение крестьян. Он разрешал их выход только от тех помещиков, которым было трудно их кормить: «В нынешнем во 110-м году великий государь царь и великий князь Борис Федоровичь всеа Русии и сын его великий государь царевичь Федор Борисовичь всеа Русии пожаловали, во всем своем Московском государстве *от налог и от продаж* (выделено мной. — *В. К.*) велели крестьяном давати выход. А отказывати и возити крестьян дворяном, которые служат из выбору, и жилцом, и детем боярским дворовым и городовым, приказщиком всех же городов»[624]. Кроме жильцов и уездного дворянства, делами которых еще могли заниматься приказчики их поместий, послабления были сделаны для иноземцев и более мелких служилых людей дворцового и царицына чина. Разрешения вывозить крестьян были даны ключникам, стряпчим, сытникам Приказа Большого дворца, приказчикам и «конюхом стремянным» Конюшенного приказа, «ловчего пути охотникам» и «конным псарем», «соколничья пути» кречатникам, сокольникам и трубникам, царицыным детям боярским, приказным подьячим,

стрелецким сотникам и казачьим головам Стрелецкого приказа, переводчикам и толмачам Посольского приказа, а также патриаршим и архиепископским детям боярским.

Чего же хотел царь Борис Годунов? Чтобы вся эта служилая мелкота сама помогла себе и не мучила зависевших от них крестьян. Был установлен один срок выхода для крестьян: две недели до Юрьева дня (26 ноября) и две недели после, чтобы не допустить переход крестьян в то время, когда они еще не сняли урожай. За свой уход крестьянин выплачивал «пожилое», и его сумма была фиксированной: «за двор по рублю да по два алтына», что примерно составляло цену одной четверти ржи по ее рыночной стоимости на момент издания указа. Специально оговаривалось и то, что переходы не должны были разорять до конца служилых землевладельцев. Разрешался своз только одного-двух крестьян: «одному человеку из-за одного человека». На своз трех-четырех крестьян был наложен запрет, как и на то, чтобы кто-то из перечисленных категорий людей превратил своз крестьян в промысел.

Борис Годунов предвидел, чем может обернуться его указ. Рядом с мелкими поместьями могли располагаться целые боярские латифундии, приказчики которых всегда благосклонно относились к приходившим крестьянам, справедливо видя в них источник дохода не только для хозяина, но и для себя. А как небогатому служилому человеку доказать, что его крестьянин убежал в вотчину царева боярина? Известно, что московские дьяки не принимали таких челобитных, боясь «остужаться» с боярами, и требовали бить челом «мимо них», прямо государю. Зная это, царь Борис Федорович прямо запретил своз крестьян в дворцовые села, черные волости, земли патриарха, архиепископов и монастырей. Указ не распространялся на членов Государева двора — бояр, окольничих, стольников, стряпчих, московских дворян и дьяков. С. Б. Веселовский пишет, что если бы Борис Годунов «дал право вывозить и принимать крестьян патриарху, властям, монастырям и высшим служилым чинам, то эти более сильные экономически землевладельцы подавили бы легко служилую мелкоту и лишил бы ее рабочих рук. Понятно также, почему вывозить крестьян разрешено было только у мелких служилых людей, так как именно последние чаще всего оказывались не в состоянии прокормить своих крестьян»[625]. Не удовлетворившись одной запретительной мерой, Борис Годунов дополнил ее тем, что вовсе закрыл для переходов крестьян Московский уезд, где в основном и располагались земли столичного дворянства: «А в Московском уезде всем людем промеж себя, да из ыных городов в Московской уезд по тому ж

крестьян не отказывати и не возити».

Принятые меры поначалу оказались действенными, иначе бы указ не стали повторять год спустя, 24 ноября 1602 года. Но как можно понять из текста нового указа, продлевавшего возможность «своза» крестьян в те же сроки и с такой же суммой «пожилого» на следующий, 111 (1602/03) год, реализация мер по свозу крестьян между мелкими землевладельцами встретила сложности. Указ был дополнен угрозой наказания тем, кто отказывался отпускать крестьян: «А из-за которых людей учнут крестьян отказывати, и те б люди крестьян из-за себя выпускали со всеми их животы безо всякие зацепки, и во крестьянской бы возке промеж всех людей боев и грабежей не было, и силно бы дети боярские крестьян за собою не держали, и продаж им никоторых не делали. А кто учнет крестьян грабити и из-за себя не выпускати, и тем от нас быть в великой опале»[626]. Казалось бы, здесь-то уж все ясно. Но опять не стоит торопиться с осуждением «крепостников». Ведь они действуют не по царскому приказу, а вопреки ему, и они также переживают голодное время, как и их крестьяне.

Как бы ни был предусмотрителен царь Борис Годунов, жизнь все равно устроила по-своему. Одни небогатые землевладельцы делали выбор между послушанием царскому указу и голодной смертью: им лучше было уморить своего крестьянина, чем смотреть, как его у них забирают. Другие, более богатые, помещики и вотчинники увидели еще одну открывшуюся возможность для найма крестьян. Не случайно автор «Бельского летописца», составленного в служилой среде, писал позднее, что крестьянский выход пересорил дворян и детей боярских. Статья летописца об этих указах называется неожиданно — «О апришнине», и в ней содержится ссылка на нарушение Борисом Годуновым некого «заклятья» Ивана Грозного: «Того ж году на зиму царь Борис Федорович всеа Русии нарушил заклятье блаженные памяти царя Ивана Васильевича всеа Русии и дал Христианом волю выход межу служилых людей, окроме бояр больших и ближних людей и воевод, которые посланы по дальним городом. И в том межу служилых людей учинил велику зело скору и кровопролитие». В другой статье, «О выходе», летописец повторил эту мысль: «И межу их учинилось межьусобное кровопролитие, и тяжбы о том меж ими велики зело стали, и от того у служилых людей поместья и вотчины оскудели, и сами служилые люди стали в великой скудости и межу собя в ненависти». Царю Борису Годунову из-за начавшейся «смуты» все-таки пришлось отказаться от введенных чрезвычайных мер («и велел заповедати, что впредь выходом не быти, отказать»), но

было уже поздно[627].

Многие крестьяне и холопы не могли надеяться даже на то, чтобы найти нового владельца. Кому был нужен лишний рот в голодное время? Тогда получалось, по слову Авраамия Палицына, «лето убо все тружаются, зиму же и главы не имеют где поклонить». Видя это, царь Борис Годунов совместно с царевичем Федором Борисовичем и Боярской думой издали приговор «о холопех» 16 августа 1603 года. Этот закон, изданный в интересах отпущенных на волю, но не получивших отпускных документов холопов, показывает, что в первую очередь была выказана забота о голодающих: «Которые бояре, и дворяне, и приказные люди, и дети боярские, и гости, и всякие служилые, и торговые, и всякие люди холопей своих ссылали з двора, а отпускных им не дали, и крепостей им не выдавали, а велят им кормитца собою, и те их холопи помирают голодом, а иные многие питаютца государевою царевою и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии милостиною, а за тем их не примет нихто, что у них отпускных нет»[628]. Указ предписывал «бояром, и дворяном, и всяким людем» обязательно выдать им «отпускные» и «крепости» и больше их не держать за собою в надежде вернуть, как только минется голодное время. Если такие, фактически отпущенные на волю («кормиться собою»), холопы являлись в Приказ Холопьего суда, то там они могли самостоятельно получить необходимые документы, чтобы уже с ними искать, куда дальше поступить на службу.

Важным следствием начавшихся переходов и отпуска на волю крестьян и холопов оказалось то, что большая масса людей занялась попрошайничеством и бродяжничеством. Самые отчаянные полностью отказывались от своих семей и уходили «казаковать» или разбойничать. Борьба с разбоями стала еще одной задачей, которую приходилось решать в 1601–1603 годах. В уезды из Разбойного приказа с царскими наказами поехали специальные сыщики, которые должны были предупреждать разбои на дорогах. Им было велено стоять «промеж дорог», «утаясь». Поэтому, действуя как небольшие военные отряды, московские сыщики привлекали местных дворян и совместно с губными старостами вели розыск, пытали пойманных разбойников «крепкими пытками» и сажали их в тюрьмы. Смертная казнь при этом грозила не тем, кого ловили в разбойных делах, а самим сыщикам, чтобы они «не норовили никому, и посулов, и кормов не имали»[629].

Сыщики, присланные из Разбойного приказа, вторгались своими действиями в сферу интересов не только уездных дворян и детей боярских, но и других землевладельцев, в частности

крупных монастырей. Организация сыска о разбоях становилась для местного населения чем-то вроде чрезвычайного налога: людей обязывали за свой счет содержать губных целовальников и дьячков, тюремных сторожей и палачей. При этом опять пытались облегчить положение владельцев «середних и менших» поместий и вотчин по сравнению с «большими», с которых требовалось выбирать целовальников в первую очередь. Царь Борис Федорович уничтожил также другую обременительную для уездов повинность — строительство тюрем на средства, собранные с «сох», то есть с определенного количества обрабатываемой пашни. Вместо этого было «велено тюрьмы поделывати из нашие казны денгами». Троице-Сергиеву монастырю возвратили ранее отобранные привилегии по самостоятельной организации губного дела, защитив монастырь от губных старост, пытавшихся «по новому уложению» (об отмене тарханов?) заставить монастырские власти содержать «губу» вместе со всем уездом[630].

О многих назначениях сыщиков «за розбойники» известно из косвенных источников — разрядных книг и боярских списков[631], где фиксировались службы привилегированного московского дворянства. Такие записи не оставляют сомнений в том, что правительство Бориса Годунова очень серьезно отнеслось к защите государства. Но даже эти меры не уберегли его от столкновения с крупным разбойничьим отрядом прямо под Москвой. Это было так называемое «восстание Хлопка», с которого в советской историографии начинали отсчет «крестьянской войны». Рассказ о тех событиях оставил «Новый летописец». Против «воровских людей» во главе со «старейшиной» по имени «Хлопа» «бояре же придумаша» послать целое войско — «многую рать». В поход выступил царский окольничий Иван Федорович Басманов. Но разбойников это не испугало, они вступили в бой с царскими войсками и даже убили главного воеводу. Но и сами немало пострадали: по свидетельству летописца, «многих их побиша: живи бо в руки не давахуся». Поймали израненного «старейшину Хлопка», а остальные ушли на Украйну, где со времен Ивана Грозного беглые избывали все свои преступления. Царь Борис не мог простить смерти любимого окольничего и отступил от своего правила публично не казнить преступников: «тамо их всех воров поимаша и всех повелеша перевешать»[632].

Никто точно не знает, сколько всего было разбойников, кто входил в их отряды и даже когда произошло сражение с войском Хлопка. В. И. Корецкий справедливо предположил, что известие капитана Жака Маржерета о массовой казни 500 человек в дни царствования Годунова связано с боями против разбойников под

Москвой[633]. Позднее такое количество вольных «казаков» под командованием атамана будет называться станицей. К Москве «воровские люди» подошли, видимо, летом 1603 года. 14 мая в Москве были назначены «объезжие головы» для «береженья» от огня, и окольничий Иван Федорович Басманов должен был следить, чтобы не было пожаров «в Деревяном городе от Москвы реки по Никицкие ворота»[634]. Следующая его служба, стоившая окольничему жизни, уже не вошла в разряды. Но осталось поминание по душе Ивана Федоровича Басманова, похороненного с почестями в Троице-Сергиевом монастыре. Дата этого царского вклада зафиксирована в монастырской вкладной книге 18 сентября 1603 года: «112-го (1603) году сентября в 18 день по Иване Федоровиче Басманове пожаловал государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии денег 100 рублев»[635]. Возможно, что, отсчитав сорок дней назад от этой даты, мы узнаем и время гибели окольничего, и дату одного из первых крупных столкновений в ходе войны, которую позже назовут крестьянской или даже гражданской.

Глава 7
Тень царевича Дмитрия

Первые годы XVII века остаются без своей истории. Для современников и историков всё заслонили сначала небывалый голод, связанные с ним социальные потрясения, а потом появление самозванца, принявшего имя убитого царевича Дмитрия[636]. Эти сюжеты обязательно вспоминаются, когда речь заходит о годах правления Бориса Годунова, хотя собственно к *управлению* Московским государством они имеют мало отношения. События голодных лет и последовавшего торжества самозванства, природная и политическая стихии оказались связанными в памяти как наказание, посланное за грех «безумного молчания всего мира». За покаянием приходила пора переоценки, и все подозрения в адрес Бориса Годунова обретали характер незыблемой истины.

Остатки годуновского замысла, с ожесточением разрушавшегося уже его бывшими подданными, сегодня могут быть восстановлены с помощью даже не истории, а какой-то другой науки — назовем ее «археологией смыслов». Надо только «перевернуть лист бумаги», чтобы увидеть не то, что уже давно написано в хрониках, а остающееся незаполненным историческое пространство, где есть место воле и действиям самого Бориса. Как он осознавал и чувствовал себя (в прямом и переносном смысле) в эти годы? Что казалось ему главным, а что нет? Как воспринял царь Борис Федорович историю с появлением самозваного царевича Дмитрия? Разве остановились все другие дела его царствования во время войны с «царевичем»? Каким видел он продолжение своей династии, о чем заботился в первую очередь?

Не забудем, что Борис Годунов, как известно, умер скоропостижно, не оставив завещания. Никто не готовился к столь быстрой смене власти; наоборот, за двадцать лет его «правительства» все должны были привыкнуть к тому, что власть его незыблема. Борис Годунов и не выпускал бразды правления из своих рук, а вот его преемники оказались слабы. И объяснение этой слабости тоже стоит поискать в делах годуновского царствования.

Нарушенный мир

Вступив на царский престол, Борис Годунов впервые получил

полную возможность реализовать свои внешнеполитические планы без оглядки на расстановку сил в Думе. Создается впечатление, что он не спешил с обычной посылкой грамот с извещением об избрании его на царство в другие государства. Первые посольства поедут в Европу только в 1599 году. Однако в тех условиях ничего не делалось быстро. Сначала надо было получить «опасную грамоту» для беспрепятственного проезда послов. Кроме того, царь Борис Федорович отнесся к этому не как к обычной дипломатической формальности, он начинал продумывать конструкцию будущего мира, в котором Русскому государству было отведено почетное место в ряду других христианских стран. Главным препятствием, конечно, оставался «литовский» вопрос. До сих пор сторонников мира с Речью Посполитой можно было искать прежде всего среди политических противников Годунова, и свое убежище они находили тоже в «Литве». Более того, в марте 1598 года были предприняты шаги по официальному представлению кандидатуры польского короля Сигизмунда III на русский трон (правда, безнадежно опоздавшие и не имевшие никакого влияния на выбор царя)[637]. И здесь Борис Годунов поступил совсем не так, как все ждали…

8 ноября 1598 года (по новому стилю) литовский канцлер Лев Сапега сообщил коронному канцлеру Яну Замойскому о присылке грамот смоленских воевод с официальным извещением об избрании на царство Бориса Годунова и просьбой о выдаче «опасной» грамоты для русских послов, направлявшихся в Империю{13}. Вмешательство главы правительства Польши потребовалось потому, что в письме смоленского воеводы, направленном оршанскому старосте Андрею Сапеге, был обойден главный вопрос — о запросе такой же «опасной» грамоты для послов в Литву. Смоленский воевода лишь пояснял, что такое намерение существует, но пока отложено из-за того, что, как стало известно, короля Сигизмунда III не было в тот момент в землях Речи Посполитой. То, что в Литве не знали, в какую сторону может повернуться политика восточного соседа, подтверждается еще и передачей фантастичного слуха об убийстве Бориса Годунова. Слух этот был спровоцирован очередным закрытием границы для проезда купцов в другие государства в конце 1598 года[638]. На самом же деле готовился резкий разворот в отношениях с Речью Посполитой, позволивший начать переговоры о вечном мире.

В феврале 1599 года в Литву были направлены в посланниках думный дворянин Михаил Игнатьевич Татищев и дьяк Иван Максимов. В посольской грамоте приведен полный царский титул Бориса Годунова. Грамота была выдана «от великого господара

цара и великого князя Бориса Федоровича, всея Русии самодержца, Владимерского, Московского, Новгородского, царя Казанского, цара Астраханского, господара Псковского и великого князя Смоленского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных, господара и великого князя Новагорода Низовские земли, Черниговского, Рязанского, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всея Сиберские земли, и Сиверныя страны повелителя и господара Иверские земли Грузинских царей, и Кабардинские земли Черкаских и Горских князей, и иных многых господарств господара и обладателя». Титул русских царей складывался давно, рубежным стало время первого «государя всея Руси» великого князя Ивана III Васильевича. Каждый следующий самодержец стремился к расширению титула. Царь Борис Годунов тоже декларировал свое желание дополнить его, например, покорив крымского царя.

В грамоте, отосланной с Михаилом Татищевым, говорилось не только о восшествии на престол Бориса Годунова (кстати, в Литву сообщали, что новый царь получил свою власть в том числе «по приказу» царя Федора Ивановича). Дипломаты царя Бориса Федоровича получили инструкцию, в которой, пусть и в самом общем виде, была задана программа будущих действий. Посланникам «наказали» говорить «о всяких добрых делех, что годно всему хрестьянству, чтоб нами, великими господары, и нашим господарским осмотрением хрестьянство высвобожоно было из рук бесерменских, и чтоб хрестиянская рука вышиласе, и была в покою и в тишине, а бесурмянская рука нижыласе»[639]. В самой идее общего союза христианских государств против «бусурман» ничего нового не было, ее давно обсуждали со Священной Римской империей. И каждый раз камнем преткновения становилась позиция Речи Посполитой, тем более что цесарь и русские цари не прочь были договориться о разделе этой страны. Но с избранием на престол Сигизмунда III многое изменилось. Король Речи Посполитой породнился с домом Габсбургов, который вел изнурительную войну с турецким султаном. Борис Годунов продемонстрировал готовность к миру с Речью Посполитой во имя более высокой цели защиты христианства, обосновывая это тем, что оба государства «одной веры», «одного языка», а их подданные «от одного народа славянского идут»[640]. Таким образом, Русское государство готово было пойти на изменение своей западной политики и подключиться к антиосманскому союзу христианских стран (Россия и до этого помогала цесарю Рудольфу субсидиями на ведение войны).

Ответное посольство во главе с канцлером Великого княжества Литовского Львом Сапегой, Станиславом Варшицким и Ильей Пельжгримовским было отправлено в Москву в конце сентября 1600 года[641]. Оно запомнилось небывалым количеством посольской свиты в несколько сотен человек, а также многолюдными торжественными встречами. Встреча посольства и сами переговоры стали одним из наиболее заметных событий всего царствования Бориса Годунова. Послов провезли по смоленской дороге и позволили им посетить годуновские Большие Вяземы, где царь Борис Федорович незадолго до этого освящал новый храм. В разрядной книге есть известие о его трехдневной поездке «на Везему храму свещати Троицы Живоначалные» 14–16 сентября 1600 года[642]. А уже 5(15 октября) там же оказались литовские послы. Запись о посещении Вязем оставил один из участников посольства Илья Пельжгримовский: «Послы рассматривали прекрасный, собственный Государя Московского дворец, построенный наподобие замка, с острогом и бастионами кругом, во вкусе Московском: дворец этот также построен Государем в то время, когда он был только правителем; называется он — *Вязёма.* В виду самого дворца построена каменная церковь замечательного размера, с несколькими куполами, крытыми жестью, с позолоченными крестами. С позволения Приставов, Великий Канцлер с некоторыми другими спутниками вошел в церковь и слушал обедню; внутри церковь отделана чудно и необыкновенно богато»[643].

По приезде в Москву посольство не сразу получило аудиенцию у Бориса Годунова. Прием откладывался под предлогом царской болезни («государь занемог болью в ноге»); кроме того, приставы должны были получить подтверждение, что послы привезли подарки не только царю, но и его сыну царевичу Федору Борисовичу. Первый прием послов у царя Бориса Федоровича состоялся в воскресенье 16 (26) октября; его описание тоже имеется в дневнике посольства, составленном Ильей Пельжгримовским: «Послы сошли с лошадей у самого главного Княжеского подъезда возле Благовещенской церкви, очень богато отделанной снаружи и внутри, с позолоченными куполами; и Приставы проводили их чрез притвор церковный, прямо к царским палатам, где находился сам Князь, с Думными своими Боярами. На протяжении всей лестницы по обеим сторонам ее, и на крыльце, прямо до самых палат Царских, расставлены были Боярские дети и иностранцы… В палатах Царских застали Великого Князя сидящим на троне в венце; в руке у него были скипетр и держава; возле него по правую руку

сидел сын его, а вокруг сидело много Думных Бояр и Дворян в парчовых одеждах»[644].

Видимо, об этом же царском приеме говорится в «Новом летописце». Одна из статей этого памятника («О послех литовских и о Сапеге») посвящена приезду послов соседней страны для договора «о мирном поставлении». Царь Борис Федорович стремился показать литовским послам, что ему служат многие иноземцы, царевичи разных земель, «рохмистры литовские и немецкие и поручики». Явно со слов очевидца — любителя мелких деталей, в летописце записано, что «многие немцы и поляки стояли в сенех у Грановитой палаты: немцы в немецком платье, а поляки в литовском платье». Все это будто бы вызвало ревность послов, позавидовавших, что служилые иноземцы «пожалованы у государя»; с этим автор «Нового летописца» и связал начало будущих бед: «…яко же и соделася впредь над Московским государством разорения от них»[645]. На самом деле послы запомнили лишь безмерную гордость русского царя. Лев Сапега в речи на сейме 1611 года вспоминал, что Борис Годунов «так возгордился», что «присвоил себе Божескую силу… звал себя единым подсолнечным, которому нет равного, благодаря которому цари царствуют и проч.»[646].

Оценки летописца, данные много лет спустя, конечно, не могут быть признаны справедливыми. Главное было в той новизне, которую обещали изменения, связанные со вступлением на престол Бориса Годунова. И их сразу оценили в Речи Посполитой, прислав послов договариваться о соединении и вечном мире. По большому счету, мир этот был нужнее «литовской» стороне[647]. В Речи Посполитой опасались возможного союза Московского государства и Швеции, тесных контактов Москвы с правителями Валахии, подтвержденных принятием на русскую службу «волошских воеводичей».

Между двумя странами оставалось много других вопросов, которые нельзя было сразу убрать с дороги. Имелись проблемы у торговых людей, ездивших торговать в Речь Посполитую; не было проведено пограничного размежевания, что вызывало многолетние споры. Самый показательный пример раздоров уже упоминался — проблема Прилуцкого городища, «осваивавшегося», по утверждению московской стороны, князьями Вишневецкими на государевой земле. Однако взаимные претензии на переговорах с канцлером Львом Сапегой в Москве должны были отойти на второй план. В Речи Посполитой дали инструкцию своим послам договариваться о полном, династическом союзе с Московским государством.

Между двумя государствами могла бы сложиться даже уния,

потому что при заключении договора обсуждалась возможность коронации потомков короля Сигизмунда III на Московское государство и потомков Бориса Годунова в Речи Посполитой. В случае если бы в Польше и Литве избрали государя из московской династии, он должен был проводить там два года, а третий посвящать делам в Москве. Если бы такой союз удалось заключить, то решался самый главный вопрос многолетних споров с Литвой — о царском титуле, который в Польше не признавали. Послам едва ли не впервые разрешалось написать Бориса Годунова с титулом «царя», считавшимся равным королевскому («а по-польски короля»). Возможно, что оба государя, Борис Федорович и Сигизмунд III, стали бы именовать друг друга «братьями», что было признаком особого дипломатического доверия. Для подкрепления союза предлагалось изготовить две короны: одну послы Речи Посполитой должны были возлагать на русского царя, а другую московские послы — на короля. Если же послам Речи Посполитой не удавалось договориться о мире на предложенных условиях, тогда они могли заключить многолетнее перемирие: на тридцать, сорок или даже пятьдесят лет[648].

После первого, торжественного приема, в котором участвовал царь Борис Федорович, начались переговоры. Но теперь послов, прежде чем им идти в Ответную палату, принимал уже не сам царь, а его сын царевич Федор Борисович. В дневнике польского посольства сохранилось описание такого приема 23 ноября (3 декабря): «…явились к Послам Приставы и уведомили, что они должны идти на заседание. Когда вошли в палаты Царские, то там уже застали молодого Князя, сына Государева: он сидел на отцовском месте на троне, окруженный множеством Думных Бояр и Дворян. Когда Послы, вошедши, поклонились молодому Князю, то он, с минуту обождав, обратился к ним с следующими словами: „Здоровы ли вы, Лев, Станислав, Илья?“ Сапега отвечал: „Слава Богу, здоровы“. Князь сказал после этого: „Великий Государь, Царь и Великий Князь Борис Феодорович, Самодержец всея Руси, и многих Государств Государь и владетель, велел своим Думным Боярам — Князю Феодору Ивановичу Мстиславскому, Князю Феодору Михайловичу Трубецкому, Степану и Ивану Васильевичам Годуновым составить с вами договор, а потому вы идите в Ответную Палату“. Канцлер Сапега отвечал на это: „Мы очень рады и желаем этого: мы и приехали для того, а не на то, чтоб лежать и ничего не делать“»[649]. Перечень бояр, назначенных обсуждать дело о заключении мира, полностью совпадает с тем, который сообщает разрядная книга[650]. А вот реплика Льва Сапеги, которая приводится в

дневнике посольства, — свидетельство уникальное. Сказано все было на грани вызова. Видимо, слишком уж нужен был мир в Литве, поэтому канцлер Лев Сапега смирился (хотя и не до конца) с тем, что посольскую церемонию, вместо больного отца, исполнил ребенок — царевич Федор.

Посольский приказ выбрал привычную неуступчивую тактику, сопровождавшуюся давлением на послов и затяжными спорами о царском титуле и даже о давно проигранной Ливонии. Позднее литовский посол канцлер Лев Сапега обижался и высказывал претензии, что его посольство держали в Московском государстве более полугода (с октября 1600-го по март 1601 года), но за это время добиться желаемого послам так и не удалось. Они не сумели уговорить московских дипломатов даровать право вольного «отъезда» польской и литовской шляхте и московским служилым людям, которые могли бы выбирать, кому из государей служить. Не удалось послам и «открыть» Русское государство для свободного распространения католичества, строительства костелов и школ для тех подданных короля, кто намеревался служить здесь. Не были основаны коллегии для обучения подданных Бориса Годунова латинскому языку. Детям «людей народа московского» так и не было дано право учиться в школах Польши и Литвы, что также предлагали послы Речи Посполитой. Не допускались смешанные браки. Московские бояре готовы были согласиться на ряд мелких уступок, но от проблемы отсутствия свободы вероисповедания в Московском государстве уйти было нельзя. Иметь конкурентов в царских пожалованиях бояре тоже не желали, поэтому свободное обращение земельных владений не было дозволено. Правда, в конце переговоров московская сторона стала интересоваться у канцлера Льва Сапеги, нет ли у того полномочий обсуждать возможный брак короля Сигизмунда III и царевны Ксении. Но, возможно, это был всего лишь показательный жест, демонстрация намерений на будущее.

В итоге 1 марта 1601 года был заключен не «вечный мир», как рассчитывали в Литве, а только перемирие на двадцать лет. По срокам оно не было каким-то чрезвычайным, а лишь подтверждало существовавший статус-кво между двумя странами. Отсчет нового перемирия шел от того момента, когда истекало прежнее, — то есть с 15 августа 1602 года до 15 августа 1622 года[651]. Недоброжелатели царя Бориса Годунова, как можно видеть по известию «Нового летописца», обвиняли его в том, что он и здесь не преуспел: «Царь же Борис им воздаде велию честь, и ездиша в ответ многое время и едва поставиша на мирном договоре и взяша перемирие на дватцать лет»[652]. В Речи же

Посполитой, напротив, результаты посольства в Москву были признаны большим дипломатическим успехом. В сентябре 1601 года в Литву для подкрепления мира было направлено посольство боярина Михаила Глебовича Салтыкова-Морозова, Василия Тимофеевича Плещеева и думного дьяка Афанасия Власьева. Но подписание перемирия было омрачено продолжением споров по поводу титулов. Как говорили русские послы: «Какой тот мир и любовь: перемирье держати, а царские чести не описывать?»[653] Но главную свою миссию послы выполнили, и договор вступил в силу.

Борис Годунов умел добиваться желаемого. Это свое умение он продемонстрировал и на этот раз. Но если бы он знал цену своей дипломатической неуступчивости… Едва перемирие вступило в силу, Лев Сапега должен был уже оберегать его в Литве и следить за тем, чтобы не задерживали московских купцов и держали данные обещания вольной торговли. Литовские политики прекрасно понимали, «куда метит Москва и как она дерзко хочет поставить себя»[654]. Царь же Борис Федорович решал спорные дела по своему усмотрению. Так, например, в 1603 году он приказал сжечь спорные Прилукское и Снетино городища. Жизнь скоро покажет, что Годунову не следовало самому предлагать мир и одновременно держать западного соседа в страхе начала войны. У отвергнутой идеи унии остались свои приверженцы в Московском государстве, и это самым роковым образом скажется на судьбе годуновской династии…

Первые достоверные сведения об объявлении в Литве человека, назвавшегося именем покойного царевича Дмитрия, стали приходить в Москву уже в сентябре 1603 года (их привезли греческие монахи, ехавшие через земли Речи Посполитой). Паломники сообщали в расспросных речах: «Да при нас деи, государь, мимо Острог город из Брягина ехал Вишневецкий князь Адам… а с ним де, государь, сказывали нам литовские люди в розговоре, идет тот вор, что называетца царевичем». До этого времени Борис Годунов жестоко преследовал у себя в государстве распространителей слухов о воскресшем царевиче Дмитрии, как это произошло в Угличе, где некоего старца Тихона велели «в струбе зжечь», а его сторонникам «языки резать» и «разсылать по далним городам». Из новых известий, приходивших из Литвы, выяснилось, что самозванец вел агитацию среди казаков. 2–7 февраля 1604 года купец Семен Волковский-Овсяный доносил, что мнимый «царевич Дмитрий» обещал выдать жалованье запорожским казакам, «как, кажет, мене на Путивль насадите», а они обещали «провадити» его «до Москвы»[655]. Нетрудно предугадать реакцию самодержавного государя. И действительно,

автор «Нового летописца» свидетельствует: «Царь же Борис ужастен бысть»[656]. Только это был не ужас страха самого Годунова, а ужас гнева для окружающих. Годунов совсем не походил на человека, способного испугаться наказания за собственные грехи, как можно было бы подумать, прочитав слова летописца. Зато он подозревал, что эта досадная для него история — дело рук московских бояр. Но никаких доказательств у него не было.

Скоро выяснилось имя самозванца — Григорий Отрепьев. Стала известна его биография — это был беглый монах, подозреваемый в Москве в разных преступлениях.

Сначала Борис Годунов решил справиться с досадной для него проблемой дипломатическими методами. Из Москвы в Речь Посполитую был отправлен патриарший гонец с письмами к киевскому воеводе Константину Острожскому. На патриархе Иове лежала доля ответственности за чернеца Гришку, бывшего сначала келейником Чудовского архимандрита, а потом взятого в патриаршии писцы («для писма» или «книг писати»)[657]. Именно патриарх, беря с собой способного юношу, открыл ему двери в царский дворец, не ведая, конечно, его тайных мыслей. В Москве говорили, что молодого монаха осудили за чернокнижничество и приговорили к ссылке на Белоозеро или в другой монастырь. Но наказание, по каким-то причинам, не было исполнено. Григорий Отрепьев и два его спутника смогли уйти из Москвы к литовской границе в феврале 1602 года. Там Отрепьев сбросил чернецкие одежды и вскоре назвал себя московским царевичем. Летом 1603 года его историей заинтересовался князь Адам Вишневецкий, познакомивший забавного московского «царика» с его будущими покровителями, князем Константином Вишневецким и сандомирским воеводой Юрием Мнишком. Именно они первыми придали всей истории мнимого сына Ивана Грозного большой политический смысл, заставив, в итоге, трудиться все дипломатические канцелярии Европы.

Поначалу Борис Годунов рассчитывал быстро справиться с «царевичем Дмитрием», опираясь на недавно заключенный союз, а также на традиционно добрые отношения с главой православия в Литве князем Константином Острожским. Патриарх Иов просил, чтобы киевский воевода распорядился схватить самозванца, чтобы затем наказать «еретика» и «богоотступника» церковным судом[658]. Другой, тайный расчет дипломатов Бориса Годунова был связан с поездкой в Литву дяди Григория Отрепьева — Смирного Отрепьева, который должен был обличить своего племянника перед сенаторами Речи Посполитой. Однако «паны-рады» в Литве отказались от предложения бояр устроить очную

ставку дяди и племянника, ограничившись рассмотрением только тех дел, которые были официально поручены Смирному Отрепьеву, — а именно дел о невыезде судей к рубежу и о купцах. Позднее, на дипломатических переговорах 1608 года, послы Речи Посполитой не без оснований обвиняли московскую сторону в том, что она как-то странно и медленно разворачивалась в обличении самозванца: «Мошно вам с того самого из ынших многих мер видеть, як тые, которые в ту пору у Бориса дела тые правили, много ль ему добра хотели. А што в том стороны Борисовы ни делали, то вместо оправданья больший его обличали, и якого ему конца жедали, на такий его сами и привели». И действительно, в грамоте, привезенной Смирным Отрепьевым, не оказалось ни одного слова о самозванце[659].

Тем временем дела самозваного царевича Дмитрия «в Литве» шли в гору. При поддержке своих покровителей, князей Вишневецких и сандомирского воеводы Юрия Мнишка, беглый монах Григорий Отрепьев в марте 1604 года получил негласное одобрение своих действий от самого короля Речи Посполитой. Ему был разрешен набор войска для похода в Московское государство, хотя все дело оставалось частным предприятием Юрия Мнишка, который брал на себя основной риск военного похода. Но и «премия», которую готовил себе сандомирский воевода, была велика. В мае 1604 года он заключил контракт о браке своей дочери Марины с «царевичем Дмитрием» по достижении им престола (последнее обстоятельство особенно важно). Мнишкам доставалась в приданое чуть ли не половина Московского царства; король Сигизмунд III без войны получал «исконные земли» — Смоленск и Сиверу. Такой вариант «унии», когда на московском престоле сидел бы не Грозный царь и не грозный своим именем Борис Годунов, а полностью зависимый от короля Сигизмунда III «царевич», конечно, больше подходил для польско-литовской стороны. Однако ни король, ни сторонники самозванца не учли того, что Григорий Отрепьев был горазд на раздачу обещаний, но совсем иное получилось, когда он все-таки сел на Московское царство. Пока самозванцу надо было свергнуть с трона Годунова, он использовал все средства, включая тайный переход в католичество. «Царевич» разыгрывал одну карту борьбы с узурпатором Борисом Годуновым, «укравшим» московский престол, который принадлежал ему, «Дмитрию», по праву происхождения. В октябре 1604 года самозванец начал войну непосредственно в пределах Московского государства.

Борису Годунову не удалось «спрятать» проблему самозваного царевича. И тогда он решил действовать открыто, так, как умел только он, организовав масштабную

дипломатическую и военную кампанию. Он попытался вовлечь в борьбу с королем Речи Посполитой разных союзников, как на Западе, так и на Востоке. С этой целью в ноябре 1604 года было направлено письмо бранденбургскому курфюрсту Иоахиму Фридриху с попыткой заново поднять вопрос о статусе его земель, власть над которыми исторически утверждалась королями Речи Посполитой. В царской грамоте ссылались на то, что не получили на свое обращение «никоторого снисходительства» от короля Сигизмунда III. Он, по словам посольской грамоты, «хочеттого, чтоб Прусская земля была к Польше». Поэтому в Москве желали знать, не собирается ли курфюрст предпринимать какие-то военные действия: «доступати ли и коим обычаем, и о кою пору промышляти, и хто вам в том помогати учнет, чтоб нам о том подлинно ведать, как вам с Жигимонтом королем о Прусской земле вперед быти». В головах московских дипломатов, видимо, рождался план целой европейской войны, в которой смогло бы участвовать и русское войско. В Литву с особой миссией для выступления на Варшавском сейме был направлен посланник Постник Григорьевич Огарев. Он хорошо знал канцлера Льва Сапегу, потому что встречал литовское посольство в Москве в 1600 году и далее исполнял обязанности пристава у литовских послов. В грамоте, составленной для Постника Огарева в сентябре 1604 года, акценты были расставлены так как надо и все вещи названы своими именами. Короля Сигизмунда III обвиняли в том, что «в вашом господарстве» объявился расстрига, чернец и ведомый «вор»: «А до чернечества в мире звали его Юшком Богданов сын Отрепеева. А як был в миру, и он по своему злодейству отца своего не слухал, впал в ересь, и воровал, крал, играл в зернью, и бражничал, и бегал от отца многажда; и заворовався, постригся у черницы и не оставил прежнего своего воровства, як был в миру до чернечества, отступил от Бога, впал в ересь и в чорнокнижье и прызыване духов нечыстых, и отреченья от Бога у него вынели»[660]. Цель посольства Постника Огарева состояла в том, чтобы добиться казни человека, назвавшегося в Речи Посполитой царским именем. В противном случае Борис Годунов грозился известить о действиях короля все соседние христианские государства и в первую очередь послать грамоты «к брату нашому великому господару и цесару Рымскому и к папе в Рым»![661] Позднее эти угрозы пришлось исполнить, и главный акцент в своей дипломатии царь Борис Федорович сделал на обвинения Речи Посполитой в нарушении мира.

В ноябре 1604 года русское посольство обличало самозванца и действия короля Сигизмунда III перед императором Рудольфом II. Презрев вековую нелюбовь к римскому папе, царь

Борис Годунов просил передать ему послание с обвинением короля в клятвопреступлении из-за того, что тот поддержал беглого монаха, назвавшегося именем покойного сына Ивана Грозного. Письмо императору начиналось с упоминания о перемирии, заключенном через посла Льва Сапегу «в 109-м» (1601) году. Далее король Сигизмунд III обвинялся в том, что он «по совету чинов страны» затевал «христианские ссоры»: «С этой целью пользуются они неким беглым, богоотступническим злодеем и негодяем из нашей земли, чернокнижником, бывшим прежде в монахах, по имени Григорием Отрепьевым». В Посольском приказе пытались показать, что король использовал самозванца, чтобы ослабить Московское государство, навести на него крымских татар и тем самым разрушить наметившийся при посредничестве Бориса Годунова антитурецкий союз императора Рудольфа II и шаха Аббаса I. Особое беспокойство дипломатов вызывало то, что уже после отправки московского посла Постника Огарева на сейм события перешли в военную стадию и «сендомирский воевода Георгий (Юрий Мнишек. — *В. К.*)» вместе с «негодным плутом Григорием» вторглись в Северскую землю, где, по условиям перемирия, не было никаких русских войск. В письме императору Рудольфу II дипломаты Бориса Годунова даже стали обосновывать отсутствие у настоящего Дмитрия (если бы он остался жив) каких-либо династических прав: «Он родился от седьмой жены, взятой по склонности, но вопреки всем законным правилам церкви»; «и даже допустив, что у них пребывает оказавшийся в живых истинный князь Дмитрий Углицкий, а не злостный мошенник Григорий, именующий себя князем Димитрием, все же радо него не подобало бы им нарушать заключенного на известное число лет мира и начинать кровопролитную войну, а следовало бы по поводу всего этого предварительно снестись с нами»[662].

Король Сигизмунд III не оказывал официальной поддержки «государику». По его совету тот должен был дожидаться открытия сейма. «Московские дела» действительно были включены в повестку дня Варшавского сейма-парламента Речи Посполитой, открывшегося 20 января 1605 года. На сейме действия сандомирского воеводы Юрия Мнишка, снарядившего «Дмитрия» в поход, вызвали большое раздражение высших сановников Речи Посполитой. Ярче всех высказался по поводу самозванца канцлер Ян Замойский, чей авторитет был весьма велик у шляхты: «Он говорит, что вместо него задушили кого-то другого: помилуй Бог! Это комедия Плавта или Теренция, что ли». Вспоминая тот «большой страх», который и в прежние времена при Иване Грозном, и теперь внушало Московское государство, канцлер

советовал не нарушать мирных постановлений. Согласно реляции о заседаниях Варшавского сейма в январе 1605 года, составленной датскими послами, Замойский советовал даже послать к Борису Годунову отдельное посольство, чтобы «заблаговременно извиниться». О том, что большинство сейма прислушалось к его мнению, свидетельствует торжественный прием, оказанный на сейме посланнику царя Бориса Годунова Постнику Огареву. В дневнике сейма 1605 года под 10 февраля имеется запись: «Посол или гонец московский с великим почетом въезжал во дворец. Гусар было несколько сот, пехоты около 3000. Он очень жаловался на Димитрия и на князя Вишневецкого». Датские послы оценили речи Постника Огарева, как очень «резкие». В их передаче посол Бориса Годунова жаловался прежде всего на нарушение перемирия, заключенного канцлером Львом Сапегой: «Почему же, о Король, данную клятву и обещанную верность ты нарушил?» В речах Постника Огарева содержались всё те же обвинения Григория Отрепьева в чернокнижии и вероотступничестве, однако сам Григорий здесь почему-то назван «сыном некоего писца». Больше всего беспокоило Бориса Годунова то, что поддержка «разбойника, лживо измыслившего себе имя и происхождение», оказывается королевским войском «из строевых полков». Московский посол также намекал, что царю известно о попытках привлечь «чужую помощь» со стороны «для споспешествования нечестивым надеждам» нарушителя мирного договора (намек на обращение Сигизмунда III в Крым). Кстати, чуть позже, в марте 1605 года в Москве делали то же самое, ведя с крымским послом переговоры о будущем «Литовском походе». С другой стороны, Годунов еще не разрывал перемирие, а оставлял пути для его сохранения. Постник Огарев в своей речи подтверждал, что царь не боится нападения любого войска, даже турецкого, но предпочитает сохранить договор — в том случае, если все делалось без королевского приказа («могущественный великий князь наш думает, что даже без ведома (короля. — *В. К.*)», — оговаривался посол)[663].

В итоге сейм принял следующий пункт о «московских делах», сохранявший надежду на прежний мир: «Всеми силами и со всем усердием будет принимать меры, чтобы утишить волнение, произведенное появлением Московского государика, и чтобы ни королевство, ни великое княжество Литовское не понесли какого-либо вреда от Московского государя, а с теми, которые бы осмелились нарушать какие бы то ни было наши договоры с другими государствами, поступать, как с изменниками»[664]. Правда, король Сигизмунд III, уже увязнувший в этом деле, отказался утвердить постановление сейма, несмотря на

возможные внутриполитические затруднения. Однако в ответной грамоте Постнику Огареву (сведения о которой сохранились в Описи Посольского приказа 1673 года) было обещано, «что король пришлет послов своих о вечном договоре»[665]. Речь, по всей видимости, шла о заключении договора о вечном мире с Речью Посполитой. Так неожиданно могла бы завершиться история с Лжедмитрием, если бы у нее не оказалась другая развязка.

Кавказский «соблазн»

В Оружейной палате Московского Кремля хранится знаменитый трон Бориса Годунова, присланный в дар персидским шахом Аббасом с послом Лачин-беком в 1603 году[666]. «Златый трон прежних государей персидских», подаренный царю Борису Федоровичу, был зримым подтверждением самых дружественных отношений, сложившихся у Московского государства с «Кизылбашами»[667]. Но путь из Москвы в Персию лежал через Кавказ, где столкнулись интересы персидского шаха и турецкого султана. Персия была заинтересована в том, чтобы крымский царь не посылал свои войска на помощь турецкому султану. Контроль над кавказской дорогой ослаблял влияние османов на союзное им Крымское царство; последнее же оставалось самым опасным противником Московского государства, несмотря на шерти (присяги) русским царям[668].

У Москвы на Кавказе был еще один союзник — кахетинский царь Александр. К началу XVII века накопилась немалая история его взаимоотношений с Москвой. После воцарения Бориса Федоровича Александр присягнул ему на верность. Частый обмен посольствами показал, чего ждали стороны друг от друга и какие перспективы мог сулить такой союз. В Москве продолжали держаться выбранной стратегии помощи христианскому государю против неверных, а в Грузии ждали большего присутствия русских казаков и стрельцов, которые бы встали живым щитом против досаждавших грузинам кумыцких людей и Тарковского шамхала. Борис Годунов, образно говоря, решил проложить большой кавказский путь через земли кабардинцев и подчинить всю Иверскую землю. Как всегда, царь подошел к делу основательно, умело продвигая интересы Московского царства. О том, что Годунов хотел прийти на Кавказ навсегда, свидетельствует его желание породниться с грузинскими царями. Он полагал, что браки между детьми помогут ему не только приобрести «новоприбылые» государства на Кавказе, но и дадут возможность активнее утвердиться на востоке.

Конечно, русского царя на Кавказе не особенно ждали. Шах постоянно требовал от кахетинского царя Александра разных уступок и активно вмешивался в дела его царства. Так, он заставил отослать к нему еще мальчиком одного из его сыновей, Константина. В Москве знали об этом и интересовались судьбой царевича еще в середине 1590-х годов, пытаясь зазвать его на службу. В далеких политических видах персидский шах «обусурманил» сына грузинского царя. Потом под угрозой вторжения он пытался забрать в свой гарем дочь царя Александра, но ее вовремя выдали замуж за другого правителя. От турецкого же султана грузинскому царю приходилось откупаться ежегодной отсылкой шелка. Но и этого оказалось недостаточно: еще один сын грузинского царя, царевич Юрий, в обмен на укрепление позиций царства породнился с турецким пашой. В довершение ко всем бедам, когда царь Александр тяжело заболел, его третий сын, царевич Давид, захватил его престол и начал войну со своим братом Юрием. Отец проклял сына — узурпатора отеческого престола, — и тот внезапно умер в страшных мучениях. Александр вернул себе власть, но ему казалось, что московский царь оставил его один на один с могущественными врагами — шахом и султаном. Всё это описали московские послы Иван Афанасьевич Нащокин и дьяк Иван Леонтьев, отправленные в Грузию 25 августа 1601 года. Рассказали они и о неприятном эпизоде: однажды, когда царь Александр проезжал мимо них, он во внезапном порыве схватился за полу своей одежды и стал говорить: «Так де я ухватился у государя вашего за полу 16 лет, а помочи себе от нево не видал ни с [од]ин волос; лише де меня тешит словом, а не правдою. А такое де ему Бог подаровал царство великое, моих з 10 есть; а у меня де царство не великое, видите вы и сами. И я де неправды не молу (не молвлю. — *В. К.*)». Послы пытались вступиться за честь своего государя, но грузинский царь махнул плетью и уехал со словами: «Нечево де у вас слушат»[669].

По возвращении посольства в Посольском приказе сделали подобающие выводы. Здесь решили охладить пыл царя Александра. В Москве уже успели присмотреться к делам на Кавказе и искренне не понимали, как можно было называться христианским государем и иметь столь тесные отношения с «басурманами». Приехавший в посольстве от царя Александра старец Кирилл был задержан в Нижнем Новгороде и допущен в Москву только по «упрошенью» царевича Федора Борисовича. (Царь Борис Годунов поддерживал иллюзию сохранения прежней правительственной модели, когда он сам часто «печаловался» в делах иноземцев перед царем Федором Ивановичем; сейчас эта

роль, по праву наследства, отводилась его сыну.) Но старец Кирилл очень искусно сумел отвести все подозрения от царя Александра в его «непригожих словах» о царе Борисе Годунове. По его уверениям, Александр оставался последовательным союзником, готовым к совместным действиям против турок, но для этого ему нужна была помощь. Кирилл объяснил, где удобнее всего можно построить новые города. Попутно русские послы были обвинены в тяжелых преступлениях. Не зря говорили, что в эти годы Борис Годунов стал доверчив к «доводам»: он поверил Кириллу, а не своим послам. Одного из членов посольства дьяка Ивана Леонтьева было приказано казнить (и только сам старец Кирилл упросил не доводить дело до прямой казни), а со следующим посольством было отослано 500 рублей в возмещение «бесчестья» по делам о разбоях и изнасилованиях, в которых, по извету старца Кирилла, оказались замешаны члены посольской охраны.

И все же особое благоволение царя Бориса Годунова к кахетинскому царю Александру, не слишком крепко державшему власть в своих руках, закончилось. Новому посольству ясельничего Михаила Игнатьевича Татищева, отправленному 2 мая 1604 года, был дан наказ обратиться к другим грузинским царям, которые считались «удельными» владетелями Иверской земли. В тексте посольской инструкции говорилось: «Да посланы с ними… грамоты к уделным Иверские земли к Симонову цареву сыну Юрью царевичю, да к Симоновым братьям к Вахтану, да к Олександру царевичю, да к Ростону царю Констянтиновичю и к брату его к Юрью царевичю». Послы должны были «промышлят всякими обычаи», чтобы «с ними со всеми видетца самим; а с кем не мочно видетися, и с теми б обослатися». Задача, поставленная послам, была ясной и понятной: требовалось передать всем грузинским царям предложение царя Бориса Федоровича, «что им быть в государеве жалованье под его царскою рукою с Олександром царем вместе и на всех недругов стояти заодин». Для этого предлагалось присылать своих послов в Москву с «челобитьем», а царь Борис Годунов обещал обеспечить им «оборонь» от всех недругов и выдать жалованную грамоту «за золотою печатью». Общая цель московской политики, по словам посольского наказа, состояла в том, чтобы уничтожить «рознь и недружбу» между родственниками и свойственниками царя Александра, чем пользовались «бусурманские государи»: «Многими землями у вас завладели и вам многое насилство чинят и дань на вас емлют». От имени царя Бориса Федоровича и его сына царевича Федора следовало говорить об общем долге «милостивых християнских государей», которые «по своему

царскому милосердному обычею, о том желеют, по грехом всего християнства Иверская земля пребывает во изгнанье и в утесненье от бусурман». О целях новой русской политики на Кавказе говорилось очень точно: «…и хотят вперед того, чтоб их царским осмотреньем православная християнская вера от неверных во изгнанье не была, Александру б царю и вам всем быть в тишине и в покое».

Интересно не только само изменение во взглядах русских царей на Иверскую землю, но и объяснение происходившего поворота. Он связан с продолжающимся комплексом византинизма правителей Московского государства. Царь Борис Годунов говорил об ошибках «греческих царей», то есть императоров Византии, не сумевших удержать единства своего христианского царства: «И им говорит про греческое государство: ведомо вам самим — каково было греческое царство. Коли были християнские государи меж себя в любви и в соединенье и стояли заодно — греки, болгары, сербы, босны, хорваты, мутьяны, волохи, угры, — и тогды греческое государство стояло ни от кого не обидимо и христьяне жили в покое; а как по грехом всего христьянства почела быть меж христьянскими государи рознь и несоединенье, — и теми всеми месты обладали бусурманы. И в каком утесненье и во изгнанье ныне крестьяне в тех странах пребывают, — то вам самим ведомо». Борис Годунов вступался в Иверской земле за христианский народ «греческого закона», подтверждая «вселенский» авторитет московского патриаршества. С этой целью надо было объединить враждовавших между собой грузинских царей под «высокой царской рукой»: «А Иверская земля также веры християнские греческого закона; а вы из давных лет с Ыверскими цари одного роду и одное веры и земли ваши были одное Иверской земли и под одного государя властью были. А как та Иверская земля розделена, и часть тое земли за Олександром царем, а другая часть за Симоном, а третьея за Ростоном. И меж вас была рознь и многие недружбы и войны; а Турской в те поры многие места у вас поймал и дань положил, а невдавне и самого Симона в полон взяли. А Олександру царю также теснота — с одну сторону от турских людей, а с другую сторону от Шевкала и от кумыцких людей, войною на его землю приходят и людей в полон емлют и животы грабят»[670].

Царская дипломатия была подкреплена силой. Одним из немногих событий последнего года правления Бориса Годунова, отмеченных современными разрядами и летописцами, стал поход московского войска на Тарки — против Тарковского шамхала. По наказу московским послам велено было объявить царю Александру, что Борис Годунов посылает «многую рать» на

Шевкала во главе с боярином Иваном Михайловичем Бутурлиным{14}. В свою очередь, от грузинских союзников требовалось, чтобы они тоже послали свое войско «над Шевкалом промышляти вместе, чтоб его повоевать и городы поимат и под нашу царскую руку привести и дорогу в Ыверскую землю очистити»[671]. Разряд «похода в Кумыцкую землю» сохранился в составе частных записей, вошедших в так называемый «Карамзинский хронограф». Его автор, арзамасский дворянин Баим Болтин, вместе с дворянами других «верховых» городов был участником похода и описал как состав войска, так и те битвы, в которых оно участвовало. Начало «Карамзинского хронографа» явно взято из разрядов, которые позднее, в Смуту, уже не записывали в книги: «Лета 7112 (1604) году царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии послал из Москвы в Кумыцкую землю в Тарки воевод своих, а велел Кумыцкую землю завладеть». Роковым для Бориса Годунова стал отпуск из Москвы большого количества стрельцов, которые вместе со служилыми татарами и ногаями составили основу московского войска. До места боевых действий им нужно было добираться почти полгода. Видимо, Борис Годунов не верил тогда в то, что самозванец осуществит свое намерение и вторгнется в Московское государство.

Осенью воеводы Бориса Годунова вступили в земли Тарковского шамхала. Им сопутствовал успех. Около 1 октября 1604 года («о Покров», как сказано в одной из разрядных книг) [672] они взяли Тарки. Как записано в «Карамзинском хронографе», воеводы «в город вошли и Кумыцкими городы завладели, а кумыцкие люди покиня город и кабаки и побежали в горы и Дербен и в Шемаху, а Дербен и Шемаха была в то время за Турским салтаном»[673]. Захватив плацдарм и оставив шамхала без своей столицы, воевода окольничий Иван Михайлович Бутурлин вынужден был отложить остальные поставленные перед ним задачи по строительству новых укреплений до весны.

На этом выгодном военном фоне московские послы, бывшие в Иверской земле, могли лучше исполнить порученные им дела. Однако царя Александра ко времени их прибытия в Грузии не оказалось: он находился у персидского шаха Аббаса. Тогда послы добились того, чтобы царевич Юрий по примеру отца присягнул на верность московскому царю. Присяга состоялась 1 января 1605 года. Царевич стремился скрыть ее даже от своего окружения, но это ему не помогло. Вскоре из Персии вернулись царь Александр и его сын Константин (Кюстандиль-хан), сопровождаемые внушительным отрядом воинов шаха. Московские послы стали свидетелями драматической развязки в семье кахетинского царя Александра, убитого собственным сыном — «бусурманином»

Константином. Погиб также и другой московский ставленник, царевич Юрий. Все произошло практически на глазах московских послов, слышавших во дворце звуки борьбы. Им же довелось узнать, что головы царя Александра и царевича Юрия были отправлены в Персию к шаху, по приказу которого Константин и взял власть в свои руки таким кровавым, но обычным для восточных династий способом. Новый царь Константин принял московских послов и даже обещал сохранять дружбу с Борисом Годуновым (который к тому времени уже умер), но было очевидно, что он станет действовать только в интересах шаха Аббаса.

У послов Михаила Игнатьевича Татищева и дьяка Андрея Иванова оставался еще «тайный наказ»: найти у грузинских царей жениха для царевны Ксении Годуновой и невесту для царевича Федора. Если бы это получилось, то вполне бы могла сложиться конструкция нового политического союза на Кавказе, подкрепленного родственными связями с московским царствующим домом. Когда послы только начали исполнять свою миссию, они обратили внимание на одного из потомков кахетинского царя Александра — сына царевича Давида, но того отослали в Персию. Позднее о нем говорили, «что уж он холоп шахов, да и не пригодитца к такому великому делу, что он рожаем (лицом. — *В. К.*) не исшол и молод». Сын другого царевича, Юрия, тоже оказался слишком мал. Тогда-то послы и разослали грамоты о «повиновенье» грузинским царям. Интерес к их обращению выказал картлийский царь Юрий, живший «в Горых» (к его царству относился и Тифлис). Он спорил за первенство с кахетинским царем Александром и считал себя главным в Грузинской земле. На его стороне было то неоспоримое в глазах московских властей преимущество, что в его землях имел свою резиденцию грузинский патриарх — «каталек» Дементий, как по-своему назвали его чин московские дипломаты. Поэтому послы решили начать порученные им тайные переговоры именно с царем Юрием. 28 апреля 1605 года они были приняты им[{15}].

Кровавый переворот царевича Константина испугал Юрия, который уже начинал подумывать о том, какие выгоды сулил ему союз с могущественным московским царем. Переговоры о поиске невесты для царевича Федора и жениха для царевны Ксении продолжились, но Юрий стал действовать осторожнее. В частности, он потребовал, чтобы ему предоставили охрану в 500 человек московских стрельцов, то есть целый стрелецкий приказ. Послам все-таки удалось добиться, чтобы им показали дочь царя Юрия, царевну Елену, в присутствии ее матери и бабки, царицы

Тамары. Как сказано в посольской книге, «и были послы у царя Юрья в царицыных шатрех; и царевну Елену послом показал». Царевна получила в подарок сорок соболей, после чего царь Юрий «велел встать» дочери и снял с нею мерку: «да деревцом царевну смерил и тое мерку послом дал». Послы оставили портрет возможной невесты царевича Федора: «А царевна рожаем добра, а не отлична красна; лицом бела, толко белятца, не самое знатно; а очи черны; нос не велик, по лицу волосы крашены на красно, а сказывают, что у нее волосы черны; а в стану царевна пряма, толко тоненка, что молода; сказал Юрьи царь, что она ныне 9 лет»[674]. Возраст картлийской царевны не остановил послов, и они стали добиваться, чтобы ее отправили вместе с ними в Москву, где бы она могла пожить во дворе царицы Марьи Григорьевны, научиться языку и русским обычаям. Однако царь Юрий наотрез отказался от этого: он ссылался на то, что дочь его еще не достигла допустимого, по христианскому обычаю, возраста для вступления в брак.

Отыскали послы и жениха для царевны Ксении Годуновой. Они присмотрели родственника царя Юрия, царевича Хоздроя (приходившегося, «по родству», дядей царю Юрию). Царевича тоже не хотели отпускать в Москву, опасаясь в будущем возможных затруднений в запутанном вопросе о престолонаследии в картлийском царстве. Но московские послы были настойчивы и добились выполнения данного им тайного наказа. Хотя встреча с Хоздроем не вызвала у них большого восторга («похулить нам царевича не уметь, добр, а не отличен»), все же жених был признан подходящим. Царевичу было 23 года (он был ненамного старше царевны Ксении Годуновой), и послы договорились, что он отправится на границу Московского государства и будет ждать присылки туда послов для почетной встречи. Однако в разгар переговоров пришли вести о походе крымского царя «в Кизылбашскую землю на помоч турским людем». Одновременно стало известно об опасности, угрожавшей городам, поставленным в Кумыцкой земле. 11 мая 1605 года послы спешно покинули земли картлийского царя. Но когда они добрались до Терки, всё худшее уже произошло. В дороге им стало известно, что под напором «турских и кумыцких людей» пал Койсинский острог, началась осада Тарков, «а на Сунше острог государевы Терские воеводы сожгли и людей свели». Послы едва смогли пройти на Терки, но когда они после тяжелого горного перехода прибыли туда к 10 июня и захотели завершить свое посольство, это им не удалось. Терские воеводы отказались исполнять самоубийственное требование послов об отсылке картлийскому царю Юрию 150 человек стрельцов для охраны.

Объясняя неудачу своей миссии, послы писали: «И Терские воеводы по царевича и по послов Юрья царя не послали; а отказали, что их Терские люди не слушают. А в то время по грехом турские и кумыцкие люди взяли город Тарки, — и люди стали в ужасе, чаяли приходу к Терскому городу»[675].

О катастрофе на Кавказе весной 1605 года подробно рассказал Баим Болтин. Он описал, как сначала воевода князь Владимир Тимофеевич Долгорукий вынужден был покинуть Койсу, потом «накрепко» были осаждены Тарки, и главному воеводе окольничему Ивану Михайловичу Бутурлину пришлось пойти на заключение мира. Это, однако, оказалось только уловкой противника: когда воевода и его войско оставили Тарки, на них напали. Бутурлин и один из его сыновей, ряд других воевод и стрелецких голов были вероломно убиты, «а ратных людей многих побили, а иных в полон взяли»[676]. Николай Михайлович Карамзин, говоря об этом неудачном броске Бориса Годунова на Кавказ, сравнил его с Каспийским походом Петра I и заключил с грустным пафосом: «Сия битва несчастная, хотя и славная для побежденных, стоила нам от шести до семи тысяч воинов, и на 118 лет изгладила следы Российского владения в Дагестане»[677].

Действуя в союзе с двумя главными врагами османов — персидским шахом на востоке и императором Священной Римской империи на западе, — царь Борис Федорович многого мог бы добиться. Он уже давно убедился, что контроль над путем в Персию может принести ему огромную выгоду. Послы разных стран, особенно английские, добивались разрешения на проход в Персию, так как все другие пути туда из Европы были перекрыты турецким султаном. В то время как Годунов отправлял рать «в Шевкалы», в Москву приехал английский посол Томас Смит с извещением о восшествии на престол короля Якова I. Одна из задач посольства состояла в подтверждении прежних привилегий. Сочинение об этом посольстве, вышедшее в Англии в 1605 году, начиналось с целого гимна торговле с Россией: «Торговые сношения служат как бы золотою цепью, соединяющею во взаимной дружбе одни государства с другими»[678]. Всплыл и старый вопрос о дороге в Персию, за которой англичане уже видели манившие их очертания Ост-Индии и Китая. В первом же письме к царю Борису Федоровичу король Яков I писал «о торговле, чтоб государь поволил аглинским гостем ходити через свои государства в Перейду, и в Восточную Индею, и о взыскании Китая». В Москве отговаривались начавшейся войной между шахом Аббасом и турецким султаном за захваченные некогда османами Дербент, Шемаху и Баку: «о той торговле перситцкой и

о индейской» решать что-либо было пока рано. На будущее же соглашались вернуться к этому вопросу, более всего интересовавшему англичан, ссылаясь на принятые меры по освобождению дороги «в Перейду»: «А как государевы люди Шевкальскую и Кумытцкую землю очистят и с шахом об ней договор учинят, а шах у салтана прежние свои городы возьмет, и дорога в Перситцкое государство будет чиста, и тогды государь с Якубом королем сошлетца о всяких добрых делех своими болшими послы, как им быти меж собою в дружбе и в любви вперед крепко и стоятельно, и о той дороге потому ж и договор велит государь учинить»[679]. Следовательно, разрешение на транзитную торговлю с Персией и Индией увязывали в Посольском приказе с заключением большого договора о мире с Англией. Увы, и этот проект разрушила начавшаяся русская Смута.

Современники подвели грустный итог русского похода на помощь грузинским царям, страдавшим «от черкас горских». Автор «Нового летописца» писал в статье «О посылке и о побое в Торках»: «Царь же Борис раденье держаша о чюжих землях, а того не ведяше, что будет над своим государством»[680]. Бориса Годунова обвинили в том, что он занялся «гордыми замыслами» по устройству браков своих детей, не видя бедствий голодных лет. Авраамий Палицын в своем «Сказании» тоже упомянул о походе к Хвалимскому морю: «Такоже и сыну невесту изволи от Татарских царьств привести, из Хвалис, и тамо не мало от православных зле погибоша от кумык и от черкас в проходех нужных реками возле моря Хвалицкаго… Творимо же се бе во время великого того глада»[681].

Последние годы царя Бориса

Царя Бориса Годунова в последние годы его жизни как будто нет в наших исторических трудах. Он появляется на некоторое время в жалкой роли мятущегося и страдающего от собственных грехов человека, видящего неизбежное возмездие в лице восставшего из мертвых царевича Дмитрия. Но соответствовала ли такая картина действительности? Душевный перелом, произошедший с царем Борисом Федоровичем после получения известий о походе самозванца, действительно был замечен современниками. Но правильно ли они его истолковали?

Борис Годунов и на престоле оставался все тем же правителем, каким был раньше, но неумолимое время заставляло его действовать по-иному. У него уже не было столько жизненного пространства, чтобы годами ждать результата и

осуществления своих целей. К тому же и он, видимо, не избежал профессиональной болезни властителей — подагры, отмеченной Исааком Массой. «Боли в ноге» затрудняли прием литовских послов канцлера Льва Сапеги с товарищами уже в 1600 году. С. Ф. Платонов датировал начало Годунове кой болезни 1602 годом, но затруднился определить ее характер[682]. Годунов, любивший церемониальную сторону любых дел, вынужден был отказываться от своих привычек. Любекские послы, которых принимали весной 1603 года, запомнили, что царю трудно было справляться с положенным церемониалом и выслушивать долгие речи: «Пространные разглагольствования не допускаются, так как государь не любит подолгу оставаться в сидячем положении. Поэтому вокруг суетились приставы с возгласами: „Живее, живее!“»[683]. К концу жизни Борис Годунов уже не мог обходиться без своих любимых докторов, присутствовавших даже при его трапезе[684].

Главной отрадой его жизни оставались дети. Не случайно в «заздравную чашу», где перечислялась по именам вся царствующая семья, были внесены особые слова о детях: «И просим у Господа Бога, чтоб его прекрасно цветущия младо умножаемыя ветви царскаго изращения благородное семя в наследие превысочайшаго Российскаго царствия было на веки и некончаемые веки без урыву»[685]. Борис Годунов был ревнивым отцом и не хотел далеко отпускать от себя ни свою дочь царевну Ксению, ни тем более сына царевича Федора, которого он изначально сделал соправителем царства. История с датским королевичем показывает, что Годунов не собирался «родниться» с московскими родами. «Погорде же в своей земле сына и дщерь браку совокупите», — писал Авраамий Палицын[686]. Слишком хорошо было понятно Борису Годунову, как родство с царем могло изменить соотношение сил в среде знати, привести к ссорам и столкновениям о местах. Годунов и к свадьбе детей подошел как государственный деятель, думая, к кому из окрестных правителей обратиться с просьбой о «присвоеньи» (то есть вступлении в отношения свойства). Однако он оставался и отцом, которому тяжела была сама мысль о разлуке с детьми. Показательно, что в условия брачного договора с датским королевичем Иоганном Борис Годунов включил пункт, обязывающий будущего зятя постоянно жить в Русском государстве «и жить всегда з дочерью нашею, с царевною и великою княжною Ксеньею, при наших царских очех». Это был не риторический оборот, а прямо сформулированное требование. Даже если бы королевич захотел увидеться со своими родителями в Дании, он должен был ехать туда один без Ксении

Годуновой[687].

Некоторое время одним из самых предпочтительных вариантов для детей Бориса Годунова считалось вступление в брак с кем-то из родственников английской королевы Елизаветы I. В конце 1600 года в Москву приехал английский посол Ричард Ли (Рыцарь Лей). У него имелся тайный наказ королевы, узнавшей, что «к царскому величеству присылал цесарев брат Максимилиян и иных великих государей дети свататца за царевну Ксенью, а иные государи своими дочерьми свататца за его государского сына за царевича Федора». Королева решила вмешаться и объявила, что у нее тоже есть на примете какие-то не названные ею претенденты, состоявшие в родстве с «королевной». В Посольском приказе подтвердили, что действительно получали обращения от Габсбургов и даже от короля Сигизмунда III, интересовавшихся возможной партией с царевной Ксенией Годуновой. Но для царя Бориса Федоровича условием брака его детей было то, что они должны оставаться в Москве: «…и государь дочери своей дати в ыное государство не изволил для того, что у него одна дочь, и хочет того, чтоб всегда были при нем, при государе». Точно так же говорили и про царевича Федора, что ему, «сочетався браком, быти всегда при отце своем на своих государствах по благословенью отца своего».

Посла Ричарда Ли расспрашивали: «Есть ли во племяни у королевны государские дети — королевичи и королевны, и что ее о том раденье?» Однако полномочий говорить что-либо определенное у посла не было. Поэтому в апреле 1601 года из Москвы отправили дополнительный запрос, подтверждая свою заинтересованность в предложении королевы Елизаветы I, и просили более точно назвать имя возможного жениха: «А о том к нему, государю, присылают многие великие государи, и о том им ответу не чинити, покаместа от нее в том подлинное раденье, и промысел, и ответ будет. А он, государь, с нею, с королевною, в братственной любви, и в дружбе, и в присвоенье, и в докончанье, и в соединенье быти хочет мимо всех великих государей»[688]. Но, несмотря на обещание, данное королеве Елизавете I, Борис Годунов сделал другой выбор — в пользу датского принца Иоганна, приняв его в России с великим почетом как будущего жениха своей дочери. Дальнейшие переговоры с королевой смысла уже не имели и окончательно прекратились с ее смертью в 1603 году. И все же у Бориса Годунова имелись основания для особого отношения к королеве. Он выразил это в своей обычной манере при приеме английского посла Томаса Смита в октябре 1604 года, когда, «выразительно приложив к груди руку, государь воскликнул: „О, любезная сестра наша королева Елизавета,

которую я любил, как собственную душу“»[689]. Послы даже отметили «слезливый тон», с каким были произнесены эти слова, — еще один признак надвинувшейся старости.

У Ксении после внезапной смерти в России королевича Иоганна мог появиться другой жених с Запада. Борис Годунов обратился с новой просьбой о поиске подходящей кандидатуры к датскому королю Христиану IV. В июле 1603-го — апреле 1604 года в Данию ездили послы Михаил Глебович Салтыков и дьяк Афанасий Власьев. Они договорились о браке царевны Ксении и Филиппа, младшего сына шлезвигского герцога Иоганна. В Москве даже получили живописный портрет жениха — «парсону арцука». Послы уехали, но из Москвы целый год не было никаких известий о результатах посольства. Возможно, «ответом» стал тайный наказ о продолжении поисков жениха для Ксении на Кавказе. Предполагаемый тесть Бориса Годунова герцог Иоганн обратился 6 марта 1605 года с письмом к своему племяннику датскому королю Христиану IV, думая, что тот может помочь делу. Однако, судя по всему, герцог Филипп и сам не очень-то стремился в Московию, где умер его двоюродный брат. Кроме того, история «царевича» Дмитрия уже имела широкий резонанс при дворах европейских королей, и это тоже могло сказаться на решении Филиппа не покидать пределов Датского королевства ради московской царевны[690].

Большим ударом для Годунова стала смерть сестры, царицы-инокини Александры (Ирины) Федоровны, скончавшейся в Московском Новодевичьем монастыре в осенний день «преставления святого апостола Иоанна Богослова» 26 сентября 1603 года[691]. Пребывание царицы-инокини в Новодевичьей обители навсегда изменило статус монастыря, придав ему царский размах и особую ауру. Уже в 1600 году, по сообщению «Пискаревского летописца», был «подписан храм в дому у Пречистые Богородицы, в Новом в Девичье манастыре каменной, большой, соборной, о пяти верхах, чюдно, и образы чюдотворныя обложены дорогим окладом с каменьем». Самой царице-инокине Александре продолжали отдаваться царские почести, но она, как и ее муж, избегала мирской суеты: «А житие ее было свято и праведно и все исправила по преданью святых отец. А чины были царьские все по прежнему: бояре и дворецкие, и клюшники, и подклюшники, и столы царьские. И отнюдь не вкушала ничего от своего царьского стола, кроме воды да хлеба, а тем всем жаловала игумению с сестрами и нищих, и убогих всяких»[692].

После смерти сестры, из рук которой он получил когда-то царскую корону, Борис Годунов остался один на один со своей «высшей властью». Для него завершилась целая эпоха, и всё, что

он мог теперь делать, — так это по-христиански поминать вдову царя Федора Ивановича. В Троице-Сергиев и Новодевичий монастыри были розданы самые щедрые, тысячерублевые вклады. В Новодевичьей обители завели даже особую приходную книгу, чтобы перечислить все пожалованные Борисом Годуновым 31 октября 1603 года в память по сестре и бывшей царице 194 «окладные» иконы и образы без окладов, написанные «на золоте» и «на красках». Среди них был «Деисус» и, видимо, особо близкие царю Борису Федоровичу и инокине Александре Богородичные иконы, четыре образа ярославских чудотворцев Феодора, Давида и Константина, иконы святого Феодора и святых мучениц Ирины, Агапьи и Хеонии, «Сергиево виденье» и икона Екатерины мученицы. Кроме того, Борис Годунов отослал в монастырь серебряные братины, «достоканы» и ендову, когда-то, судя по надчеканенным надписям, принадлежавшие царю Ивану Грозному, его сыну Федору Ивановичу и самой Ирине Федоровне. «Большая милостыня» в «тысячу рублев», присланная с казначеем боярином Семеном Никитичем Годуновым 9 февраля 1604 года, должна была пойти «на церковное и монастырское строенье». Отдельно, как и в прошлые голодные годы, давались «милостинные деньги» на раздачу старицам.

Поездки по монастырям на богомолье занимали все больше времени у Бориса Годунова. Государственные дела шли привычным чередом, в них уже всё было устроено, и Годунову оставалось пожинать плоды той политики, которую он настойчиво направлял и проводил в последние двадцать лет. Главным теперь для него была передача власти сыну, царевичу Федору Борисовичу. Поэтому царевич повсюду сопровождал отца, а подданные понемногу приучались видеть в нем своего будущего государя. Показательна эволюция празднования «шествия на осляти», утвердившегося со времен начала патриаршества в России. На Вербное воскресенье 17 апреля 1603 года царь Борис Федорович вместе с сыном шли крестным ходом в Иерусалимскую церковь. Во главе этой процессии двигалась колесница, на которой было устроено специально украшенное «пальмовое дерево». Между ветвями дерева стояли «пять отроков в белых рубашках и парчовой одежде, которые пели… „Слава в вышних“». В центре большой процессии из духовенства и бояр шли царь Борис Федорович и его сын, «один подле другого», ведя под уздцы патриаршую лошадь: «у царя на голове была царская корона, а в правой руке у каждого из них было по царскому посоху, в левой же по золотой пальмовой ветви». Ганзейские послы описали другую церемонию — «освящения полевых плодов» на третью неделю по Пасхе 21 мая 1603 года. В ней

участвовал уже один царевич Федор Борисович. Как и отец, он оказывал особые знаки внимания иностранным дипломатам[693]. Все это было зримым воплощением главного желания Бориса Годунова, пестовавшего будущего царя.

Особую любовь царя Бориса Федоровича к своему сыну приметили английские дипломаты. Они писали, что Борис Годунов постоянно «хотел иметь его у себя перед глазами»: «Государем он был настолько же, насколько и отцом: все его речи, намерения, наблюдения, происки, решения и действия, казалось, имели в виду только жизнь его возлюбленного сына, без которого он никогда ничего не обсуждал, ничего не предпринимал и даже не молился». Борис охотно пускался в рассуждения об отцовской любви и власти; среди иноземцев ходил рассказ о том, как он ответил на предложение дать отдых царевичу Федору от многих государственных дел, которыми его не по летам нагружали: «Один сын, все равно, что ни одного сына; нет, я убежден, что и три сына были бы для меня в полсына, но имей я шестеро сыновей, тогда я смело сказал бы, что у меня есть сын. А теперь как я могу хоть на один миг с ним расстаться, когда я не уверен, что в этот миг он не перестанет быть моим?»[694]

Дети царя Бориса Федоровича — царевич Федор и царевна Ксения — должны были и в самом деле радовать своего отца. Правда, о их тогдашней жизни сведений совсем немного; рассказать что-либо, помимо известных фактов участия младшего Годунова, по воле своего отца, в государственных делах, вряд ли получится. Известно, что Борис стремился окружить детей заботой, брал с собой в поездки на богомолье в разные монастыри, где они делали свои вклады, отмечал особым царским столом «царевнины именины» (24 января)[695]. О Федоре и Ксении мы больше узнаем из того, что случилось с ними позднее, перенося это знание на восприятие их детских и отроческих лет. Так, одна из самых ярких деталей, связанных с биографией Ксении Годуновой, — составленный ею «Плач», в котором она грустит о своей доле после смерти отца; но текст этот всего лишь приписан ей, хотя запись «песни» дочери Годунова сделана еще при жизни монахини Ольги (с этим именем Ксения-«Оксинья» постриглась в монашество). «Плач» Ксении Годуновой впервые был записан для англичанина Ричарда Джемса на Русском Севере в 1619–1620 годах:

А сплачетца на Москве Царевна,
Борисова дочь Годунова:
Ино Боже, Спас милосердой!
за что наше царьство загибло,

за батюшково ли согрешенье,
за матушкино ли немоленье?[696]

С именем царевича Федора Борисовича обычно связывают создание чертежа Москвы. Всем памятна сцена из исторической драмы А. С. Пушкина, который использовал этот благодарный сюжет:

Царь:

А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Феодор:

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Царь:

А это что такое
Узором здесь виется?

Феодор:

Это Волга.

Царь:

Как хорошо! Вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты можешь обозреть
Всё царство вдруг: границы, грады, реки.

Приходится констатировать, однако, что перед нами еще один пример большей силы воздействия художественного образа на восприятие истории. Многие историки не избежали обаяния этой легенды (и автор этих строк в том числе). Известный знаток истории Москвы С. К. Богоявленский писал: «Нет никаких оснований заподазривать правильность утверждения, что план

Москвы был составлен при Борисе Годунове при участии его сына Федора». Но в обоснование этой мысли он мог привести только восторженные отзывы о талантах царевича Федора Борисовича современников — князя Хворостинина и князя Катырева-Ростовского (оба они писали, в частности, о его «книжном почитании»)[697]. Источником старинного заблуждения, как объяснил В. С. Кусов, является публикация перевода карты Русского государства голландским картографом Г. Гесселем в 1613 году (русский оригинал утрачен). Одним из ее элементов была карта Москвы, в подписи к которой читаются слова «Ad Architypum Foederi Borissowitsi», то есть: «По распоряжению Федора Борисовича». Эта карта воспроизводилась позднее и в других изданиях, в том числе в обратном переводе П. А. Дейриарда в пушкинские времена[698]. Думать о Федоре Годунове как об авторе всей карты позволяла и другая, латинская, подпись в картуше ко всей карте «Tabula Russiae ex autographo, quod delineandum curavit Foeder filius Tsaris Boris…», которую можно перевести как: «Карта России по оригиналу, который начертить озаботился Федор, сын царя Бориса…»[699] Вероятнее всего речь шла о какой-то работе русских картографов, возможно, законченной в недолгое правление царя Федора Борисовича.

Но историческая память вряд ли случайно наградила детей Годунова добродетельными чертами. Их жалеют не только из-за мученической судьбы. На царевича Федора Годунова не переносили тех грехов и преступлений, которые связывали с именем его отца. Напротив, окружающие могли надеяться на лучшее продолжение, которое могло быть у Московского царства, все дальше уходившего от времен тирании Грозного. Князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский в превосходных степенях писал о Федоре и Ксении Годуновых: «Царевич Федор, сын царя Бориса, отроча зело чюдно, благолепием цветущи, яко цвет дивный… Научен же бе от отца своего книжному почитанию, во ответех дивен и сладкоречив велми; пустошное же и гнило слово никогда же изо уст его исхождаше; о вере же и о поучении книжном со усердием прилежаше». О сестре же его говорится, что была она «отроковица чюдного домышления». Красота Ксении Годуновой описана так, как мог описать ее лишь тот, кто видел царевну: «… зелною красотою лепа, бела велми, ягодами румянна, червлена губами, очи имея черны велики, светлостию блистаяся; когда же в жалости слезы изо очию испущаше, тогда наипаче светлостию зелною блисташе». Упоминается и о талантах царевны, которая была «писанию книжному навычна» и «гласы воспеваемыя любляше и песни духовныя любезне слышати любляше»[700].

Все в одночасье изменилось для Бориса Годунова и его семьи, когда в Москве 15 октября 1604 года получили точные сведения о начавшемся походе самозваного царевича Дмитрия в Московское государство. Кроме этого, в миру появились подметные послания с «листом» Лжедмитрия I, отправленным Борису Годунову (одна из копий этого документа сохранилась в составе так называемых «татищевских известий»). Самозванец обвинял Годунова в похищении царства и напоминал ему о возмездии за кровавые дела: расправу с политическими противниками, покушение на его, царевича Дмитрия Ивановича, жизнь, спасенную доктором Симеоном, поджоги и наведение крымского хана на Москву, ослепление царя Симеона Бекбулатовича и проявленную уже по воцарении жестокость к Романовым, Черкасским и Шуйским[701]. Как записали английские послы, в Москве «были получены столь тревожные вести», что все остальные дела были «оставлены без внимания, кроме принятия решения по поводу наступившей опасности». Появление претендента, говорившего о «наследственных правах» на престол, «привело в сильную тревогу государя и все царство», как писал анонимный автор описания посольства Томаса Смита. Он отмечал немедленно возникшие «бесчисленные россказни», обсуждение которых «волновало все слои общества». Даже английский посол испугался хода событий; «в страхе находились сам царь и правительство, хотя и надеявшиеся, что удастся убедить народ, что все это один дерзкий обман»[702]. Вскоре в Смоленске возникло дело по извету о том, что «посадские люди ужеснулись, и меж себя, ходя, и неведомо что шепчут». Природа этого вселенского страха была разной. Кто-то, как в Смоленске, боялся, что снова не будет хлеба, поскольку «комаричане мужики смутилися и заворовали»[703]. Но были и совсем иные, иррациональные, объяснения успехов самозванца. Нужно вспомнить, что в Москве Григория Отрепьева считали «чернокнижником». Автор Хронографа записал, что в царствование Годунова вели борьбу со всякими волхвами (вспомним, что именно на этом было основано обвинение Романовых): «зане же в то время царь сыскивал звездочетцев накрепко, и всяких волхвов до конца изводил, глаголют бо о нем (Григории Отрепьеве. — *В. К.*), яко тоя же ради вины из за порук уйде он в Литву». Откуда бы ни явилось это зло, оно, по образному сравнению автора Хронографа, встало «облаком» над головою царя Бориса, и именно из него возгремел «скрежет смертный»[704].

Современников должно было смутить еще одно обстоятельство — то, с каким чрезмерным усердием Борис Годунов принялся организовывать отпор наемному войску

самозванца, состоявшему из нескольких тысяч казаков и небольших отрядов шляхты. Все, что удалось поначалу Лжедмитрию, вторгшемуся в пределы Московского государства, — так это захватить несколько не самых значительных городов в Северской земле. За царем же Борисом Федоровичем была мощь армии всего Русского государства, которую он и обрушил на Лжедмитрия. Сохранилась «Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 году»[705]; из нее вырисовывается масштабная работа по созыву поместной конницы и даточных людей. Центром сбора войска первоначально был избран Брянск, где в поход «против Ростриги» должны были собираться царские полки во главе с боярином князем Федором Ивановичем Мстиславским. Даже в обычное время развернуть целую армию было делом очень сложным, а здесь все усугублялось тем, что война начиналась глубокой осенью, когда было сложно даже проехать из конца в конец страны.

Тем не менее с этой первой задачей царь Борис Федорович справился. Недюжинную энергию проявил его приближенный, новгород-северский воевода Петр Федорович Басманов, немедленно ставший годуновским фаворитом (спустя какое-то время его личный фавор повторится у Лжедмитрия!)[706]. Басманов несколько недель сдерживал войско самозваного «царевича» под Новгородом-Северским, обеспечив возможность сбора главных сил. Первое крупное сражение армии Бориса Годунова с наемным войском самозванца произошло у этого города 21 декабря 1604 года. Московские воеводы донесли о победе, чем чрезвычайно обрадовали царя Бориса Федоровича. Он хорошо умел организовывать триумфы. Так случилось и на этот раз, к войску был послан с милостивым словом и для раздачи наградных золотых царский чашник Никита Дмитриевич Вельяминов. Вскоре, правда, выяснилось, что победа над самозванцем не была такой безоговорочной, а главный воевода князь Федор Иванович Мстиславский получил серьезные ранения в бою («по голове ранили во многих местех»). За это царь Борис выговорил второму воеводе и своему свояку боярину князю Дмитрию Ивановичу Шуйскому: «И вы то делаете не гораздо, и вам бы к нам о том отписать вскоре подлинно». Потом использовавший любую возможность для умаления деяний Бориса Годунова автор «Нового летописца» даже запишет, что «под Новым же городком бысть бой, и гневом Божиим руских людей побили»[707].

Решающим стал бой «на Севере, в селе Добрыничах под острожком под Чемлижом», пришедшийся, по сообщению разрядных книг, на 20 января 1605 года[708]. Участник той битвы

капитан Жак Маржерет описал бегство польских и русских сторонников самозванца: «Пять или шесть тысяч всадников преследовали их более семи или восьми верст. Дмитрий потерял почти всю свою пехоту, пятнадцать знамен и штандартов, тридцать пушек и пять или шесть тысяч человек убитыми, не считая пленных, из которых все, оказавшиеся русскими, были повешены среди армии, другие со знаменами и штандартами, трубами и барабанами были с триумфом уведены в город Москву»[709]. Во время этого сражения самозванец едва не был захвачен в плен, он вынужден был бежать сначала к Рыльску, а потом к Путивлю, где удержался с остатками своих сторонников на несколько месяцев.

В начале февраля 1605 года, до начала Великого поста (11 февраля), для царя Бориса Федоровича наступила небольшая передышка в войне с самозванцем. Он продолжал действовать так, как привык. «Сеунщика» Михаила Борисовича Шеина, приехавшего с победной вестью («сеунчом») в Троице-Сергиев монастырь, царь наградил чином окольничего. По словам «Нового летописца», царь «слышав же такую на врагов победу, рад бысть и нача пети молебная»[710]. 8 февраля 1605 года были устроены отдельные торжества по поводу победы над самозванцем. Народу показали его пленных сторонников. Не забыли пригласить и членов английского посольства, которые оставили следующее известие: «Мы видели, как три тысячи несчастных пленных, семнадцать неприятельских знамен и одиннадцать барабанов были доставлены в Москву с торжественностью, превосходившею, однако ж, значение празднуемой победы». Особые почести были оказаны герою новгород-северской обороны воеводе Петру Басманову. Рассказывали о том, что однажды, принимая его во дворце, царь в уважение к его ранам спустился с трона и помог ему подняться (чего никогда прежде не делали русские цари), после того как Басманов коленопреклоненно бил челом об отпуске его в новый поход[711]. В описании английского посольства содержится свидетельство о том, что царь Борис Годунов сам намеревался двинуться во главе войска против самозванца. Если так, то это многое бы объяснило в последовавших событиях. Определенно можно сказать только, что царские воеводы чего-то выжидали и медлили.

Вместо того чтобы нанести решающий удар по Лжедмитрию, воеводы отошли от Рыльска и учинили погром мятежной Комарицкой волости. Историческая вина в организации этой карательной операции лежит на Борисе Годунове, однако сам он требовал от воевод совсем другого: не с мужиками воевать, а ловить ненавистного «Гришку». Царь Борис Годунов

«роскручинился» и прислал к войску окольничего Петра Никитича Шереметева и думного дьяка Афанасия Власьева, которые должны были спросить у бояр и воевод, «для чево отошли от Рыльска». Впрочем, это был не вопрос, а царская угроза, так как Борис выговаривал воеводам: «…что зделася вашим нерадением, столко рати побили, а тово Гришки не умели поймать». По словам автора «Нового летописца», услышав такие речи, «боляре же о том и вся рать оскорбишася. В рати же стало мнение и ужас от царя Бориса. С тое ж поры многия начаша думати, как бы царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришке»[712].

Судьба династии Годуновых, как писал С. Ф. Платонов, решилась «под обгорелыми стенами» украинного города Кромы[713] (вероятно, тогда русский язык и обогатился присловьем, с которым часто вспоминают об этом городе: «Орел да Кромы первые воры»). Целое войско несколько месяцев безрезультатно простояло под маленькой крепостицей, обороной которой руководил донской казак Андрей Корела. Следствием этого стояния станут измена и недовольство царем Борисом Годуновым, истощавшим войско в зимнем походе и заставлявшим его страдать из-за болезней, голода и бескормицы. В конечном же итоге войско под Кромами окончательно перейдет на сторону самозваного «царевича». Не смог Борис Годунов опереться ни на князя Василия Васильевича Голицына, поставленного одним из воевод, ни на романовского сторонника воеводу Федора Ивановича Шереметева, бесполезно стрелявшего по Кромам из привезенной с огромным трудом большой пушки — именной пищали «Лев Слободцкой». Тактика царских воевод состояла в том, чтобы «творить тесноту» тем, кто оборонял Кромы. Но воевать против своих с таким же ожесточением, как против иноземных врагов, тогда еще не научились.

Трагедия Бориса Годунова разрешилась 13 апреля 1605 года, «в субботу на память святаго священномученика Ортемона прозвитера и святых мученик Максима, канун жен Мироносиц»[714], когда царя постиг удар. Мимо этого события не прошел ни один из современных книжников. Автор «Бельского летописца» написал, что все случилось «в 10-й час дни»[715]. Интересовались обстоятельствами смерти царя и иностранцы, которые могли получать информацию от царских докторов. Стоит доверять известию Жака Маржерета, что царь «умер от апоплексии»[716]. В «Новом летописце» о смерти Бориса Годунова сказано так: «После бо Святыя недели, канун Жены мироносицы царю Борису вставши из-за стола после кушанья, и внезапу прииде на нево болезнь люта, и едва успе поновитись и постричи.

В два часа в той же болезни и скончася»[717].

Во многих известиях о смерти царя Бориса Годунова сходным образом говорится, что все случилось внезапно, после обычной царской трапезы. В свите английского посла, находившегося уже на дороге в Англию, все-таки успели узнать подробности о последних часах царя Бориса Федоровича. Спустя два часа после обычной трапезы царь «ощутил боли в желудке, так что, перейдя в свою опочивальню, сам лег в постель и велел позвать докторов (которые успели уже разойтись). Но прежде, чем они явились на зов, царь скончался, лишившись языка перед смертью» (еще одно подтверждения диагноза — апоплексия)[718].

Для русских летописцев важнее была другая деталь: в соответствии с нормами благочестия царь Борис Годунов, как некогда Иван Грозный, успел принять перед смертью монашескую схиму и получил новое имя — инока Боголепа. Утаить или опровергнуть это было невозможно, хотя и здесь слышны ноты сомнения, потому что следом за таким уходом Годунова из мира все его обвинители должны были бы умолкнуть. Автор «Пискаревского летописца» написал, что Борис Годунов «преставися скорою смертию, только успели запасными дары причастити». В хронографах тоже содержится ссылка на то, что «нецыи же написаша» о том, «яко восприят иноческий образ и наречен бысть во иноцех Боголеп, и вскоре живот свой сконча». И лишь в «Бельском летописце» сказано, как подобает, что Борис Годунов умер «изволеньем Божиим в чернцех, и в схиме наречен бысть Боголеп, и положен бысть в церкви у Архангела Михаила в пределе у Ивана Списателя (Иоанна Лествичника. — *В. К.*)»[719].

Имя Боголеп — калька с греческого Феопрепий («подобающий Богу») — раскрывает нам последнюю тайну Бориса Годунова: крестильное имя царя, которое у людей русского Средневековья порой скрывалось до самой смерти. Годунов позаботился, чтобы тайна эта не была раскрыта и после окончания его «живота», поэтому легко подумать, что выбор схимнического имени связан с известным, мирским именем царя Бориса Федоровича. Правило, согласно которому монашеское имя должно начинаться с той же буквы, что и крестильное, было соблюдено, только имя Боголеп могло происходить еще и от имени Богдан! Или, точнее, от греческого имени Феодот («Богом данный»), которое у русских людей переводилось как Богдан. Святой Феодот Анкирский жил в IV веке и прославился благотворительностью и добрыми делами (что немаловажно для биографии царя Бориса Федоровича). Разгадать тайну второго имени Бориса Годунова впервые смогла искусствовед В. И. Антонова, составляя каталог икон Третьяковской

галереи[720]. Изображение патронального святого Годунова — Феодота Анкирского встречается и в росписях церкви села Вяземы, и в знаменитых вкладах семьи Годуновых в Троице-Сергиев монастырь: так называемой «жемчужной» пелене «Крест на Голгофе», лежавшей под иконой Троицы Андрея Рублева, и поставце на гроб Сергия Радонежского[721]. Очевидно, что для близких Годунову людей его крестильное имя не было тайной, они тоже могли участвовать в выборе имени для схимы царя, которого настиг удар. Хотя, наверное, царь Борис успел сделать все последние распоряжения и о принятии схимы, и о том, чтобы его похоронили рядом с его предшественником на престоле, которому он был всем обязан, — царем Федором Ивановичем. Погребение в кремлевском Архангельском соборе, рядом с могилами князей и царей из династии Рюриковичей, не могло быть случайностью. К несчастью, этой могиле недолго пришлось оставаться непотревоженной.

Мало что другое в Московском государстве могло так сразу и освободить, и запутать людей. Освободить от прежнего страха, обязательств и клятв Борису Годунову и его семье, запутать с последовавшими присягами, которые стали приносить кто царевичу Федору Борисовичу, а кто сразу мнимому сыну Ивана Грозного. Царя Бориса Годунова якобы спрашивали перед смертью, не хочет ли он, чтобы все немедленно присягнули царевичу Федору Борисовичу, а он отвечал, «дрожа всеми членами»: «Как Богу угодно, и всему народу»[722]. Очень похоже на Годунова, не изменившего себе даже в последний час…

Эпилог
Итоги годуновского правления

Добро без правды, добро без сочувствия, добро без жалости ко всем, даже к врагам, оказалось не добром, а чем-то другим. Тем самым наследием Бориса Годунова, за которое его большей частью осуждают, если не ненавидят. Начиная, как многие его современники, в опричном дворце Ивана Грозного, Борис Годунов сумел сохранить устремление к созиданию, а не разделению, ставшее впоследствии его второй натурой. Но и память об опричном опыте тоже никуда не исчезла. Она прорывалась временами в действиях Бориса Годунова, всюду преследовавшего своих политических противников. О доверии Годунова к наушникам начали говорить еще тогда, когда он был правителем. По свидетельству одного Хронографа, «но токмо едино неисправленное имяше пред Богом и всеми людми: во уши его ложное приношаху радостно тово послушати желаше и оболганных людей без расужения напрасно мучителем предавшее и власти любив вел ми бываше, и начал ников Всероссийского государства и воевод вкупе же и всех людей московского народу подручны себе учини, яко же и самому царю во всем послушну ему быти и повеленное им творити». Годунов предпочитал ссылать, а не казнить, своих врагов. Но в этой ссылке главные враги Бориса Годунова и заканчивали свои дни. Слишком уж все удобно складывалось, чтобы не видеть здесь умысла. Его и видели, и таились, и говорили, метая еще и отравленные стрелы клеветы, сводя на нет все земное строительство Бориса Годунова.

«По мале же бо превознесся мыслию своею и похоте властолюбец быти и на царский престол безстудно воскочити… простре руку свою на царская убиение»[723], — пишет далее автор Хронографа об истории несчастного царевича Дмитрия. Безусловно, что эта история тенью ложится на все годы годуновского правления. Но кто готов оценить степень «злодейства» Бориса Годунова без риска впасть в преувеличение? До сих пор не было (и, наверное, никогда не будет) никаких убедительных доказательств причастности Годунова к смерти царевича Дмитрия. Презумпция невиновности существует и в отношении исторических героев, но тем-то и отличается историческое расследование от следствия, что историку важны все версии и нет необходимости выбора какой-то одной из них. Историк не судья и не адвокат своего героя; он только рассказчик, заменяющий отсутствующих свидетелей.

Источники по истории Смуты, казалось бы, однозначно осуждают Бориса Годунова в совершенном преступлении. Но настораживает то, что большей частью повести и летописи, клеймящие «похитителя» престола, появились тогда, когда царь был повержен. Остается исторический парадокс: как мог существовать такой «злодей», каким получается на страницах иных летописей и «иных сказаний» Борис Годунов, рядом с праведным царем Федором Иоанновичем?

Вот лишь один пример усиленной работы над созданием «плохого» образа Бориса Годунова. Почти все современники были убеждены, что Годунов не знал грамоты. Авраамий Палицын писал в «Сказании»: «Но аще и разумен бе в царских правлениих, но Писания Божественнаго не навык и того ради в братолюбствии блазнен бываше»[724]. Убедителен и дьяк Иван Тимофеев: «И чюдо, яко первый таков царь не книгочий нам бысть…» Если внимательно присмотреться к этим словам, то речь в них, конечно, идет не об обычной грамотности, а о книжной премудрости. Но на такие детали мало обращали внимания, предпочитая верить, например, Исааку Массе, который прямо говорил, что Борис Годунов не умел «не читать, ни писать». И что же? В конце XIX века были извлечены из архива и опубликованы Сергеем Дмитриевичем Шереметевым рядовые для той эпохи документы, в которых нашлись автографы Бориса Годунова, причем он собственноручно подписывал бумаги, начиная с того времени, когда был еще совсем молодым человеком[725]. Так разрушаются исторические мифы — но только для тех, кто ценит достоверную картину прошлого больше, чем яркую фразу.

Современник Смутного времени князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский оставил словесный портрет Бориса Годунова: «Царь Борис благолепием цветущ и образом своим множество людей превзошел, возрасту (роста. — *В. К.*) посредство имея; муж зело чюден и сладкоречив велми, благоверен и нищелюбив и строителен велми, о державе своей многое попечение имея и многое дивное о себе творяше». Но к этим притягательным чертам добавлено и то, что мешало Борису Годунову в его правлении. Одно обвинение связано с подозрительным доверием к иноземным врачам («ко врачем сердечное прилежание»). Другое, более серьезное, — «ко властолюбию несытное желание». Оба обвинения следует принять, так как они подтверждаются многими другими источниками. Но справедлив ли тот приговор, которым завершает характеристику царя Бориса автор «Повести»: «…и на прежебывших ему царей ко убиению имея дерзновение, от сего же и возмездие прият»?!

Для иностранцев появление на троне царя Бориса Годунова

выглядело разительным и выгодным контрастом в сравнении с правлением «тирана Ивана». Джером Горсей, когда-то немало общавшийся с Годуновым в бытность его правителем по дипломатическим поручениям английской королевы Елизаветы I и делам Московской компании, записал о его царствовании: «Благодаря его уму и политике его правление совсем не похоже на прежнее, он теперь — государь своих подданных, а не рабов, и поддерживал порядок и повиновение милостью, а не страхом и тиранством. Он статен, очень красив и величествен во всем, приветлив, при этом мужествен, умен, хороший политик, важен, ему 50 лет; милостив, любит добродетельных и хороших людей, ненавидит злых и строго наказует несправедливость. В целом, он самый незаурядный государь, который когда-либо правил этими людьми… (судя по тому, что я читал в очень древних хрониках)»[726]. Положительные черты отмечал и автор «Московской хроники» Конрад Буссов, тоже лично встречавшийся с Борисом Годуновым. Уже во время первого приема он убедился в справедливости слов приставов, которые предупредили иностранцев, что им не следовало увлекаться напитками на царском пиру, так как царь «не любил пьяниц». Передавая рассказы о том, что было сделано Годуновым в самом начале его царствования, Конрад Буссов записал и об устроении правосудия, и о новых мерах против пьянства: «Он повелел построить особые судебные палаты и приказы, издал новые законы и постановления, положил конец всякому имевшему место в стране языческому содомскому распутству и греху, строго-настрого запретил пьянство и шинкарство или корчмарство, угрожая скорее простить убийство или воровство, чем оставить ненаказанным того, кто вопреки его приказу откроет корчму и будет продавать навынос или нараспив водку, меды или пиво… В общем этот Борис стремился так править, чтобы его имя восхваляли во многих землях, а в его земле была тишина и подданные благоденствовали бы…» И, в завершение: «Он искренне хотел добра своей земле, но над его правлением все же не было благословения Божия, ибо он достиг царства убийством и хитростью»[727]. Сведения Буссова использовал в своих сочинениях о России Петр Петрей, но у него свой взгляд на Годунова: «Он был любезный, умный и осторожный человек, но при этом очень лживый и злобный»[728].

И еще один пространный портрет царя Бориса, оставленный Исааком Массой: «Борис был дороден и коренаст, невысокого роста, лицо имел круглое, волоса и бороду — поседевшие, однако ходил с трудом по причине подагры, от которой часто страдал, и это от того, что ему приходилось много стоять и ходить, как

обыкновенно случается с московскими боярами, ибо они безотлучно должны находиться при дворе и там целые дни стоять возле царя, без присесту, три или четыре дня сряду… Борис был весьма милостив и любезен к иноземцам, и у него была сильная память, и хотя он не умел ни читать, ни писать, тем не менее знал все лучше тех, которые много писали; ему было пятьдесят пять или пятьдесят шесть лет, и когда бы все шло по его воле, он совершил бы много великих дел; за время своего правления он весьма украсил Москву, а также издал добрые законы и привилегии… но он больше верил священникам и монахам, нежели своим самым преданным боярам, а также слишком доверял льстецам и наушникам и допустил совратить себя и сделался тираном, и повелел извести все знатнейшие роды… и главной к тому причиной было то, что он допустил этих негодяев, а также свою жестокую жену совратить себя, ибо сам по себе он не был таким тираном. Он был великим врагом тех, которые брали взятки и подарки, и знатных вельмож и дьяков он велел предавать за то публичной казни, но это не помогало. Он был погребен в Архангельской церкви в Кремле, где погребают всех царей, и весь народ, по их обычаю, громко вопил и плакал»[729].

Таким образом, почти все современники говорят об одном и том же — царь Борис Годунов был весьма умелым правителем, но его сгубили властолюбие и тиранство. Меньше говорится о предательстве и лицемерии тех, кого он облагодетельствовал и кому оказывал покровительство. Но без этого уточнения нельзя понять, почему все-таки царский дом Годуновых рухнул буквально в несколько месяцев. Резкую перемену в Борисе Годунове в связи с началом войны с царевичем Дмитрием наблюдали английский посол Томас Смит и его свита, приехавшие в Москву в начале октября 1604 года. При первой аудиенции во дворце у царя Бориса Федоровича их «во всем его величии» встретил «могущественный царь», рядом с ним, как всегда, был царевич Федор Борисович. Но уже несколько месяцев спустя, на прощальной аудиенции 10 марта 1605 года, послы увидели перед собой другого человека на троне, за «величественным выражением лица» которого скрывалась «скорее принужденность, а уже не прежнее светлое настроение духа». Описание, оставленное человеком, видевшим Бориса Годунова в последний год его жизни, представляет особый интерес: «Что касается особы царя Бориса, это был рослый и дородный человек, своею представительностью невольно напоминавший об обязательной для всех покорности его власти; с черными, хотя редкими волосами, при правильных чертах лица, он обладал в упор смотрящим взглядом и крепким телосложением. Монарх,

постоянно колебавшийся между замыслом и решением (притом всегда направленным более к выгодам для государства, чем для самого государя), сосредоточенный на зачинаниях, которым не суждено было осуществиться до самой его смерти; никогда не действовавший прямо, но постоянно интриговавший… государь, которого не столько любили, сколько ему повиновались, и которому служили более из страха; сам охраняемый своею властью более, чем всякое частное лицо, на что, быть может, был вынуждаем постоянными войнами, но до крайности угнетавший своих бедных подданных и прикрывавший свою тиранию тонкой политикой, как человек, которого продолжительная опытность в совершении самых противоположных поступков научила управлять лучше именно таким способом, чем сообразуясь с справедливостью и совестью». Зная последующий ход событий и доверяя известиям о появлении настоящего царевича Дмитрия, автор заключает портрет Бориса Годунова традиционным обвинением «в овладении посредством хитрости короной, на которую не имел права»[730].

Совершил или нет царь Борис преступления против династии Рюриковичей, но она явно пресеклась и рухнула не из-за них. Борис Годунов сделал все, чтобы новая царская династия стала легитимной — и это еще будет оценено в 1613 году. У него имелась своя программа, которая реализовывалась в делах его царствования и поначалу действительно приносила плоды. Борис Годунов хорошо выразил то, чего хотел достичь в своем государстве, когда в 1601 году издал указ о преследовании хлебных скупщиков и установлении твердых цен на хлеб: «И мы… управляя и содержая государьственные свои земли вам и всем людем к тишине, и покою, и лготе, и оберегая в своих государьствах благоплеменный крестьянский народ во всем, и в том есмя по нашему царьскому милосердому обычею жалея о вас, о всем православном крестьянстве, и сыскивая вам всем, всего народа людем, полегчая, чтоб милостию Божиею и содержаньем нашего царьского управления было в наших во всех землях хлебное изобилование, и житие немятежное, и неповредимый покой у всех ровно»[731]. Но произошел трагический разрыв между царскими обещаниями, ожиданиями людей и действительностью. Современники увидели все ровно наоборот тому, о чем говорилось в процитированном указе: голод, эпидемии и опалы. Это, пожалуй, и была причина исторического проигрыша Бориса Годунова. В конце концов разрыв между словами и делами государевыми привел к тому, что царю Борису перестали беспрекословно подчиняться. Для того чтобы по-настоящему оценить опыт правителя, около двадцати лет

управлявшего Московским государством, нужно было пройти испытания Смуты и сравнить их с тем временем, «как при прирожденных государях бывало».

Самозваный царевич Дмитрий победил лишь потому, что у него, как показалось многим, было преимущество «прирожденности». Мнимый сын Ивана Грозного, «воскресший» Дмитрий стал могильщиком и самого Бориса Годунова, и «тишины» его царствования. Эпоха Годунова, служившего двум антиподам на троне — царю Ивану Грозному и его сыну царевичу Федору Ивановичу, — уходила в прошлое. Царь Борис взял от них противоположный опыт, но не сумел, да и не смог бы, достичь необходимой гармонии между тиранством и святостью. В итоге ему не досталось даже посмертной любви черни…

История с несчастными останками Бориса Годунова, которые некогда вынесли из Архангельского собора, стала продолжением трагедии царя Бориса[732]. Для перезахоронения был выбран Варсонофьевский девичий монастырь в Москве (он находился между Сретенкой и Рождественкой), где могила низвергнутого из царской усыпальницы царя просуществовала все время правления Лжедмитрия I. Царь Василий Шуйский при вступлении на престол своеобразно восстановил справедливость: с одной стороны, в июне 1606 года он организовал прославление мощей убиенного царевича Дмитрия, и тогда прозвучали недвусмысленные обвинения в адрес Бориса Годунова. С другой — уже в сентябре 1606 года, видимо, под влиянием распространявшихся слухов о чудесном спасении Дмитрия, царь Василий Иванович распорядился организовать еще одно, на этот раз, почетное перезахоронение Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре «по царскому чину»[733]. Последнее прощание столицы с семьей Годуновых описал Конрад Буссов: «Тело Бориса несли 20 монахов, его сына Федора Борисовича — 20 бояр, жены Бориса — также 20 бояр, а за этими тремя телами шли пешком до самых Троицких ворот все монахи, монашки, попы, князья и бояре, здесь они сели на коней, тела приказали положить на сани и сопровождали их в Троицкий монастырь». Ксения Годунова, единственная из всей семьи оставшаяся в живых, тоже сопровождала скорбную процессию. Вскоре в Москву вернули из ссылки патриарха Иова, чтобы он дал «миру» разрешение от греха клятвопреступления Годуновым. Немецкий хронист, помнивший о добре царя Бориса Федоровича, недвусмысленно объяснил причины запоздалого раскаяния: «Теперь многие стали сильно оплакивать и жалеть Бориса, говоря, что лучше было бы, если бы он жил еще и царствовал, а эти безбожные люди умышленно и преступно погубили и извели его вместе со всем его родом ради

Дмитрия»[734]. В Троице-Сергиевом монастыре останки Годуновых были положены под западной папертью Успенского собора, а после разбора паперти в 1781 году над местом их захоронения была устроена особая «палатка-усыпальница», которую некогда видел Н. М. Карамзин. Она существует и по сей день.

Уже в XX веке останки Годуновых потревожили опять. В 1930-е годы в археологии появился новаторский метод реконструкции облика человека по сохранившимся останкам. Автор этой методики известный антрополог Михаил Михайлович Герасимов, восстановивший скульптурные портреты Ярослава Мудрого, Чингисхана и Ивана Грозного, решил сделать подобную работу и с Борисом Годуновым. 26 октября 1945 года ученый обследовал усыпальницу Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре, но его ждало разочарование: оказалось, что могила раньше была кем-то вскрыта; «содержимое гробов было перемешано» и «от черепов ничего не сохранилось». Расчет на возможность восстановления портретов Годуновых рухнул. Можно было бы строить разные версии по этому поводу, но все объяснилось значительно проще — преступной глупостью, за которую, увы, некому ответить. Как рассказывал в одной из телевизионных передач выдающийся археолог академик Валентин Лаврентьевич Янин, в конце 1940-х годов на раскопки в Новгород Великий приехал молодой журналист, сотрудник какой-то газеты, получивший задание написать об успехах советских археологов. Он-то и поделился с московскими учеными своей «причастностью» к археологии. Оказалось, что во время войны каким-то мальчишкам в Загорске пришло в голову залезть в не охранявшуюся никем гробницу Годуновых. Они вытащили оттуда черепа и устроили… жуткую игру в футбол. Парню из Загорска, разумеется, поделом досталось от начинающих ученых. Но факт остается фактом: нам уже никогда не узнать, как выглядели царь Борис Годунов, его жена и дети. Приходится довольствоваться только сохранившимися парсунами и описаниями.

Есть, конечно, известный символизм в том, что произошло с Годуновыми, чья смерть в итоге открыла дорогу к возвращающимся смутам в России. Неслучайно английские современники увидели перекличку судеб Бориса Годунова и царевича Федора Борисовича с шекспировской драмой; говоря о Федоре Годунове, они заметили, что «власть и правление его родителя, подобно театральной пиесе, заканчивающейся катастрофой, завершается ныне ужасною и жалостною трагедией, достойной стоять в одном ряду с „Гамлетом“»[735]. Да и русские авторы тоже жалели о несостоявшемся правлении годуновского сына: «Тогда ему сущу лет шести на десяти (шестнадцать. — *В.*

К.), — аще убо и юн сыи летными числы бысть, но да смыслом и разумом многих превзыде и сединами совершенных. Бе бо зело изучен премудрости и всякого естествословия философского наказан, о благочестии же присно упражняшеся, злобы же и мерзости и всякого нечестия отнюдь всяко ненавистен бысть, телесною же добротою возраста и зрака благолепною красотою аки крин (цветок. — *В. К.*) в тернии паче всех блисташеся. Аще бы не тартарный мраз цвет благородия его раздробил, то мнел бы убо бытии того плоду потребна всячественому добру»[736].

Династия Годунова оказалась в историческом тупике, а с нею в тупике оказалась и вся страна, соблазнившаяся самозваным царевичем Дмитрием Ивановичем, венчанным на царство в Успенском соборе. Однако глубочайшее заблуждение — судить о годуновском правлении только с точки зрения печального политического итога. Этот итог продолжает, конечно, влиять на оценки нашего героя, но не может отменить необходимость исторического рассказа о жизни и делах царя Бориса. Его проект был грандиозным; он многое сумел воплотить из того, что никогда не существовало до Годунова. Власть, которой он, безусловно, добивался, нужна была ему не только ради власти. Борис был строителем Московского царства, он умел видеть его задачи, умел устроить дело так, чтобы думать о подданных, облегчать их жизнь. Его впечатляющая строительная деятельность зримо присутствует и сегодня во всех видовых картинках Кремля…

И все равно, что-то мешает нам безусловно воздавать ему должное. В этом и состоит загадка, к разрешению которой стремятся историки. Надежно скрытые тайны Бориса Годунова продолжают волновать нас при чтении пушкинского текста, при вслушивании в шаляпинские интонации в оперных ариях. Сочувствуя Годунову, мы все-таки осуждаем его, не простив единого «пятна лжи», отменившего все другое. Возможно, этот максимализм святости, счет, который предъявляется правителям, не уместен во времена торжества политического цинизма. Но в средневековом сознании «всякая власть от Бога». И ложь на земле меняет эту власть…

Пушкин в драме, названной именем Бориса Годунова, скажет его же устами: «Живая власть для черни ненавистна. / Они любить умеют только мертвых». Но особенной ненависти к живому правителю народ не испытывал; скорее наоборот. Годунов всегда умел быть добрым царем.

Если бы царь Борис Федорович принадлежал к московской династии, любовь подданных, известная ему при жизни, никуда бы не исчезла, а времена его правления хвалили бы за «тишину» и

благоденствие. Простили же всё Ивану Грозному… Случилась же трагедия о добром царе, которую разыгрывал перед подданными Годунов. Они ему так и не поверили, несмотря на всю убедительность продемонстрированной правителем игры. А может, вовсе и не игры уже…

Борису Годунову все равно удалось сделать то, что он хотел: остаться в памяти своих современников. Он не мог предусмотреть того, что его наследников постигнет горькая судьба и продолжения династии Годуновых так никогда и не случится. Память о добром царе превратилась в итоге в историческую песню о царе — убийце несчастного Дмитрия. Кто теперь может доказать обратное? То, что случилось (или даже не случилось) с Борисом Годуновым, давно уже стало достоянием нашей истории. Такой, какой мы ее знаем, — мешающей славу и прах, великие намерения и ничтожные результаты, земное и небесное. Опыт жизни Годунова не мог бесследно раствориться в исторических хрониках. В нем всегда есть что-то живое, такое знакомое и родное для России, которая умеет не только любить или ненавидеть, но и прощать. Ждет ли историческое прощение Бориса Годунова, еще увидим…

Основные даты жизни и деятельности Бориса Федоровича Годунова

1552 — рождение Бориса Годунова, при крещении получившего имя Феодот (Богдан) в память святого Феодота Анкирского (IV век).

После 1564 — Ирина и Борис Годуновы появляются во дворце. Их дядя Дмитрий Иванович Годунов — постельничий царя Ивана Грозного.

1567, осень — первое упоминание о службе в разрядных книгах: Борис Годунов — стряпчий в походе «на литовского короля».

1570 — местнический спор с князем Федором Васильевичем Сицким.

До 1571 — женитьба на Марии Григорьевне Бельской, дочери Малюты Скуратова (Григория Лукьяновича Бельского).

1571, октябрь — дружка царицы на свадьбе царя Ивана Грозного с Марфой Собакиной.

Осень — рында «с другим саадаком» в походе на Новгород.

1572/73, декабрь — январь — рында «с копьем» в походе на Пайду.

Не позднее 1575 — женитьба царевича Федора Ивановича на Ирине Годуновой.

1575, январь — дружка царя на свадьбе с Анной Васильчиковой.

1577–1578 — кравчий «из двора» в ливонских походах; оставался в Новгороде при царевиче Федоре Ивановиче.

1578 — пожалован в боярство.

25 декабря — местнический спор Годуновых и князей Сицких.

1580, осень — дружка царицы на свадьбе с Марией Нагой.

1582 — рождение дочери Ксении.

1584, 18 марта — смерть царя Ивана Грозного, воцарение Федора Ивановича.

31 мая — венчание на царство Федора Ивановича, Борис Годунов получает чин конюшего.

1585–1590-е — основание первых городов в Сибири — Тюмени, Тобольска, Пелыма.

Строительство новых городов на юге государства — Воронежа, Ельца, Кром и Белгорода.

Конец 1580-х — 1590-е — строительство в Москве, в том

числе возведение укреплений Белого города.

1586 — строительство в родовом Ипатьевском монастыре в Костроме.

Приезд в Москву антиохийского патриарха Иоакима, начало переговоров об учреждении патриаршества в Русском государстве.

Май — «дело» князей Шуйских, подавших вместе с митрополитом Дионисием и представителями московского «мира» челобитную царю Федору Ивановичу о разводе с Ириной Годуновой.

1587–1588 — строительство Астраханского кремля.

1588–1589 — ведение переговоров об учреждении патриаршества с константинопольским патриархом Иеремией.

1589 — основание Царицына.

Рождение сына Федора.

26 января — поставление первого патриарха Московского и всея Руси Иова.

14 декабря — начало «немецкого похода» против шведского короля за возвращение Нарвы, Ивангорода, Яма и Копорья. Борис Годунов — первый «дворовый» воевода русского войска.

1590, январь — февраль — осада Ругодива (Нарвы).

26 января — взятие Яма.

25 февраля — завоевание Ивангорода.

1591, январь — заключение перемирия с Речью Посполитой.

15 мая — смерть царевича Дмитрия в Угличе, распространение слухов о причастности к этому Бориса Годунова.

24 мая — пожар в Москве; слухи о поджоге столицы Борисом Годуновым.

Оборона Москвы от нашествия крымского царя Казы-Гирея.

Годунов получает титул «слуги».

Основание Донского монастыря.

1592, май — рождение царевны Феодосии, племянницы Бориса Годунова.

1593–1594 — строительство Казанского кремля.

1594, январь — смерть царевны Феодосии.

1595 — Тявзинский мир со Швецией.

1596 — начало строительства Смоленской крепости под наблюдением Бориса Годунова.

1598, ночь с 6 на 7 января — смерть царя Федора Ивановича.

21 февраля — избрание на царство Бориса Федоровича Годунова на Земском соборе.

9 марта — соборное заседание, начало царского правления Бориса Годунова, установление особого крестного хода в память об этом.

11 мая — 30 июня — поход царя Бориса Годунова в Серпухов во главе войска, собранного против крымского хана Казы-Гирея.

3 сентября — венчание на царство Бориса Годунова.

1599, 1 апреля — новая организация расположения полков русского войска в Украинном разряде.

Вклады Годунова в Троице-Сергиев монастырь: позолоченный оклад к иконе Троицы, «жемчужная» пелена.

Лето — посольство дьяка Афанасия Власьева к германскому императору Рудольфу II.

1600 — посадское «строенье», возвращение «беломестцев» на посады.

Надстройка колокольни Ивана Великого в Кремле.

Устройство Лобного места на Красной площади в Москве.

14–16 сентября — освящение Троицкой церкви в селе Большие Вяземы — вотчине Бориса Годунова.

1600, октябрь — 1601, март — посольство из Речи Посполитой во главе с канцлером Великого княжества Литовского Львом Сапегой.

1600, ноябрь — 1601 — дело о ссылке бояр Романовых.

1600/01, зима — приезд в Москву английского посольства во главе с Ричардом Ли, переговоры о возможном браке детей Бориса Годунова с родственниками королевы Елизаветы I.

1601, 1 марта — заключение перемирия на двадцать лет с Речью Посполитой.

1601–1603 — голод и разбои в Московском государстве.

1601–1602 — указы о частичном разрешении крестьянского выхода.

1602 — начало болезни Бориса Годунова.

19 сентября — приезд в Московское государство датского посольства и жениха Ксении Годуновой, принца Иоганна.

27 октября — смерть датского принца Иоганна в Москве.

1603, 3 апреля — прием посольства из Любека в Золотой палате.

1603, июль — 1604, апрель — посольство в Данию Михаила Глебовича Салтыкова и дьяка Афанасия Власьева, переговоры о новом женихе из датского королевского дома для Ксении Годуновой.

1603, 4 сентября — прием посла персидского шаха Аббаса I, Лачин-бека, привезшего в дарах трон «прежних государей персидских».

Не позднее 18 сентября — сражение с войском атамана разбойников Хлопка под Москвой.

26 сентября — смерть царицы-инокини Александры (Ирины) Федоровны, сестры Бориса Годунова и вдовы царя Федора

Ивановича. Уничтожение по приказу Бориса Годунова спорных городищ в Северской земле — Прилукского и Снетино.

Сентябрь — получение известий о появлении в Литве самозванца, выдававшего себя за царевича Дмитрия.

1604, 2 мая — 1605, май — посольство Михаила Игнатьевича Татищева в Иверскую землю, переговоры о возможном браке детей царя Бориса Федоровича с детьми грузинских царей.

1604 — поход русского войска во главе с боярином Иваном Михайловичем Бутурлиным в Кумыцкую землю, взятие Тарков (1 октября). *Сентябрь* — отправка посланника Постника Огарева в Речь Посполитую для обличения Григория Отрепьева.

1604, начало октября — 1605, 10 марта — английское посольство в Москву Томаса Смита.

1604, осень — сбор и отправка войска для борьбы с Лжедмитрием.

Ноябрь — посылка грамоты германскому императору Рудольфу II с обличением Самозванца и просьбой повлиять на короля Сигизмунда III, чтобы он отказался от поддержки Лжедмитрия.

21 декабря — сражение правительственной армии во главе с боярами князем Федором Ивановичем Мстиславским и князем Василием Ивановичем Шуйским с войском Самозванца под Новгородом-Северским.

1605, 20 января — поражение Самозванца в битве под Добрыничами, бегство в Путивль и распад его войска.

После 20 января — неудачные действия правительственной армии: осада Рыльска, расправа с Комарицкой волостью, осада Кром.

31 января (10 февраля) — выступление посланника Постника Огарева на сейме Речи Посполитой.

8 февраля — торжества в Москве по поводу победы над Самозванцем.

Весна — поражение русского войска на Кавказе.

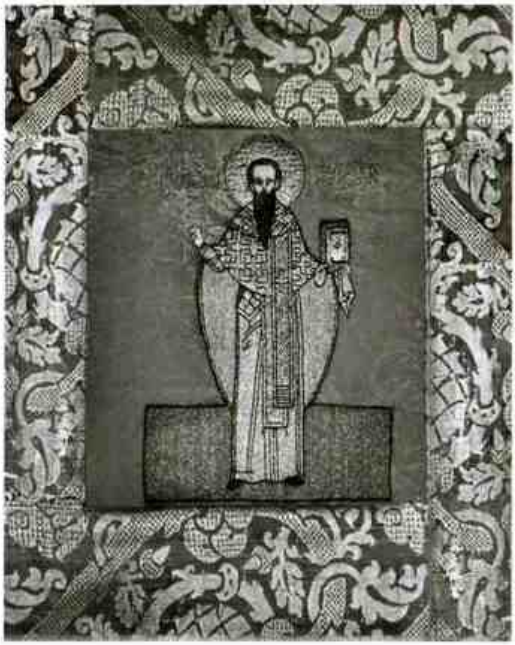
13 апреля — смерть царя Бориса Годунова (перед смертью принял схиму с именем Боголеп). Избрание на царство его сына Федора Борисовича.

Июнь — переворот в Москве в пользу Самозванца, вынос останков Бориса Годунова из Архангельского собора и захоронение их в Варсонофьевском монастыре, гибель царицы Марии и царя Федора Борисовича.

1606, сентябрь — перезахоронение останков царя Бориса Годунова и чле нов его семьи в Троице-Сергиевом монастыре.

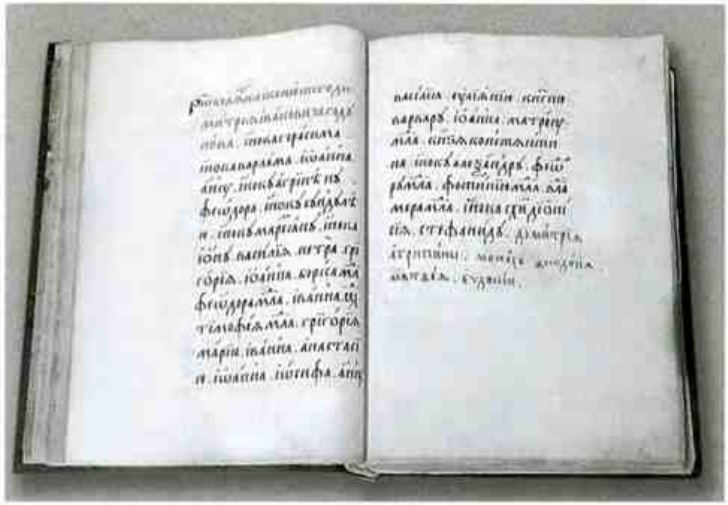
Иллюстрации

Царь Борис



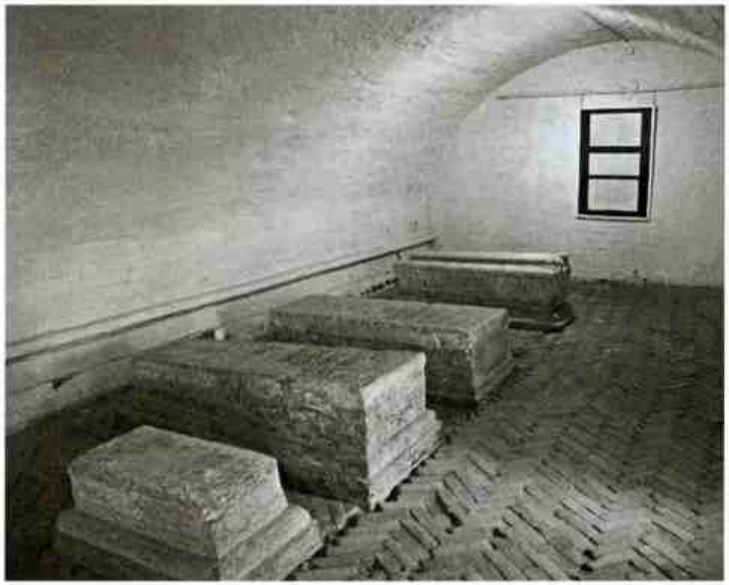
Святой Ипатий Гангрский. Вклад Дмитрия Ивановича Годунова в Костромской Ипатьевский монастырь. *Конец XVI в.*

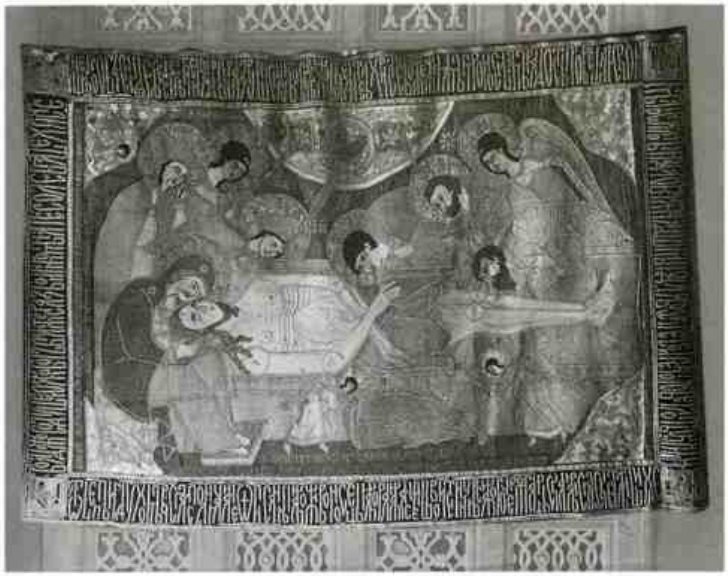
Зеленые врата Ипатьевского монастыря



Синодик Годуновых. *XVII в.*

Усыпальница Годуновых в подклете Троицкого собора Ипатьевского монастыря





Покров.
Вклад Дмитрия
Ивановича
Годунова
в Ипатьевский
монастырь

Звонница
Ипатьевского
монастыря

Борис Годунов
у Ивана Грозного.
И. Е. Репин. 1860 г.

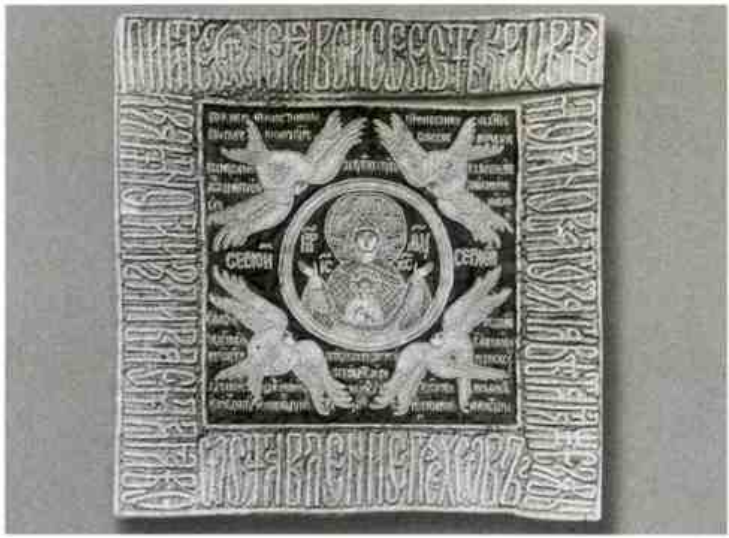
Царь
Иван Грозный

Царица
Ирина Федоровна
Годунова.
Антропологическая
реконструкция
С. А. Никитина

Плащаница.
Мастерская
царицы Ирины
Годуновой.
XVI в.

Царь Федор
Иванович.
Парсуна. 1630-е гг.

Ковчежец.
Подарок царя
Федора Ивановича
царице
Ирине Годуновой.
1589 г.



Возду́х. Дар царя Бориса Годунова в Ипатьевский монастырь

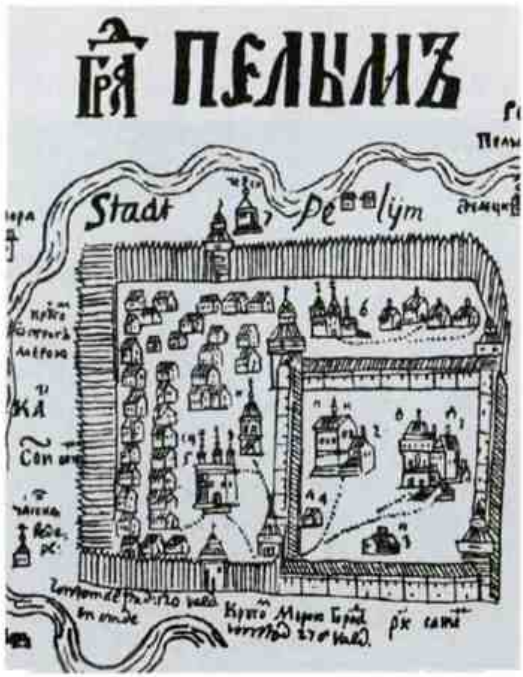
Церковь Преображения в селе Большие Вяземы. *1590-е гг.*

Чарка боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова

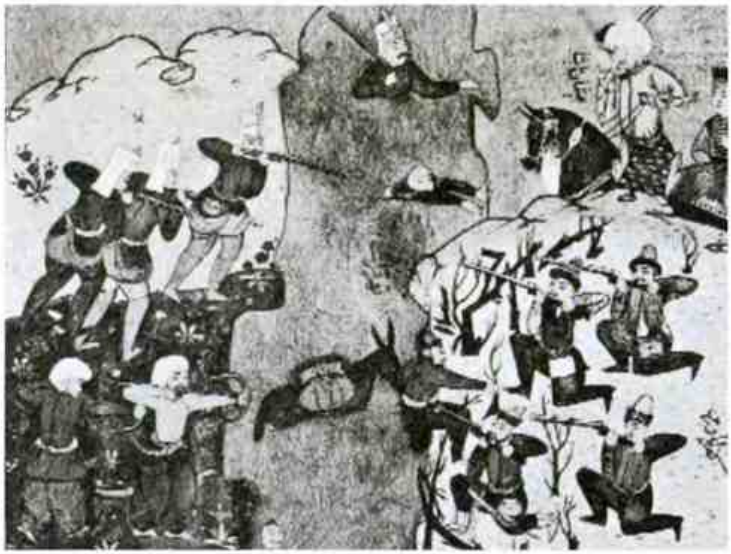
Церковь Троицы в селе Хорошево. *1598 г.*

Магнус,
король
Ливонский

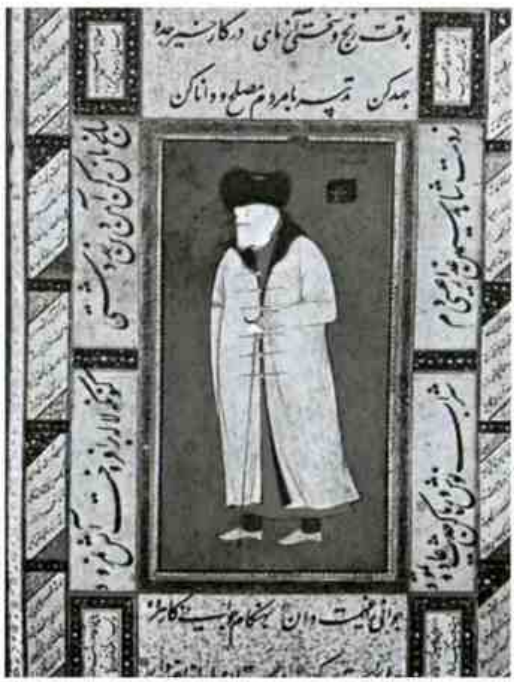
Предполагаемый
портрет княгини
Марии
Владимировны,
вдовы ливонского
короля Магнуса



Город Пелым.
*Из «Чертежной
книги Сибири»
Семена Ремезова.
1701 г.*



Битва русских с войском Осман-паши на реке Сунже. *Турецкая миниатюра. 1586 г.*



Портрет русского посла Г. Б. Васильчикова при дворе шаха Аббаса I в 1587 году. *Персидская миниатюра*

Патриарх Иов. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

Грамота об учреждении Московской патриархии. *1589 г. Фрагмент*

Панагия патриарха Иова

Саккос патриарха Иова

Образ
царевича Дмитрия.
Конец XVII —
начало XVIII в.

Дмитрий —
царевич убиенный.
М. В. Нестеров.
1899 г.

Миниатюра
из «Годуновской
псалтири»

«Годуновская
псалтирь».
1594 г.

Байдана
Бориса Годунова

Гусарское седло.
Дар
польского короля
Сигизмунда III
царю
Борису Годунову.
1600 г.

Царь и великий князь Борис Федорович Годунов.
Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Царь Борис Годунов.
Портрет XVIII в.

Смоленский собор Новодевичьего монастыря

Наградной золотой царя Бориса Годунова

Коронование Бориса Годунова. *К. А. Коровин. 1934 г.*
Эскиз декорации к опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов»

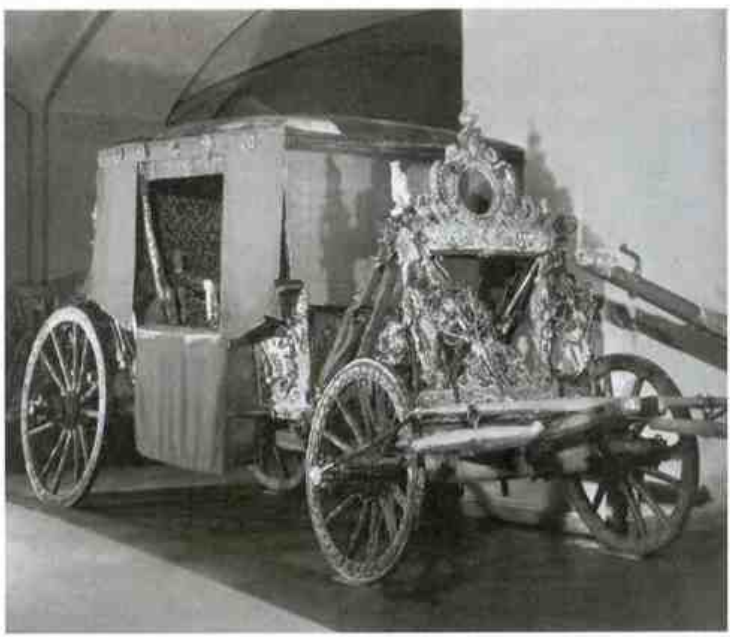
Купол колокольни Ивана Великого с посвятительной надписью Бориса Годунова. *Фото М. С. Лихачева. 1981 г.*

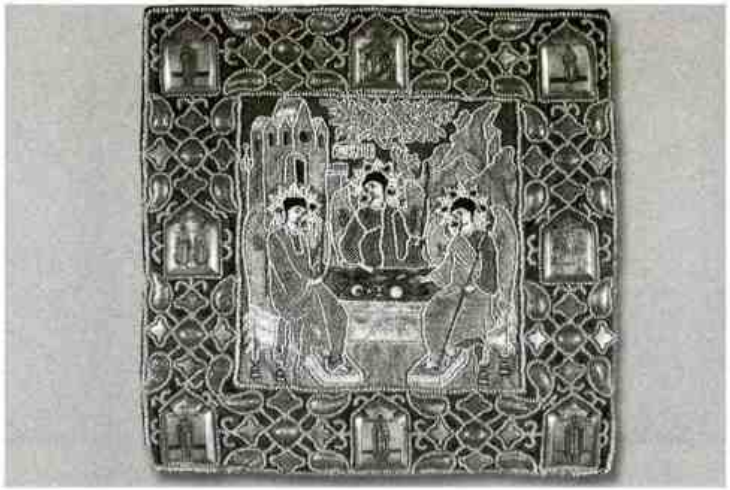
Колокольня Ивана Великого в Московском Кремле

Фелонь. Вклад Бориса Годунова в Архангельский собор Московского Кремля

Трон царя Бориса Годунова. *Посольский дар шаха Аббаса I*

Английская карета. Предположительно подарена Борису Годунову



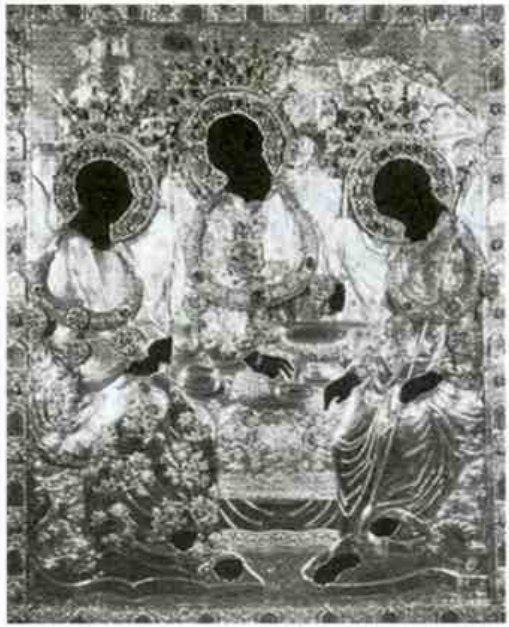


Троица. Жемчужная пелена.
Вклад Бориса Годунова в Троице-Сергиев монастырь. *1599 г.*

Потир. Вклад Бориса Годунова
в Троице-Сергиев монастырь. *1597 г.*

Подсвечник. Вклад Бориса
Годунова в Троице-Сергиев
монастырь. *1601 г.*

Оклад на икону Троицы Андрея Рублева. Вклад Бориса Годунова в Троице-Сергиев монастырь. *1600 г.*



Колокол Годунова. Мастер Андрей Чохов. Вклад в Троице-Сергиев монастырь. *1600 г.* В 1930 году сброшен с колокольни. *Фото М. М. Пришвина*

Елизавета I, королева Английская. *1596 г.*

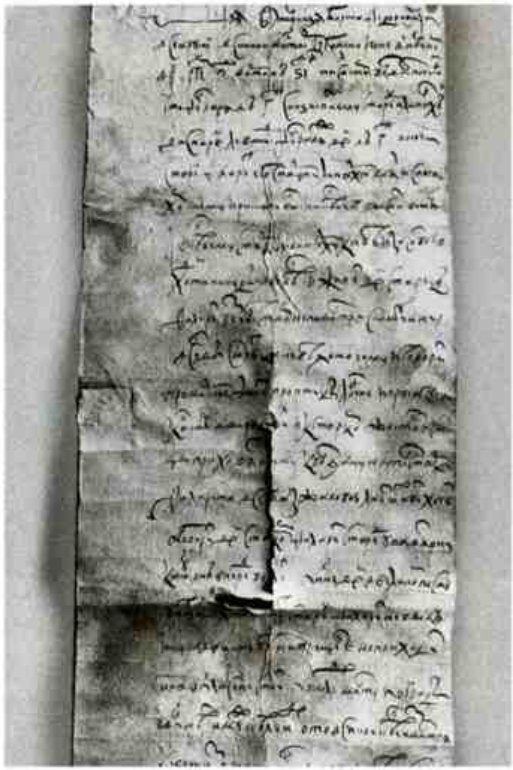
Христиан IV, король Датский. *1612 г.*

Смоленская крепость. *Фото XIX в.*

Томас Смит,
английский посол в Москве. *1616 г.*

Григорий Микулин,
русский посол в Англии.
Начало XVII в.

Английское подворье в Москве

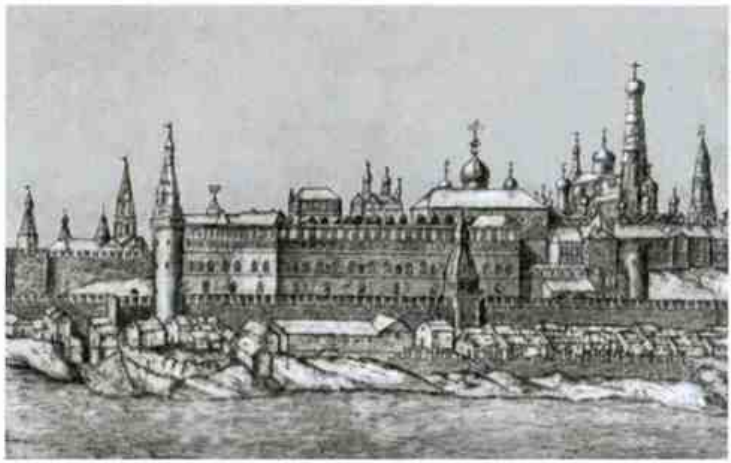


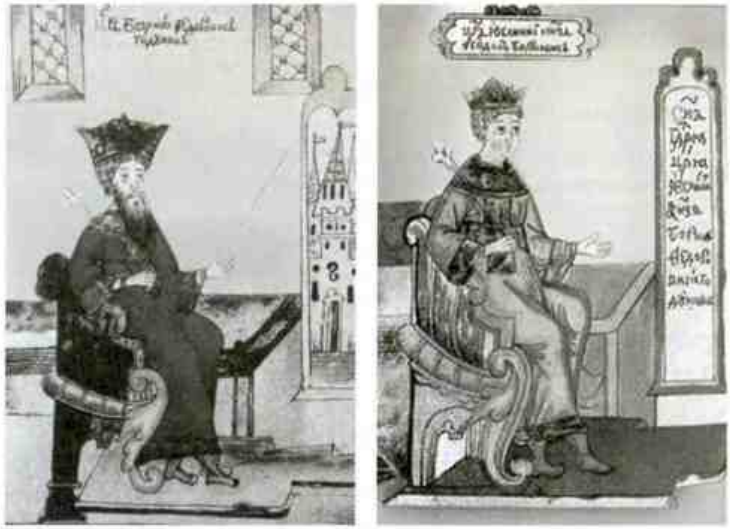
Грамота Бориса Годунова о строгом содержании старца Филарета (Федора Никитича Романова). *Фрагмент*

Копейки Бориса Годунова

Царь
Борис Федорович
Годунов.
Рисунок
А. А. Зеленского.
XIX в.

Дворец Бориса
Годунова
в Кремле.
Деталь гравюры
П. Пикара.
1719 г.





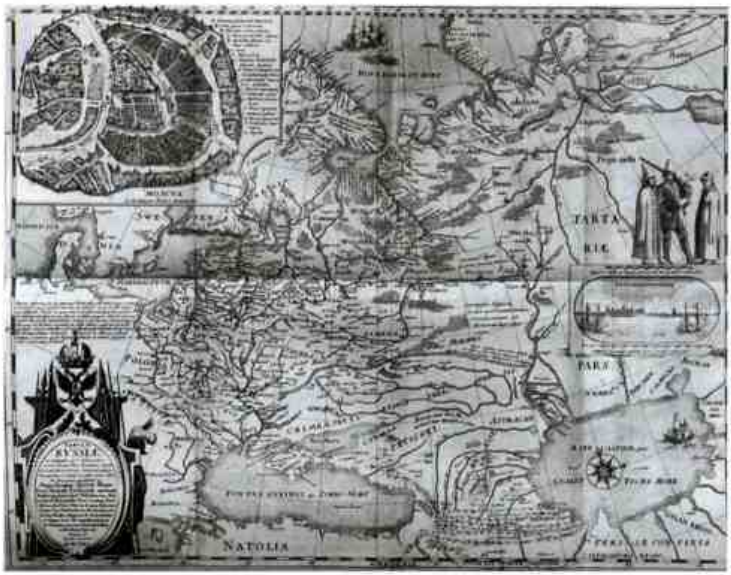
Цари Борис Федорович и Федор Борисович Годуновы.
Миниатюры из летописца XVII в.

Борис Годунов наблюдает за обучением сына. *Н. Некрасов. XIX в.*

Чепец
Ксении Годуновой

Рубаха
Федора Годунова

Карта Русского государства
голландского картографа
Г. Гесселя (так называемый
«Федоров чертеж»).
1613 г.



Ф. И. Шаляпин
в роли Бориса Годунова.
А. Я. Головин. Фрагмент

Эскиз костюма к драме
«Борис Годунов».
К. С. Петров-Водкин. 1923 г.

Сцена из «Бориса Годунова».
Постановка Московского Художественного театра. *1907 г.*

Избранные святые: Мария Магдалина, Ксения Римская, Феодот Анкирский, страстотерпцы Борис и Глеб.
Икона письма Прокопия Чирина. Около 1600 г.
Написана по заказу царя Бориса Годунова

Царь Борис Федорович Годунов. *Гравюра начала XVIII в.*

Усыпальница Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре

notes

Примечания

1

Временник Ивана Тимофеева / Пер. О. А. Державиной. Репр. воспроизв. изд. 1951 г. СПб., 2004. С. 230–231.

2

Ключевский В. О. Соч. В 9 т. М., 1988. Т. 3. С. 24.

3

Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / С предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 28.

4

Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ).Т. 14. М., 1965. С. 40.

5

А. А. Турилов и Б. Н. Флоря обратили внимание, что при патриархе Филарете утвердилось правило, согласно которому в Успенском соборе трижды в год вспоминали «убиенного» святого — 19 октября, 15 мая и 3 июня (впрочем, исследователи оговариваются, что, возможно, здесь отразилась и более ранняя практика). Между 1639–1666 годами первую дату, связанную с рождением царевича, перестали вспоминать с особыми торжествами, а две другие службы в память убиения и перенесения мощей царевича Дмитрия вошли в годовой распорядок служб уже не Успенского, а Архангельского собора в Московском Кремле. См.: *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Димитрий Иоаннович // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. 15. С. 132–146.

6

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. 13. СПб., 1891. С. XXVI. Стб. 900–901.

7

См.: *Турилов А. А., Флоря Б. Н.* Димитрий Иоаннович… С. 132–146.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен… СПб., 1847. Кн. 5. С. 494–530.

9

Миллер Г. Ф. Опыт новейшей истории о России // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. 1761. Т. 1. С. 3–64; *Платонов С. Ф.* Борис Годунов // *Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Борис Годунов. М., 1999. С. 146.

Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. 7. С. 36–127.

11

Щербатов М. М. История российская от древнейших времен… СПб., 1790. Т. 7.4. 1.С. 9.

Там же. С. 11–12.

13

Там же. С. 110.

14

Там же. С. 263–264.

15

Карамзин Н. М. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 16. С. 303–304; 4.5. № 17. С. 30–44.

16

Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1843. Т. 11. Стб. 106.

17

Как отмечал Г. О. Винокур, «„Борис Годунов“ Пушкина был первой русской трагедией, в которой декламация перестает быть основным и главенствующим принципом драматического языка» (*Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 303; см. также: The Uncensored Boris Godunov. The Case for Pushkin’s Original Comedy, with Annotated Text and Translation Chester Dunning with Caryl Emerson, Sergei Fomichev, Lidiia Lotman, and Antony Wood: The University of Wisconsin Press, 2006).

18

Погодин М. П. Из «Воспоминаний о Степане Петровиче Шевыреве» // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб., 1998. Т. 2. С. 33–34.

19

Цит. по: Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. СПб., 2006 (http://az.lib.ru/p/polewoj_n_a/text_0250.shtml).

Серман И. З. Пушкин и русская историческая драма 1830-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1969. Т. 6: Реализм Пушкина и литература его времени. С. 118–149.

21

См. подробнее: *Гозенпуд Л. А.* Из истории литературно-общественной борьбы 20-х — 30-х годов XIX в. («Борис Годунов» и «Дмитрий Самозванец») // Там же. С. 252–275.

22

Статья была написана в 1827 г. См.: *Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 271–304.

23

Пушкин А. С. Заметки на полях статьи М. П. Погодина «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» // *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 10 т. Л., 1978. Т. 7. С. 384–390.

Там же. С. 389.

Погодин М. П. Начертание русской истории для гимназий. 2-е изд., испр. М., 1837. С. 203–204.

Краевский А. А. Царь Борис Федорович Годунов. СПб., 1836.

27

Устрялов Н. Г. Русская история. 2-е изд., испр. СПб., 1839. Т. 2. С. 88–89.

Погодин М. П. Историко-критические отрывки. М., 1867. Кн. 2. С. 199–256.

29

Бутурлин Д. История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1839. Кн. 1.С. 3–4.

Арцыбашев Н. С. Повествование о России. М., 1843. Т. 3. С. 3.

31

Павлов П. В. Об историческом значении царствования Бориса Годунова. 2-е изд. СПб., 1863. С. 136.

Полозов Н. Очерк исторического исследования о царе Борисе Годунове. М., 1858. С. 98.

33

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989. С. 191.

Там же. С. 305.

35

Там же. С. 311–312.

Там же. С. 345–347, 376–377.

Там же. С. 380.

38

См.: *Аксаков К. С.* Полное собрание сочинений. 2-е изд. М., 1889. Т. 1. С. 237, 245.

Там же. С. 251–260.

40

См.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 8–9.

Беляев И. Д. Земские соборы на Руси. 2-е изд. М., 1902. С. 29.

Федякин С. Р. Мусоргский. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»). Правда, поначалу опера «Борис Годунов» воспринималась как неудача композитора, и прошло время, прежде чем творение М. П. Мусоргского стало классикой оперного театра. См.: *Caryl Emerson, Robert William Oldani.* Modest Musorgsky and Boris Godunov: Myths, Realities, Reconsiderations. Cambridge University Press, 1994.

43

Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // *Костомаров Н. И.* Собр. соч. СПб., 1904. Кн. 2. Т. 4–6. С. 100–107.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1874. Вып. 3. С. 564–565. (Репр. изд. 1990 г.)

45

См.: *Загоскин Н. П.* История права Московского государства. Казань, 1877. Т. 1. С. 230; *Латкин В. Н.* Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западно-европейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. 93–94.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях… С. 580–594.

47

Белов Е. А. О смерти царевича Димитрия//Журнал министерства народного просвещения. 1873. № CLXVIII. Отд. 2. С. 1–44; С. 300, 319–320.

Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 23, 368.

Там же. С. 25, 368.

Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах древней Руси [1890] // *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 8: Статьи. М., 1990. С. 334.

51

Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 3: Курс русской истории. Ч. 3. С. 22–24.

Там же. С. 26.

Бестужев-Рюмин К. Н. Обзор событий (1584–1613) // Журнал министерства народного просвещения. 1887. Июль — август. Т. 252.

Бестужев-Рюмин К. Н. Борис Федорович // Русский биографический словарь. Бетанкур — Бякстер. СПб., 1908. Т. 3. С. 243.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Переизд. М., 1937. С. 158–159.

Там же. С. 163.

Свое мнение С. Ф. Платонов «спрятал» в пространную сноску, где, в частности, писал: «Для наблюдателя, освободившегося от привычных, хотя и мало обоснованных, взглядов на московские дела тех лет, совершенно ясно, что в истории Годунова до его воцарения углицкие происшествия играли очень малую роль. Смерть царевича, законность которого была спорной, не ведет Бориса к каким-либо заметным шагам, не меняет его позиции, как ранее существование этого государева брата с его роднею не мешало Борису добиваться исключительного положения у власти» (Там же. С. 444).

Там же. С. 206. См. также: Люди Смутного времени / Под ред. А. Е. Преснякова. СПб., 1905. С. 6–11; Русский биографический словарь. Т. 3. С. 246–250.

59

Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912. С. 56–60.

Карамзин Н. М. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в сем монастыре… С. 304; См. также: *Бестужев-Рюмин К. Н.* Борис Федорович… С. 242.

Валишевский К. Смутное время. М., 2003.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 279.

63

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. 10-е изд. М.; Л., 1931. Ч. 1,2. С. 62–68.

Базилевич К. В. Борис Годунов в изображении А. С. Пушкина // Исторические записки. 1937. Т. 1.

Веселовский С. Б. Из истории закрепощения крестьян (статьи, этюды и фрагменты) // *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 34–119; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. 2-е изд. М., 1954. Кн. 2. С. 256–274.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 190–191.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 4.

Там же. С. 102.

Там же. С. 182.

71

Книга А. А. Зимина, завершающая цикл его исследований истории XV–XVI вв., была издана после смерти ученого: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 238.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / Подг. текста, вводн. ст. и ред. В. И. Буганова. М., 1966.

Мордовина С. П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 127–141; *Она же.* Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 55–63. См. также: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 133–149.

Основные работы А. Л. Станиславского, посвященные истории Государева двора, выходили в свет в 1970-е гг. См. подробнее: *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004.

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.

Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 83–130.

Павлов А. П. Изучение времени правления Бориса Годунова в советской историографии (1917–1945 гг.) // Вопросы политической истории СССР. Сб. статей. М.; Л., 1977. С. 164–184; *Он же.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10. С. 206–225.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605). СПб., 1992. С. 232.

Правящая элита Русского государства IX — начала XVIII в. (Очерки истории). СПб., 2006. С. 228–245.

Fedor Ivanovich and Boris Godunov (1584–1605) // The Cambridge History of Russia. Volume I. From Early Rus, to 1689 / Ed. by Maureen Perrie. Cambridge University press, 2006. P. 264–285.

81

См.: Ibid. P. 266–267.

Ibid. P. 285.

83

См.: *Антонов Д. И.* Смута в культуре средневековой Руси. Эволюция древнерусских мифологем в книжности начала XVII века. М., 2009.

Морозова Л. Е. Два царя: Федор и Борис. Канун Смутного времени. 2-е изд. М., 2006.

85

См.: *Аракчеев В. А.* Закрепощение крестьян в России в конце XVI — начале XVII в. // Вопросы истории. 2009. № 1. С. 106–117.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 147.

87

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих… которая известна под названием Бархатной книги (далее — Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1. С. 240. В тексте самого «Государева родословца» XVI в. род Сабуровых и Годуновых был записан в 15-й по счету главе; в разных списках родословных книг эти роды включены в 14–16-ю главы. См.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 368–369, 375.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. 1. Ст. 540; *Веселовский С. Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 81; *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 34.

Веселовский С. Б. Исследования… С. 168.

См.: там же. С. 166.

91

Там же. С. 165.

92

Родословная книга по трем спискам // Временник Московского общества истории и древностей российских. 1851. Кн. 10. С. 256; *Веселовский С. Б.* Исследования… С. 162–165.

Рогов И. В., Уткин С. А. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк. М., 2003. С. 10–11.

Костромской Ипатьевский монастырь / Под ред. В. И. Баженова. Кострома, 1913. С. 7–8 (см. в Интернете: http://www.kostromka.ru/history/monastery/ipatievsky/title.php).

95

В обряде крещения татар, состоявшемся в самом начале правления великого князя Василия Дмитриевича в 1389 г., принял участие московский митрополит Киприан. См.: Новгородская летопись по списку Дубровского. М., 2000. С. 154.

Голубцов И. А. Две данных грамоты XV–XVI вв. Костромскому Ипатьевскому монастырю // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961.

Веселовский С. Б. Исследования… С. 163, 188.

ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 18; *Макарий (Миролюбов Н. К.)*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 1. 1860. С. 397.

ПСРЛ. Т. 3. С. 22.

100

Здесь сказано о заложении второй церкви Евпатия, но смысл записи не в том, что заложили еще одну церковь Евпатия, речь шла о построении двух каменных церквей: Святого Василия на Ярышеве (названа в комиссионном списке Новгородской Первой летописи) и другой — Евпатия. См.: Новгородская летопись по списку Дубровского… С. 123; Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 371.

101

Новгородская летопись по списку Дубровского… С. 136. В новгородской летописи спасители московского князя Дмитрия Донского Федор Сабур и Григорий Холопищев упомянуты как «костромичи родом», служившие в полку у боярина Ивана Родионовича Квашни. В этой летописи есть целый ряд вставок, возвеличивавших род Квашниных, которым выгодно было представить Сабуровых костромичами, поэтому вряд ли это свидетельство можно воспринимать как безусловное доказательство костромского происхождения рода. См. также: *Веселовский С. Б.* Исследования… С. 166, 263–266.

Веселовский С. Б. Исследования… С. 25.

103

Там же. С. 194.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 42, 55.

105

Баранов К. В. Акты XVI — начала XVII в. из местнических дел//Русский дипломатарий. М., 2001. С. 36–37; См. также: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2008. Т. 4. № 102. С. 76–77.

106

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 53.

107

Известие об испомещении Василия Годунова в Новгороде содержится в тексте «Бархатной книги». См.: Бархатная книга… Ч. 1. С. 246.

108

Рыков Ю. Д. Новые данные о деятельности книгописца Сидора под Вязьмою в первой трети XVI в. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 143; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М., 1985. С. 126.

109

В посольском документе рядом с его именем указано «Вязма». См.: Сборник Русского исторического общества (далее — РИО). СПб., 1887. Т. 59. С. 148. Потомки Андрея Дмитриевича Годунова тоже были записаны по Вязьме. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Сост. А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 60.

110

Тысячная книга 1550 и Дворовая тетрадь… С. 188. *Кобрин В. Б.* Власть и собственность… С. 125–126.

111

Бархатная книга… Ч. 1. С. 247. А. Л. Баталов обратил внимание на связь Годуновых с Троицким Болдинским монастырем, он упоминал о вкладе Ирины Годуновой по своем дяде Василии Ивановиче, погребенном там под именем инока Варлаама. См.: *Баталов А. Л.* О времени построения собора Болдино-Дорогобужского монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. 1985. М., 1987.

112

Бархатная книга… Ч. 1. С. 247; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 130.

113

Зимин А. А. В канун… С. 17.

114

Год рождения Бориса Годунова привел впервые Н. М. Карамзин, и с тех пор эта дата стала канонической. Т. Д. Панова приводит день и месяц рождения Бориса Годунова — 6 октября. Однако в разрядных книгах времен царствования Бориса Годунова упоминаются «столы» на государев «день ангела» в «Борисов день»; стало быть, более вероятно, что свое имя при рождении он получил в связи с памятью святых Бориса и Глеба — 24 июля. См.: *Зимин А. А.* В канун… С. 249; *Панова Т.* «Благоверная и любезная в царицах Ирина» // Наука и жизнь. 2004. № 8 (http://www.nkj.ru/archive/articles/1978/?phrase_id=4217309); *Анхимюк Ю. В.* Разрядная книга 1598–1602 годов (далее — Разрядная книга 1598–1602 годов) // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 412; Разрядная книга 1475–1605. М., 2003. Т. 4. Ч. 2. С. 61.

115

«А у Федора Иванова сына, у Иванова брата Чермного, сын Василей, бездетен». См.: Бархатная книга… Ч. 1. С. 247.

116

Грамота датируется 7084 (1575/76) годом, к этому времени отец Бориса Годунова уже умер и грамота выдана вдовою Стефанидой вместе с сыном. *Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых (7080–7111 гг.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1897. Ч. 1. С. 7.

Кобрин В. Б. Власть и собственность… С. 125–126.

См.: *Аракчеев В. А.* Опричнина и «земщина»: к изучению административной практики в русском государстве 1560–1580-х годов // Российская история. 2010. № 1. С. 16–28.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 201.

Зимин А. А. В канун… С. 18.

121

Павлов-Сильванский В. Б. Писцовые книги России XVI в. Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М., 1992. С. 75–77.

Большие Вяземы, сохранившиеся до сих пор памятники строительной деятельности Бориса Годунова, даже стояли на речке Вяземке. См.: *Ильин М. А.* Усадьбы Годуновых: К композиции масс московских храмов конца XVI в. // Сборник Общества изучения русской усадьбы. М., 1928. Кн. 5–6. С. 33–39; *Квливидзе Н. В.* Новооткрытые фрески алтаря церкви Троицы в Вяземах // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 104–125. Недавно состоялось и краеведческое открытие значения имени Бориса Годунова для Вязьмы. См.: *Пугачев А. Н.* Вяземское происхождение Бориса Годунова // Край Смоленский. Смоленск, 2004. С. 3–24.; *Пугачев А. Н.* Вяземский край — родина Бориса Годунова. Вязьма, 2009.

123

Жена Бориса Годунова — Мария была средней дочерью Малюты Скуратова, старшая дочь Анна была замужем за князем Иваном Михайловичем Глинским, а младшая Христина (Екатерина) — за князем Дмитрием Ивановичем Шуйским. См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины… С. 203; *Зимин А. А.* В канун… С. 18.

Можно вспомнить, что уже в других исторических обстоятельствах царь Василий Шуйский, некогда вяземский помещик, тоже выбрал себе жену из своего уезда (его избранницей стала княгиня Мария Петровна Буйносова-Ростовская, дочь упомянутого в писцовых книгах Вяземского уезда конца XVI в. князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского).

125

См.: *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 162–164; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 167–168; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 327–328.

126

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 223.

127

Миллер Г. Ф. Известие о дворянах российских. СПб., 1790. С. 54.

128

Шереметев С. Д. Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых… С. 5–6.

129

См.: Бархатная книга… Ч. 1. С. 247; *Зимин А. А.* В канун… С. 18; *Антонов А. В.* Родословные росписи конца XVII в. М., 1996. С. 128.

130

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 7.

131

Установить точную дату рождения обычно помогают сохранившиеся надгробия царей и цариц, однако в случае с Ириной Годуновой, принявшей монашеский постриг, было по-другому. На ее саркофаге в Вознесенском монастыре не оказалось никаких записей. По мнению экспертов-криминалистов и антропологов, анализировавших останки из вскрытого захоронения, Ирина Годунова прожила не более 45 лет. См.: *Панова Т.* «Благоверная и любезная в царицах Ирина» // Наука и жизнь. 2004. № 8.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 6.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 148.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины… С. 210–211.

135

«Ошибке Н. М. Карамзина», допущенной при датировке свадьбы царевича Федора и Ирины Годуновой, О. А. Яковлева уже тогда предполагала посвятить отдельное исследование. См.: Пискаревский летописец / Публ. О. А. Яковлевой // Материалы по истории СССР. Документы по истории XV–XVII вв. М., 1955. Вып. 2. С. 81, 163; Яковлева О. А. К истории возвышения Бориса Годунова // Ученые записки НИИ Чувашской АССР. 1970. Т. 52. С. 275–279. См. также: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 14, 249; *Кобрин В. Б.* Иван Грозный… С. 128.

См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 32–34.

137

Горсей Джером. Записки о России XVI — начала XVII в. / Вступ. ст., пер. и коммент. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 75, 186.

138

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 444.

139

См.: Древняя Российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 13. С. 86–87, 92. *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 132.

140

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 280.

141

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 240, 243.

142

Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. № 188. С. 58.

143

См.: *Кобрин В. Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 48, 64.

Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Царство террора… С. 119.

145

Разрядная книга 1475–1605. Т. 2. Ч. 2. С. 269–270.

146

См.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины… С. 210.

147

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины… С. 210; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 18. В это время в Кострому даже посылались «на заставу» специальные воеводы, чтобы не допустить дальнейшего распространения «поветрея». См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 284.

См.: *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 435.

149

Древняя Российская вивлиофика. Ч. 13. С. 89. Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 287; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов… С. 132.

150

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав «особого двора» Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 170; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 18.

151

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав «особого двора» Ивана IV… С. 163.

Пискаревский летописец// ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 192.

153

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины… С. 203.

154

Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 320–322; Вклад Бориса Годунова в 50 рублей привез из Старицы в Иосифо-Волоколамский монастырь игумен Еуфимий 1 мая 1576 года. См.: Пискаревский летописец// Материалы и исследования… С. 163 (коммент. О. А. Яковлевой); *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав «особого» двора… С. 163–164, 170; Das Speisungsbuch von Volokolamsk / Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря… Koln; Weimar; Wien. 1998. P. 229, 373.

155

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 336; *Эскин Ю. М.* Местничество в России XVI–XVII вв.… С. 59.

156

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 364.

157

Древняя Российская вивлиофика. Ч. 13. С. 104–105.

Даншил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии / Пер. И. А. Тихомирова // ЧОИДР. 1876. Кн. 3. С. 28.

159

А. Л. Баталов собрал сведения о посвящениях не одного, а нескольких храмов святым — покровителям царевича Федора и Ирины Годуновой: «Связь храма в Пафнутьевом монастыре с молением о чадородии преподобному Пафнутию подтверждают и посвящения престолов во имя патрональных святых царской четы: северный придел освящен во имя Ирины Мученицы, южный в дьяконнике, во имя Феодора Стратилата. Из этого обстоятельства невозможно сделать каких-нибудь прямых выводов, но подобные парные посвящения приделов встречаются в 1580-е гг. В том же Троице-Сергиевом монастыре в Успенском соборе устраиваются два придела во имя Феодора Стратилата и Ирины Великомученицы. С 1586 г. в Ипатьевском монастыре строится храм Феодора Стратилата с приделом Ирины Великомученицы (окончен в 1595–1596 гг.). В 1585 г. в новом Зачатьевском монастыре в Москве соборные приделы освящаются во имя патрональных святых царя и царицы». См.: *Баталов А. Л.* Заказчик в истории русской архитектуры. М., 1994 (Архив архитектуры. Вып. 5). С. 117–140.

160

Покров с изображением святого Пафнутия Боровского был вкладом царевича Ивана Ивановича и его второй жены царевны Феодосии (она происходила из рода рязанских дворян Петровых-Соловых, до взятия во дворец носила имя Пелагея). Перечисление в записи на покрове всех членов царской фамилии показывает, что это не был рядовой вклад, не случайно, что и в XIX веке он хранился как самая большая реликвия внутри алтаря над царскими вратами. См.: Историческое описание Боровского Пафнутиева монастыря. М., 1859. С. 85.

161

Даншил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии… С. 28.

162

См.: Чин бракосочетания царя Ивана Васильевича с царицею Анною [из] Васильчиковых (7083/1575 г.) // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 3. С. 8–10; *Бычкова М. Е.* Состав класса феодалов… С. 133.

163

Время правления царя Симеона Бекбулатовича продолжалось с 30 октября 1575 года до 2 сентября 1576 года. Оно до сих пор вызывает полемику о целях и последствиях подобного решения Ивана Грозного, в котором видят всё — от юродства царя или его предусмотрительности в связи с дурными предсказаниями на этот год до продуманной политики в связи с перспективами избрания Ивана Грозного королем Речи Посполитой. См. подробнее: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 24–43. О датах правления царя Симеона см.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 76–77; *Баранов К. В.* Когда закончилось правление Симеона Бекбулатовича // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 3. С. 156–158.

См.: *Pavlov A., Perrie M.* Ivan the Terrible. London, 2003. P. 177.

165

Ее имя встречается в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря в 1575–1581 годах. См.: *Мордовина С. П., Станиславский А. Л.* Состав «особого двора»… С. 170–171.

Там же. С. 170; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 22–23.

Кобрин В. Б. Иван Грозный… С. 128.

Даншил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии… С. 28.

169

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 3. С. 453; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 48.

170

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 8.

171

Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав «особого двора»… С. 171.

172

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 8.

173

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 52–53; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 52–53.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 56; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 54–56.

175

См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 60–61.

Костомаров Н. И. Смутное время… Т. 4. С. 11–12.

177

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 169–175.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 72.

Поссевино А. Исторические сочинения о РоссииXVI в. / Пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой. М., 1983. С. 50.

Даншил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии… С. 27.

181

Слова о о метании царем какого-то острого предмета или посоха, находившегося при нем (Thrust at him with his piked staff), приписаны на полях рукописи, но, как определила публикатор записок А. А. Севастьянова, уже не Горсеем. См.: *Горсей Джером.* Записки. С. 80, 187.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины… С. 339. Разбор известий о смерти царевича Ивана Ивановича см.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 90–93.

183

Васенко П. Г. Заметки к Латухинской Степенной книге // Сборник ОРЯС. Т. 72. № 2. СПб., 1902. С. 65.

Там же. С. 71.

185

Там же. С. 65–66.

186

Горсей Джером. Записки. С. 80. О дружбе Бориса Годунова с Романовыми и Щелкаловыми, см.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты… С. 150. См. также: *Васенко П. Г.* Заметки… С. 171.

Поссевино А. Исторические сочинения о России… С. 50.

Там же. С. 77.

189

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 29.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 88.

191

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. [Т. 10]: [Памятники дипломатических сношений с папским двором и с Италианскими государствами. СПб., 1871. Стб. 69–70.

Поссевино Антонио. Исторические сочинения… С. 51.

Сборник РИО. СПб., 1883. Т. 38. С. 65–72.

Горсей Джером. Записки о России… С. 81.

195

Там же. С. 82, 84. Исследователь записок Джерома Горсея А. А. Севастьянова отметила и другие противоречивые места в «повести о Борисе Годунове» в составе записок английского купца и дипломата. См.: *Севастьянова А. А.* Портрет Бориса Годунова в записках Джерома Горсея // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2007. С. 11–15.

,1 *Горсей Джером.* Записки о России… С. 85.

Середонин С. М. Известия англичан о России во второй половине XVI века // ЧОИДР. 1884. Вып. 4. Отд. 3. С. 107.

Горсей Джером. Записки о России… С. 87.

199

Продолжал сомневаться в точности перевода Р. Г. Скрынников, впрочем, указывая прежде всего на обстоятельства царской смерти на глазах у многих людей. Об этом же писал в биографии Ивана Грозного Б. Н. Флоря. См.: *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»). С. 388.

Pavlov A., Perrie M. Ivan the Terrible… P. 197.

201

См.: *Самойлова Т. Е., Панова Т. Д.* Усыпальница царя Ивана Грозного. М., 2004. С. 44.

См.: *Булычев А. А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

203

Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 189.

Горсей Джером. Записки… С. 141.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты… С. 146.

Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1980. С. 10–11. Точку зрения Р. Г. Скрынникова критически воспринял А. А. Зимин, справедливо указавший на то, что в дипломатической депеше Н. Варкоча 1589 года отразились более поздние политические обстоятельства. См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 106.

207

Антонио Поссевино, узнав о составе регентского совета, вспомнил, что это были те же самые люди, «против которых я уже долгое время выступал во время переговоров о мире с польским королем» (письмо Поссевино о смерти Ивана IV 6 июня 1584 г.) См.: *Кафенгауз Б. Б.* Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях России // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 538.

Правящая элита… С. 233.

209

См. подробнее: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 112–113. Сборник РИО. Т. 38. С. 135, 148. *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба… С. 33.

210

ПСРЛ. Т. 34. С. 195.

Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев… С.195.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства… С. 203–207.

213

Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора… С. 75, 120–121.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты… С. 148.

215

Новый летописец. С. 35.

См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 111.

217

ПСРЛ. Т. 34. С. 195.

Новый летописец. С. 36.

219

Там же. С. 35.

220

Цит. по: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 116. Позднее в конце 1580-х годов у имперских дипломатов родилась версия о «завещании» Ивана Грозного, которым он намеревался то ли передать русский престол, то ли выделить удел в Твери, Угличе и Торжке эрцгерцогу Эрнсту, а известить об этом императора должен был Богдан Бельский, посвященный в тайные планы царя. См.: там же. С. 107–108.

221

Правящая элита… С. 233.

222

Дипломатическое донесение Сигизмунду III, королю польскому, о делах Московских // ЧОИДР. 1858. № 2. С. 3–24.

223

Новый летописец. С. 35–36.

Кафенгауз Б. Б. Новые материалы иностранных архивов о международных отношениях… С. 538.

225

ПСРЛ. Т. 34. С. 195.

226

Эта дата сообщается в «Московском летописце», оставившем подробное описание церемонии: там говорится, что царское венчание пришлось на седьмую неделю после Пасхи. Пасха в 1584 году приходилась на 19 апреля. В «Новом летописце» говорилось, что царя Федора венчали на царство в Вознесеньев день, то есть в четверг на шестой неделе после Пасхи — 28 мая. С этого времени могли отсчитывать начало торжеств в Кремле, кульминация их пришлась на воскресный день — 31 мая. Р. Г. Скрынников, придерживаясь указанной даты, ссылался на известие Джерома Горсея о коронации царя Федора Ивановича 10 июня 1584 года, считая, что он «руководствовался введенным в Англии григорианским календарем». Между тем григорианский календарь в Англии был введен только в середине XVIII века. Еще одна дата царского венчания — 7 мая 1584 года — содержится в разрядной книге, но в это известие, видимо, вкралась какая-то ошибка. См.: Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГиД). М., 1819. Т. 2. № 51. С. 72–85; ПСРЛ. Т. 34. С. 230; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 2. С. 32; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 117–119; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 15.

227

ПСРЛ. Т. 34. С. 230.

СГГиД. Т. 2. С. 73, 83.

229

ПСРЛ. Т. 34. С. 231–232. В этот же день 31 мая 1584 года, по сообщению разрядной книги, состоялся стол у царя Федора Ивановича, на котором присутствовали бояре князь Иван Федорович Мстиславский, князь Василий Федорович Скопин-Шуйский и Дмитрий Иванович Годуновы. Если это был стол по случаю царского венчания, тогда отсутствие Бориса Годунова выглядит труднообъяснимым. См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С 38.

Горсей Джером. Записки… С. 144.

231

Правящая элита… С. 236.

Горсей Джером. Записки… С. 101.

233

См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 122; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 26–27; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба… С. 34–35.

234

Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 259.

235

ПСРЛ. Т. 34. С. 195.

Горсей Джером. Записки… С. 101.

Не случайно, что обнаруживший это известие А. П. Павлов считает такой вклад возможным признаком причастности Бориса Годунова к убийству Петра Головина. См.: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба… С. 47.

Эскин Ю. М., Граля И. «Новины Московские». Два донесения пограничных старост эпохи Бориса Годунова // Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000. С. 455–461,470.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба… С. 35.

Новый летописец… С. 36.

Ульяновский В. И. Летописец Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 // *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 2. Прил. 5. С. 166–167.

См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 123, 272; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 28–29; Правящая элита… С. 234–235.

Васенко П. Г. Заметки… С. 66.

Горсей Джером. Записки о России… С. 94–97, 101; см. также: *Севастьянова А. А.* Портрет Бориса Годунова в записках Джерома Горсея… С. 11–15.

Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 429.

ААЭ. Т. 2. № 340. С. 412–413.

Аракчеев В. А. Иван Петрович Шуйский (оборона Пскова в 1581–1582 гг.) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2004. № 21 (http://www.derjavapskov.ru/cat/cattema/catcattemaall/catcattemaallb/catcattemaallbschuysky/2534).

См.: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба… С. 31–32.

См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII века. М., 1978. С. 130–133.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 4. История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989. С. 203.

251

Лихачев Н. П. Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. СПб., 1896. (Отд. отт.) С. 13–14. О расстановке политических сил в Думе в это время см.: *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба… С. 37–43.

Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени //Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1974. Т. 28. С. 241–242.

253

Новый летописец. С. 36.

Голикова Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 43, 60.

255

Шпаков А. Я. Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Приложения (далее — *Шпаков А. Я.* Приложения). Ч. 1. Одесса, 1912. С. 14.

Цит. по: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие… С. 132.

257

РИБ.Т. 13. Ст. 1279.

Реляция Петра Петрея о России в начале XVII в. М., 1976. С. 78–79.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 138–139; *Корецкий В. И.* Безднинский летописец конца XVI века из собрания С. О. Долгова // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 199–202; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба… С. 35–36; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения… С.135;

См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 137; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 38–39.

261

Цит. по: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С 136.

См. подробнее: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. С. 18–20; *Он же.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы… С. 141–160.

263

Правящая элита… С. 238–239.

См.: *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

265

Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории… С. 171.

Там самозваный царь Дмитрий Иванович поместил своего тестя сандомирского воеводу Юрия Мнишка. На «старом Борисове дворе» размышлял о превратностях судьбы сведенный с царства царь Василий Шуйский. Глава польско-литовского гарнизона Москвы Александр Госевский, управлявший от имени королевича Владислава, призванного на русское царство, тоже «квартировал» в этом известном кремлевском доме. При царе Михаиле Федоровиче бывший двор Бориса Годунова пустовал; известно, что там было место царских медвежьих «потех». Однако потом, когда в связи с приездом жениха царской дочери датского королевича Вальдемара понадобилось найти достойное место для его размещения, «Борисов двор» снова пригодился. Для королевича были построены специальные переходы во дворец (наверное, мечта Бориса Годунова). В конце концов годуновские палаты достались еще одному заметному властолюбцу — патриарху Никону, использовавшему их для перестройки патриаршего двора. См.: *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905. Ч. 1. С. 452–473.

Забелин И. Е. История города Москвы… С. 157–161.

ПСРЛ. Т. 14. С. 7.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 191.

См.: *Павлов П. Н.* Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972.

271

ПСРЛ. Т. 36. С. 66. Об этом же говорилось в хронографах XVII века. См.: Изборник… С. 401.

Новый летописец. С. 43.

ПСРЛ. Т. 36. С. 65.

РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 56. Ст. 109.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака… С. 218–220.

ПСРЛ. Т. 14. С. 3–4.

Новый летописец. С. 36.

ПСРЛ. Т. 34. С. 196.

См.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010.

Новый летописец. С. 45.

281

Загоровский В. П. История вхождения… С. 197–202; Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах/Сост. В. Н. Глазьев, А. В. Новосельцев, Н. А. Тропин. Елец, 2001; *Ляпин Д. А.* Колонизация Центрального Черноземья в конце XVI — начале XVII века // Актуальные вопросы истории российской провинции XVI–XXI вв.: тематический сборник научных трудов. Вып. 4. Новосибирск, 2009. С. 7–23.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты… С. 58–65.

283

Новый летописец. С. 47.

ПСРЛ. Т. 34. С. 198.

285

Васенко П. Г. Заметки к Латухинской Степенной книге… С. 66–67.

ПСРЛ. Т. 34. С. 200.

287

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 1. С. 10. См. также: *Николаевский П.* Учреждение Патриаршества в России. СПб., 1880; *Шпаков А. Я.* Государство и церковь в их взаимных отношениях в Московском государстве. Царствование Феодора Ивановича. Учреждение патриаршества в России. Одесса, 1912; Посольская книга по связям России с Грецией, православными иерархами и монастырями 1588–1594 / Подгот. текста М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М., 1988; 400-летие учреждения Патриаршества в России // От Рима к Третьему Риму: Спец. вып. Roma, 1989. Библиография по этому вопросу подробно представлена в работе Б. А. Успенского: *Успенский Б. А.* Царь и патриарх: Харизма власти в России: Византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 1. С. 15.

289

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. Репр. воспроизв. М., 1991. С. 16.

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 1. С. 18.

291

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 2. С. 129. В рукописи содержится неточное указание на приезд антиохийского патриарха из Казани. Кроме того, в ней объединено изложение переговоров как с патриархом Иоакимом в 1586 году, так и патриархом Иеремией в 1588/1589 году.

292

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 2. С. 132. В документе названо имя константинопольского («цареградского») патриарха Иеремии, хотя в тот момент на константинопольском престоле находился Феолипт, и сторонам это было известно. Вероятно, документ подверстывался задним числом под последующие переговоры с патриархом Иеремией.

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 2. С. 133; *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 2… С. 14–15.

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 1. С. 45–46.

295

Там же. С. 86.

Там же. 4.2. С. 139–144.

Там же. С. 148.

Б. А. Успенский писал в связи с этим: «Учреждение патриаршества в Москве в 1589 году было, несомненно, одним из самых значительных событий в истории русской церкви. Поставление патриарха завершает реставрацию Византийской империи (в духе концепции «Москва — Третий Рим»); одновременно оно свидетельствует о признании восточными патриархами автокефалии русской церкви. С появлением патриарха Москва окончательно уподобляется Константинополю как столице Византийской империи: так же, как и в Константинополе, здесь есть теперь и царь, и патриарх». См.: *Успенский Б. А.* Царь и патриарх… С. 87–88.

Там же. С. 42–43.

300

ПСРЛ. Т. 14. С. 5.

Успенский Б. А. Царь и патриарх… С. 94–95.

Шпаков А. Я. Приложения. Ч. 2. С. 33.

Там же. С. 26–34.

См.: *Фонкич Б. Л.* Из истории учреждения патриаршества в России. Соборные грамоты 1590 и 1593 гг. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 242–260.

305

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1984. Т. 3. Ч. 2. С. 149–150; Разрядные книги 1475–1598… С. 412.

Новый летописец. С. 38.

307

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 158.

По другим сведениям 27 января 1590 г. См.: Там же. С. 159.

309

Новый летописец. С. 38–39; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 420–422.

Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 264.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов… С. 64.

312

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 423.

313

Там же. С. 424.

Там же. С. 426–427.

315

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 159.

Там же. С. 156.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени»… С. 92.

Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории… С. 170.

319

Новый летописец. С. 39.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 150–151; *Флоря Б. Н.* О текстах русско-польского перемирия 1591 г. // Славяне и Россия. М., 1972. С. 71–81.

321

См. расспросные речи «мамки» вдовы Василисы Волоховой: Дело о смерти царевича Дмитрия / Предисл. А. Белова // О Димитрии Самозванце. Критические очерки А. Суворина. СПб., 1906. С. 190.

Горсей Джером. Записки… С. 27–29.

323

См.: *Козляков В. Н.* Лжедмитрий I. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»). С. 8–15.

Беляев И. С. Следственное дело об убиении Димитрия царевича в Угличе 15 мая 1591 г. Его разбор в связи с новооткрытым завещанием А. А. Нагого и группировкой свидетелей по алфавитному указателю. М., 1907. С. 29.

325

Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти»… С. 241. Мешает воспринять на веру слова «Повести…» чрезмерность обвинений Годунову, которого попутно обвинили еще и в «неправедном убивствии» царя Федора Ивановича.

326

Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / С предисл. С. А. Белокурова. М., 1906. С. 28, 32.

327

Новый летописец. С. 40.

Интересно, что сходные известия о том, как царевич Дмитрий рубил головы снеговым фигурам, вошли в такие далекие друг от друга источники, как современные записки немецкого наемника на русской службе Конрада Буссова и Угличский летописец — памятник позднего городового летописания XVIII века. См.: *Буссов Конрад.* Московская хроника. 1584–1613 //Хроники Смутного времени. М., 1898. С. 12. Угличский летописец / Подг. текста Я. Е. Смирнова. Ярославль, 1996. С. 50 (Приложение к журналу «Ярославская старина»); *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 228–229; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 170.

Корецкий В. И., Станиславский А. Л. Американский историк о Лжедмитрии // История СССР. 1969. № 2. С. 241.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 168, 280.

Павлов А. П. Государев двор… С. 240.

Новый летописец. С. 40–42.

333

ПСРЛ. Т. 34. С. 196.

Новый летописец. С. 42.

Такого же мнения придерживался и публикатор «Следственного дела» В. К. Клейн. См.: *Веселовский С. Б.* Отзыв о труде В. К. Клейна «Угличское следственное дело о смерти царевича Димитрия 15 мая 1591 г.» // *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 167.

Там же. С. 168–173.

337

Новый летописец. С. 42.

338

Там же. С. 42. Очевидно, речь могла идти только об одной жене — дьяка Михаила Битяговского, остальные обвиняемые были еще дети. К сожалению, сложная история архивов в Смутное время не позволяет проверить свидетельство «Нового летописца» и проследить дальнейшую судьбу вдовьих земельных прожитков.

339

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 436.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 241–243.

341

Новый летописец. С. 37, 39.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 36–37, 41.

343

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. 3. Ч. 3. С. 205–206.

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 441.

345

ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

346

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 208.

347

См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 441.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 178; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 89.

350

ПСРЛ. Т. 14. С. 11–12. См. также: Повесть о житии царя Федора Ивановича / Подг. текста В. П. Бударагина, пер. и комм. А. М. Панченко// Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14. Конец XVI — начало XVII века. СПб., 2006. С. 78–79.

351

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 209–210; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 442.

352

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 212.

353

Новый летописец. С. 42.

ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

355

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 215–216.

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 443.

Новый летописец. С. 43.

Соловьев С. М. История России… Т. 7. Гл. 3.

359

ПСРЛ. Т. 34. С. 197.

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 445–446.

361

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 223.

362

ПСРЛ. Т. 14. С. 15.

ААЭ. Т. 2. № 7. С. 26.

В наказе давалась ссылка на исторические прецеденты, однако, как заметил А. А. Зимин, история оказалась «переписанной», так как ранее титул «слуга» был равнозначен понятию «служилый князь» и использовался для отличия княжат-выходцев из Юго-Западной Руси: «И преж сего при великого государя нашего прадеда, при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче, которого дочь была за великим князем Александром литовским, был слуга князь Семен Иванович Ряполовский, а дано ему то имя было за многие службы. А после его при деде государя нашего, при великом государе и великом князе Василие Ивановиче всеа Руси, был слугою князь Иван Михайлович Воротынской, а дано ему то имя было потому ж за многие службы. А при отце государя нашего, блаженной памяти при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси был слугою князь Михайло Васильевич Воротынской. А дано ему то имя за многие службы, самим вам, чаю, то ведомо». См.: *Анпилогов Г. Н.* Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. М., 1967. С. 77–78; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 180.

365

ПСРЛ. Т. 14. С. 15.

Новый летописец. С. 44.

367

ЧОИДР. 1905. Кн. 4. С. 64 (Смесь).

ААЭ. Т. 2. № 7. С. 25.

369

Флетчер Д. О государстве Русском или образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем московским)… СПб., 1906. С. 32.

Там же. С. 39–40.

371

По предположению Д. В. Лисейцева, была предпринята попытка дезавуировать сочинение Джильса Флетчера составлением труда под названием «Писаные законы», правда, неосуществленного и оставшегося в единственной рукописи, обнаруженной только в конце XX века. Однако характер «Писаных законов», сообщающих подробные сведения о составе руководителей московских приказов, заставляет думать о другом, «информационном», назначении этой записки, составленной сразу же после избрания на царство Бориса Годунова. См.: «Писаные законы России». Английское описание Московского государства конца XVI века / Пер. С. Н. Богатырева// Исторический архив. № 3. 1995. С. 183–201; *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009.

Флетчер Д. О государстве Русском… С. 33–35.

Судебник царя Феодора Иоанновича 1589 г. По списку собрания Ф. Ф. Мазурина. М., 1900.

Там же. С. III–XXIV. Один из исследователей Судебника 1589 года А. И. Андреев связывал его происхождение с отдачей Устьянских волостей Д. И. Годунову в кормление в 1589 году. См.: Судебники XV–XVI вв. / Подг. текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина; коммент. А. И. Копанева, Б. А. Романова и Л. В. Черепнина; под общ. ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1952. С. 343–346,417–442.

Там же. С. XXVIII.

См.: *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 169; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 110; Правящая элита… С. 233.

Существуют подробные исследования дипломатических отношений Русского государства с Речью Посполитой, Швецией, Османской империей, Крымом, Персией и государствами Закавказья в конце XVI — начале XVII в. См.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1; *Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI–XVII вв. М., 1946. Т. 1; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Каказа и их связи с Россией (Вторая половинаXVI — 30-е годы XVII в.). М., 1963; *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968; *Бушев П. П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973; *Он же.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978.

Анпилогов Г. Н. Новые документы… С. 84–109.

Там же. С. 84–85.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 141.

Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией… С. 349.

См.: *Лурье Я. С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 436–441.

383

В письме английской королевы Елизаветы I царю Федору Ивановичу сообщалось, что в ходе расследования дела купца Антони Марша правитель Борис Годунов получил 4 тысячи рублей, одолженные им попавшему под подозрение купцу. На самом деле суммы могли быть и больше. В своем письме королеве Елизавете I в июле 1589 года Борис Годунов упоминал дело Антони Марша: «Я уже не пишу о своих долгах, как много денег Антони был должен мне, и как много он мне еще остается должен». По посольской справке, Борис Годунов сообщал королеве Елизавете I «о Онтоне Мерше», что «он воровал, многие деньги заимывал, а у ней в земле запирался и руку лживил. А довелось на нем и на гостех денег взятии много, и для его печалованья государь ее гостей пожаловал, велел на них тех долгов взяти половину, а другие государь имати не велел, а вперед радеет о дружбе и любви». См.: Там же. С. 317, 361. Сб. РИО. Т. 38. С. 205; *Горсей Джером.* Записки… С. 108, 199; Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. / Сост. Д. В. Лисейцев. М., 2006. С. 79.

Сборник РИО. Т. 38. С. 175. См. также: *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией… С. 284–285.

Горсей Джером. Записки… С. 98, 195.

Жалобы «Русской компании» на Горсея // Там же. Приложение 1. С. 222.

Сборник РИО. Т. 38. С. 174–175.

Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией… С. 294 (в переводе Толстого: «Благороднейший князь, добрейший и любительнейший родственник»).

Там же. С. 326, 331–332.

390

Правила дипломатической переписки требовали указать, где было написано письмо, и здесь необходимость перевода «обратного адреса» дарит нам еще одну интересную деталь, связанную с Борисом Годуновым. В письме было сказано: «Written in our lord's kingdom in his princely city of Moscow / Писано в государя нашего государьстве в царствующем граде Москве». Понять и перевести это можно двояко, так как «лордом» и «князем» называли самого Годунова в этой переписке. См.: Там же. С. 358–359, 364.

391

См.: Россия — Британия. К 450-летию установления дипломатических отношений. Каталог выставки / Сост. С. П. Орленко. М., 2003.

392

Сборник РИО. Т. 38. С. 247.

393

Там же. С. 255.

См.: *Толкачев М. В.* Роль Бориса Годунова в международных связях со Священной Римской империей (80-е годы XVI в. — 1605 год) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 2. 2009. С. 12–17.

395

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою (с 1488 по 1594 год). 1851. Т. 1. Ст. 1355.

ЧОИДР. 1874. № 4. С. 24.

397

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными… Т. 1. Ст. 1284–1285.

398

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею (с 1594 по 1621 год). 1852. Т. 2. Ст. 125–126.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 187–188.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. 1578–1613. М., 1889. С. 32–33; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 146.

401

С. Ф. Платонов писал, что «переговорами о Терском городе и о терских казаках и начал Борис сношения своего правительства с Кавказом и турками, „чтоб на Терке казаки не жили“… Московские послы всё это обещали, а московская власть ничего исполнять не намеревалась. Напротив, московское правительство крепило свои связи с христианским Закавказьем и подумывало стать твердою ногою в Грузии, где боролись влияние московское, турецкое и персидское». (*Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 190.)

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом… С. 563–566; *Веселовский Н. И.* Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. СПб., 1890. С. 96.

Новый летописец. С. 46; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С.187.

Сборник РИО. Т. 38. С. 291–293; *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом… С. XCIX–C.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом… С. CVIII, 13–45.

Карамзин Н. М. Исторические воспоминания… на пути к Троице… // Вестник Европы. 1802. Ч. 5. № 17. С. 42–43.

См.: *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 169.

Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России… С. 57.

409

См.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 105–106.

См.: *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России… С. 52.

411

Корецкий В. И. Формирование крепостного права… С. 163–164.

Веселовский С. Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 175–185; *Он же.* Труды по источниковедению и истории России… С. 47.

413

Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России… С. 52.

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 498.

Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора… С. 203.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 23.

Там же. С. 105, 147.

Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора… С. 54.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени»… С. 47.

Правящая элита… С. 228.

421

См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 168; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 61.

Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора… С. 54–55, 151–152, 203–248.

423

Правящая элита… С. 261.

См.: *Кобеко Д.* Дьяки Щелкаловы // Известия Русского генеалогического общества. 1909. Вып. 3. С. 78–87; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 114–116; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С.194.

Горсей Джером. Записки… С. 80, 187; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 111.

См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений… С. 111–112.

Правящая элита… С. 232–233.

Сборник РИО. Т. 38. СПб., 1883. С. 187.

429

Горсей Джером. Записки… С. 158–161; *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 286–287.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени»… С. 57.

431

По мнению Я. С. Лурье, причиной отставки стали «прогабсбургские тенденции» дьяка Щелкалова, интриговавшего в пользу претендента из Империи — принцев габсбургского дома в случае бездетной смерти царя Федора. См.: *Лурье Я. С.* Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI в…. С. 439.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 194.

Временник дьяка Ивана Тимофеева… С. 73, 241–242.

Писаные законы… С. 195–196.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 237.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства… С. 203–226.

437

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. СПб., 2001. С. 94, 96.

Скрынников Р. Г. Россия накануне «смутного времени»… С. 42.

439

См.: *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997; *Он же.* Царевич — царь — цесарь. Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали. 1604–1606. СПб., 2001.

ЧОИДР. 1874. № 4. С. 20; См. также: Памятники дипломатических сношений… Т. 1. Ст. 1275–1284; *Забелин И. Е.* История города Москвы… С. 457.

441

Саввaитов П. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты // Записки Императорского Археологического общества. СПб., 1865. Т. 11. С. 274, 280–316. См. также: *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1584–1725. М., 1877. Вып. 1.

442

См.: *Савваитов П.* Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной палаты… С. 287–288; *Он же.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896. С. 70.

443

Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов… С. 9.

Горсей Джером. Записки… С. 161.

445

См.: там же. С. 103. Видно, эти львы жили потом во рву около стены Московского Кремля. По сообщению «Пискаревского летописца», в 7108 (1599/1600) «…зделаны зубцы каменые по рву кругом Кремля-города, где львы сидели, и до Москвы, реки от Неглиненских ворот; да подле Москвы реки от Свибловы башни во весь город по берегу зделаны зубцы же каменные и по мельницу по Неглиненскую». См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 202.

Там же. С. 104.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 140; *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени»… С. 109.

Горсей Джером. Записки… С. 104.

449

ЧОИДР. 1874. № 4. С. 20, 34.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 205.

См.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. М., 2006.

Горсей Джером. Записки… С. 102.

453

Сборник РИО. Т. 38. С.285.

ПСРЛ. Т. 14. С. 6.

Попов А. Изборник… С. 285.

Толстой Ю. В. Первые сорок лет сношений… С. 188.

Писцовые материалы Тверского уезда XVI века. М., 2005.

458

Новый летописец. С. 47. Жак Маржерет тоже ссылался на лично слышанный им рассказ царя Симеона о том, как тот ослеп, выпив отравленного вина, присланного от царя Бориса. См.: Россия началаXVII в. Записки капитана Маржерета / Пер. Т. И. Шаскольской. М., 1982. С. 183–184; новейшее издание записок Маржерета: *Маржерет Жак.* Состояние Российской империи. М., 2007.

459

Царь, как сказано в разрядной книге, умер «в ночи», то есть в ночь с 6 на 7 января. См.: Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (Записи в разрядной книге) / Публ. В. И. Буганова // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им В. И. Ленина. М., 1957. Вып. 19. С. 174.

Попов А. Изборник… С. 188, 214.

461

См. свидетельство об этом патриарха Иова: ПСРЛ. Т. 14. С. 16.

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 13.

463

Еще один невероятный слух был связан с императором Рудольфом II; ему отводилась роль третейского судьи, который мог бы выбрать из двух или трех представленных ему кандидатур нового московского царя. Говорили и о кандидатуре эрцгерцога Максимилиана. См.: Из Львовского архива князя Сапеги // Русский архив. 1910. № 11. С. 340–342.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 244.

465

ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 7. С. 19.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 244.

ПСРЛ. Т. 14. С. 19–20.

Тихомиров М. Н. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // *Тихомиров М. Н.* Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 65.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 142.

См.: *Скрынников Р. Г.* Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон // История СССР. 1977. № 3. С. 144; *Он же.* Борис Годунов… С. 106; *Он же.* Россия накануне «смутного времени»… С. 126.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 215.

Мордовина С. П. Указ об амнистии 1598 г. // Советские архивы. 1970. № 4. С. 84–86.

ПСРЛ. Т. 14. С. 21–22.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. 4. Ч. 1. С. 3–4.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове… С. 57.

Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 534–539.

Там же. С. 538.

478

Оршанский староста Андрей Сапега знал о приезде в самом конце января 1598 года нового смоленского воеводы князя Тимофея Романовича Трубецкого. По словам литовских «шпионов», «Трубецкой заведует всем в замке», а Голицыну досталась служба так называемого «выездного» воеводы, обязанного «каждую ночь, как только начнет смеркаться, с тремя сотнями всадников ездить сторожить от Смоленска на расстоянии четырех миль». В Смоленске в этот момент стали усиленно строить крепостные стены. Закрытие границы, по сведениям оршанского старосты Андрея Сапеги, происходило из-за боязни постороннего вмешательства в дела царского избрания. Его попытка выведать у смоленского воеводы, кто правит на Москве, окончилась ничем. Слугу, приехавшего с письмом оршанского старосты в Смоленск, не только не приняли, но «гонца и лошадей не накормили». Воеводы, по обыкновению, должны были бы написать имя правителя, а писать было нечего. При этом в церквях Смоленска «не молились за великого князя, а только за великую княгиню, царицу и сына». Какого «сына», остается неясным. Слух этот некоторое время продолжал интересовать оршанского старосту Андрея Сапегу. Он специально принял у себя в гостях и подпоил одного смоленского купца, который объяснил, что царица Ирина не могла быть беременной, потому что «на четвертый день по смерти великого князя постриглась в девичий монастырь; если б она была беременна, то в монастырь ей можно было бы уйти после родов». См.: Из Львовского архива князя Сапеги… С. 342–343.

479

Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского во второй редакции // РИБ. Т. 13. Ст. 633.

ААЭ. Т. 2. № 7. С. 19–21.

См.: *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 246–247.

История о первом патриархе Иове // РИБ. Т. 13. Ст. 930.

483

Из Львовского архива князей Сапег… С. 339, 343. С. Ф. Платонов уточнил, что речь шла о «поспольстве» — «простом гражданском свободном населении». См.: *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 253.

См.: *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 246.

485

Недавно Д. В. Лисейцев, проанализировав перечень дьяков в «Утвержденной грамоте», датировал составление документа не 1 августа 1598 года, как это сделано при его публикации, а весной 1599 года. Можно согласиться с тем, что сбор подписей под такого рода грамотами, как и позднее, в 1613 году, растягивался во времени. Также справедливы и высказанные ранее мнения о символичности представительства на соборе 1598 года, реконструируемого по «рукоприкладствам». Однако эти наблюдения не отменяют факта составления «Утвержденной грамоты» в год избрания на царство Бориса Годунова. См.: *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты… С. 137–141.

Ключевский В. О. Состав представительства на земских соборах Древней Руси // *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. М., 1990. Т. 8. С. 332, 334. Точку зрения В. О. Ключевского впоследствии поддержал и С. Ф. Платонов: *Платонов С. Ф.* К истории московских земских соборов // *Платонов С. Ф.* Статьи по русской истории (1883–1912). СПб., 1912. С. 298–299; *Он же.* Борис Годунов… С. 247–248.

487

См.: *Мордовина С. П.* К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 127–141; *Она же.* Характер дворянского представительства на земском соборе 1598 г. // Вопросы истории. 1971. № 2. С. 55–63. См. также: *Павлов Л. П.* Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10. С. 206–225; *Станиславский Л. Л.* Труды по истории Государева двора… С. 118.

Павлов Л. П. Государев двор и политическая борьба… С. 225–226.

489

ААЭ. Т. 2. № 7. С. 24.

История о первом патриархе Иове // РИБ. Т. 13. Ст. 930.

491

Повесть как восхити царский престол Борис Годунов // РИБ. Т. 13. С.153.

ПСРЛ. Т. 14. С. 21.

Особенно отчетливо такой подход проявился в комментариях В. Непомнящего, воспринимающего Годунова только таким, каким он написан у А. С. Пушкина. Это снижает достоверность исторических комментариев исследователя, контрастируя с его исключительно глубоким поэтическим прочтением «Бориса Годунова» в цикле передач на телеканале «Культура», вышедшем в эфир в июле 2010 года.

Реляция Петра Петрея о России начала XVII в.... С. 82.

Попов А. Изборник… С. 214.

496

Дипломатическое донесение Сигизмунду III, королю польскому, о делах Московских // ЧОИДР. 1858. № 2. С. 3–24. В тексте «дипломатического донесения» очень точно воспроизводятся некоторые детали, автор, безусловно, был знаком со всеми поворотами политической борьбы в годы царствования Федора Ивановича. Но считать его очевидцем царского избрания 1598 года, как он об этом пишет, нет никаких оснований. Скорее это составленный с определенными целями исторический памфлет. Можно указать на один из его книжных источников — сочинение Джильса Флетчера «О государстве Русском». Из книги англичанина позаимствована цифра общего дохода Годунова — 93 тысячи 700 рублей. В «речи Григория Годунова», как и у Флетчера, говорится, что Борис Годунов занимал 17-е место в Думе, состоявшей из 31 человека. Отсутствие ссылок на рукопись донесения, сами обстоятельства публикации в эпоху первой «гласности» в конце 1850-х годов, стиль переводчика, включавшего свои комментарии непосредственно в текст донесения, наводят на предположение о том, что, возможно, текст исторического источника был искусно «доработан» уже в XIX веке. См.: *Флетчер Джильс.* О государстве Русском… С. 43, 53–54.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба… С. 53.

Попов А. Изборник… С. 215.

499

Из Львовского архива князя Сапеги… С. 341.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 253.

501

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 216–218.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты… С. 172.

Зимин А. А. В канун грозных потрясений… С. 233; *Скрынников Р. Г.* Борис Годунов… С. 130; *Черепнин Л. В.* Земские соборы… С. 147.

Иное сказание // РИБ. Т. 13. Ст. 14.

505

ААЭ. Т. 2. № 7. С. 32.

506

Новый летописец. С. 50.

507

Иное сказание // РИБ. Т. 13. Ст. 14–15.

ААЭ. Т. 2. № 7. С. 25–34.

509

В разрядных книгах встречается другая дата наречения Бориса Годунова «в царское имя» — 16 или 17 февраля 1598 года. Это связано с особенностью составления разрядов, в них названа самая ранняя из возможных дат наречения, приуроченная к окончанию «сороковин» — сорокадневного траура по царю Федору Ивановичу. Вопрос о подобающем правилам времени царского наречения и избрания, конечно, волновал современников. В Литве оршанский староста Андрей Сапега записал слух о таких разговорах, в которых называлась еще более поздняя дата «Сборного воскресенья» — первого воскресенья после начала поста: «ибо у них как при жизни великого князя, так и после смерти его, выборные сеймы происходят в это Сборное Воскресенье». На самом деле Борис Годунов был наречен на царство еще до начала поста. См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Ч. 4. Вып. 1. С. 17; Из Львовского архива князя Сапеги… С. 339, 344.

Там же. № 6. С. 15–16.

511

Новый летописец. С. 50.

512

ААЭ. Т. 2. № 1. С. 4.

513

Анхимюк Ю. В. Разрядная книга 1598–1602 годов (далее — Разрядная книга 1598–1602 гг.) // Русский дипломатарий. М., 2003. Вып. 9. С. 371.

Временник Ивана Тимофеева. С. 101.

515

См.: Из Львовского архива князя Сапеги… С. 341. В рассказе оршанского старосты Андрея Сапеги, в преувеличенном виде, передавались слухи о спорах бояр между собою в связи с царским избранием.

Там же. С. 345–346.

517

Документы об этом деле обнаружены недавно А. В. Беляковым, справедливо предположившим, что речь шла о возможном приезде царя Симеона Бекбулатовича в Москву на похороны царя Федора Ивановича. Приношу искреннюю благодарность А. В. Белякову за возможность ознакомиться с рукописью его биографической статьи о Симеоне Бекбулатовиче и приложенными к ней текстами новых архивных документов. См.: *Беляков А. В.* Симеон Бекбулатович // Единорог. № 2 (в печати).

518

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 371. Это известие разрядных книг подтверждается сведениями, полученными оршанским старостой Андреем Сапегой: «Годунов на это сражение ехал еще не коронованный, ибо он хотел короноваться только тогда, когда послужит их государству, хотя Москва упрашивала его короноваться». См.: Из Львовского архива князя Сапеги… С. 346.

519

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 25–26.

520

Новый летописец. С. 50.

521

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 37.

522

В этой разрядной книге приход государевой рати датируется 2 мая, но, вероятно, это описка. См.: Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 372.

523

Новый летописец. С. 51.

524

Сборник РИО. Т. 38. С. 294.

525

Новый летописец. С. 51.

526

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 374.

527

Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского во второй редакции // РИБ. Т. 13. Ст. 635–636.

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 153.

529

ААЭ. Т. 2. N9 2. С. 8.

См.: Новый летописец. С. 51.

531

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 375–376.

532

См. подробнее: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т. 1. № 145. С. 239–249; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 151–152; *Баталов А. Л.* Гроб Господень в замысле «Святая святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 154–171; *Успенский Б. А.* Царь и патриарх… С. 136–139.

ААЭ. Т. 2. № 8. С. 55.

Там же. С. 54–56.

535

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 376–377.

Сказание Авраамия Палицына// РИБ. Т. 13. Ст. 477.

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 17.

538

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 377.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии // О начале войн и смут в Московии / Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 46.

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 17.

541

Новый летописец. С. 51.

542

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 377. По наблюдениям А. П. Павлова, к концу первого года годуновского царствования высший правительственный орган разрастается до «рекордных» 52 человек. *Павлов А. П.* Государев двор… С. 64–65; Правящая элита Русского государства… С. 242–245.

Павлов А. П. Государев двор… С. 64–65.

544

Разрядная книга 1559–1605 гг. / Сост. Л. Ф. Кузьмина. М., 1974. С. 316–317; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 52–54. См. также: *Эскин Ю. М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 380.

Правящая элита Русского государства… С. 243.

ААЭ. Т. 2. № 9. С. 56–57.

Там же. № 7. С. 37–40.

548

Из Львовского архива князя Сапеги… С. 345–346; *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 257–258.

549

ААЭ. Т. 2. № 10. С. 60.

550

Изборник… С. 216–218. См. также: Чаши государевы заздравные / Подг. текста, пер. и коммент. Л. В. Соколовой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 10: XVI век.

551

Сборник РИО. Т. 38. С. 279–280.

552

См.: *Тебекин Д. А.* Перечень иммунитетных грамот 1584–1610 гг. Ч. 1–2 // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979; Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1980.

553

Разрядные книги 1598–1638 гг. С. 67–68; *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 44.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 183.

555

См. подробнее: *Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1975.

556

Из наказа о верстании смоленских и рославльских новиков в июне 1604 года; подробнее см.: *Козляков В. Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века… С. 118.

Сказание Авраамия Палицына… Ст. 477–478.

558

Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского во второй редакции… С. 567.

559

Сборник РИО. Т. 38. С. 264. См.: Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг. / Сост. Д. В. Лисейцев. М., 2006. С. 79.

Там же. С. 567.

561

Сборник РИО. Т. 38. С. 265, 271.

Там же. С. 426.

563

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею (далее — АИ). М., 1841. Т. 2. № 34. С. 32–33.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 2003. Т. 4. Ч. 2. С. 59–60; *Буссов Конрад.* Московская хроника… С. 27–28.

565

Сборник материалов по русской истории начала XVII века / Пер., введ. и прим. И. М. Болдакова. СПб., 1896. С. 33–34.

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 25–26.

567

Хотя Лука Паули и заметил происходившие изменения в Московском государстве, его интерпретация была слишком задана целями заключения союза Московского государства и Империи и он выдавал желаемое за действительное. См.: Старина и новизна. М., 1914. Кн. 17. С. 87; *Голицын Н. В.* Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. М., 1898. С. 22–24.

Петрей Петр. История о великом княжестве московском // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 278.

569

См.: Сборник РИО. Т. 38. С. 424–425; *Александренко В. Н.* Материалы по Смутному времени на Руси XVII в. // Старина и новизна. СПб., 1911. Т. 14; *Голицын Н. В.* Научно-образовательные сношения России с Западом… С. 7–18; *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 223.

Голицын Н. В. Научно-образовательные сношения России с Западом… С. 6.

Там же. Добавление. С. 1–2.

572

В «Реляции» Петра Петрея приезд шведского принца объясняется происками иезуитов, подучивших его действовать в Московском государстве в своих интересах. Впрочем, впоследствии Петрей сам отказался от этой трактовки событий. См.: Реляция Петра Петрея о России в начале XVII в. … С. 101–102.

573

Ю. Н. Щербачев предположил, что подпись на этой записи сделана Борисом Годуновым, потому что этого потребовали датские послы. Но и в этом случае, как обычно, подпись «Божиею милостию царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии» сделана дьяком. См.: *Щербачев Ю. Н.* Подписи царей Бориса Годунова и Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1893. Ч. 4. С. 3–5; *Шереметев С. Д.* Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых… С. 1–2.

Щербачев Ю. Н. Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 // ЧОИДР. 1893. Кн. 1. С. 155–156, 159, 161–167; *Он же.* Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым // РИБ. СПб., 1897. Т. 16. № 78–79, 81, 84–87, 91. Стб. 333–341, 349–354, 359–370, 387–392.

Щербачев Ю. Н. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Голштейнского в Россию 1602 г. // ЧОИДР. 1911. № 3.

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. С. 19.

Щербачев Ю. Н. Датский архив… С. 168.

См.: *Новомбергский Н. Я.* Врачебное строение в допетровской Руси. Томск, 1907.

Новый летописец. С. 56.

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 190.

581

См.: *Вельтман А.* Достопамятности Московского Кремля. М., 1843. С. 76–77.

Бельский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 239; Временник Ивана Тимофеева… С. 240, 485.

583

Борис Годунов, конечно, не ограничивался строительством в Кремле. Согласно тому же «Пискаревскому летописцу», в Москве был выстроен новый Земский двор «за Неглинною», в котором сосредоточились сбор налогов, разбор спорных дел и многие функции управления столицей. См.: ПСРЛ. Т. 34. С. 202.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии… С. 55.

585

ПСРЛ. Т. 34. С. 202.

А. Л. Баталов считает это продолжением коронационной программы Бориса Годунова: «Замысел „перенесения“ в центр Кремля величайшей святыни христианского мира был продолжением программы, заявленной в коронационном чине. Идея построения вселенской святыни придает целостность создаваемой модели Российского государства как последнего и единственного православного царства. Перед Борисом Годуновым, как и в свое время перед царем Феодором Иоанновичем, был тот же образец первого вселенского православного монарха Константина Великого. Ему принадлежало создание храмов над Святыми местами в Иерусалиме». См. подробнее: *Баталов А. Л.* Гроб Господень в замысле «Святая святых» Бориса Годунова… С. 154–171. Ср. также: *Ульяновский В.* Смутное время… С. 75–77.

Платонов С. Ф. Борис Годунов… С. 218.

Временник Ивана Тимофеева… С. 81.

589

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 190.

Новый летописец. С. 52.

591

АИ. Т. 2. № 38. С. 34–52; см. также: Дело о ссылке Романовых / Публ. С. Ю. Шокарева//Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 411–438.

См.: *Новомбергский Н. Я.* Колдовство в Московской Руси XVI 1-го столетия. СПб., 1906; *Тельберг Г.* Очерк политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М., 1912.

Зимин А. А. В канун… С. 133.

Новый летописец. С. 53.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба… С. 20–24.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба… С. 73.

См. там же. С. 73–75.

Лаврентьев А. В. Романовы и «старый государев двор» на Варварке // *Лаврентьев А. В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI–XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 14.

599

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 190.

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 28; *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 18–20.

601

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 29; Новый летописец… С. 55. Р. Г. Скрынников датировал дело Богдана Бельского временем весны 1600 г., но это не совсем точно. Как показал Б. Н. Флоря, Богдан Бельский попал в опалу после 24 октября 1600 года, и это было связано с доносом на него немецкого доктора Г. Юрьева. Таким образом, решается давний вопрос о времени этой опалы и подтверждаются некоторые детали, известные из сочинения Конрада Буссова. См.: *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 20; *Флоря Б. Н.* Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 год. М., 1986. С. 305; *Лисейцев Д. В.* Русско-шведские посольские связи в Смутное время начала XVII в.: новые архивные находки // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие / Под ред. А. В. Лаврентьева. М., 2002. С. 87.

Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 349–350.

603

Цит. по: *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 213.

Сказание Авраамия Палицына… С. 105–108.

605

Новый летописец… С. 55.

606

Бельский летописец.

607

Цит. по: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права… М., 1975. С. 129. В. И. Корецкий писал, что цена на рожь в три рубля могла быть выше, чем в обычное время в 80–120 раз. Но такие подсчеты явно преувеличены, цена ржи всего (конечно, по сравнению с подсчетами В. И. Корецкого, а не по житейским обстоятельствам) в шесть раз превышала указную, установленную тогда царем Борисом Годуновым. Как видим, и этого было достаточно, чтобы сложилась чрезвычайная ситуация.

Реляция Петра Петрея о России в начале XVII в…. С. 75.

609

ПСРЛ. Т. 34. С. 202.

610

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 188–189.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии… С. 53–54.

612

См.: *Булычев А. А.* Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 153–176.

613

Законодательные акты Русского государства… № 49. С. 67–69.

614

См.: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права… С. 146.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии… С. 54.

Новый летописец… С. 55.

617

В «скудельницах», расположенных вне кладбищ у православных церквей, хоронили также казненных преступников. См.: *Булычев А. А.* Между святыми и демонами… С. 44.

Сказание Авраамия Палицына… С. 105–108.

619

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 188.

620

Сборник материалов по русской истории начала XVII века… С. 39–40.

621

Повесть об Ульянии Осорьиной // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 102–103.

См. подробнее о реализации законов 1601–1602 годов о крестьянском выходе: *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права… С. 148–191; *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 47–54.

623

Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России… С. 44–45.

Законодательные акты Русского государства… № 50. С. 70. Даже авторы академической публикации этого указа не поняли, что речь идет о дворовых и городовых детях боярских, поставив запятую перед словами «городовым приказщиком». Сделанное здесь перемещение запятой в цитате уточняет ее смысл.

625

Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России… С. 45.

Законодательные акты Русского государства… № 51. С. 71.

627

Бельский летописец. С. 240.

Законодательные акты Русского государства… № 52. С. 71–72.

629

См.: Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608. Сб. документов. М., 2003. № 2. С. 20–22; *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права… С. 213–214.

ААЭ. Т. 2. № 19. С. 69–70; *Шумаков С. А.* Сотницы (1537–1597 гг.), грамоты и записи (1561–1696 гг.). М., 1902. С. 1.

631

См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. С. 60, 65; *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора… С. 72.

632

Новый летописец. С. 58.

Корецкий В. И. Формирование крепостного права… С. 231.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 2003. Т. 4. Ч. 2. С. 58.

635

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 99.

О Лжедмитрии I существует большое количество биографической литературы. См.: *Скрынников Р. Г.* Самозванцы в России в начале XVII столетия. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; *Он же.* Три Лжедмитрия. М., 2003; *Ульяновский В. И.* Российские самозванцы. Лжедмитрий I. Киев, 1993; *Он же.* Смутное время. М., 2006; *Козляков В. Н.* Лжедмитрий I. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»); Самозванцы и самозванчество в Московии. Будапешт, 2009. *Czerska Danuta.* Dymitr Samozwaniec. Wroclaw; Warszawa; Krak6w, 1995, 2004; *Andrusiewicz A.* Dzieje wielkiej smuty. Katowice, 1999; *Barbour Philip.* Dimitry Called the Pretender. Boston, 1966; *Dunning Chester S. L.* Russia's First Civil War. The Time of Troubles and the Founding of the Romanov Dynasty. The Pennsylvania State University Press, 2001; *Perrie Maureen.* Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: the False Tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995.

637

Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы… С. 248–249.

638

Из Львовского архива князя Сапеги… С. 346–347.

639

Сборник РИО. М., 1912. Т. 137. С. 39–40.

Там же. С. 46.

Tyszkowski K. Poselstwo Lwa Sapiehy w Moskwie w 1600 r. Lw6w, 1927; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения… С. 129–137; *Он же.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы… С. 249–267; *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 94–96.

642

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 396.

643

Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1850. Ч. LXVIII. Отд. II. С. 97. См. также: Elijas Pilgrimovijus, Didžioji Leono Sapiegos pasiuntinybė j Maskvą, parenge J. Kiaupiene// Historiae Lituaniae Fontes Minores. Vilniu, 2002. T. 4.

Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году… С. 99–100.

645

Новый летописец. С. 54–55.

646

Лев Сапега, вероятно, вспоминал слова заздравной государевой чаши, которые он мог слышать на пирах: «чтоб все под небесным светом великие государи християнские и бусорманские его царского величества послушни были с рабским послужением». *Любавский М. К.* Литовский канцлер Лев Сапега о событиях смутного времени. М., 1901. С. 3; Изборник… С. 218.

647

Члены ганзейского посольства, проезжавшие через Вильно в середине февраля 1603 года, засвидетельствовали эпидемию чумы и «страшную дороговизну» по всей Литве: «Положение было крайне плачевное, и дорогою нам иногда приходилось проезжать через совершенно опустелые деревни, в которых все население вымерло». Не лучше оказалось и в Московском государстве, когда они пересекли его границу: «…положение такое, что хоть зубы на полку клади, — голод и нужда превеликие». Правда, продолжалось это недолго, до тех пор пока ганзейские послы не стали получать положенное им по чину довольствие в Смоленске. См.: Сборник материалов по русской истории начала XVII века… С. 18, 21.

Показательно, что уже тогда прозвучала идея возведения на московский престол детей Сигизмунда III, что осуществится через десять лет в призвании королевича Владислава. См.: Сборник РИО. Т. 137. С. 48–53; Старина и новизна. М., 1914. Кн. 17. С. 104–117 (русский перевод наказа польско-литовским послам). По мнению Б. Н. Флори, проект унии «никакого практического значения иметь не мог». См.: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос… С. 140–151, 158–161.

649

Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году… С. 109.

650

Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 397.

651

Сборник РИО. Т. 137. С. 67–73; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос… С. 159–160.

652

Новый летописец. С. 54.

653

Сборник РИО. Т. 137. С. 136.

Из Львовского архива князя Сапеги… С. 348–350.

655

См.: *Кулиш П. А.* Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. С. 21–33; *Скрынников Р. Г.* Социально-политическая борьба… С. 153–154; *Ульяновский В. И.* Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 1. С. 79; Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников в Императорской публичной библиотеке / Сост. А. Ф. Бычков. СПб., 1882. Ч. 1. С. 176, 410; Акты времени Лжедмитрия I. 1603–1606 // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1918. Т. 1. С. 4.

Новый летописец. С. 61.

657

Сборник РИО. Т. 137. С. 176, 756.

Там же. С. 756.

На это обращал внимание еще С. М. Соловьев. См.: Сборник РИО. Т. 137. С. 578–579; *Соловьев С. М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т. 7–8. М., 1989. С. 400.

660

Сборник РИО. Т. 137. С. 176–177; Старина и новизна. Кн. 14. С. 275–276.

661

Сборник РИО. Т. 137. С. 178–181; *Ульяновский В.* Смутное время… С. 35–37.0 том, как непросто должен был даваться этот поворот в сторону контактов с Ватиканом царю Борису Федоровичу, свидетельствуют переданные английским посланником Джоном Мерриком в донесении 1603 года, откровенные слова Годунова, разгневавшегося на папу после рассказа об организации покушений на жизнь королевы Елизаветы I: «его высочество пришел в негодование, назвал папу собакой; он хотел бы, чтоб его страна не была так удалена, чтоб он сам мог явиться мстителем этому чудовищу и низкому ханже, и прибавил, что, будь он поближе, он за волосы его головы стащил бы его с места, мстя за такую достойную государыню». См.: Старина и новизна… Кн. 14. С. 329.

662

Сборник материалов по русской истории начала XVII века… С. 61–68. См. также: *Ульяновский В.* Смутное время… С. 37–39.

663

Щепкин Е. Н. Выписки из дел Королевского Архива в Копенгагене, касающиеся истории Лже-Димитрия // Сборник материалов по русской истории начала XVII века… Приложение. С. 134, 141–142, 152.

РИБ. Т. 1. СПб., 1872. С. 13–16, 35, 39.

665

Сборник РИО. Т. 137. С. 27.

666

Прием кизылбашского посла Лачин-бека состоялся 4 сентября 1603 г. См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. С. 63.

667

О значении русско-иранских связей и кавказского направления политики Бориса Годунова впервые написал еще Н. М. Карамзин, приведя в примечаниях к своей «Истории…» много любопытных документов: *Карамзин Н. М.* История государства Российского… Т. XI. Гл. 1. Ст. 35–44. Примечания. Ст. 19–22. См. также: *Новосельцев А. П.* Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 444–461; *Кушева Е. Н.* Народы Северного Каказа и их связи с Россией (Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.). М., 1963; История Дагестана с древнейших времен до наших дней/ Отв. ред. А. И. Османов. В 2 т. М., 2004. Т. 1.

668

Пашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 29–31,36–40.

669

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом… С. 330, 384.

Там же. С. 433–435, 440.

Там же. С. 442.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время… С. 229.

Попов А. Изборник… С. 322.

Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом… С. 509–510.

Там же. С. 507–515.

Изборник… С. 323. В «Новом летописце» сообщается о том, что в битве под Тарками погибло более семи тысяч человек, «окромя боярских людей» (то есть кроме слуг, исполнявших вспомогательные функции в войске и не включенных в общее число потерь). В этом источнике говорится о несколько иной последовательности событий, о том, что после битвы под Тарками спасшиеся вместе с князем Владимиром Мосальским отошли к Койсе и только после этого «град Койсу сожгоша, а сами отойдоша на Терек». Кстати, летописец приводит рассказ о дальнейшей судьбе стрелецкого головы Смирного Маматова, который «обусурманился» в плену. Из контекста статьи, видимо, намеренно помещенной в тексте летописца между известиями о смертях датского принца Иоганна в 1602 году и царицы Ирины Годуновой в 1603 году, можно было понять, что царь Борис Годунов велел казнить его «розными муками», а «напоследи же ево окаянново велел обдати невтию и повеле зажечь». Однако, очевидно, что все эти события происходили уже после смерти Годунова. Ср.: Новый летописец… С. 57–58.

677

Карамзин Н. М. История государства Российского… Т. XI. Гл. 1. Ст. 43.

678

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / Пер., введ. и прим. И. М. Болдакова. СПб., 1893. С. 5.

679

Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг… С. 88–89.

680

Новый летописец. С 57.

681

РИБ. Т. 13. Ст. 486.

682

Историк привел известия о «водянке от сердечной болезни» и «ударе», который был у Бориса Годунова в 1604 году, после которого говорили, что царь «волочит за собой ногу». *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 277.

683

Сборник материалов по русской истории начала XVII в.... С. 25, 34.

684

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 56.

685

Изборник… С. 218.

РИБ. Т. 13. Ст. 486.

687

Щербачев Ю. Н. Русские акты Копенгагенского архива… № 81. С. 353–354.

688

Посольская книга по связям России с Англией 1614–1617 гг… С. 83–86, 323–324. Решение о браке Ксении и датского принца Иоганна произвело неблагоприятное впечатление при английском дворе. Там подозревали, что в результате привилегированному положению англичан в России мог прийти конец, а английская торговля была бы разрушена. В дальнейшем Борис Годунов продолжал переговоры с английской королевой Елизаветой I уже только о браке своего сына царевича Федора с кем-то из королевских родственниц. См.: Старина и новизна… Кн. 14. С. 327–328, 336–340.

689

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 37.

690

Несмотря на то, что в тот момент «романа» с шлезвигскими герцогами не получится, само это направление поиска невест еще не раз послужит в будущем дому Романовых. *Щербачев Ю. Н.* Датский архив… С. 168–178; *Он же.* Русские акты Копенгагенского архива… № 87–88, 92–94. Ст. 369–375, 391–397; *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России… С. 455–456.

691

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. С. 65; Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подг. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 167.

ПСРЛ. Т. 34. С. 202, 204.

693

См.: Сборник материалов по русской истории начала XVII века… С. 28–29,31–32.

694

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 59–60.

695

В разрядной книге 1598–1602 годов сделана запись о поездке царя Бориса Годунова в Троице-Сергиев монастырь, а по возвращении поддатой 24 января 1600 года — о царском столе в Золотой палате «на государонины на царевнины именины». См.: Разрядная книга 1598–1602 гг. С. 389.

696

Цит. по: *Маясова Н. А.* Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья (К вопросу о взаимоотношении литературы, искусства и действительности) // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л., 1966. Т. 22. С. 299. Ксения Годунова родилась около 1582 года, а умерла 30 августа 1622 года на 41-м году жизни, была похоронена в семейной усыпальнице в Троице-Сергиевом монастыре. См.: *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России… С. 456; *Маясова Н. А.* Литературный образ Ксении Годуновой… С. 301; *Варенцова Л. Ю.* Царевна Ксения Годунова // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 131. Иная дата рождения Ксении в 1585 (в тексте опечатка — 1595) году приведена в статье архимандрита Макария (Веретенникова): *Макарий (Веретенников), архим.* Монахиня Ольга (Годунова) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3. С. 92.

Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980. С. 184.

Кусов В. С. Памятники отечественной картографии. Учебное пособие. М., 2003. С. 14–17.

699

См.: *Соколов Б.* Иностранные гравированные географические карты российских земель XVI–XVIII вв. из собрания московского коллекционера А. Л. Кусакина // Наше наследие. 2002. № 63–64. http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6403.php.

700

РИБ. Т. 13. Ст. 709.

См.: *Соловьев С. М.* Сочинения… Кн. 4. С. 401–402.

702

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 39; Старина и новизна. Кн. 14. С. 249–250.

703

АИ. Т. 2. № 53. С. 62–63.

Изборник… С. 220, 258.

705

См.: Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и Роспись русского войска 1604 г. Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа / Сост., подг. текста и вступ. ст. С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского. М., 1979. Ч. 2; *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России… С. 111–116.

См.: *Платонов С. Ф.* Борис Годунов… С. 267–268.

707

Новый летописец. С. 62.

708

В разрядных книгах было подчеркнуто, что в этот день праздновалась «паметь преподобнаго и богоноснаго отца нашего Еуфимия великого и святыя мученицы Ирины», что, кажется, должно было напомнить о небесном заступничестве самой покойной царицы-инокини Александры Федоровны. См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. С. 87.

709

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 193.

710

Новый летописец. С. 62; Разрядная книга 1475–1605 гг. С.87–88.

711

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 42–43.

712

Новый летописец. С. 62–63; Разрядная книга 1475–1605 гг. С. 88–90.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты… С. 203.

714

Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4. Ч. 2. С. 91.

715

ПСРЛ. Т. 34. С. 241.

Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета… С. 193.

717

Новый летописец. С. 63.

718

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 56.

719

По другому известию, «в приделе, против царя Федора Ивановича, з другую сторону дверей» или в северной стороне дьяконника Архангельского собора. См.: Изборник… С. 415; ПСРЛ. Т. 34. С. 205, 241; *Самойлова Т. Е., Панова Т. Д.* Усыпальница царя Ивана Грозного… С. 8.

720

Феодот Анкирский — патрон Бориса Годунова по его второму имени Богдан (славянская форма греческого имени Феодот). Сохранилась патрональная икона Бориса Годунова, написанная известным иконописцем Прокопием Чириным. См.: *Антонова В. И.* Живопись XVI в. Годуновская школа // *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в. Опыт историко-художественной классификации. М., 1963. Т. 2. XVI — начало XVIII в. М., 1963. С. 157, 331–332.

Оба вклада иногда приписывают Ксении Годуновой. Предположение это основано на монастырском предании, отразившемся в одной из поздних описей Троице-Сергиева монастыря 1908 года, где о вкладах Бориса Годунова прямо сказано, что они вышиты «собственными трудами» Ксении Годуновой. Исследователи, однако, считают это предположение маловероятным: См.: *Маясова Н. А.* Литературный образ Ксении Годуновой… С. 303, 306; *Манушина Т. Н.* Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М., 1983. Есть образ «Феодора Стратилата да Феодота Ангирьскаго и преподобные Ксеньи» среди вкладов царя Бориса Годунова в Новодевичий монастырь по царице-инокине Александре Федоровне. См.: Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря… С. 85.

722

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 57.

Попов А. Изборник… С. 285.

РИБ. Т. 13. Ст. 474.

725

Шереметев С. Д. Грамоты с подписями Бориса, Дмитрия и Степана Годуновых… С. 1–7.

Горсей Джером. Записки… С. 170.

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 17, 26, 28.

Реляция Петра Петрея о России начала XVII в.... С. 78.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии… С. 41, 83–84.

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 34, 46, 58–59.

Законодательные акты Русского государства… № 49. С. 68–69.

732

Древние родовые усыпальницы Годуновых в Ипатьевском монастыре тоже оказались разоренными еще в XVIII в. В. К. и Г. К. Лукомские писали в 1913 году, что «старейшие» из них «находились близ алтаря Богородицкой церкви (в одной было 22 могилы, в другой 16). Здесь был погребен и Чет, и его потомки». При «расширении» храма Рождества Богородицы в 1757 году «гробницы были перекопаны и материал их пошел под основание храма, а выкопанные кости положены были в одну общую могилу. От прочих усыпальниц остались лишь две колоды, открытые во время земляных работ при перестройке Богородицкой церкви в 1864 году». Найденные тогда надгробия были использованы для реконструкции так называемой «усыпальницы бояр Годуновых» в подклете Троицкого собора. В 1930-х годах храм Рождества Богородицы был разрушен, в настоящее время начато его восстановление. См.: *Лукомский В. К., Лукомский Г. К.* Кострома. Исторический очерк и описание памятников художественной старины / Послесл. и прим. Л. И. Сизинцевой. М., 2002 (Репр. воспроизв. изд. 1913 г.) С.188.

См.: *Маясова Н. А.* Литературный образ Ксении Годуновой… С. 298, 300.

Буссов Конрад. Московская хроника… С. 86–87.

735

Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России… С. 71–72.

Попов А. Изборник… С. 191.

См.: *Попов А.* Изборник… С. 187.

См.: *Панова Т.* «Благоверная и любезная в царицах Ирина» // Наука и жизнь. 2004. № 8.

См.: *Горсей Джером.* Записки… С. 169, 225.

Разрядные книги 1598–1638 гг. / Сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М., 1974. С. 85; *Загоровский В. П.* История вхождения Центрального Черноземья… С. 224–226.

741

См.: *Петрей Петр.* История о великом княжестве московском… С. 183; *Коваленко Г. М.* Жених Ксении Годуновой // *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол. Из истории политических и культурных связей России и Швеции XI–XX вв. СПб., 1999. С. 41–46; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения… С. 100–101.

См.: *Лаврентьев А. В.* Царевич — царь — цесарь… С. 178–180; Старина и новизна. М., 1911. Кн. 14. С. 303–307; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос… С. 101–104.

См.: *Попов А.* Изборник… С. 321.

744

См.: *Белокуров С. А.* Сношения России с Кавказом… С. 451–452, 496.

comments

Комментарии

1

Его смерть потом объясняли враждебными действиями Бориса Годунова, решившего помешать проявившему смелость воеводе. На полях одного из хронографов сохранилась приписка: «А инии глаголют убит Борисовою рукою Годунова изменою, яко он пойде с похвалы град взяти. Борис же своим повеле отступити, и его подати, якоже древле Иоав воевода Урию по Давида царя веленью. К сему же и лествицы мастером повеле окротити, и тако убиен бысть»[737].

2

Речь идет о внутренних городовых укреплениях, которые охраняли специально назначенные осадные воеводы.

3

Выделенные слова написаны в оригинале рукописи Горсея кириллицей, но по-английски: «*фор консертион энд проквартион оф чилдрен*».

4

В оригинале кириллицей: «*консивед*».

5

Кстати, уже в наши дни, когда археологи Московского Кремля исследовали останки царицы Ирины Федоровны из некрополя Вознесенского монастыря, экспертиза подтвердила, что из-за некоторых особенностей ее скелета Ирине Годуновой, действительно, было трудно вынашивать детей[738].

Возможно, не случайно Борис Годунов поручал действовать на этом восточном направлении бывшим опричникам и членам особого «двора» Ивана Грозного: Родиону Петровичу Биркину и Петру Михайловичу Пивову, ездившим к кахетинскому царю Александру II, и Григорию Борисовичу Васильчикову, отправленному в посольстве в Иран.

7

Чин чауша в Османской империи носили полицейские и судебные чиновники, выполнявшие также функции гонцов и курьеров.

8

Возможно, что Джером Горсей сам неосторожно спровоцировал гнев посольского дьяка Андрея Щелкалова, страшно обидев его своим не слишком хорошим знанием русских пословиц и выражений, значения которых он, как выяснилось, до конца не понимал. В «Жалобах „Русской компании“» на Горсея одним из пунктов было оскорбление Щелкалова: «…разговаривая с ним о множестве русских поговорок, употребил одно бранное русское выражение, крайне оскорбительное для матери [собеседника]»[739].

9

Ширинка — платок, полотенце.

Родственника.

11

Своим чином окольничего Богдан Бельский наслаждался в Москве недолго. Вскоре, 30 июня 1599 года, он получил от царя Бориса Федоровича внешне вполне почетное назначение «поставити новой город Борисов на Донце на Северском у Бахтина колодезя». Вряд ли Богдан Бельский мечтал так быстро покинуть кремлевские терема и оказаться на окраине Дикого поля[740].

12

Впоследствии, по сообщению Петра Петрея, Густав был отправлен Лжедмитрием I из Углича в ссылку в Ярославль, а при царе Василии Шуйском был переведен в соседний Кашин, где и умер в 1607 году «в великой бедности и покоится за городом в прекрасной для гулянья березовой роще»[741].

13

В послах к цесарю Рудольфу II в Прагу летом 1599 года отправился дьяк Афанасий Власьев. Он провел успешные переговоры о союзе между двумя государствами, подкрепив их декларацией о совместных действиях против турок и их вассала — крымского хана. Посольский дьяк привез также заказ царя Бориса Годунова на изготовление новой короны императорского типа. Но, пожалуй, одним из главных поручений послу Афанасию Власьеву было проведение переговоров о возможной женитьбе эрцгерцога Максимилиана или другого принца дома Габсбургов на царевне Ксении[742].

14

Вторым воеводой большого полка был Осип Тимофеевич Плещеев, передовым полком командовали князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский и Иван Осипович Полев. Еще один, сторожевой, полк был придан им с Терки; им командовали воеводы Петр Петрович Головин и князь Владимир Васильевич Кольцов-Мосальский[743].

15

Переписку по этому делу послы вели с дьяком Посольского приказа Афанасием Власьевым. Гонцы ездили из Грузинской земли на Терки, Астрахань, далее по Волге до Нижнего Новгорода и оттуда на Владимир. Однажды во Владимире вскрыли грамоту, на которой было помечено, что она относится до «тайных дел», переписали ее и послали в Москву, оставив подлинник у себя в приказной избе (это было обычной практикой, если существовала опасность конского падежа или морового поветрия). В ответ владимирские воеводы Андрей Игнатьевич Вельяминов и Яков Молвянинов едва не были обвинены в «воровстве» и получили гневную отповедь. Из Посольского приказа им была послана грамота от имени самого царя Бориса Федоровича: «И вы, бл…ны дети, страдники и глубцы, делаете не гораздо. Как вы, деревенские мужики, смеете без нашего указу такие наши тайные великие дела розпечатывати и переписывати. А на тех делех Михайло подписывал имянно, что тех наших таийных дел без нашего указу не честь; а вы чтете и переписывает невесть хто». В случае если бы тайна дипломатической переписки открылась, воевод ожидала смертная казнь: «толко то наше дело… пронесетца, и вам за то быть кожненым смертью»[744].